КИТРА

147\2 Избранная

Annotation

Вы читали книги о девушках, которые попадали в другие миры? Переселялись в тела принцесс, драконов, ведьм, карликов (это когда такое было?) или приходили своей собственной персоной? Не обошла и меня участь попаданки. Да только, прежде чем дать все полагающиеся «плюшки», меня направили в Центр для подготовки Избранных. Вместе со мной еще сто сорок семь попаданок и, почему-то, именно мне не могут найти мир для спасения!

- ЧАСТЬ I
- Часть II
- ЧАСТЬ III

ЧАСТЬ I
ЖРЕБИЙ БРОШЕН

ПРОЛОГ

Мое имя и род деятельности значения не имеют. Семейное положение: есть свой кот. Звезд с неба не хватаю. Периодически счастлива. Временами депрессивна. Статус: все как у всех. Интеллект: достаточно высокий, чтобы получить высшее образование, достаточно низкий, чтобы выучиться на нелюбимую профессию.

Я — избранная. Пока с маленькой буквы, но так я еще с драконами не сражалась, великих тайн не открывала и мир не спасала. Жила себе никого не трогала, в аферы не ввязывалась, шифрующихся колдуний не злила, старинных книг не трогала, на Крещенье в прорубь не прыгала, под машины не попадала, чужих мужиков не уводила.

Хотела ли попасть в другой мир? Честно? Как в книгах — хотелось, а как реально — нет. Я себя знаю: сдалась бы при первых трудностях. Легкий ветерок — и я с простудой. Один порез — заражение крови. Бандиты на дороге — и, вот я, валяюсь в канаве с перерезанным горлом. Нет, это не пессимизма. Просто в двадцать девять лет я знаю все свои достоинства и недостатки. На лошадях ездить не умею, иностранными языками владею только с переводчиком (и не с гуглом, а с настоящим живым переводчиком), не танцую, не пою, мечом не машу, из лука не стреляю, крестиком не вышиваю. Со спортом на «Вы», с выживанием в диких условиях на «переключу-ка лучше на сериал».

Что умею? Машину неплохо вожу. Но что-то подсказывает, в среднестатистическом мире магии это не пригодится. Это вообще ни в одном другом мире не будет полезным. Скажем так, выезжая заграницу, водительское мастерство уже подвергается сомнению, что говорить о средневековье?

Итак, для другого мира я бесполезна. С вражиной не повоюю, из экономического кризиса королевство не вытащу. А если не самой? Если вдохновить кого на подвиги? Влюбить в себя местного принца, могучего война или злобного некроманта. Ха! Будем честными, искусство флирта — это прям совсем не мое. Умей я лихо крутить

мужиками, уже была бы замужем. Или лежала на шелковых простынях, заколотая из ревности.

Встает закономерный вопрос: какого же черта, со своей совершенно серой и невзрачной личностью, скучным прошлым и скептичным настроем, я смею зваться избранной? Легко! К моей униформе, состоящей из длинного коричневого платья и кофейного цвета передничка, пришпилен значок с надписью «Избранная 147/2».

А теперь давайте поподробнее…

— 1 -

Переход в другую реальность оказался до невозможности простым и банальным. Складывалось впечатление, что проработав похищение ста сорока семи девушек, у организатора проекта «Каждому миру по «избранной»» закончилась фантазия. На мне реально схалтурили. Легла я спать дома в пижаме, проснулась в униформе, посреди темного зала с мраморным полом и светящейся ямой.

— Осознанное сновидение, — предположила я, разглядывая свои руки. — Кастанеда мне в помощь, что дальше-то делать?

По залу-пещере гулял сквозняк. Глаза приходилось щурить от нежно-голубого света, что шел из огромной ямы. А перезвон мелких колокольчиков, непривычно резал слух.

— Как в жизни, — поежилась я. — Чересчур осозналась, наверное.

Ощущения были и впрямь, как в реальности. Мыслила работали связно. Я очень четко помнила, как перед сном расправляла постель, ставила будильник на утро, мазала руки кремом.

— О, собрание уже закончилось? — прогрохотал голос из ямы, что расположилась посередине зала.

Я подскочила на месте. На всякий случай сжала руки в кулаки, готовая в любой момент продемонстрировать технику борьбы из неудачных дублей фильмов с Джеки Чаном. Не дождавшись обидчиков, вытянула шею, разглядывая, что прячется в провале, где обрывался земляной пол.

— Какое собрание?

— Ты из какой группы? — заволновался голос из ямы.

— Не из спасательной. Вы там застряли? — крикнула я в сияющую пустоту. Слепящий свет исходил от кристаллов, уходящих

глубоко вниз. Почувствовав себя глупо, я присела на колени. Провела рукой по блестящей россыпи камней. Острые! — Помощь нужна?

— Нужна, — ответила яма, обращаясь уже не ко мне. — Дорогой мой Лёша, ты никого не потерял? Подойди-ка на центральную точку сбора. Код Зеленый. А ты дитя, не паникуй.

— Я не дитя, — отчего-то обиделась. — Молодая, свободная, самодостаточная девушка — да, но точно не дитя. И я не паникую.

— Как будет угодно, — вполне добродушно ответила яма.

— Там где-то установлен динамик? Меня снимают? — завертела я головой. Пускай во сне не должно быть все логично, я не теряла надежды разгадать тайну говорящего провала. Мне утром этот сон еще маме для толкования пересказывать. — Или вы невидимка?

По полу загрохотали шаги. Из темноты зала-пещеры выскочил молодой, симпатичный парень с взлохмаченной прической. Младше меня лет на десять и с доброй располагающей улыбкой. Его одеяние прямо-таки издевалось над моим чувством стиля. Сапоги до середины бедра, хлопковые штаны, красный жилет и белая рубашка с рукавами-воланами. Этакий камер-паж. Привет из девятнадцатого века, короче, и, судя по наливающемуся под глазом синяку, из девяностых тоже.

Я оценила приятное видение, но от мысленного зубоскальства не удержалась.

Подсознание намекает на отсутствие в реальной жизни личного аспекта? Мало того, что все вокруг достали, так и ты предатель туда же!

— Простите, — камер-паж растерянно замер. — Опять три за раз и все по разным точкам. Только закончил. А вы… эээ… — он вытащил из-за пазухи блокнот. Перелистнул пару страниц и неловко потоптавшись на месте, спросил: — Где я вас подобрал? Сами понимаете, всех запомнить не могу. Пока не могу. Будет замечательно, если вы назовете свое имя. Еще лучше, если номер прибытия.

— И вот мне стало скучно, — фыркнула я. Должно быть этот кусочек подсознание взяло из вчерашнего дня, где мне оформляли страховку. — Ненавижу тягомотину.

Подойдя к молодому человеку, вырвала у него из рук блокнот. На страницах в клетку разместился нечитаемый список неизвестных символов. Непонятные каракули занимали половину блокнота и совсем не напоминали письменность родного мира.

Чему удивляться? Во сне невозможно ничего прочесть, а если удается вызволить знакомые буквы, то при повторном прочтении они превращаются во что-то иное. Безнадега и трехцветная радуга, скорее бы меня засосало обратно в сюжет сна, а то вдруг еще не высплюсь.

— Код Зеленый, Лёша, — укоризненно повторила сверкающая яма. — Изъятие произошло в автономном режиме. Опять сбой в формирующих элементах. Должно быть, гроза продолжает бушевать между мирами.

— Лёша? — переспросила я. Вошедший напоминал какого-нибудь Ванюшу, Елисея или Ефрема, но точно не Лёшу.

— Вообще-то, Ле'ахеш'иарс'ту, — то ли представился, то ли проклял парень. — Прибывшие для простоты зовут Лёшей. Прицепилось намертво. Но если дикция позволяет…

— Лёша, так Лёша, — согласилась я, возвращая блокнот. — Че сразу угрожать-то?

Парень юмора не оценил. Вздохнул и покачал головой.

— Вечно с вами одни проблемы. Ладно, номер эээ… — Лёша черканул на листке пару строк, — номер сто сорок два.

— Сто сорок два уже есть, — пронесся гул по пещере. — Сто сорок три тоже, как и сто сорок четыре.

— Сто сорок пять? — ничуть не смутился встречающий.

— Все есть, — подтвердила яма. — Только что проверил. Все сто сорок семь. Код Зеленый, пункт предпоследний. Автономное изъятие.

— Неужели опять? Лишь бы Клод не…

— Вы не переживайте, — перебила я его, разворачиваясь в ту сторону, откуда явился труднопроизносимый парень. Не торчать же в пещере до победного. Холодно и промозгло. А где-то вдалеке мерцает свет и выход наружу. — После ста сорока семи еще куча цифр есть: двести восемь, триста пять. А еще есть дроби, если целых чисел не хватает.

Ступая на сырую тропинку и придерживая подол неудобного платья, я направилась к просвету.

— Не может быть других цифр! Это плохо! — прокричал Лёша, не догоняя и не останавливая меня. — Сто сорок семь и ни одной больше. Таковы правила! Таков порядок!

Я махнула рукой. С вами, конечно, приятно ребята, но у меня еще целый сон впереди.

— 2 —

На каменных неровных стенах, покрытых слизью и мхом, светилась голубоватая пыльца. Под ногами хрустели мелкие камушками, где-то слышался плеск воды. Из приближающегося проема лился белоснежный, искусственный свет, что бывает в операционных.

— Глупое подсознание, — потерла я ободранную ладошку о фартук, после того, как в очередной раз поскользнулась на камне и едва не проехалась носом по сырой земле. — Снизь настройки графики, я столько не вывожу.

Выйдя из пещеры, я попала на простирающуюся до горизонта зеленую поляну, усыпанную полевыми цветами. На аккуратно подстриженной траве, группками расположились девушки. Это напоминало пикник, но без детей, парней и пожилых людей. Возраст девушек варьировался от школьниц старших классов до студенток последнего курса. Нашлись дамы и постарше, но они занимали очень незначительный процент. На каждой из присутствующих коричневая униформа — копия моей.

Я подняла голову вверх и увидела пустое голубое небо без облаков и солнца. И все же было светло как днем.

Я побрела к основной массовке. На импровизированном пьедестале, где стояла кафедра — единственный объект человеческого творения, народ засуетился. И было отчего. На возвышенности появился человек в балахоне. Лицо скрывалось под капюшоном, но фигура точно принадлежала мужчине.

— Итак, все в сборе? — он оглядел присутствующих, заметил трех девиц, неуверенно мнущихся в сторонке, и указал им на места справа от себя. — Сядьте пока здесь, потом найдете свои группы.

— Я не понимаю, — жалобно проскулила одна, обнимая себя руками. — Что происходит? Где мы?

— Тише, сейчас все узнаем, — успокаивала вторая со строгим пучком на голове и очками-бабочками. Она помогла девушке дойти до указанного места и усесться на мягкую траву. Последняя пришедшая (подросток лет шестнадцати) послушно следовала за ними. На ее лице не было ни кровинки. Она как сомнамбула двигалась по поляне, явно прибывая в тихом ужасе.

— Это сон, — неуверенно повторила себе я, продолжая поражаться реалистичности происходящего. На всякий случай даже поднесла руку к лицу и дважды пересчитала на ней пальцы — их было пять. Во сне, вроде, должно быть по-другому. Разве нет? Надо было дочитать ту статью, а не кликать на перекрестную ссылку.

Заинтересовавшись местным собранием, я направилась к главному вещателю. Пристроившись в сторонке поближе к новеньким, я приготовилась внимать истине своего подсознания (Это же мой сон, верно? Вдруг выигрышный лотерейный билет подскажет или куда закинула новые перчатки). Сложила ноги по-турецки и, поставив локоть на коленку, подперла подбородок.

— Меня зовут Клод, — представился мужчина.

«Ага, — поняла я. — Это из недавней рекламы. Увидела актера, а мозг, наконец, вспомнил, как же его звали».

— Большинству из вас уже известно, для каких целей вас изъяли из родного мира и перенесли в Центр, — вверх взметнулись руки. — Да, номер четырнадцать?

— Центр чего?

— Центр всего, — монотонно пояснил мужчина. — И ничего одновременно. Оставим вопросы на конец, иначе никогда не закончим, — номер четырнадцать — блондинка, с хорошо уложенной прической и кукольным личиком, недовольно нахмурилась. Человек продолжил: — Неважно, каким образом вы покинули свой мир, важно, для каких целей. Для каждой из вас — ста сорока семи достойнейших — приготовлена великая судьба. Судьба Избранной. Вам предначертано спасти мир и в награду обрести свое счастье.

Я глупо хихикнула. В молчаливой тишине смех прозвучал громко и высокомерно. Говоривший повернулся ко мне, и я не сдержала вскрика.

Это был не человек.

То есть, выглядел он как человек, а точнее, как статуя человека. Лицо и руки, виднеющиеся из-под балахона, покрыты металлом. Как будто он железная скульптура: сбежала из музея арт-искусства и решила провести лекцию.

— Я сказал что-то смешное, номер… — статуя неуклюже склонила голову, пытаясь что-то разглядеть. — Где твой значок?

Я огляделась. У всех вокруг, кроме меня, к воротничку был приколот желтый кругляшек, который вначале я приняла за смайлик. На них светились цифры. У той девушки, что входила в тройку последних, светилась цифра сто сорок семь. Всколыхнулись дурные мысли: как я смогла определить во сне чей-то номер?

Проведя ладонью по гладкой траве, я глубоко вдохнула запах свежего воздуха. Капельки пота скопились на лбу и кончике носа. Ужас холодной иглой вонзился в сердце, да так, что пробрало до самых костей.

— Где твой значок? — угрожающе повторил мужчина-статуя. — Я тебя не помню. А я вытаскивал все жребии.

Я подскочила на ноги, неловко путаясь в слишком длинной юбке.

— Что происходит? Это не сон? Кто вы все такие? — я попятилась назад.

— Вот что значит «замедленная реакция», — послышался смешок из толпы.

— Альберта, — цыкнули ей в ответ.

Мне же было не до смеха. Эйфория от сказочности происходящего прошла, и я твердо ощутила на своих плечах тиски реальности.

Я должна быть на работе! Мне кредит сегодня гасить! Кто покормит кота? Куда делась моя любимая ночнушка?

За одним смешком последовало еще несколько. Черные складки балахона упали на траву: Клод сошел с пьедестала и теперь угрюмо наступал на меня. Я продолжала тупить. Мужчина выхватил из-за спины меч, на пробу рассекая воздух.

— Нарушитель! — громогласно возвестила статуя. — Тебя прислал Враг, чтобы внести смуту в наши ряды? Знай же, отродье, тебе не поколебать сердца избранниц судьбы, и план твой обречен на провал.

Не успела я опомниться, как его меч взмыл вверх.

Я ахнула. Девицы в первых рядах вскрикнули. Номер сто сорок семь пнула меня под коленку. Я повалилась назад. Лезвие пронеслось перед носом, срезая прядь волос. Я плюхнулась на копчик.

Не обнаружив покатившийся по поляне головы, статуя нерешительно замерла.

— Стойте! Стойте! — со стороны пещеры несся Лёша, очень не по-мужски срываясь на девичий крик. — Всем успокоиться! Не поддавайтесь панике! Она не нарушитель.

— Ле'ахеш'иарс'ту? — произнес Клод так гладко и чисто, будто имя не обладало силой сломать язык сразу в шести местах.

— Она не… не… эта… — парень остановился, переводя дыхание. — Не… наруш… короче… она не она. Уф, — втянул глубоко воздух. — Она объявилась в зале Атроса. Он утверждает, что ошибки нет. Девушка — Избранная.

— Избранная кем? — деловито уточнил Клод, зыркая пустыми глазницами. — Врагом?

— Че сразу врагом? — обиделась я, потирая ушибленный копчик. — Почему не свободным народом многонациональной страны? Муниципалитетом. Общим собранием собственников многоквартирных домов. Давайте рассмотрим все варианты!

— Нами избранная, — пояснил Лёша. — Избранная, но, как оказалось, неучтенная.

— Избранных не должно быть больше ста сорока семи. Ровно сто сорок семь и ни единой больше!

Снова — здорова! А сто сорок восемь? Я что, в мире, где после энного количества чисел заканчивается вселенная? Что за «цифирная» дискриминация и нетерпимость количественных числительных?

О да, до меня, наконец, дошло, что я не в центральном парке родного города и не в эфире программы «Розыгрыш». Меч, срезавший мне пару локонов, и подаривший косую челку, что придется отращивать еще пять лет, вовсе не являлся бутафорским. А говорящая статуя не тянула на мима в серебристой краске. Эта штука была реальной статуей!

— Ну, да, — замялся мой спаситель. — Поэтому, вот… — он неуклюже протянул желтый значок. На глянцевой поверхности проступил номер сто сорок семь дробь два.

— 3 —

Есть другие миры: сказочные, фантастические, мистические, с феями, с демонами, с нечистью и другой живностью на любой вкус. Хочешь — средневековье, хочешь — восемнадцатый век с балами и маскарадами. Подземные царства, парящие в облаках города,

разрушенные апокалипсисом миры. В общем, есть все. Каждый мир по-своему прекрасен и уникален.

И нуждается в спасении.

— Спасение мира? — спросила я. — Это шутка такая? Вместо роты солдат или артиллерии, вы собрали кучку девчонок? Где это видано, что бы на дракона отправляли принцессу? Я, конечно, за равноправие полов, но это, дорогие мои, абсурд.

Статуя потерла большим и средним пальцем переносицу, словно у нее разболелась голова. Словно у монолитного куска металла может начаться мигрень.

— Таков порядок. Есть сто сорок семь медленно угасающих миров и есть сто сорок семь Избранных, что определены жребием. На каждой из вас лежит великая миссия — спасти свой собственный уникальный мир, а вовсе не скопом врываться в один, размахивая мечом, автоматом или зенитной боеголовкой. А для того, чтобы повысить ваши шансы, существует это место.

Продолжить Клоду не позволили. С разных сторон посыпались вопросы. Мужчина отвечал скучным и монотонным голосом, будто слышал их сотый, тысячный, миллионный раз. У девушек скопилось уйма вопросов. А я сидела, как громом пораженная, выхватывая фразы статуи из общего шума.

— Нет, это не шутка.

— Нет, нас не могут отправить домой.

— Нет, нельзя позвать с собой подругу из Саратова, Ужура, любого другого города, поселка или страны.

— Нет, мужчину в напарники не дадут.

— Нет, передать записку маме нельзя.

— Нет, после, вас домой тоже не вернут. Зачем? Вам не к кому возвращаться. Ваша жизнь серая, убогая и полна разочарований. Вас никто не ждет.

После этого все резко замолчали. На лицах избранных отразилась грусть.

— Вы ошибаетесь, — черноволосая девушка уверенно встала во весь рост. — Не знаю, как остальные, но я нахожусь в счастливом браке. У меня любящий супруг и сыну четыре годика. Своя кондитерская в центре города. Родители завтра серебряную свадьбу отмечают. Мне есть куда возвращаться. Ваша избранность — это

какая-то мерзкая афера! — она отцепила значок и бросила его на траву, под ноги статуи. На желтом кругляшке обозначилась цифра восемьдесят семь. — А посмотрите на остальных: больше половины подростки. В этом возрасте любому жизнь покажется несладкой. Проблемы с родителями, с одноклассниками, с принятием себя и своего тела. Вы играете на их комплексах и неуверенности.

Вслед за брюнеткой еще несколько девушек, покидали свои значки на поляну.

— Она права, — поддакнула ей номер сто сорок семь. Ей, как и мне, шел третий десяток.

У меня, конечно ни мужа, ни детей, но мысленно я с бунтаркой согласилась. Спасение мира я уже не потяну. Пришли бы лет семь назад, когда я один экзамен за другим валила, тогда бы я еще задумалась. А теперь-то какой смысл? Родители, кот, кредит за новый телефон.

Камер-паж глянул на значок черноволосой и принялся сверяться с любимым блокнотом. Его напарник медлить не стал.

— Сейчас все так и есть, — подтвердил Клод. — Квартира, машина, свой бизнес, счастливая семья. А через месяц квартира сгорит, страховщики откажутся выплачивать компенсацию, партнер по бизнесу кинет, машину за долги заберет банк. Переедете к родителям. Тут-то и настигнет кризис отношений. Вы устроитесь на низкооплачиваемую работу. Совсем себя забросите. Перестанете за собой следить. Начнутся постоянные ссоры. Муж уйдет к любовнице, а через год лишит вас родительских прав. То же самое касается и остальных участниц. Вас призвали потому, что вы обречены на горькую безрадостную жизнь. И если на момент вашего извлечения жизнь казалась прекрасной и сладкой, это означает лишь то, что вас забрали раньше, чем трагедия сломала вас.

Возмущенный ропот стих, но номер восемьдесят семь не сдавалась.

— Я вам не верю! Я вижу вас первый раз в жизни. А с мужем знакома с института. Он так со мной не поступит. Ваши слова — гнусная ложь.

Статуя словно ждала прозвучавшего возражения. С грацией, недоступной самой профессиональной гейше, Клод оказался возле брошенного значка. Подобрав кругляш, он направился к разозленной

бунтарке. Примятые травинки под его стопами сразу выпрямлялись обратно, будто тяжелая поступь стокилограммового мужчины была для них легким ветерком.

Девушка смотрела на него с вызовом. Где-то в глубине души я завидовала этой смелости. Мне бы не хватило духу противостоять существу, что вытащило меня из дома и перетащило сюда. Видимо, поэтому я не вошла в натуральные числа межпространственных похитителей, и осталось жалкой дробью.

— Возьми, — протянул он ей значок. — Я докажу, что говорю правду.

Владелица кондитерской сжала ладонь, принимая обратно холодный металл.

— А теперь назови свое имя.

Девушка, что сидела рядом со мной и которую все это время успокаивала сто сорок седьмая, жалобно всхлипнула. Я сама почувствовала, как напрягаюсь под голосом статуи.

Бунтарка оглядела толпу, продемонстрировала всем, что значок у нее в руке и громко произнесла:

— Ангелина.

Ничего не произошло. Кто-то рядом со мной шумно выдохнул.

— Полное имя.

— Ангелина Романовна Тимьянская, — смело произнесла избранная. И хотя она закончила предложение, казалось, что в конце голос оборвался. Ее руки задрожали. Девушка опустила взгляд на ладонь и ее глаза потухли, как выключается лампа в квартире поздней ночью, когда в огромном многоэтажном доме исчезает последнее окошечко света.

Две долгих мучительных секунды она стояла подобно библейскому соляному столпу, потом ее ноги подкосились, и Ангелина бухнулась на колени. Ее руки взметнулись к лицу. Девушка склонила голову, резко вдохнула сухой воздух ненастоящего мира и зарыдала, заливаясь слезами.

— Что вы сделали? — воскликнула номер сто сорок семь, опасливо косясь на свой брошенный значок. Я, на всякий случай, отдернула руки от своего. Мало ли.

— Ничего, — спокойно ответила статуя, будто только что не превратила серьезную уверенную девушку в жалкий всхлипывающий

комок отчаянья. — Она увидела свое будущее. Как я упоминал, вас выбрали не просто так, а по серьезной причине. Вы можете узнать ее, если дотронетесь до значка и назовете свое полное имя. Но! — он предупреждающе поднял палец вверх. — Это не кинофильм и не дешевый трюк. Вы переживете и прочувствуете все на своей шкуре так, будто это произошло на самом деле. Полную гамму эмоций тех событий, что ждали вас в недалеком будущем.

Послышался ропот, но желающих назвать медяшке свое полное имя больше не нашлось.

— Те, кто еще не нашел свою группу, у вас пять минут и расходимся по залам, — статуя развернулась и неторопливо поплыла в сторону пещеры. Камер-паж ковылял рядом, эмоционально жестикулируя руками.

— 4 —

— Группу? — нахмурилась номер сто сорок семь, провожая статую взглядом. — Эй, погодите!

Девушка припустила по траве вслед за удаляющейся парой.

— Если мы такие избранные, то что за хамское к нам отношение? — разорялась неподалеку блондинка под номером четырнадцать. — Как будто это я к вам за милостыней пришла, а не вам требуется, чтобы я спасла мир! Лёша, что за дела?!

— Девчонки, кончайте балаган, — постаралась ее перекричать другая девица с ярко-красными волосами и пробивающейся из-под воротничка татушкой. — Хватит шуметь.

— Кто назначил тебя главной? — взорвалась блондинка, найдя жертву для невыплеснувшейся агрессии.

Слушать продолжение скандала я не стала. Толпа из ста сорока семи очень быстро разбивалась по шесть-семь человек. Я могла опоздать.

Мне требовалась группа со здравомыслящим лидером. К двадцати девяти годам знаешь большую часть своих достоинств и недостатков. Нет ложной скромности или «розовых очков». Я не обладала лидерскими качествами. Я не могла бы повести за собой толпу или вдохновить кого-то на подвиг. Не зря же я щеголяла дробью, а не целым числом.

Я обратила взор на те компании, где имелись начальные цифры. Девушки, из первой полусотни прибыли раньше, а значит, имели

информации немного больше. Кто знает, почему нас вытаскивали в таком порядке? Может, номер один и в жизни номер один, а все последующие — ее жалкие подражатели?

— Эм, привет, — поздоровалась я, останавливаясь у обособленной ото всех компании. Четыре пары глаз оценивающе уставились на меня, заставляя почувствовать себя неуютно. — Под каким лозунгом собрались? — пошутила я.

На каменных лицах не дрогнула ни одна мышца.

— Привет, — смерила меня взглядом Избранная с гладкими ламинированными волосами. — Я — Васелина. Можно просто Селина.

— Степанида, — поздоровалась вторая. — Друзья зовут меня Нита.

— Клавдия, — вставила третья. — Или Ди.

— Альберта. Аля.

— Охренеть, — с чувством высказалась я. — Но можно просто Аня.

Девушки синхронно переглянулись.

— Аня? — переспросила первая таким тоном, словно я назвалась не иначе как Царицей Савской. — Как Аннет или Анабель?

Я покачала головой. Девушка закатила глаза.

— Прости, но тебе следует поискать другую компанию.

Я не стала спорить. Отойдя на несколько шагов, за спиной послышался смешок одной из красноименниц.

— Боже, я так устала им по сто раз объяснять, — вздохнула ее подружка.

Я поморщилась. Почти ведь забыла, каково это бывает: быть обсмеянной кучкой недалеких девиц.

«Без паники, Аня, — приказала я себе. — Никто бы не смог собрать в одном месте сто сорок семь стерв одновременно. Это же не кастинг на тв-шоу».

Я заставила себя направиться к следующему кругу ада.

Знакомство с группой самоубийц, на удивление, оказалось более позитивным. Девушки прибыли в Центр сразу после смерти. Они до сих пор считали, что это загробный мир, и все мы мертвы. Мол, они ушли из жизни добровольно, а остальные в следствии несчастного случая или еще чего. Разношерстная группа из парочки школьниц,

студентки с неразделенной любовью, домохозяйки и жгучей брюнетки-танцовщицы, посочувствовали и пожелали мне удачи в дальнейших поисках.

— Если вспомнишь, что сама себя убила — возвращайся к нам, — дружелюбно предложила девчонка, что младше меня раза в два. — Может, твой мозг блокирует память о том событии. Такое часто случается.

Следующая группа обсуждала цыганку, с которой столкнулась каждая из них. В одном случае неизвестная женщина выступала с проклятьями, а в другом, наоборот, обещала неожиданную награду. Что неудивительно, цыганку эту повстречали в одном и том же городе на железнодорожном вокзале. Сами девушки между собой не были землячками. Кто проезжал мимо, кто в гости к родным, кто поступать, кто на новую работу. Я, цыганок, колдуний, волшебниц, хиромантов и прочую мистическую тусовку, видела только по телевизору, и из них всех, лично мне и еще одной двенадцатой населения всего Земного шара, обещали, что дела будут складываться весьма позитивно, если сохранять внутреннее равновесие, и что-то там про удачный транзит для смены работы. Этого оказалось мало, чтобы попасть в тусовку посетительниц железнодорожного вокзала.

Отпали и следующие две, где ключевую роль играла аномальная пигментация оболочки глаза, она же гетерохромия, а так же, необычные цвета радужки: почти черные, сиреневые, красные, ярко-золотые. Пролетела я и с группой рыжих. Оказалось, недостаточно красить волосы оттенком «красное дерево», чтобы зваться ведьмочкой их круга. Не подошла мне и группа приемышей, как обозвала их номер девять из группы разведенок.

Ища пристанище, я натолкнулась на внезапно сформировавшихся «венценосных» — сбежавших из-под венца, почему-то организовавших бойкот мамашам — девушками, у которых остались дома дети.

— Здесь есть где-нибудь обычные? — взмолилась я, возвращаясь к тому месту, с которого начала поиски. — Или любители домашних животных? Фанаты телефонов, которые нельзя себе позволить?

Я почти представила, как иду к Лёше и жалуюсь, что меня никто не взял в свою команду. Прямо, как в школе, когда на физре все разбиваются по парам, а ты остаешься в сторонке. Неужели и сейчас

мне предложат посидеть на скамеечке и посмотреть на игру? Или помыть полы в раздевалке. Ох, только бы не полы…

— Эй, дробь два! — окликнули меня. — Ты с нами?

— Что? — не сразу врубилась я, замирая на месте.

Номер сто сорок семь скрестила руки на груди, с вызовом глядя на меня. Позади нее мялась девочка-сомнамбула и полноватая дама лет за сорок. Непривычным островком в собравшейся компании оказалась номер четырнадцать. Она совершенно не вписывалась в разношерстную компанию, и больше бы подошла группке роскошных блондинок, что осталась позади.

— С вами, — быстро согласилась я.

Сто сорок семь сжала кругляш со своим номером и четко произнесла:

— Клод, группа укомплектована, — последовала тишина. Девушка нахмурилась, потом покачала головой. Ее глаза застыли, как бывает у людей, разговаривающих по телефону. Но ответа Клода я не слышала, как и остальные члены свежесформированной группы. Мы молча глазели на новую знакомую, пока та таращилась в пустоту. Это длилось пару минут, пока номер четырнадцать не открыла рот, чтобы вставить пару слов. — Нет, нас пятеро. Номер четырнадцать, сто один, сто девятнадцать, сто сорок семь и сто сорок семь дробь два. Нет, ничего общего. Но я уверена, мы сработаемся, — она повернулась в сторону пещеры, из которой я пришла и начала искать что-то взглядом.

— Указатель, — металлический голос резанул по ушам. Я подскочила на месте, девочка-сомнамбула взвизгнула, полноватая дама схватилась за сердце, номер четырнадцать состроила неприязненную гримасу. — Тропа приведет вас к тренировочному залу. Ответвлений от нее нет, так что не потеряетесь.

Звенящая вибрация стихла и лишь после этого я осознала, что голос шел не из потайного динамика в значке, а звучал прямо в голове.

Номер сто сорок семь поправила очки.

— Нас соединили. Теперь если Клод будет разговаривать с кем-то из нас, это будет слышать вся наша группа. Видите тропинку? — указала она на извилистую дорожку, змейкой взбирающуюся вверх по поляне.

Девочка-сомнамбула ахнула: над пологим холмом возвышалась горная гряда, уходящая остриями пиков ввысь. Островки зелени

гнездились на суровых вершинах, словно мхом покрывая сказочные творения опасной красоты.

— Господи, — вздохнула я, глядя на суровое великолепие природы. Пик моей физической подготовки приходился на третий класс, когда мы с родителями каждые выходные ходили в поход. — Если это не шутка, то я бы не отказалась от суперсил или какой-нибудь магии прямо сейчас. Магия воздуха. Хочу быть магом воздуха. Где расписаться, чтобы почувствовать в себе невиданные ранее способности, которых никогда не было, но в глубине души знала, что они существуют?

— Тс-с-с, как зачастила, — блондинка выдвинулась вперед. Ей не понравилось, что сто сорок седьмая первая вышла на контакт с Клодом, ненавязчиво давая понять, кто в команде лидер. — Мультиков пересмотрела? Магию раздает Лёша, и кроме как под его присмотром ее использовать нельзя.

— Магию раздают? — заинтересовалась девочка-сомнамбула, она же номер сто девятнадцать.

— Вам не сказали? — обрадованная, что в центре внимания, блондинка жеманно повела плечиками. — Ну да, вас же последними вытаскивали. Мы все избранные, но не все особенные. У нас нет магических способностей. В нашем мире вообще магии нет. Ну, то есть как нет, существует что-то, но это как сравнивать Копи Лувак и растворимую жуть «три в одном» (прим.: Копи Лувак — один из дорогих сортов кофе).

Все многозначительно покивали головой, а я с тоской подумала, что мне нравится кофе «три в одном». Я бы за него сейчас многое отдала. А судя по предстоящим испытаниям, через пару месяцев отдам еще больше. Жаль, что никто обмена не предлагал.

Незаметно для самих себя, мы пристроились за четырнадцатой. Она шла впереди, продолжая рассказывать разные мелочи о мироустройстве. Тропинка виляла, огибала вход в пещеру и уходила вправо, теряясь за поворотом и каменными глыбами. Я рассматривала безмятежный неестественный пейзаж, и давила в себе мысли о душащей безнадеге.

Я не могла поверить, что это все. Что нет пути домой, и я застряла в вечной неизвестности. Нельзя же просто так взять и забрать человека. Кто им разрешил? Должны же быть какие-то правила. Закон

о миграции иномирных граждан или о защите прав переселенцев из мира без магии. Возможность связаться с посольством или с представителем родного мира.

Я посмотрела на безоблачное и бессолнечное небо, на рассеянный свет, на свою группу, с которой предстояло провести ближайшее будущее, и окончательно поникла. Остальные выглядели так, будто смирились с мыслью невозможности вернуться домой. Будто не понимали, что больше никогда не увидят родных, не посидят в любимом кафе, не прогуляются по местам детства, не сходят на встречу выпускников, не откроют книгу, которую давно хотели прочитать, но руки никак не доходили.

«Нет, — решила я. — Не буду на них ровняться».

Если их так напугало представление с Ангелиной и ее будущим — их дело. А я не верю, что судьбу нельзя изменить. Не верю, что все предрешено. Даже если Клод говорит правду, и дома ждут страдания — пусть так. Я справлюсь. На зло им проживу свою жизнь долго и счастливо! Запишусь на женские курсы, научусь танцевать, подниму самооценку, встречу приятного мужчину и его тоже сделаю счастливым. Выкуси, Клод!

Решено. Как только высвободится минутка — вернусь к говорящей яме и заставлю отправить домой.

— 5 —

Я поравнялась с полноватой дамой. В коричневой униформе она напоминала повариху из старых советских столовок. Не хватало только чепчика и поварешки. Женщина представлялась в клубах пара, звенящая кастрюлями и бранящая младших помощниц. Из-за яркого, нелицеприятного сравнения стало неловко.

— Меня зовут Аня, — представилась я. — Просто Аня.

— Лариса, — улыбнулась дама. — Лариса Понедельник.

— Неплохая фамилия, — хмыкнула я, пытаясь придумать, как дальше поддержать разговор.

— Это не фамилия. Это прозвище. Как прилипло со школы, так до сих пор на мне висит. Раньше обижалась, а теперь даже нравится. Так что не стесняйся.

— А почему «Понедельник»? — не поняла я, прикидывая, что это не самая плохая кличка. Бывали у меня похуже. К счастью, остались

они в глубоком детстве вместе с обидами на тех людей, что мне их дали.

— Понедельник — день тяжелый, слышала такое высказывание?

Я кивнула. Женщина многозначительно обвела руками вокруг своих пышных форм.

— Ааа… — неловко протянула я, вызвав у Ларисы хохот.

— Говорю же, привыкла, — толкнула она меня локтем.

— Как и к избранности? Вы уже привыкли?

— Давай на «ты», — попросила она. — Я, похоже, самая старшая среди ста сорока семи, но старой бабкой чувствовать себя не хочу. Мне, знаешь ли, до пенсии еще восемь лет. Да и после жизнь не кончается.

— Договорились, — я подняла большой палец в знак согласия. — Так ты, правда, веришь во всю эту избранность?

— А почему нет? Мы — не дома. Точно не на планете Земля. Видишь — небо абсолютно пустое. Солнца нет. Тени есть только у растений.

Я отвела руку в сторону — и действительно! — тени не было. Я покрутила ладонь.

Лариса продолжила:

— Вокруг цветы, но все они не по сезону. Есть те, что растут только весной, другие же только летом или поздней осенью. От них идут приятные ароматы, но я не чихаю, хотя жуткий аллергик. Летом от пуха спасу нет: в слезах, соплях и распухшей мордой. И живности нет. Видела хоть одну пчелу или комара? Птицы не летают, муравьи не ползают. Так не бывает.

— Ладно, мы не на Земле, — согласилась я. — Но избранность? Попахивает дешевой бульварщиной и малобюджетным блокбастером. Спасти мир, Лариса! Разве может один человек спасти мир? А если может, то почему в наш мир такого никто не хочет отправить? Несправедливо, не находишь? Они, — ткнула я пальцем назад, туда, где осталась пещера с волшебной ямой, Клодом и Лёшей, — таскают у нас человеческие ресурсы, чтобы спасать миры, о которых никто в жизни не слышал, а что взамен?

— Взамен мы получим лучшую жизнь. Не наш мир, не наша страна, не политическая партия, мэр или начальник, а лично мы. Не так уж и плохо.

Я была не согласна.

— Но нас забрали без нашего согласия! Приличные люди так не поступают.

— Клод не очень похож на человека, — Лариса подобрала юбку, чтобы вскарабкаться на валун. Кряхтя, она уцепилась за выступ и, подобрав ногу, оттолкнулась от соседнего камня. Я последовала ее примеру. Отряхнувшись от каменной крошки, женщина резюмировала: — Лёша, наверное, тоже. Они не люди. Они же ради нас стараются. Могли без подготовки кинуть в другой мир, но нет.

А дальше Лариса рассказала мне то, что я прослушала, пока «знакомилась» с говорящей ямой.

Мы оказались в Центре, чтобы учиться. Когда каждый из нас освоит нужную информацию о своем новом мире: географию, правила этикета, основы языка, техники боя, магию и другие вещи, что будут подобраны для каждого индивидуально, нас перебросят в нужную точку места и времени. Оттуда мы и начнем свой путь по спасению. Есть лишь одно «но!». Память о Центре у нас сотрется, а о всех приобретенных навыках заблокируется до поры до времени. Вот и выйдет, что оказавшись в точке Икс, мы уже будем разговаривать на иномирном языке или интуитивно понимать их речь. Легко освоим «внезапно открывшийся дар». Расплетем хитрые интриги, хотя в реальности не могли найти второй носок от пары. Повстречаем любовь всей своей жизни, хотя на Земле водили романы лишь с одними козлами и изменщиками. А самое главное, мы не впадем в шок или истерику, а примем то, что с нами происходит. Потому что подсознательно мы будем готовы ко всему. Мы даже будем знать, с какими людьми стоит заводить знакомство, с кем дружить, кого ненавидеть и в кого влюбляться.

Подъем становился тяжелее, и Лариса говорила все с большими перерывами и отдышкой. Вскоре замолчала и я. Каждый новый шаг в гору давался тяжелее предыдущего. Иногда, чтобы продвинуться дальше, приходилось карабкаться вверх по уступам. Я в лучшие годы не могла похвастаться прытью, а в платье и туфлях, пусть и на маленьком каблучке, это казалось невозможным. От жалоб и нытья меня останавливало упорство Ларисы, хладнокровно преодолевающей препятствия, оставаясь в благодушном настрое.

«Жду вас через пять минут, — передразнила я мысленно Клода. — А где ждешь-то, на том свете?».

Когда я была готова сдаться и заявить, что догоню всех когда-нибудь потом, блондинка остановилась.

— Мы в высокогорье? — спросила она, ухватившись за камень и помогая себе подняться. — Выглядит как высокогорье, но воздух иной.

— Вы тоже заметили, что здесь что-то не так? — номер сто сорок семь ловко взбежала на каменистый пятачок и остановилась, чтобы подождать остальных. — Выглядит ярко и фантастично, но как-то ненатурально. Эй, тут можно сделать привал.

Я забралась вслед за ней и присела на край валуна. Легкие жгло как после пятикилометрового кросса. Я жадно глотала воздух, насыщенный пыльцой горных первоцветов. Когда в горле перестало першить, я огляделась.

Мы оказались на обзорной площадке три на три метра. Высота кружила голову. Скалы уходили глубоко вниз, теряясь в поле зрения. Земля скрывалась в мутной зелени растений и тумана.

— Мы столько не поднимались, — влезла в мои мысли номер сто сорок семь. Она взяла камушек и бросила вниз. Несколько секунд спустя он пропал из вида, так и не издав шума от столкновения с землей.

— Я нашла вход! — вскрикнула блондинка, напугав Ларису, только-только добравшуюся до перевала. Она истекала потом. Лицо покраснело, а на лбу вздулась венка, но номер сто один упорно держала на лице добродушную улыбку.

Я обернулась на голос, но девушку не увидела. Подойдя к краю площадки, тянущемуся вдоль скалы, я тихо ахнула. Подъем наверх от этого участка становился еще более сложным и крутым, он сужался до минимума, позволяющим пройти только одному человеку за раз и с правой стороны обрывался пропастью. Выше тропинка изгибалась, пряталась за валунами и, наконец, упиралась в небольшую скальную стенку. К счастью, чтобы попасть в тренировочный зал (а мне уже хватило тренировочной тропы), преодолевать этот путь не требовалось. Только пройти узенький перешеек из кошмара акрофоба и сразу откроется незаметный со смотровой площадки, вход в тоннель.

Номер четырнадцать уже стояла у входа, нетерпеливо поглядывая в нашу сторону. Ей очень хотелось быстрее зайти внутрь, но

отправиться в одиночку она не решалась.

— Поторапливайся! — прикрикнула она на меня, заметив, что я застопорилась на месте.

— Не командуй — не главная, — огрызнулась я, почти прилипая к гладкой стене без каких-либо уступов или карманов.

Девушка закатила глаза.

— Тут два шага, чего боишься?

— Умереть раньше, чем спасу половинку своего мира! — мой крик эхом разнесся по долине каменных исполинов. — Не торопи меня!

Блондинка поджала губу и отвернулась.

Я не боялась высоты. Я боялась сорваться и расплющить свои косточки о земную твердь. И чем больше я об этом думала, представляла последствия и смотрела в клубящуюся темноту тумана, тем длиннее и невозможней казался переход.

— Хочешь я пройду первой и подам тебе руку с той стороны? — внезапно предложила сто сорок седьмая.

Я обернулась. Остальная часть группы закончила осматривать достопримечательности и ждала, когда я освобожу путь.

Меньше, чем быть здесь и идти по узенькому переходу, мне хотелось становиться обузой. Поэтому я сделала глубокий вдох, оторвала взгляд от пропасти, и несколько резких шагов спустя, оказалась на другой стороне.

— Клод! — прозвучал в голове голос четырнадцатой. Девушка сжала значок и неприязненно посмотрела, как номер сто сорок семь помогает Ларисе. — Мы на месте.

— Долго, — из темной пещеры показался наш куратор все в том же балахоне. Он медленно ступал по земле и под его ногами отчетливо слышался хруст камней. Должно быть, он действительно был из металла и весил не меньше тонны. — Тридцать шесть минут — это худший результат.

— Мы разве соревновались? — раздраженно спросила я.

Лифт. Тут точно где-то есть лифт или эскалатор! Злобная статуя меня ненавидит, вот и глумиться сразу над всей группой.

— Нет, — и глазом не моргнул он. — Но это должно стать показателем вашей подготовленности на данный момент. И хочу заметить, он далек не только от идеала, но и от нормы. Надеюсь, со

следующим заданием у вас не возникнет столько проблем, — мужчина развернулся и приглашающим жестом указал на вход в тоннель.

— 6 —

Тянулась анфилада залов. Сотни зеркал в человеческий рост отражали наши усталые, измученные и злые лица. Холод подземного коридора разбавляли слабые потоки теплого ветерка. Глаза болели от быстрого мелькания наших платьев, а по ушам бил нестройный цокот сбитых набоек и каблуков. Кофейные переднички измазались в пыли и грязи горных тропинок. Вереницей горничных-служанок из старых фильмов, мы двигались к финальному аккорду сквозного ряда комнат.

— Это ваш новый дом, — вещал Клод, возглавляя нашу колонну. Мы едва поспевали, сбиваясь с шага, и во все глаза, разглядывая каждую пройденную комнату. Они отличались между собой лишь цветом и корявой лепниной. В каждой висело по одному зеркалу, а напротив стояло по пуфику. Больше ничего примечательного. — На время, конечно. Однажды вы покинете его, забудете и больше никогда не вернетесь. Когда произойдет переход в новый мир, зависит только от вашего усердия. Я, Ле'ахеш'иарс'ту и Атрос выполнили нашу часть в исполнении предназначения, теперь ваша судьба зависит только от вас.

— Кто такой Атрос? — спросила наш псевдолидер — сто сорок седьмая.

— Блестящая яма, — вставила я свои десять копеек.

Клод обернулся, чтобы кинуть подозрительный взгляд. Металлические глаза без радужки и белка, моргнули, отражая желтоватый свет настенных свечей. Еще одна странность нового мира: огонь горел, но воск не плавился. Почти как у искусственных свечек из пластика, проводов и батареек.

— Он — не блестящая яма, — проскрежетал Клод. — Он сущность этой реальности. Благодаря ему вы доставлены в целости и сохранности, без травм и искажений. Переместить человека из мира в Центр, в конкретное место и период времени, задача не из легких. Только существо высшего порядка способно овладеть подобным искусством. Попробуй кто-то самостоятельно проделать телепортацию из мира в Центр или наоборот, его ждала бы мучительная смерть или еще что похуже.

— Например? Еще более мучительная жизнь? — предположила я. — Дома, наверное?

— Хорошее предположение, дробь два, но нет.

— Мне не нравится, как это звучит.

В позолоченном зеркале мелькнуло мое лицо искаженное кислой гримасой. Клод не мог этого не заметить.

— Можно вернуться к основам. К чьим корням ты больше склонна? Рати? Рэйсо? Рэйс?

— Рэйс? — повторила я. — Что это значит, и на каком языке? А, нет. Нет! Меня зовут Аня. Анна Викторовна для коллег и начальства. И никак иначе. Это прекрасное имя и я не позволю менять его в угоду чьим-то стандартам.

Тычок от сто сорок седьмой пришелся в спину меж ребер и был достоин кинжала Брута.

— Мы и так худшие в рейтинге, — прошипела она, стукнув два раза по ободку очков-бабочек. — Хватит с ним спорить.

— Но, мое имя!

— Набор букв, — со знанием дела подтвердил Клод. — В новом мире Избранные получают имена привычные для слуха местных жителей.

«Это как с Лёшей, — дошло до меня. — Кроме статуи его никто не зовет полным именем. Даже говорящая яма».

Да чтоб вас!

Я замолчала. Дробь два, так дробь два. Надолго не задержусь в неприветливых краях.

— А где мы будем спать и есть? — жалобно пропищала девочка-сомнамбула. Я могла поспорить, что до этого момента никто не слышал от нее членораздельной речи.

Клод резко остановился и мы, как шли стройным гуськом, так и впечатались друг другу в спины. Удар сто сорок седьмой едва не сбил меня на пол, но стойкая Лариса удержала нас всех на вертикальной плоскости.

— Сначала правила, Избранные. Потом привилегии.

— Сначала кнут, потом пряник, — озвучила мои мысли блонди, вставая в защитную позу. Мы рассредоточились полукругом так, чтобы Клод остался в центре. Темная мантия статуи подрагивала от сквозняка, а металлические руки указывали на единственное из зеркал, что было закрыто бархатной занавеской. Других отличий от пройденных комнат не было. Разве что, она была больше остальных, и

у стеночки стоял ряд стульев. Дальше по коридору простиралась все та же цветастая анфилада.

— У каждой будет отдельные покои. Они будут отличаться между собой. И какая кому достанется — не мой выбор и не ваш.

— Монетку бросим или что? — я начала озираться по сторонам, надеясь, что наши комнаты где-то рядом, а не на расстоянии еще одного кросса на высшую точку Центра.

— Почему мы не можем спать в одном месте? — продолжила Избранная почти беззвучным голоском, забавно вытягивая губы в трубочку. Она напоминала рыбу, молчаливо хлопающую ртом. Я мысленно переквалифицировала ее из девочки-сомнамбулы в просто Сомнамбулу. Сому.

— Можете, но это нарушит процесс обучения.

Сто сорок седьмая наклонилась к моему уху и едва слышно шепнула:

— Когда получим комнаты и Клод уйдет, стащим все кровати или матрасы в одно место.

— Я не хочу спать скопом, как свиньи в хлеву, — услышала нас блондинка. Она заняла место слева от меня.

— Так безопасней, — перегнулась через меня псевдолидер, задевая лицо волосами. Черные неровные пряди давно выбились из пучка и торчали во все стороны. Я фыркнула, сдувая наэлектризованные волоски.

Девушка, конечно, спасла мне жизнь, вовремя убрав с траектории меча Клода, но это не повод совать мне под нос свои лохмы!

Я развела девушек руками.

— Потом поругаетесь. Дайте послушать.

Тем временем очнувшаяся от истерики девчонка, продолжала напирать на статую дрожащим голоском:

— Мы еще увидим остальных?

— Да, во время большинства уроков, подходящих для будущей миссии.

— Например, каких?

— Боевые искусства, верховая езда, основы этикета, пластика.

— Пластика? — хохотнула Лариса. — Серьезно? Будут уроки на пилоне? Давно хотела освоить что-то полезное.

— Избранные, — выставил Клод руки ладонями вперед, и я заметила, что на блестящей поверхности полностью отсутствуют линии. Ни один хиромант не подкопается. Конспираторы, что б их. — Обратите внимание, — он подошел к бархатным занавескам. — Каждое зеркало — это окно в другой мир. Именно через него вы пройдете навстречу предназначению, когда закончите обучение. Но, — он поднял указательный палец, — никаких самоволок. Без помощи Атроса вас расщепит на мелкие кусочки и выбросит из событийной линии. Зеркало — это не только пространственный переход, это еще и цикличный ряд вероятного будущего, — он дернул за золотистый шнур и красные шторки распахнулись. Отражение несколько секунд держало наши фигуры, а потом рассыпалось песчинками. На гладкой поверхности замерцало изображение с 3D эффектом и максимальным погружением. Появился звук. Плеск волн, взволнованное море и слепящее глаза заходящее солнце. Воздух прозрачен и влажен. Лишь золотистая дымка тянется над прибрежными камнями.

Справа, вдали над уступами возвышался одинокий маяк. Нетерпеливые волны бились о его подножье, а за разбитыми окнами сгущалась мрак. По истертому временем и солью камню, ползли иссохшие лозы плюща. Потрескавшаяся линза лежала на полу ненужным хламом, не имея возможности собирать свет. Уныние и запустение съедало покинутую людьми конструкцию. Старый маяк давно не освещал путь проплывающим кораблям.

Пальцы Клода пробежались по раме, задевая изогнутую резьбу. Изображение приблизилось, как на планшете.

— Это тренировочное зеркало. Мир за ним искусственный и создан лишь для того, чтобы показать, как все устроено. Видите, когда я делаю так, — он дотронулся до рамы, — картинка проигрывается заново. Панель управления интуитивная, легко разберетесь. Ваши действия пока не влияют на историю мира. Картинка начинает играть с того места и момента, как вы попадаете в мир. Здесь, — указал он на окно маяка, — начинается первый раунд. По данному сценарию, Избранная просыпается в одной из комнат маяка, — он постучал пальцем, и шумное море заволновалось сильнее. Промотав вперед на несколько дней, Клод остановил на том моменте, где проплывающий мимо корабль разбивался об острые уступы скал. — Сюжет Русалочки, но в этом случае, принц плывет на коронацию, а у вас нет хвоста.

— Мы должны спасти корабль? — изогнула бровь блондинка.

— Королевство. Если принц не попадет на коронацию, его место займет кузен. Через три года развернется война с соседними королевствами, и будут уничтожены поля со стратегически важным урожаем. Начнутся эпидемии, но никто не сможет остановить заразу, потому что лекарь, что был способен открыть спасительное зелье, погиб вместе с принцем. И так далее и тому подобное. Сами увидите. Эта задачка не на один день.

— И как ее решить? — спросила я.

— Вдумчиво. На первый этап уйдет пара месяцев, но это научит правильно подходить к решению проблем собственного мира. Вопрос первый: что нужно сделать, чтобы спасти принца?

— Наладить маяк, — предположила Сома, наматывая серый, мышиный хвостик волос на палец.

— Ты умеешь налаживать маяки?

— Нет, но… это сложно?

Клод на что-то нажал, и зеркало показало комнату изнутри. Старое тряпье, побитые стекла, мелкий мусор, арматура, железяки, ржавая лестница ведущая вниз.

— Как тебе кажется?

Я даже не поняла, что из этого нужно налаживать. Что из этого «маякует» морякам?

— Если тут жил смотритель, то должны быть книги по починке, или кто-то из ближайшей деревни должен знать, что делать, — не сдавалась Избранная.

— Вот — ты начинаешь думать, — порадовался Клод. — Ты умеешь читать на языке другого мира?

— Нет, но я как-то собирала шкаф. Там были схемы. Не так уж и сложно.

Статуя кивнула, принимая ответ.

— Жаль, что этот смотритель был безграмотным, и таких книг у него не было.

Я вздохнула:

— Магия, я выбираю магию. Лёша дает особую магию починки вещей, я щелкаю пальцем, и маяк загорается.

Клод повернулся ко мне.

— Хорошо, а что будешь делать с монстром?

— Каким монстром?

Картинка сместилась в подвал маяка, и из-под старых прогнивших ящиков, показалась зубастая морда с красными глазами. Я резко дернулась назад, утащив за собой Ларису, слишком близко наклонившуюся вперед.

— Твою мать! Что это?

— Если бы ты прочла предупреждение о том, что на маяке лежит проклятье…

— Где бы я его прочла?! — ахнула я, продолжая разглядывать скалящуюся морду.

— Спокойно, Дробь. Тварь нас не видит. Мы их можем, они нас нет.

— Подожди, — вышла вперед сто сорок седьмая, — я, кажется, поняла. Тут надо по порядку. Сначала я осматриваю комнату, — Клод повернул рычажок, и мы вернулись к первоначальной локации. — Я же только проснулась в новом мире. Я еще не знаю, что маяк надо чинить. Поэтому исследую все и не лезу в запертые комнаты.

— Очень близко, — подтвердил Клод, еще немного поиграв с ракурсом. — В своих мирах с этого и начинайте. Сначала наблюдения, а потом геройства. Будете работать параллельно. Здесь групповое занятие, у своих зеркал — индивидуальное. А что касается мест вашего проживания, — он дернул защелку у зеркала, и огромная рама вместе со стеклом отварилась на подобии потайной двери.

Подул морской ветерок.

Я выглянула из-за плеча сто сорок седьмой. За зеркалом спряталась маленькая комнатушка. Крохотную кроватку застилала грубая мешковина. На полу лежал истрепанный коврик. Обшарпанные и потрескавшиеся от времени стены. Из дальнего угла прорывался крохотный лучик света. Пыльные шторы скрывали солевые разводы на грязных окнах. У дальней стены стоял покосившийся шкаф.

Клод отодвинул нас в сторону и прошел вперед. Заскрипели дверцы, и статуя вытащила на свет, должно быть, единственную чистую вещь в запустелой комнате. Подошел к хлипкой кровати и положил на край белую стопку белья.

— Это комплект спальной одежды, соответствующий моде того времени и места.

— Это похоже на комнату из маяка! — воскликнула Лариса. Она переступила порожек и прошла вслед за Клодом. Замерла у трехногого столика. На металлическом подносе стояли тарелки с едой. От них шел пар, словно их только-только вытащили из духовки. В нос ударил аромат, а желудок издал китовое соло.

— Да, а это типичная еда тренировочного мира. За своими зеркалами вы найдете комнаты, там же приготовленные блюда. Смело ешьте. Они не портятся, еда не отравлена, и каждый день будет появляться новая. За это не беспокойтесь. Справа за ширмой есть санузел. Да-да, соответствующий вашему миру. Привыкайте, — он указал на выход. — А теперь вернитесь в коридор, по которому мы шли и проделайте то же, что и я. Найдете свои миры — начинайте работать.

— 7 —

Не верила я в интуицию и волшебные озарения. Это в кино герой загадочным образом понимает, что за ерунда с ним творилась. В реальной жизни ты тупишь, ходишь ко всем за советами, читаешь мотивирующие цитаты, делаешь выбор и сомневаешься в нем до конца жизни.

— Как понять, что это наш мир? Я не видела указателей с нашими номерами.

— Зеркала, что тянутся от входа до центрального зала с тренировочным зеркалом — ваши потенциальные миры. Пройдите мимо каждого, дотроньтесь, подумайте о чем-то приятном. Ищите свой сюжет. Это легче, чем кажется.

— А если ошибемся? Мы собирались наугад. Откуда уверенность, что здесь есть наш мир? Вдруг мы в неправильных группах. Сколько всего сюжетов? Сто сорок семь? Поэтому может существовать определенное число Избранных? Что же получается, я буду кого-то дублировать?

— Сюжетов гораздо меньше, и конечно же, они имеют повторения в тех или иных моментах. И главные их отличия друг от друга — вы и ваш индивидуальный подход к проблеме. Каждая из вас — особенная, — я фыркнула. А что еще оставалось человеку, имеющему на значке дробную цифру? — Поэтому вы столкнетесь с теми проблемами, что решить способны, только вы. И награда будет ждать та, что нужна только вам.

Клод засунул руку за пазуху и вытащил огромную папку.

— Что за розовый беспредел в стразах? — не удержалась я. Режущий глаза аляповатый цвет поблескивал поражающим сетчатку глаз светом. Как будто Клод отобрал дневник у десятилетней девочки и ее воображаемого друга-единорожки.

— Это маджента. Что, никогда не слышала? — блондинка приняла папку из рук статуи. А я не вовремя задумалась, есть ли на нашем кураторе еще какая одежда помимо мантии и не обладает ли он анатомией Кена. Слава Богу, четырнадцатая вырвала меня их этих мыслей, открыв папку посредине и зачитав:

— Жизнь заново. Мир, где Избранная появляется в юном теле. Что это значит, Клод? — она перевернула несколько страниц. — Служанка мизантропа?

— Наиболее распространенные сюжеты для изменения мира. Не я их придумал. Я их только отсортировал и распределил.

— Прям ты? — я покосилась на обжигающий цвет маджента. — Смелый выбор.

Статуя нисколько не смутилась.

— Ищите свои миры, а что дальше поймете сами. Дольше объяснять, чем показывать, — металлическая скульптура развернулась в противоположную от выхода сторону, но прежде чем уйти — спохватилась. — Та часть коридора, что идет после тренировочного зеркала, закрыта. Там находятся миры, на которые уже падал жребий спасения. Не тревожьте их.

Клод отвернулся и направился туда, куда только что запретил идти нам. Как только его шаги стихли в темноте разноцветных залов, наша псевдолидер оживилась.

— Теряем время! — крикнула она, увидев, как блондинка устремляется сквозь подрагивающий свет фонарей в коридор. — Чем быстрее найдем, тем быстрее поедим. Не знаю как вы, но я жутко голода.

И снова мы понеслись через нескончаемый хоровод залов и красок, но уже в обратную сторону. Началась неразбериха. Мы то разделялись, то собирались вновь. Что-то крутили на рамах, убегали, возвращались. Словно на всех разом напал азарт, и победитель мог выиграть сундук с золотом. Очень бесполезным золотом, учитывая ситуацию. Кто-то из девчонок визжал, кто-то кричал, кто-то смеялся.

Эхо усиливало звуки, заставляя поверить, что в коридоре застряло не пять взрослых женщин, а началась Вальпургиева ночь, и сам дьявол со своей свитой решил ее посетить.

В какой-то момент и я вошла в раж, активно облапывая каждое зеркало. К сожалению, кроме сальных пятен вспотевших рук и кислой рожи, мне ничего не было доступно.

— Я нашла! — вдалеке взвизгнула блондинка.

Побросав темные зеркала, мы бросились к четырнадцатой. Она нашлась через десяток комнат. В окружении текстурных обоев, очень напоминающих тон «вырвиглаз» обложки инструкции, девушка, придерживая одной рукой металлический светильник выше ее ростом, другой рукой указывала на залитую цветными пятнами поверхность.

— Ничего не вижу, — сто сорок седьмая, прибежавшая первой, с сомнением заглянула за плечо удачливой Избранной.

— Да вот сейчас только было, — нетерпеливо отозвалась та. — Вы не слышали? Играл оркестр, из рамы струился золотистый свет, в огромном зале танцевали пары.

— А оно точно твое?

— Конечно мое! Я что-то нажала, и время понеслось вперед, пока не заиграла музыка. Все были красивыми и идеальными, как будто их вытащили из фотошопа. Было похоже на какой-то конкурс.

Темненькая заскрежетала зубами.

— Ладно, продолжаем.

Спустя еще какое-то время и остальные обзавелись красивыми комнатами и работающими зеркалами. Зеркало Сомны оказалось ближе всех к центру (так мы окрестили место, где остался зал с тренировочной псевдореальностью). Лариса нашла место почти у выхода наружу. Сто сорок седьмая соседствовала с блонди. А я… Нисколько не удивившись, обнаружила, что моего мира нет.

Разруха и тлен!

Я это предвидела. Мне здесь не место. И если бы яма нашла в себе силы признаться в собственной оплошности, я бы уже проснулась дома и собиралась на прекрасную, нудную и бесперспективную работу, что однажды доведет меня до ожирения, алкоголизма и нервного срыва.

Обнаружив, что я единственная, кто остался без предназначения, Избранные отчего-то бросились меня успокаивать. Кто-то предлагал

позвать Клода, кто-то отправиться по новому кругу, кто-то пройти в зал со спасенными мирами, мол, вдруг один не доспасли, всякое бывает.

— Все нормально, — остановила их я. — Разберусь. Это не конец света, по крайней мере, этого.

— Но так не должно быть! — возмутилась сто сорок седьмая. — Может ты одно пропустила?

— Может, — легко согласилась я. — А может в правилах есть исключения.

Не правильно поняв, блондинка толкнула мне в руки здоровенную розовую жуть со сценариями. Я едва сдержала вздох раздражения. Откуда тут столько трудоголиков? Нас только-только похитили из дома, лишив друзей, семьи, любимых домашних животных и интернета! У меня у одной ломка и руки тянуться залезть в телефон? В нашей группе нет курящих? Почему никто не жалуется на отсутствие сигарет? Неужели нет того, кто скучает по своему молодому человеку? Кто-нибудь завтра летел в отпуск? Люди, у вас была хоть какая-то жизнь?

Пока я придавалась размышлениям, Избранные разошлись по залам. Так я и осталась с папкой в руках, в зелено-мшистых покоях сто сорок седьмой. Потеряв ко мне интерес после очередного предложения помощи, девушка занялась изучением дикой природы своего мира. Потеребив корочку инструкции, я открыла первую страницу и погрузилась в чтение.

Когда первая треть была осилена, я нервно вздрогнула. Странный шорох заставил оторвать глаза от выбеленных страниц и поинтересоваться происходящим. Не успела я встать с пола, как из прохода выскочила блондинка, громко повествуя о своем появлении.

— У меня не осталось сил! — взывала она в неизвестность. — Это выматывает сильнее, чем кроссфит.

Я скорчилась от ее громкого голоса, почти физически ощущая, как на голове добавилась лишняя дюжина седых волос.

— Есть немного, — поджала губы хозяйка изумрудного зала.

Я постучала пальцами по корочке инструкции. Стразы вспыхнули звездной россыпью.

— Мы имеем дело с другой реальностью. В некотором роде — это магия и она забирает много сил.

Эхо донесло звук приближающихся шагов, а после, из проема показалась главная тихоня проекта.

— Если нас так сильно выматывают манипуляции с зеркалами, что же станет, когда нас начнут учить настоящей магии?

Девчонка выглядела еще хуже, чем когда я впервые увидела ее на поляне. За полдня она стала еще более бледной, хотя, казалось бы — куда больше? — а под глазами образовались тени.

— Это как с тренировками, — пояснила блонди. — Сначала будет тяжело, а потом привыкнем. Мы мир собираемся спасать, дамы, это не должно быть легко! В любом случае, я спать. Еще один круг этого телешоу и свалюсь замертво.

Она махнула рукой, но сто сорок седьмая ее остановила.

— Погоди, а как же Дробь два? Где будет спать она? Тем более мы решили не разделяться.

— Во-первых, — выпятила губу блондинка, выставляя вперед ногу носком вверх, — ты решила не разделяться, что не соответствует предупреждению Клода об адаптации. Во-вторых, что-то я не заметила, чтобы Дробь сама искала какой-то выход. Она сидела с тобой, вместо того чтобы еще раз проверить все миры. Непохоже, что ей это надо.

Блонди была права. У меня не было желания что-то искать.

— Может хватит быть такой эгоисткой? — вскочила на ноги темноволосая, откидывая пуфик в сторону. — Надо же и о других думать. Мы все в одной лодке.

— В разных, — фыркнула номер четырнадцать. — И у каждого есть по веслу. Грести за других, я не намерена.

Если в первую минуту у меня было желание вмешаться и выразить свое мнение, то во вторую поняла, что дело и близко не во мне. На протяжении всего дня эти двое искали повод сцепиться. И этим поводом оказалась я.

— И что, просто так уйдешь? Ну и кто ты после этого?

— Человек, который собирается выспаться, а не утирать сопли тому, кто ловит от этого кайф. Посмотри на нее. Ей нафиг не сдалась твоя или моя помощь.

— Напыщенная курица! — крикнула ей вслед сто сорок седьмая, а потом повернулась ко мне и виновато выдохнула: — Оставайся у меня. Да, нам лучше спать в интерьере максимально приближенном к

будущим условиям, но если тебе не открылось ни одно зеркало, то вряд ли это сильно повредит эксперименту.

Я ответила не сразу. Не знала, как подобрать верные слова, чтобы не обидеть девушку после высказанной тирады. Разрываясь между чувством показаться неблагодарной и справедливым замечанием, что помощи я не просила, остановилась на нейтральном.

— Спасибо за предложение, но у меня уже есть кое-какие идеи.

Темненькая нахмурилась. Где-то неподалеку хлопнуло дверца: блонди зашла в свою комнату.

— Тренировочное зеркало, — пояснила я. — За ним тоже есть комната. Не хочу лишний раз кого-то стеснять. В новом мире ты будешь одна. Не стоит привыкать к компании.

Мне было почти не стыдно, что я вру ей в лицо.

— Как знаешь, — девушка поправила сползающие очки и повернулась к зеркалу. В ее мирке ночь сменялась рассветом и над старинным замком медленно гасли чужие звезды. — Пожалуй, еще немного позанимаюсь.

Я попрощалась с оставшимися избранными и направилась к центральному залу, отделявшему выполненные миссии от предстоящих. Было странно осознавать, что бесконечный коридор являет огромной пещерой, выдолбленный в целой гряде скал. Я с трудом представляла, чьей волей было сотворено это пространство. Была ли это магия, или миссией первой партии Избранных выбрали ремонт. Особые навыки: клейка обоев, покраска, побелка, лепнина и декор. Ха!

Створка тренировочного зеркала отошла также легко, как и у Клода: мягко отворилась, пропуская в виденную ранее комнату в маяке. Темные тона все так же властвовали над скудным интерьером, неся в себе незавершенность и приглушенную тоску.

Проигнорировав комплект ночной одежды, я плюхнулась на кровать. Закинула руки за голову, уставилась в потолок с отколотыми частями штукатурки и принялась ждать.

Время текло неохотно. Лишенное мотивации в мире, где смена дня и ночи искусственны так же, как погода, оно без особого интереса двигалось вперед. Прошло не меньше трех вечностей, прежде чем раздался звук закрывшейся двери, и сумрачный коридор принес глухое

эхо. Чуть позже закрылась вторая и третья: Избранные разбрелись по домам.

Я подождала еще немного. Когда прошли все мысленные временные рамки, я приоткрыла дверь и выскользнула в сонную темноту тренировочных залов.

— 8 —

Я задалась вопросом: на улице день или ночь? Внутри пещеры время не ощущалось. Часы к форме не прилагались и в интерьер бесконечных катакомб не вписывались. Паранойя нашептывала, что это неспроста, на что врожденный пофигзм пожимал плечами.

Если на небе солнца нет, то откуда свет? Куда он пропадает, когда наступает ночь и наступает ли она вообще? Ответ я могла найти только снаружи и это замечательно, потому что именно туда я направлялась.

Из удивления девочек и некоторому недовольству на гладком лице Клода, я могла сделать выводы, что с Атросом мало кто контактирует. Лёше предстоит обучать нас магии. Статуя берет на себя другие дисциплины. А что же яма? Его представили нашим проводником в иные миры. Он появится на заключительном этапе. Хотя я мало понимала, как неподвижное существо поможет каждой из нас. Как он ходит? Что он вообще такое? Вот зря я не проверила его в прошлый раз на динамик. Вдруг он никакая не яма, а человек с переговорным устройством? Если судить здраво, то, что за преподавательский состав такой: маг, статуя и яма?

Я шла к Атросу.

Я не Избранная. Ни одно из зеркал не показало другого мира. Это, и чертова дробь на значке, давали непрозрачный намек на то, что произошла грандиозная ошибка. И решить ее мог только Атрос. Звать Клода я откровенно боялась. Тупая железяка собиралась меня обезглавить из-за одной косой палочки. Что же она сделает, когда узнает, что ни один из миров не решился довериться моим рукам?

Атрос казался весьма здравомыслящей адекватной ямой (кто бы мог подумать, что я однажды произнесу такое?). Он помог мне в первые два раза и в третий не откажет. Проблемы на раз-два щелкает. Настоящий мужик. То есть, яма.

Я вытащила свечу из железной подставки, намертво привинченной болтами к стене. Желтоватый огонь тихо потрескивал, но воск оставался каменным. Он не плавился, а пламя держало стойку

«смирно». Я поводила рукой из стороны в сторону: огонь продолжал игнорировать законы физики.

Не успела сделать и шага, как из глубины коридора, уходящего в филиал спасенных миров, послышался шорох. В застывших залах спасенных миров кто-то был. Я мысленно ругнулась. Тут же нет призраков? Это глупо, конечно. Я не верю в сверхъестественное, хотя глядя на последние события, пожалуй, пора бы начать.

Нет-нет. Мистика и фэнтези, это разные вещи.

Последовал еще один звук, похожий на скрежетание металла.

Блин!

Может это Клод сталкерит? Или Лёша полы подметает. Ну а что? Кто-то же поддерживает здесь порядок.

Проклиная себя за недальновидность, я поплелась на звук. Если меня сожрет монстр, во всем будет виноват Клод. Нефиг доводить меня до того, что в каждой тени мерещится его шарахающий силуэт.

Первое что я заметила, ступая в новый коридор — все зеркала завешаны бархатными шторками, точно так же, как и на тренировочном зеркале. В остальном, залы ни чем не отличались. Я продвигалась вглубь, крепко сжимая свечу. Пока моим лучшим планом было кинуть ее в нарушителя, а потом схватить подсвечник и огреть злодея по голове. И закричать. Где-то между делом надо успеть закричать и проклясть Клода.

— Твою мать! — выругалась я, отпрыгивая назад. Из комнаты выскочил силуэт, пугая меня до микроинфаркта. — Ты что здесь делаешь?

— Тссс… — прижала к губам девочка-сомнамбула. Бледной тенью она скользнула к одному из зеркал. Девушка стояла в помятой униформе и, судя по всем, так же как и я, не ела и не ложилась спать.

— Эм, — сетуя на ранний склероз, я взглянула на ее значок. Номер сто девятнадцать отчетливо проступал на глянцевой поверхности. Точно! — Что ты тут делаешь? Разве твое зеркало в этой стороне?

Лицо Избранной казалось бледным пятном, отчетливо выступающим среди дремлющих теней.

— Я хотела посмотреть на спасенные миры, — она подняла руку, и я невольно вздрогнула. Но Избранная всего лишь заслонила глаза от слепящего света свечи.

— Ты смогла заглянуть в зеркало не со своим предназначением?

Она кивнула.

— Они все активны и живут дальше.

— И как оно? Как поживают миры?

Антрацитовый блеск медленно скользил по отражающей поверхности. С этого ракурса я не видела, что творится в зеркале, привлекшем сто девятнадцатую.

— Я не думаю, что их все спасли.

— Ну, конечно, — закатила я глаза, проклиная бездушную статую. — Четырнадцатая как в воду глядела. Говорила мне сюда зайти. Надо было слушать. Где-то здесь прячется мой отсталый, половинчатый мирок.

Кусочек надежды расцвел в душе. Значит, Клод запихал мое зеркало среди использованных и запретил сюда заходить, а потом нажалуется остальным, что я бестолковая. Вот бы я опозорилась! Заявила бы во всеуслышание, что мне не место в Центре, потому что ни одно из зеркал не реагирует, а он бы мне носом ткнул в этот зал. Нельзя доверять статуям, нельзя! Не зря их голуби не любят. Чувствуют их душонку, мелкую с гнильцой.

— Нет, — Сома медленно моргнула, словно выкарабкиваясь из затягивающей сонливости. — Они не все спасены, но все активны.

— Как это?

Она отступила, выходя из круга света, кивком предлагая посмотреть самой. С некоторой долей опаски я подошла к зеркалу. Все то же 3D эффект. Казалось, сделай шаг и тут же окажешься на цветочной аллее парковой зоны дворца. До слуха донесся щебет птиц и успокаивающий шелест зеленых крон. Нежный аромат кустовых роз парил в кристально чистом воздухе. Где-то вдалеке слышался цокот копыт и перезвон колокольчиков.

Тишь и благодать.

— Красивый сад, — резюмировала я.

— Без людей.

Сома не смотрела на мир, она прожигала взглядом меня.

— Полдень. Солнцепек. Все отдыхают, — я провела рукой по раме. Картинка отдалилась. На холме показался замок с величественными башнями и поднятым флагом. Я такой только на картинках и в кино видела. — Парк фрейлин или типа того.

Избранная потянулась к золотистому шнурку. Шторки закрылись, пряча мир. Девушка дернула еще раз. Шторки распахнулись.

— Это перезагружает мир, то есть не мир, конечно, а просматриваемый момент, — пояснила она. Зеленый сад стоял в рассветных лучах восходящего солнца. Золотистый свет разливался по разноцветной брусчатке. — Если долго смотреть один сюжет, появляется мужчина. Это как с пиковой дамой. Как только он появляется, надо быстро закрыть шторки, иначе случится что-то плохое.

— Что? — я плохо понимала тот сумбур, что она тараторила. Я не могла разобрать, она шутит или у Избранной сто девятнадцать, полетели винтики из-за стресса.

— Там ходит мужчина. И не только там. Я проверила зеркал двадцать. Если я долго наблюдаю за миром, в нем появляется мужчина.

— А потом женщина, яблоко и змей? — решила пошутить я. — Может ты слишком далеко в начало истории мира ушла?

— Нет же! — она мотнула головой, разбрасывая по плечам серые лохмы. Глаза девушки светились безумным огоньком. Надо же, быстро мы тут все поехали. — Это разные миры, на разных этапах, а мужчина один и тот же. Он есть в каждом мире.

— Эээ… параллельные двойники, — предположила я. — Если в нашем мире у каждого есть пять двойников, то почему бы не быть двойникам и в соседнем мире?

Эта идея мне нравилась. Хотела бы я посмотреть на своего двойника.

— Нет, это один и тот же мужчина. И одет всегда одинаково.

— Сто девятнадцатая, — я почесала затылок, — нам нельзя смотреть эти зеркала. Клод сказал их не тревожить. Тот мужчина может оказаться каким-нибудь смотрителем или человеческим воплощением Атроса. Да не знаю я. Спроси у Клода.

Девушка покачала головой.

— Он соврет. Они все нам врут. Мы умрем, Дробь. Нас сто сорок семь, потому что мир спасает только каждая сто сорок седьмая. Остальные умирают. Посмотри внимательней. Эти миры не спасены.

Сома скрестила руки, опустила голову и побрела в сторону своей комнаты, шаркая туфлями по полу. Я осталась смотреть на

безмятежность покачивающейся зелени. У девчонки явно сдвинулась крышка.

Что-то странное резануло взгляд. Я нахмурилась. Провела пальцами по стыку рамы и зеркала там, где поблескивали странные прожилки золота. Их можно было списать на игру солнечных лучей, если бы они не тянулись к декорированному обрамлению зеркала.

На дорожке кто-то показался. До сих пор я не видела людей в зеркалах. Мужчина двигался стремительно и резко. Он то и дело оглядывался, но не опасливо, а словно в поисках какой-то важной персоны.

На молодом лице виднелась легкая щетина, придававшая ему суровую внешность. Чуть пригретая солнцем кожа казалась гладкой и ухоженной. Греческий профиль вызывал смешенные чувства, заставляя воскресить в памяти скульптуры античности. Напряженный взгляд скользил по изящным аллеям и терялся в пустоте. Кто бы знал, что он там искал между раскидистых дубов и пышных кленов.

Он походил на гротескного героя сказок, и я не могла сдержать улыбку, глядя на человека, полностью облаченного в черные одежды. Это в летнюю-то жару! В высоких кожаных сапогах, обтягивающих штанах, шелковой рубашке и бархатном фраке. Расклешенные манжеты забавно выглядывали из рукавов, и я могла поспорить, что в одном из них прячется надушенный цветочными духами платок.

— О, Господи, — выдохнула я, сдерживая смех. — Люди так не одеваются. И вот этого испугалась Сома?

Мужчина резко остановился. Как будто время замерло и он вместе с ним.

По субъективному восприятию нас разделяло метров пять. Он стоял боком, но я все же попыталась разглядеть причину его заминки. Пытаясь не чувствовать себя извращенной, подглядывающей за одинокими мужчинами из других реальностей, я провела рукой по выступам рамы. Кое-как поймав контроллер, медленно сместила ракурс, чтобы понять, куда смотрит человек.

Но он никуда не смотрел.

Его взгляд застыл так же, как и он сам. Так бывает с людьми, которые о чем-то глубоко задумались или полностью переключились со зрительного восприятия на слуховое.

Прошло несколько минут, а незнакомец продолжал стоять. Его пальцы подрагивали, как будто он перебирал невидимые бусы. Я заворожено следила за ним, снедаемая мыслью, что же такое он делает. Его дыхание становилось тяжелее. Грудь глубоко вздымалась. От напряженной позы подрагивали ресницы, а желваки ходили на мощной челюсти. Он что-то шептал под нос.

— Кого ты там слушаешь?

Мужчина вскинул голову. Я придвинулась ближе к зеркалу.

«Он нашел!» — обрадовалась я, предвкушая разгадку.

Его глаза зашарили по местности. Он произнес тарабарщину на незнакомом языке и посмотрел на меня. Точнее, мимо меня, потому что как бы ему меня видеть? Так же невозможно, верно?

Он крикнул что-то еще, похожее то ли на проклятье, то ли на немецкий язык. Сиреневая вспышка света взорвалась между нами, и мне пришлось отвернуться. Когда я вновь посмотрела на зеркало, мужчина стоял всего в шаге от разделяющей нас черты.

Я отпрянула назад.

— Какого черта?!

Теперь я могла сказать с полной уверенностью: он меня видел. И если секунду назад он меня просто заметил, то сейчас он пристально меня разглядывал. Оценивающий взгляд блуждал по моей фигуре, пока не остановился на значке.

Бледные губы раскрылись, обнажая белоснежные губы и глубокий низкий голос произнес:

— Номер сто сорок семь дробь два. Вы это серьезно?

Я вытаращила глаза, забыв как дышать.

Мужчина потянулся к стеклянной границе. В голове очень четко вспыхнула мысль, что сейчас он проломится через барьер между мирами и придушит этой вот рукой в черной перчатке, и поделом мне за нарушения правил.

— А иди-ка ты к черту, — предложила я, отскакивая в сторону и дергая за шнурок закрывающий зеркало.

Красные шторки схлопнулись, и звуки иного мира стихли.

В напряженной тишине я слушала сумасшедшее биение собственного сердца. Какое-то безумно-бесконечное время я старалась не дышать и не шевелиться. Я прислушивалась к темноте, боясь еще раз услышать пронизывающий до костей мягкий баритон. Когда

тягучие единицы минут превратились в десятки, я развернулась и понеслась в комнату одинокого маяка.

Забравшись под одеяло, я свернулась калачиком и еще одну вечность спустя, забылась тяжелым сном. В мельтешении тягучих красок и темных пятен мне мерещился черный незнакомец, а эхо его голоса скользило на периферии смятого сюжета, где я куда-то бежала, оставаясь на том же самом месте.

Проснулась я от чьего-то крика.

— 9 —

Четырнадцатая билась в истерике. Она носилась по своим личным покоям, переворачивая все вверх дном. Стащила атласный балдахин с закрепленного на стене каркаса и не жалея бросила к подножью огромной кровати. Серебряный сервиз тоже не избежал вспыльчивого нрава. Поднос улетел к тяжелым ночным шторам и проскользив по богато расшитой ткани, рухнул вниз. Чашки, ложки, блюдца в хаотичном порядке летали по комнате, бойко запускаемые взъяренной блондинкой.

— Да как они смеют?! — прокричала она, бросаясь к комоду с вазочкой конфет и странным декором.

Сто сорок седьмая, наспех одетая в униформу, кинулась наперерез.

— Господи, она что, королева или кто? — ахнула Лариса, заходя в маленький филиал безумия.

Я пожала плечами. Комната дышала излишествами и роскошью. Если мой уголок маяка претендовал на стандартные двенадцать квадратных метров, то здесь простиралась бессмысленная и беспощадная сотня. Потолок мог похвастаться высотой комнат Эрмитажа, а хрустальной люстре обзавидовался бы любой театр. На стенах висело безумное количество светильников и картин, а маленькие вазочки с цветами заполоняли тумбочки, комод и низенький столик.

— Вот это да!

Пока сто сорок седьмая урезонивала четырнадцатую и разбиралась с причиной выплескиваемого недовольства, Лариса, очень юрко для тучной комплекции и возраста средних лет, прошмыгнула к двери, ведущей к ванной комнате.

— Иди сюда, — поманила она рукой.

Любопытство взяло вверх.

Нет, Лариса позвала меня не восхищаться фаянсовым произведением искусства. Она боролась с приступом удушения, именуемого в народе «жаба душит» и искала помощи. За резной дверью притаился вход в будуар. В настоящий.

Обтянутые блестящей тканью абажуры зазвенели от вызванного нами сквозняка. Запах духов и пудры ударил в нос. Трюмо с величественным зеркалом отражало инкрустированные шкатулки, разбросанные драгоценности, веера, перчатки и искусственные цветы, увеличивая красоту вдвое. Из шкафа, что тянулся на добрых пять метров, торчал подол парчового платья. Страшно было представить, сколько и какие наряды скрывались за плохо прикрытой дверцей.

— Я окончила школу и университет с отличием! — разорялась четырнадцатая. — У меня два красных диплома. Квартира в кредит своя собственная. Она не такая большая, как эта, но заработала я на нее сама!

Мы с Ларисой отпрянули назад.

— Как в музее, — шепнула я, оборачиваясь на непривычный звук.

Шлепая тапочками, через порог переступила Сома. Она, как и мы с Ларисой, не успела надеть форму и пришла в чем спала. Ее комплект содержал просторные штаны и длинную рубаху из плотной оранжевой ткани. Я щеголяла в льняных одеждах, скрывающих тело от кончиков пальцев и уходящих в глухой ворот до подбородка. Ларисе же достался махровый, темно-синий халат.

— Вы спать вообще не любите? — продирая глаза и сонно зевая, спросила она. Впрочем, следующий крик четырнадцатой, немного ее взбодрил.

— Я не ходячий стереотип! Я не типичный анекдот про блондинку. Я умная. Я хорошо вожу машину! — буйствовала хозяйка королевских покоев, топча бесформенную тряпку униформы. — Все мужчины мне так говорили! Почему же… почему же? — она замерла, задыхаясь от слов, а сто сорок седьмая, воспользовавшись моментом, влепила ей звонкую пощечину.

— Быстро она от пряника к кнуту перешла, — хмыкнула Лариса.

Девушка безмолвно глотнула воздух, прижав ладонь к щеке. Потом выдохнула и внезапно успокаиваясь, спросила:

— Почему они так со мной?

— Кристин, я не понимаю, о чем ты.

Девушка подхватила с пола платье с передником и ткнула сто сорок седьмой в лицо. Я, Лариса и Сома, встали ближе, образовывая круг. На рукаве измятого платья красовалась нашивка. Желтые стежки крепко обхватывали ткань, демонстрируя вышивку гладью. Надпись, выведшая четырнадцатую из себя, большими буквами гласила: «БЛОНДИ».

— Когда это появилось?

Четырнадцатая схватила соседку за руку и заставила посмотреть на ее собственное плечо.

— Твою мать! — выругалась та, портя образ приличной девушки. На нашивке сто сорок седьмой заглавные буквы складывались в слово «ПСЕВДОЛИДЕР». Она обернулась к нам. — У вас также?

— Это появилось ночью, — продолжала Блонди. Ее настроение заметно улучшилось. Прозвище (статус, должность?) сто сорок седьмой позабавило возмутительницу спокойствия. — Псевдолидер… в этом что-то есть.

— Кристина, — укоризненно покачала головой Избранная, поднимая с пола очки. Протерев стекла рукавом, она дернула за край нашивки. Клочок ткани не поддался.

— Он не отрывается, — со знанием дела, четырнадцатая бросила платье на кровать.

— Надо проверить наши униформы, — спохватилась я.

Лариса задорно подмигнула.

— Ставлю на то, что я «Понедельник».

Сто сорок седьмая махнула нам рукой.

— Через пять минут в тренировочном зале. Разберемся в этом идиотизме.

Избранные согласились.

«А мир не без юмора, — улыбалась я на ходу, не спеша, бредя в комнату маяка. — Каждый получил свое». Забавно, как мои мысли о девчонках нашли отражение в реальности. Выяснить бы, кто причастен к этой задумке. Атрос? Лёша? Сам мистер статуя грешит?

Я зашла в ванную, разобралась с утренними процедурами и перешла к одежде. Скинула ночнушку, в которую переползла посреди ночи, и взяла платье, небрежно брошенное на шатающийся стул.

— Дробь, — прочитала я. — Ха-ха, очень оригинально. Блонди и Псевдолидер — это остроумно, а со мной фантазия пошла на спад? — хмуро закончила я, обращаясь к неизвестному шутнику.

Я нагнулась за фартуком. Из-за экстремального ночного переодевания, я вчера случайно зашвырнула его под стол. Вставать и поднимать не рискнула. Жуткий образ мужчины из зазеркалья в тот момент не казался смешным или глупым. Сейчас было все иначе. Ночная вылазка почти стерлась из памяти. Незнакомец не казался столь пугающим и страшным, а реакция на его слова вспоминалась с кривой ухмылкой.

В самом деле, чего я сбежала? Увидел меня человек. Подошел поздороваться. Может, ему помощь нужна? Может он наоборот, хотел помочь мне. Мол, дробь два, я занимаюсь изготовлением телепортов в другие миры. С твоим, произошла накладка. Мастер забухал на работе, а сырье не доставили в срок. Ты там не переживай, мы тебе скидку оформим.

Бред, Аня, бред.

— Дробь! — постучала в дверь четырнадцатая. — Ждем.

Я завязала фартук и высунулась наружу. Псевдолидер разглядывала нашивку Ларисы, а та тихо охала.

— Девчата, да как же оно так? Все люди как люди, а я Лариса.

— Хочешь поменяться? — предложила я, тыкая себя в предплечье. — Мне досталась Дробь. Я долбанная Дробина.

Блонди хихикнула и указала на сто девятнадцатую.

— Это лучше чем Сома. Это вообще слово или требование? Дайте мне сома! Да позажаристей.

— Чего? — разинула я рот в удивлении.

Сома. Лариса. Блонди. Псевдолидер.

Так звала их я.

И только про себя.

Капец, товарищи.

— Клод! — в голове зашумел голос четырнадцатой. Девушка держалась за значок и взывала к хладнокровному мучителю. А я стояла рядом и ничего не говорила. — Клод, что за прикол?!

— Прикол в том, — проскрежетал Клод, легко воспроизводя сленг, — что вы до сих пор не на площадке.

— Мы в зале.

— На площадке внизу. На общем сборе.

Клод отключился.

— Да блин, — притопнула ногой Блонди. — Ну чего встали? Не слышали надсмотрщика? Псевдолидер, командуй.

Темноволосая оппонентка вздернула бровь, но возражать не стала.

— Погнали! — бодро крикнула она нам.

Мы повиновались. Бойко рванули к выходу. Ну как, рванули. Сома тащилась позади. Блонди неслась впереди. Лариса мучилась отдышкой, я недосыпом. Сто сорок седьмая суетилась между нами, путая понятия «лидер» и «мамочка». Если в нас и присутствовал энтузиазм, то он очень неравномерно разделился на пять человек.

Спуск с горы вышел более живеньким, чем подъем, но с налетом травмоопасных моментов. Я несколько раз поскальзывалась на сырой от росы траве. Сома тормозила там, где требовалось прыгать вниз. Лариса делала остановки через каждый шаг, чем вызывала недовольство Блонди. А Псевдолидер не сдержалась и прокляла нас в сердцах на половине пути. Даже ангельское терпение не могло выдержать нашу недоделанную группу.

Спасти мир… Мы себе-то не знаем как помочь!

На поляне вовсю кипела жизнь. Откуда-то появились палатки защитного цвета, столики с напитками и едой, красные флажки и походные душевые. Девушки залезали в палатки и выбирались из них в спортивно-военной форме. Парами отправлялись на пробежку по размеченным ориентирам. Другие отдавали предпочтения зарядке, третьи вовсю трапезничали. По разбитому наспех лагерю ходили временно назначенные помощницы с листовками в руках. Они вручали каждой по бумажке и указывали на одну из палаток. В самом центре суматохи стоял Клод.

— Ни у кого нет таких же нашивок как у нас, — заметила сто сорок седьмая.

Я нервно дернула ртом. Черт, ну не могло же все произойти из-за меня! Я ничего не делала. Но, Клод мог решить совсем иначе. Начнет старую шарманку крутить. Дробь два — Враг. Надо ее убить. Достанет меч и «вжих-вжих» и нет никакой дроби. А сто сорок седьмая обидится на прозвище и не станет меня спасать. А не факт что дело-то, во мне! Сома таскалась по запретному коридору и вызвала того

мужика. Вот он запросто мог испортить наши формы. Не знаю, зачем, но мог же?

За каким дьяволом Сома полезла в тот коридор?

— Похоже на лагерь для похудения, — перебила мои мысли Лариса. — Нет, девочки мои, я на такое не подписывалась. Одного подъема в горы мне на целый год хватит.

Я заметила знакомое лицо и остановилась. Та самая девушка, чьи гладкие ламинированные волосы вызывали во мне тихую зависть, помогала с раздачей расписаний.

— О, привет! Селена, верно?

— Селина. Как луна, а не как химический элемент, — холодно поправила она, вручая листовку. Она отдернула руку, когда я случайно задела ее, забирая бумагу.

Я издала протяжное «оу», выражая подобие извинения.

— Разминка, кросс, заминка, завтрак, бальные танцы и дальше по списку, — повторила Красноименница и недовольно глянула на пальцы. Затем вытащила из кармана платок, и небрежно вытирая их, спросила:

— Умываться не пробовала?

— Чего?

Девушка развернула платок и показала золотистые блестки. Я уставилась на правую ладонь. Когда я успела запачкаться? Где?

Пока я выискивала разумный ответ, Селина утратила ко мне интерес и, повернувшись спиной, начала болтать с другой девушкой. Я повертела полученный листок бумаги и оценила список занятий. Почти у каждого пункта стояла пометка, какой из сюжетов мира включает в себя набор тех или иных знаний. Общим у всех стояли утренняя тренировка и танцы.

И куда же податься таким как я?

Пройдя к центру поляны, я нашла Клода и не смогла побороть желание сморщиться от его голоса.

— Движение — это жизнь! — вещала металлическая статуя, которая в жизни не снимала балахон и не облачалась в кроссовки. — Занятия физкультурой необходимы человеку в любом возрасте, а Избранной они не только продлят жизнь, но и помогут ее сохранить. Спорт и физкультура неотделимы от культуры любого общества, и

каждого человека в отдельности. Благодаря скорости и выносливости вам необязательно вступать в бой с заведомо сильным противником.

Со своими вдохновляющими речами Клод напоминал человека жующего бургер и проповедующего о правильном питании.

Я и спорт? Не на ту напали ребята, не на ту. Нет собственного мира, нет и физической нагрузки.

Я ухватила со столика бумажный стаканчик с кофе, пончик с сахарной глазурью и двинулась вверх к пещере Атроса.

— 10 —

— Привет, Атрос, — поздоровалась я, не доходя пары метров до ямы. — Ты здесь?

Никто не ответил. Спит он там что ли? Я потопталась на месте, как-то не до конца представляя, что делать дальше. Пораскинув вариантами и мозгами, подошла ближе, с опаской заглядывая в святящийся провал.

— Атрос, ты меня слышишь?

Молчание.

Отлично! Я добралась до своей цели, а дома никого нет.

Не желая легко сдаваться, подобрала мелкий камешек и запустила в темнеющий провал кристаллов. С разной тональностью «дзинь-дзинь» он отскакивал от стен, падая все ниже и ниже. Когда темнота полностью схлопнулась, заглатывая его вместе со звуком, земля под ногами задрожала. Зазвенели хрусталики. Жуткий гул несущегося паровоза захлестнул пещеру. Напор воздуха ударил меня в грудь. Я покачнулась и упала на колени, прикрывая голову руками.

Сотрясая стены яма чихнула.

С потолка посыпалось каменное крошево вперемешку с блестящей пыльцой, вылетевшей из ямы. Смесь пыли и пыльцы осела в волосах, и плотным слоем покрыло руки и платье. Настала моя очередь непрерывно чихать. Попутно отряхивая передник, я утирала глаза рукавом. Злополучный камушек, вылетел характерным щелчком выстреливаемой пробки из бутылки и метко вдарил мне в лоб.

— Ои-й…

— У-ху-ху.

— Доброе утро, Атрос, — прогоняя звездочки из глаз, поприветствовала я хозяина пещеры. — Прости, если разбудила.

— Что? — пробасила бездна, и по стенкам цветных кристаллов пробежалось эхо. В самой глубине засиял ярко-красный свет, лучами взбираясь до самого верха. — Как неловко-то, — уже без эха и знакомым хрустальным голосом, сказало существо из каменных пород. — Ах, это ты. Анна, не так ли.

Я стерла с лица блестки, очень надеясь, что это не эквивалент человеческой слюны.

— Вроде того.

— Что случилось? Ты готова для перемещения в новый мир? Я знал, что Клод с каждым разом улучшает программу обучения, но на такой результат не рассчитывал. Что ж, Избранная, давай посмотрим, куда тебя направить.

Как должно быть Атросу одиноко живется, если это первая мысль, пришедшая ему в голову (в кристаллы?) во время моего появления.

— Нет-нет, — я замешкалась. То ли стоя говорить, то ли сесть. То ли отойти назад, то ли встать у самого края. В какой позе договариваются о межмирных транспортировках? — В том-то и дело. Не надо направлять меня в новый мир, надо вернуть в старый. Нет у меня мира кроме родной Земли, с которой притащили. Верни меня домой, Атрос. Я обошла все зеркала, облапила каждое так, как себя ни одному мужчине не позволяла. И ни одно из них взаимностью не ответило. Не Избранная я. Ошибся ты, приятель. Бывает. Расстанемся с миром, а? Ну пожалуйста. Просто подкинь домой, другого не прошу. Даже не обязательно в тот самый момент времени, из которого забрал. Просто верни. Я никому ничего не скажу. А через пару дней сама себе не поверю, что была в каком-то безмирном пространстве. Что тебе стоит?

— Дитя…

— Мне почти тридцатник, — перебила я, — какое я дитя?

— Дитя, не перебивай старших. Мои формирующие, находятся в таком почтенном возрасте, что я мог бы не глядя назвать дитем твою планету и не прогадал бы. Обратно дороги нет. Одно чудо для одного человека в одном мире. Это означает, что в любой другой мир — пожалуйста, открою портал, чего уж там, а домой — нет. Я ограничен в своих силах на чужих землях.

— Блиииин, — протянула я, усаживаясь на край уступа и свешивая ноги вниз. — И что же делать? Я застряла здесь на вечность?

Яма деликатно покашляла, когда я качнула ногой и ударила пяткой по кристаллам.

— Ой! Извини. Тебе больно или…

— Сиди, — успокоил Атрос. — Все нормально.

— Ты не удивлен, что я не нашла своего места? Не признаешь, что мое появление ошибка.

— У нас никогда не появлялось больше ста сорока семи Избранных, но все случается в первый раз. Наш Враг опасен и хитер. С каждым выпуском он находит новые способы нам помешать. Его стратегия хорошо продуманна, наша же принадлежит судьбе. Если к ста сорока семи присоединился еще один человек, значит, так тому и быть.

«А яма-то у нас фаталист, — поняла я. — С таким сильно не поспоришь».

— И как же быть? Что мне дальше делать? — я тряхнула рукой, в которой сжимала листовку с занятиями. — Избранные разбирают сюжеты и подстраиваются под свои роли, а я живу в тренировочной комнате заброшенного маяка.

— Ходи на занятия, на которые хочешь; порадуй Клода — реши задачу маяка, и придумай себе подвиг.

— Подвиг? Как у Геракла что ли? Не хочу я разрывать пасти львам. Это небезопасно и противоестественно.

— Придумай мир, который бы ты хотела спасти. Сюжет, который хотела прожить. А потом мы вдвоем попробуем разобраться, где же тот мир, что так отчаянно нуждается в твоей помощи. Еще вопросы?

Я покачала головой и только тогда поняла, что пришла-то к Атросу не для этого. Что хотела настаивать на своем возвращении до последнего. До отказа от сна и голодовки. А получила дополнительное задание, успокаивающую речь и еще больше вопросов, чем их было изначально.

— Если ты такой всемудрый и всезнающий, может объяснишь мне, где здесь хоть одни часы? Я не понимаю, сколько времени и сбита с толку: когда есть, а когда спать. И солнце? Где чертово солнце?

— Центр — это стерильный мир. Как такого времени здесь нет, но это ты должна была заметить. Погода искусственна, как и жизнь. Вирусы и болезни отсутствуют, как таковые. Разве что ногу или руку сломаешь.

— Или Клод обезглавит.

— Я приношу извинения за своего друга. Он несколько скоропалителен в решениях касающихся безопасности. Встреча с Врагом сказалось на нем сильнее, чем на остальных.

— Я не в первый раз слышу про Врага, но никто до сих пор не потрудился рассказать, что это или кто? Это какой-то конкретный император темной империи или абстрактное зло? Против кого мы воюем?

Голубые кристаллы погасли. Взамен, в темноте бездонной ямы показались сиреневые огоньки, пульсирующими спиралями бегущими вверх. Из сияющей глубины поднялся гул, и я отпрянула назад. Когда шум стих, яма тихо продолжила:

— Враг не ваш противник, а наш. Вы не представляете ему большей опасности, чем стайка бабочек.

— Ну да, на нас всего-то возлагается обязанность спасти целый мир! Куда нам до Врага.

— Ирония излишня, Избранная номер сто сорок семь дробь два, — мягко напомнил тот, благодаря кому я обзавелась цифрой, спасшей меня от Клода.

Я не смолчала с ответом: разобрала по частям первоначальные причины своего местонахождения в Центре, а не дома с любимым котом за чашкой чая и компьютером. Атрос легко пропустил тираду мимо ушей, которых у него все равно нет.

— Враг знает о нашем существовании, но пока мы здесь, причинить вреда не может. Мы скрыты от его взора. К сожалению, та магия, что позволяет прятаться от него, стесняет нас в возможностях заручится чьей-то поддержкой. Поверь, изымать девушек из заброшенного мира и внедрять их в другие миры, в надежде, что они совершат невозможное — не самая первая наша мысль. Мы перепробовали многое, очень многое и только когда я обратился к истокам, к силе, которой был сотворен, она открыла мне путь. Пускай я не до конца осознаю, как это работает, но оно работает.

Ноги затекли и я, кряхтя, как симбиоз древней старухи и сломанного стула, сменила позу. Поджала под себя ногу и чуть не свалилась вниз, когда грозный голос Клода угрожающе пророкотал в голове.

— Дробь два! Если ты сейчас же не присоединишься к тренировке, я лично приду за тобой, за каким бы камнем ты ни пряталась, и протащу за шкирку по всему лагерю, пока остальные будут кидать в тебя грязь, сачок ты ленивый!

Отчего-то я поверила старой железяке.

— Кхм, Атрос. Прежде чем Клод надругается над моей формой и отправит на экзекуцию, последний вопрос. Кто вы трое, блин, такие?

Выходила я сбитая с толку.

Атрос, Лёша и Клод — боги. Старые, забытые, сломленные боги миров, которые не смогли защитить свой дом от Врага. Атрос не знает, чем повелевали его коллеги, и за какие сферы человеческих (а может, и нет) жизней отвечали. Они не говорили об этом. Есть темы, что лежат под строгим табу. Атрос никогда не настаивал на ответах, потому что тогда, ему пришлось бы говорить наравне со всеми. Нельзя передать словами боль вызванную гибелью мира, который поклялся оберегать от внешних угроз.

Атрос потерял не только мир со всеми его обитателями, но и других богов, что стояли рядом с ним в храмах. Тех, кто считался его соратниками. Тех, кто объявил его врагом. Тех, кто объявил поклонение ему страшным грехом. Тех, кто отрицал его существование.

Разбитый на поляне лагерь никуда не делся. Зато появились грязевые лужи, натянутая леска, барьеры, препятствия и шины. Кучка Избранных проходила курс молодого бойца под командованием одной из красноименниц. В другой стороне девушки изучали азы танцев. Дальше всех разместились будущие лучницы. Под предводительством Избранной, что щеголяла синей шевелюрой, они учились доставать стрелы из колчана так, чтобы не поранить друг друга.

Решив, что стоять на месте и играться в Китнис интереснее, чем падать в ров с грязью и изучать такт «раз-дав-три, раз-два-три», я направилась к стрельбищу. (Прим.: Китнис — персонаж серии книг «Голодные игры» Сьюзен Коллинз)

— Дробь два! — в этот раз голос прозвучал не в голове, поэтому, на всякий случай, я дернулась в сторону и пригнулась. К счастью, никто в меня камнями кидать не собирался.

Избранная под номером пять пихнула мне в руки деревянный меч.

— На тебя что, единорог радугой блеванул? — спросила она, прежде чем указать на площадку, где Клод с легкостью паладина восьмидесятого уровня разбрасывал девушек точными ударами меча, на этот раз не боевого. Десяток Избранных нападали на него с разных сторон, то по очереди, то скопом. Ни один из ударов не находил цели. Девушки по одной сыпались с небольшого плато в ров с водой. Выплывали, выжимали одежду и по новой поднимались наверх. Откуда только брался энтузиазм?

— Им воевать с драконами, — пояснила номер пять, подгоняя меня вперед.

— Воевать с драконами? — меч в руках, до этого казавшийся громоздким и неуклюжим, обзавелся еще одной характеристикой — бесполезный. — С ними нельзя воевать. Ты либо их Мать, либо Усэйн Болт! Давайте тренироваться быстро бегать и мастерски прятаться. В этом больше толка!

— Скажи это Клоду, — предложила пятерка, оставляя меня одну.

Я посмотрела вверх на плато, на которое мне предстояло забраться, а потом слететь вниз и задалась вопросом: такой быстрый, смертоносный и обидчивый с оружием в руках, а не бог ли войны Клод? Не, ну а кем ему еще быть? Богом изобразительного искусства и парных танцев, что ли?

Мне хана…

— 11 —

Однажды, не сговариваясь, подруги подарили мне на день Рождения сертификат на занятия йогой и в спортзал. Так я узнала, что такое чувствовать боль в тех местах, о которых не подозреваешь, и что значит не соответствовать, собственным ожиданиям. Я уверилась в то, что шпагат — недостижимая для меня роскошь, мостик — прерогатива одержимых из ужастиков, а растяжка, по всем признакам, от лукавого. К чему я это рассказываю? В первый день тренировочного лагеря Избранных, я познала тяготы физических нагрузок на неподготовленное тело заново. Все, начиная от боли мышц, не подозревающих, что их можно тянуть в такие стороны, и заканчивая умершей самооценкой, что повесилась на корявом суку, когда на равной дорожке в пятнадцать километров меня обогнала Лариса.

Иногда ты не стараешься. Иногда проигрываешь специально, зная, что сколько бы сил не вложил, до финиша не дойти, а иногда

терпишь крах там, где всегда считал себя если не победителем, то достойным игроком. А это я к чему? Клод скинул меня в ров семь раз подряд. Я считала. Ему не пришлось напрягаться. Три раза он это проделывал, вовсе не прикасаясь. Нарочно целился, выстраивал удар так, чтобы сбить меня другими Избранными. Я перестала отжимать одежду. Смирилась с мокрыми волосами. Я продолжала подниматься на помост, чтобы сразу же слететь вниз, не успев поднять меч.

Когда Клоду надоело отправлять нас на принудительное купание, и он достаточно повеселился, демонстрируя нашу несостоятельность, как спасительниц, мы перешли к теории. Гениальный процесс обучения статуи заключался в том, что мы сначала терпели поражение, а потом выясняли, как следовало поступить правильно. Когда дело дошло до изучения правильного положения руки и меча, я измоталась настолько, что не могла стоять на ногах.

Упражнения, что в детстве казались веселой игрой, превратились в пытку. Мысли о яме, других мирах и потерянном предназначении, вылетели с очередной серией подходов к гимнастическому бревну. Я возненавидела его. Пропиталась к нему лютой ненавистью. Я с кристальной ясностью ума осознала, что если найдется мир для спасения, и я удачно до него доберусь, а Атрос сотрет память о пребывании в Центре, я все равно буду каждую ночь просыпаться из-за кошмара о гимнастическом бревне. Я буду сражаться с драконами, вампирами, гоблинами, коварными правителями, и все равно, моим страшным врагом останется гимнастическое бревно.

Я закрывала глаза и видела белое бревно, выкрашенное в черные полосы.

Хуже первого дня был только день второй.

Я не смогла встать. Мышцы одеревенели. Я подняла голову. Посмотрела на столик, где под металлическим колпаком пряталась еда. Опустила голову. Без еды человек может прожить тридцать дней. Без воды — три. На этом и порешили.

Когда мысли заняты болью и попыткой добраться до туалетной комнаты в течение пары часов, остальные проблемы уходят на задний план. Так позабылся незнакомец из зеркал, необычные нашивки, что имели место исключительно в нашей группе, и надежда на возвращение.

Время слилось в один тягучий нескончаемый день, где после пробуждения мы сразу отправлялись к разбитому лагерю, изматывали себя всякими изуверскими способами и в полуосознанном состоянии внимали лекции об общих построениях мира и принципах действия отдельно взятой Избранной на незнакомой территории. Кому везло, тот добирался до уроков дегустации мировых деликатесов. Ходили слухи, что те, кто оставался на площадке до самого конца, пробовали лучшие алкогольные напитки бесконечного множества миров. Сама я на этом мероприятии не присутствовала, но четырнадцатая говорила, что сто сорок пятая слышала, как пятьдесят первая говорила тринадцатой, что девяносто девятая знает третью, которая слышала от тридцать седьмой, которая знала от сто второй, что семьдесят седьмая почти наверняка слышала об этом от двадцать второй.

К урокам Лёши по искусству магии Клод обещал отправить тех, кто будет проходить успешно все обязательные занятия, все дополнительные занятия и все специфические занятия. К третьей недели обучения из ста сорока семи человек, к Лёше допустили… все еще никого.

— Как успехи? — закрывая собой разряженный свет отсутствующего солнца, Лёша склонился надо мной. Поверх обычной одежды пажа на нем нашел себе место черный кардиган. Вязаные карманы провисали под тяжелым грузом, оставляя гадать, что же в них запрятано.

Со стоном я подтянула ногу и обхватила ее руками, чтобы сесть на корточки. Пришлось напомнить себе, где я и кто я, прежде чем ответить. Проведя ладонью по жесткой, слишком яркой, как будто насмешливой траве, я посмотрела на беззаботного парня. За его спиной виднелась березовая роща и холмы, казавшиеся разноцветными из-за полевых цветов всех мастей.

— Я куда-то бежала, — неловко ответила я. Скорее себе, чем Лёше. Я не забыла, что он спросил. Я не поняла, что он спросил. После напряженных дней и ночей, мозг перестал воспринимать и обрабатывать информацию.

Мы больше не вели бесед с другими Избранными, ограничиваясь невнятным приветствием и сухими комментариями о поднадоевшей иномирной кухне. Отчаянно хотелось жареной картошки или бутерброда с сыром.

Камер-паж тряхнул густой шевелюрой и повторил вопрос. Я снова его проигнорировала. На этот раз, намеренно. Отставать парень не собирался и зашел с другой стороны.

— Водички принести?

Я протянула к нему руки и взмолилась:

— Лучше понеси меня.

Парень склонил голову и понимающе улыбнулся:

— Клод вас совсем не жалеет? В этот раз он себя переплюнул. Обычно десяток учениц уже ходили под моим началом, и мы практиковали азы, — он вздохнул. — Я не то что бы ни рад, больше времени для спасательных экспедиций. Но это затягивание мне не по душе.

— Кого ты там спасаешь? — оживилась я, пытаясь представить худосочного бога в форме «МЧС». Да и бог ли он? Атрос похож на могущественное существо. Клод похож на злое могущественное существо. А Лёша? Ну какой бог? Так, домашний божок на полочке среди бесполезных побрякушек. Пятьдесят девять рублей за штуку.

— Магию, — как само собой разумеющееся, пояснил Лёша.

— Магию?

— Ну да. Не только люди нуждаются в помощи. Не только они умирают. Не только их племена и расы уничтожаются иноземцами. Магии нужна защита даже больше, чем людям.

— Никогда о таком не слышала.

— Пойдем, — поманил он пальцем, — покажу.

Желание посмотреть на магию одним глазком оказалось сильнее, чем желание лежать на поляне мертвой куклой и теряться в прострации. В лагере то и дело появлялись новые предметы, а ландшафт менялся по прихоти Клода, но вживую я этого не видела. Когда я приходила, для тренировок все было оборудовано. А хотелось магии. Красивого представления. Чего-нибудь до ужаса банального, как телекинез или ванильно-волшебного, как внезапное преображение Золушки в очаровательную принцессу.

Лёша вел меня обратно к горе, где жил Атрос, но обходным путем. Попадаться на глаза Клоду никому из нас не хотелось.

— Так и живешь в комнате маяка? — непринужденно спросил парень. На любого другого я бы окрысилась. Слушок о моей проблеме прочно бродил по лагерю, передаваясь из уст в уста. Даже

изматывающие тренировки не спасали женский коллектив от сплетен и пересудов. Клод стойко перенес информацию об отсутствующем зеркале. Деловито уточнил у Атроса, можно ли теперь от меня избавиться и, получив отрицательный ответ, повысил утреннюю нагрузку вдвое.

Я пожала плечами.

— А куда мне деваться?

Парень опустил глаза на пыльную дорожку.

— Я думал над этим. Много думал. Атрос что-то недоговаривает.

— А я думала у вас ребята мир, любовь и дневник с секретиками один на троих.

Лёша рассмеялся во весь голос, запрокидывая голову назад. Утерев кончиком пальца выступившую слезу, он поморщился.

— Мы вынуждены сосуществовать. Деваться-то больше некуда. Атрос приютил меня и Клода, когда мы оказались в очень, очень плохой ситуации. С тех пор мы спасли не одну сотню миров от разрушения, но Кристальный так и остался одной большой загадкой. Он знает о вас гораздо больше, чем мы. Признаться, меня терзают догадки, почему он что-то умалчивает о самой загадочной Избранной за все существование проекта.

Я поджала губы, вспоминая пустое выражение лица статуи. Темный металл идеально выражал его отношение ко мне.

— Загадочная? Я — загадочная? Я проста как два рубля. Проще только инфузория-туфелька. Вымышленная туманность моей личности делает Клода очень подозрительным, а меня очень усталой. Я почти не подходила к тренировочному зеркалу. У меня едва есть время на задание Атроса.

Лёша остановился на развилке. Приказав ждать, он подошел к скале и заглянул за угол: туда, где плохое настроение стального учителя выливалось в очередную полосу с водными, грязевыми и огненными препятствиями.

— Два метра. Первый проход наш. Постарайся преодолеть его максимально быстро, — шепнул мой провожатый и скрылся. Я выждала несколько секунд и прильнула к шершавому камню. Холод лизнул щеку и успокоился.

Выждав, когда Клод глянет на секундомер, покачает головой и устремит суровый взор в ту сторону, где потерялась я и еще добрая

половина халтурщиц, метнулась к узенькому проходу. Боком протиснувшись в расщелину, я тяжело выдохнула. Сердце выползло из пяток и сумасшедшим биением отпраздновало победу.

Несмотря на отсутствие внешнего источника света, видимость в пещере стояла отличная. Я заозиралась в поисках ламп и свечей, но ничего не обнаружила. Проклятая физика Центра начинала потихоньку подбешивать. Нельзя жить вот так, совсем без правил, нельзя!

Пещера была небольшой и имела только один выход. Помимо мелких ямок, шедших вдоль стен, в ней не нашлось ничего любопытного. Я подошла ближе. В темных углублениях лежали цветные продолговатые мячики размером с кулак. Не все обладали радужной оболочкой. Кое-где проглядывали оттенки серого. У последних Лёша присел на корточки и осторожно выудил из кармана черный кокон-сферу.

— Подержи-ка, — он протянул мне ношу. Я взяла. Лёша принялся перекладывать радужные коконы в соседние углубления. Сначала он их гладил, говорил непонятные, необычайно мелодичные слова, и большими мягкими ладонями легонько приподнимал. Казалось те подмигивали ему соцветием ярких красок, будто общаясь на известным им одним языке.

Мои руки дрожали, когда я принимала необычную вещицу. Темный клубок оказался очень легким и… теплым? Прижав к нему ухо, я почувствовала ритмичные удары. Биение сердца? Пульс?

— Оно живое! — воскликнула я, отдергивая и едва не роняя шар.

— Тс-с-с, — Лёша перехватил мои руки, заставляя сжать их на коконе. — Не «оно», а «она». И конечно живая.

Продолжая удерживать, он помог опустить ношу в углубление, к остальным коконам.

«Это не ямки, — поняла я, — а колыбели. И в них лежат не шары и не коконы, а яйца».

— Магия, — подтвердил догадки юноша, любуясь своими творениями. Он смотрел на них так, как матери смотрят на своих первенцев. — Забытая, потерянная, уничтоженная, ушедшая, мертвая магия, которой Избранные будут обучаться и даруют им новую жизнь.

Я сжала кулаки, вновь ощущая живое тепло. Яйцо лежало в колыбели, но я не могла перестать слышать размеренное биение его пульса.

— Эта черная, — невпопад брякнула я.

— Она особенная.

— Разве они не все особенные?

— Все. Но каждая из них спасет только один мир, а эта, — он ласково погладил дремлющий кокон антрацитовых красок, — эта может спасти все миры.

Сквозняк заставил меня поёжиться.

— Они великолепны, — подтвердила я, вставая с колен. — Жаль, мне пора. Клод ядом начнет плеваться, если я приду самой последней. Спасибо, что показал их, — неуверенно кивнула.

— Удачи тебе, — пожелал Лёша, оставаясь у колыбелей.

— Удача мне не поможет, — шепнула я, протискиваясь обратно.

Прижавшись к камню, я скользнула руками по проходу. На стенке остался слабый золотистый блеск. Точно такой же, как тот, которым Селина упрекнула меня в первый тренировочный день.

Черт, да где я постоянно пачкаюсь?!

— 12 —

— Девочки, куда это годится? Четвертая неделя пошла, а у меня до сих пор болят бедра после уроков верховой езды, — ныла Блонди, сползая по цветастым обоям тренировочного зала нашей пятерки. — Грациозно держаться в седле — это вам не галопом удирать от стаи упырей. Без особого чутья и внутренней грации не обойтись. А как же ее поддерживать, если стонет каждая мышца?

Дитя моды и минеральной косметики считала, что именно ей досталась самое сложное предназначение и не стеснялась напоминать об этом при каждом удобном случае. Четырнадцатая готовилась к Отбору: к жесткому соревнованию красавиц за сердце своенравного и свободолюбивого принца. Это вводило четырнадцатую в крайнюю степень возмущения. За всю свою жизнь девушке ни разу не доводилось гоняться за парнями и с кем-то конкурировать. Достаточно поманить пальчиком и мужчина оказывался у длинных стройных ног.

Днями и ночами Блонди просматривала будущих конкуренток. На ухоженном личике сменялась пестрая гамма эмоций, когда она взвешивала свои силы и понимала, что включив всю хитрость и обаяние, она все равно не дотягивает до тройки финалисток. Каждый из нас, в рамках своих умений, предлагал Блонди варианты для победы. Сто сорок седьмая нудила, что брать принца надо интеллектом

и твердым характером. Лариса уверяла, что против ее борща и пирога с брусникой не устояла бы ни одна коронованная особа. Сома считала лучшим вариантом совместное распитие крепких напитков. Я предлагала накопать компромат на его отца. Видит бог, там была масса вариантов для шантажа, а сам принц далек от идеала. Наглый, привередливый, не уважающий женщин мужлан! Каким образом он и Блонди должны были составить замечательную пару и спасти мир, я не представляла.

Довелось же ей вляпаться в мир, где против ее опыта обольстительницы встанут истинные мастерицы своего дела.

— Дробь, а чего ты там трешься? У тебя, конечно, нет особых заданий, но не лезть же теперь от скуки на стены? Займись чем-нибудь полезным.

— У меня есть поручение от Атроса, — напомнила я.

— Ну да, ну да. Написать собственную историю по спасению. Дорогая, это уныло, — четырнадцатая притворно зевнула. — Почему бы им не признать ошибку? Все мы ошибаемся. Кто-то больше, — стрельнула она глазками в Ларису, перебирающую сюжеты в розовом дневнике, — кто-то меньше. Серьезно, что ты там делаешь?

Любопытство перебороло усталость, и Блонди нависла тенью над моим экспериментом. Платочком из белого льна я шуровала по скрипучему подсвечнику (свечку, я, кстати, ввинтила обратно). Проводя импровизированной тряпкой по медному изгибу, тут же тщательно изучала ткань на предмет блесток.

— Если тебя с Избранной перевели в уборщицы, так не стесняйся, скажи. Лариса даст пару советов. По ней видно, что она профи.

Я закатила глаза. Сто первая выразила недовольство покашливанием.

Первое время хамство Блонди бесило. Доходило до того, что я представляла, как хватаю светлые космы и впечатываю миловидное личико в пол. Или спуск по горной дорожке оборачивается несчастным случаем: один толчок и никто никогда не докопается до истины. Мы живем на опасном склоне — произойти может всякое!

Но до рукоприкладства и смертельного исхода не дошло. Меня опередили. Земля слухами полнится, а лагерь ста сорока семи и дробью живет сплетнями. Некоторым, особо бойким девицам, собственные группы устраивали «темную». Выдернутые клочки волос,

фингал и бойкот, может привести в чувства не только виновницу. Пара таких случаев, и Блонди немного присмирела. Не без помощи Псевдолидера, конечно. Стойкая защитница с неизменным пучком на голове и очками-бабочками, без обиняков предупредила, что уроки рукопашного боя даются ей лучше всех остальных.

Четырнадцатая ненадолго притихла и начала по новой. Мол, готова постоять за слова в честном поединке. Усилила напор, и очередная перепалка превзошла все ожидания. Растаскивали воительниц по углам, я, Лариса и перепуганный Лёша. Последний, так и не понял причин конфликта. В его представлении, девушки — милые, робкие создания, что волею судьбы (Атроса) отправлены на священный бой с Врагом.

Не столько от желания, сколько из-за больших перепуганных глаз Лёши, девушки пожали друг другу руки. Милаха-бог успокоился, одарил улыбкой ангела, смущая всех (включая Ларису) до кончиков ушей, и сопроводил к родной пещере. Стыд оказался сильнейшим мотиватором, чем боль. Блонди снизила градус ядовитости, Псевдолидер приструнила гордыню. Постепенно слова четырнадцатой потеряли остроту, а может, мы к ней попривыкли и перестали обращать внимание. В любом случае, этот этап межличностных отношений мы преодолели.

— Я постоянно пачкаюсь о какую-то фигню, — ответила я, переварив очередной намек на мою недоизбранность. — Постоянно в каких-то блестках, будто с дискотеки нулевых сбежала. Вот, прохожусь по тем вещам, которые трогала.

— Зачем ты брала свечку? — поинтересовалась из угла Лариса.

— Пыталась понять, как она работает, — не моргнув глазом, выпалила я полуправду. Про ночную прогулку к темным зеркалам я не рассказывала никому. Даже с Сомой не поднимала этот вопрос, предпочитая оставить все забытым кошмаром. Зловещий незнакомец всплывал в памяти каждый раз, как я обращала взор на черный провал запретного коридора.

Черт, его на золотистую пыльцу я не проверяла!

— Как Сома.

— Что? — обернулась я к Ларисе, застыв с платком. — Сома разбирала подсвечник?

— Нет, я про золотую пудру, — ответила та. — Она как-то подавала мне руку на спуске. Я потом ладонь целый день оттереть не могла. Впиталась, как краска.

— Когда это было?

— Ох, не помню. Неделю-две назад.

— А не в первый день лагеря?

Лариса покачала головой.

— Блестки, золотинки, — пробубнила Блонди, возвращаясь к пуфику. — Нашли тему для разговоров. Не о том беспокоитесь, дамы. Лучше объясните вот что. Каждый вечер мы снимаем форму и оставляем ее на вешалке, спинке стула, корзинке для белья или на полу. Утром, форма лежит чистая и выглаженная.

— Кроме первого дня, когда комнаты на нас настраивались, — уточнила я.

— Ну да.

— А вопрос в чем?

— Вопрос в том, в чем мне ходить, если еще не утро, а платье грязное, как из мусорки! Я не могу принять молочную ванну с лавандовым маслом и лепестками роз, а потом залезть обратно в вонючую, колющуюся тряпку.

— Постирай, ручки-то есть, — снова отозвалась Лариса, очень редко опускающаяся до грубости.

Виной всему — проблема с санузлом. Блонди единственная, кто удовлетворительно отнеслась к уборной. Мне, к примеру, достался скрежетавший и протекающий душ. Именно он решал, под какой водой мне сегодня мыться: ледяной, холодной, едва теплой или грязной. Лариса же получила в пользование какую-то странную комнату, где мы всей бригадой угадывали предназначения конструкций. Ее ванна состояла из косых труб разной длины, подвешенных над потолком и свисающих шнуров. Композиция напоминала японские фонтанчики для релакса, но ни как не место для купания. В зависимости от того, какой, сколько и как долго тянешь шнур, лилась вода, пена, цветная жидкость и пузырьки. Температура и поток регулировались комбинациями шнуров, из-за чего мытье превращалось в танец на мокром кафеле. Никогда комната три на три метра не казалась такой большой и опасной. Осложнялось все музыкальным сопровождением, меняющимся от места положения

моющегося, напора воды, опущенных шнуров и еще кучи мелочей, не укладывающихся в голове человека, рожденного в период руководства Брежнева.

— Твоя гардеробная с мою комнату, — вставила я.

— И?

— Она не пустая, все знают о тех нарядах.

Блонди смерила меня взглядом, подразумевающим, что это я клиническая идиотка, а не она.

— В парче да по нашим коридорам? С ума сошла? Ты знаешь, что такое корсет и шлейф? Не то в чем бегают кросс!

Я отстала от металлической загогулины, что ни на йоту не стала чище от активного надраивания. Белоснежный платок остался чистым: кто-то в этих хоромах протирает пыль. Я издала вздох отчаяния и поплелась к Ларисе. Если «предназначение» Псевдолидера было признано самым опасным, то судьба сто первой заняла лидирующее место в графе «самая непонятная миссия».

Перегнувшись через руку Ларисы, я заглянула в дневник. Первый абзац отводился введению. Той части, где описывалось, как именно Избранные попадают в Центр и как переходят в свой мир. Без памяти о тренировках, Клоде и собственной избранности.

— Воспользуйся сменкой, — предложила я, заинтересовавшись красочной картинкой.

— Какой сменкой, Дробь?

На странице автор изобразил карандашный рисунок, как девушка проходит через зеркало. На одной части листа она стояла в форме Избранной, лицо переполненное решимости глядело на будущий мир, а на другой части, она выходила в джинсах-клеш, красном топике и растерянной мордашкой.

Картинка натолкнула меня на мысль, куда же делась наша одежда? Если сюда мы попадаем в форме, то в новом мире оказываемся опять в родных шмотках. Понятное дело, для того чтобы не возникло подозрений, а где это мы побывали между точкой «А» и «Б». И все же, где мой хлопчатобумажный комплект в мелкий цветочек?

— Сменной формой, что в шкафу. У меня только она одна там и лежит.

— Правда? — удивилась Лариса, откладывая розовое безобразие на колени. — А у меня ткани безумного Шляпника с изуверскими

завязочками. Не сари, не кимоно, а обрезанные, растягивающиеся полотна. В Кром'кхаръ'ир'даш, прости Господи, что неверующая, иноземные скварды ходят в пышных нарядах. Заворачиваются во все тряпки и как-то так перематывают себя, что конфетка конфеткой. Аж, завидно. А я, сколько не корячилась, в мешок из-под картошки превращаюсь. Стыд и срам. Ну не под силу нашему человеку так извернуться.

Я пожала плечами.

— Может это демонстрационная форма, как и сама комната?

— Тогда чья же форма на тебе? — резонно заметила Блонди.

Она почесала руку, принюхалась и сморщила аккуратный носик.

— Нет, не могу я так. Лучше в панталонах бегать, — Избранная развернулась и топорной походкой направилась к своей комнате.

Я сжала в руке платок и уставилась на тени мрачного коридора. Там, за бархатными шторами прятались сотни спасенных и погубленных миров. Юные Избранные сражались с нечестью, побеждали злых колдунов, заканчивали магические академии и очаровывали лордов, принцев и королей всех мастей. Будь у меня свой мир, я бы жутко переживала, что лоханусь в первые же минуты новой жизни. Попью там из отравленного ручейка или свалюсь в берлогу к медведю. Поверю не тем, влюблюсь в не того, спасу не тех, выберу не то. Или великое бремя спасительницы и огромная сила исковеркает мои неустойчивые моральные принципы, и спасать мир придется от меня. Вот будет потеха! Атросу придется искать Избранную 2.0, что спасет мир от другой Избранной более ранней версии.

— Засиделась, — Лариса захлопнула инструкцию. — Пойду дальше выяснять, что акроматисы подгорные не поделили с акроматисами междуречными.

— Такое есть в дневнике?

— Такое есть в моем мире, — вздохнула соседка. — Вот тебе совет, Анечка, оставайся человеком. Я серьезно! Не дело это оказаться женщине в теле горного духа. Если уж очень припечет, то говорят, что феи из нормальных. Только с эльфами не перепутай. Патриархат у них круче, чем у демонов.

Исторгнув умную речь, Лариса охая и ахая, встала и поплелась в свою часть коридора.

Сома и сто сорок седьмая учились вязать морские узлы.

Блонди отмывала конский пот.

Зеркало маяка призывно поблескивало тайной, с привкусом нудной учебы. Я подозревала, что Клод однажды объявится с проверкой и справедливо взгреет за лобтрясничество.

Но когда это еще будет?

Будем честны с собой, если бы этот коридор был таким уж запретным, неужели его не перекрыли бы и не повесили амбарный замок? Представляй это место опасность, его бы перенесли на другую часть планеты, а не оставили по соседству с любознательными девицами.

Входя в туман расступающихся теней, я убеждала себя, что иду ради загадки золотой пыльцы, а не чтобы еще раз взглянуть на погибший мир и убедиться — незнакомец мне не привиделся.

— 13 —

Слишком напуганная, пробирающаяся в потемках, я не запомнила комнату, в которой нашла Сому. Все они выглядели одинаково, за исключением оттенка обоев и узоров на зеркалах. Миры как миры. Без указателей и неоновых вывесок. Поди угадай, у которого топталась больше половины месяца назад. Но я не отступала.

Любопытство пополам со страхом, смешались в гремучий коктейль жгучего любопытства, заставляя двигаться вперед. У девочек были свои миры. Они каждый день говорили о незнакомых городах, расах и волшебстве. У сто сорок седьмой клан вампиров вел борьбу с кланом оборотней за территорию. Сому ждало пять лет приключений в магической академии. Ларисе предлагалась нелегкая судьба в стане загадочных и таинственных существ.

У меня был сломанный маяк.

Я хотела большего. Хотела посмотреть на сказочные города, где магия — повседневная часть быта людей. Где девушки ходят в платьях дороже трехкомнатной квартиры. Где галантные кавалеры и истинные аристократы пишут возлюбленным дамам поэмы. Где история Золушки возможна, и принц на белом коне действительно может полюбить незнакомку и отыскать ее в любой части света. Где жизнь из книжек реальна. Где возможно все, и еще немножко.

Где любовь с первого взгляда и до конца времен. Как в рекламном ролике сетевого маркетинга, где после третьего месяца активного

распространения ненужной никому гадости, обещают собственный вертолет.

«Ладно, — решила я, поднося платок к одной из зеркальных поверхностей, — проверяю на золотую пыльцу, немного смотрю мир, разочаровываюсь, иду дальше».

Так продолжалось долго. Миры менялись. Все абсолютно разные, но в чем-то одинаковые. В одних жизнь текла медленно и плавно, в других била ключом. Ничего необычного. Рутина. Пускай с налетом волшебства, непонятных обычаев, смешных одежд, орков (если это они) и драконов, но рутина. И нигде, ни в одном из зеркал, как бы долго я не вглядывалась в оживленные дороги, в чащу леса, в дворцовые лабиринты, мужчина в темных одеждах не появился.

С того дня, с Сомой мы толком не разговаривали. Она не заикалась о ночных прогулках и о том, что все мы обречены, а я поддерживала молчание, не желая прослыть еще более странной или докучливой. Здравый смысл подсказывал, что в тот далекий день мы обе были немного не в себе. Стресс проявляется по-разному. Я размышляла ночами, что если незнакомец мне приснился? Если разговор с Сомой вымысел? Да или нет?

Оставить мысль про неспасенные (зараженные?) миры я не могла. Они есть? Их много? Кто-то из Избранных в них попадал? Что с ними стало? Дайте процент Избранных проваливших задание. С этими вопросами я лезла к Атросу. Он вздыхал, кристаллики играли бежевыми разводами, а потом отвечал.

Я застыла у очередного покрова алого бархата. Платок оставался белоснежным, мой энтузиазм сбитым с толку. Я дернула за шнур, и ткань поползла в стороны. Кулисы распахнулись. Дневной свет больно резанул по глазам. Взбудораженное чириканье птиц смешалось с шелестом листьев. Лязг колес и цокот копыт где-то совсем рядом. Громкий смех девицы, лишь на половину, попадающую в обзор зеркала.

Та самая аллея! Цветы! Запах! Я нашла его. Нашла мир с незнакомцем!

Отвлекшись от созерцания мирного существования цветочного парка, я устремила взгляд на раму. Взмахнула платочком, скользя по изрезанным линиям рамы, и не удержалась от восклицания.

Вот ты и попалась, золотая пыльца!

Невесомый налет блестел, на просачивающемся сквозь зеркало свету.

Нашла и нашла. Дальше-то что? Второй раз пыльца появилась на моих руках после посещения пещеры Лёши. Там не было зеркал, которые я могла потрогать. Тупик. Это в детективах одна зацепка ведет к другой, а закатившийся под каминную решетку окурок к раскрытию заговора политической верхушки. А здесь все, конец истории. День мучений ради ничего — классика жанра моей жизни.

Я подождала еще пару минут, надеясь на внезапное озарение, что объяснит связь блесток в запретном коридоре и в колыбельной магических коконов, но нет. Не сегодня.

Я повернулась закрыть шторки.

Он стоял там.

Нет, не так.

Там стоял Он!

«Твою ж мать!» — мысленно проорала я, выдерживая внешнее спокойствие. Покерфэйс уровня пятого курса Университета. Когда тянешь билет на экзамене, смотришь вопросы, видишь их впервые, смотришь на преподавателя и, с невозмутимым видом садишься за парту, агонизируя в адском пламени паники.

С видом «нет, в прошлую нашу встречу я не сбежала трусливым зайцем, как вы вообще могли такое обо мне подумать, это у вас с головой не все в порядке», я скрестила руки, пряча платок в рукаве, и сдержанно, как учил Клод на последнем уроке этикета, улыбнулась.

Мужчина на той стороне зазеркалья разглядывал мой значок. Я пожала плечами и заново оценила странного гостя. Все мои знания по психологии сводились к десяти советам: как распознать настоящий перед вами мужчина или маменькин сыночек; женскому тренингу: генерал или неудачник; статье о пяти признаках, что человек вам лжет; тесту о том «какой вы детектив?» и советам разведенных коллег на работе.

Итак, сказал мой внутренний ищейка, комиссар Коломбо — у него чистые ботинки. Он следит за собой. Гениально, комиссар, гениально! Позвольте я продолжу дальше сама. Что же говорит плащ черного цвета поверх фрака? Если делать скидку на различия в культурах разных миров, может означать все: от затяжной депрессии и скрытых комплексов, до желания выгладить стильно и стройно. О, нет-нет,

милая Дробь. Приглядитесь к тому, как пошита одежда и на шеврон с правой стороны — он в форме.

Я не успела продолжить аналитику из серии «красное — это кровь или варенье, запрещенный сигнал светофора или цвет». Стекло пошло жилистой рябью солнечных бликов: незнакомец заговорил.

— Избранная сто сорок семь дробь два. Значит, ты мне не померещилась.

Чудненько, я не одна здесь с заскоками.

— Кто ты такой?

Глаза мужчины сощурились, и я поймала себя на том, что не могу определить цвет радужки глаз. Оттенки сменяли друг друга в мельтешении света, и падающей тени надвинутого капюшона.

— Всего лишь странник, леди.

— Все странники ходят в униформе?

Он не показал, что удивился моей догадке, за что получил дополнительный плюсик к пункту: «потенциально подозрительный тип».

— Все странники Его Величества, — ни на секунду не замешкавшись, произнес он. — Вопрос на вопрос, милая леди. С каких пор Избранные стали дробиться?

Щебетание птиц смолкло.

— Прежде чем я отвечу: откуда мне знать, что ты не Враг?

— Кто? — искренне удивился он, наклонив голову вперед. Кожаный капюшон сполз назад, позволяя разглядеть копну густых черных волос.

Ветер притих.

— Враг, — повторила я, чувствуя неловкость.

Помимо тройки учителей (еще месяц, и по-серьезке начну строить глазки Атросу) это единственный мужчина, которого я видела за последние три недели. И даже местные боги не знают, когда смогу встретиться с тем, кто предназначен судьбой.

Последнее, что я собиралась делать — это заводить отношения на расстоянии. Тем более, где-то там, есть мой единственный и неповторимый. И все же, спинка-то выпрямилась. Фартучек поправлен. А профессиональный взгляд свободной самодостаточной женщины, выловил отсутствие кольца на безымянном пальце. Перчатки перчатками, а глаз-то наметан.

— Не знай я, из какого мира Избранная леди, счел бы вопрос за оскорбление. Не существует таких обстоятельств, в которых я мог бы посчитать своим врагом леди или стать для нее таковым.

Красиво загнул. Но я, в свое время, с парнями через интернет знакомилась. Те непризнанные философы такие поэмы вещали, что на второй час общения я верила, что мужская моногамия — губительна для здоровья обоих партнеров, а брак выдумка правительства, масонов, нефтяных корпораций и макаронного монстра.

Знаю я вас, мужчин, что говорят много, обтекаемо и непривычными словами.

— Кто ты такой, странник и почему преследуешь Избранных в зеркалах зараженных миров?

Есть Враг. Есть Избранные. Есть миры, нуждающиеся в спасении. Их судьба зависит от того, кто доберется первый. Мы или он. Мы — мир живет дальше. Магия пробуждается, наследники на престол появляются, расы трубят перемирие, эпидемии остановлены, люди празднуют победу. Враг — магия сходит на нет, люди погибают, в династии раскол, братоубийство, царевны в башнях с драконами, принцев нет, древнее зло тянет ручки к простым смертным и нет того, кто его остановит. Мир охвачен огнем, болезнями и стремится к саморазрушению.

Если мир заражен, у Избранных нет шанса. Если Избранная прибыла раньше Врага, шанса нет у него. Загадка в том, что ни мы, ни он не знаем, кто за кем пришел.

— Я занимаюсь исследованиями, леди, — склонил он голову. Металлические блестяшки на плаще звякнули. По зеркалу прошла очередная рябь.

Мужчина не мужчина, красивый или нет, а от него мороз по коже. Не из-за внешности или одежды, а из-за чуждости. Чего-то далекого, недосягаемого и непознанного. Как у Атроса. Вроде говорит на нашем языке, но стылый воздух нечеловеческого сознания, порой да пробежится по коже.

— Разве странники не занимаются странствиями?

— В том числе, леди.

— И что же ты исследуешь?

Картинка окончательно застыла. За спиной незнакомца не шелохнулось ни одно деревце.

— Феномен ста сорока семи, — неприятно улыбнулся он. — И, видимо, одной дроби, леди.

Я покосилась на шнурок от шторок.

— Ты изучаешь нас?

— Феномен вашего существования, леди. От того, как ты выразилась, преследую «избранное» сестричество в разных мирах.

— Зачем?

— Пообщаться с Избранной в живую — редкое везение для представителей моего мира, леди.

Я сощурилась.

Пообщаться, значит, хочет. Нашел дурочку. Как пить дать — Враг! Или один из его прислужников. Или кто там составляет вражеский тыл?

— Я не леди.

Он качнул головой.

— Вопрос восприятия и необходимой краткости.

— Не поняла.

— Разумней сделать несколько допущений к статусу и остановиться на «леди», чем мучиться каждый раз, выговаривая «Избранная сто сорок семь дробь два».

Святые единороги! Зачем же так изъясняться. Ведь на «ты» общаемся.

— Ладно-ладно, — вскинула я руки в защитном жесте. — Просто, чтобы прояснить ситуацию. Ты шатаешься по мирам и преследуешь молодых невинных девушек в кофейных фартучках?

Мужчина нахмурился. Обернулся, словно кто-то окликнул его за пределами видимости зеркала, и недовольно повел плечом, смахивая невидимую руку.

— Фактически — да, — с легкой досадой подтвердил он. Сравнение его работы с повадками маньяка, не очень пришлось страннику по вкусу. Он надвинул спавший капюшон поглубже на голову. — Но ради благих целей. Не надо меня бояться, леди. Я из высокоразвитого и высокоцивилизованного мира. Мы научились проходить через границы, установленные могущественными и высокомерными существами. Мы ищем новое и неизведанное. Мы ратуем за сосуществование всевозможных рас, культур и традиций.

— И чего надо от нас? — ни на грамм не подобрела я. Каждое слово странника только сильнее подкармливало подозрительность. Такой уж менталитет. Скажите мне, что все хорошо — пойду запасаться спичками и солью. Скажите, что все плохо, отвечу — прорвемся.

— Всего — ничего, — пожал он плечами. — Сотрудничество. Мы могли бы помочь друг другу.

— Мы и так неплохо справляемся.

Чем дальше я уходила в оборону, тем сильнее он напирал. Не привык к отказам или неопытен?

Мужчина одернул форму, путаясь в металлических бляшках и завязочках плаща. Вздернул подбородок, выискивая точку между нашими мирами. Зацепившись взглядом за что-то невидимое, он бросил несколько слов на незнакомом наречии. Между пальцев, облаченных в черную кожу перчаток, возник фиолетовый дымок. Он продержался ровно секунду, которой мне хватило, чтобы разглядеть в клубке тумана золотистое перышко.

— Событие «Дубль» ничему не научило ваших богов? — как ни в чем не бывало, продолжил, странник.

— Что за событие?

— Спроси у забытых божеств, — он отодвинулся от зеркала, ступая на дорожку разноцветной мостовой. Вновь появись звуки. Парковая аллея забурила привычной жизнью. — Кажется, я вызываю меньше доверия, чем существа, похитившие тебя из отчего дома. Узнай про «Дубль», леди, и если чаша весов сдвинется в мою пользу — возвращайся. Я найду тебя.

— Что? Стой! — я припала к стеклу.

Мужчина дотронулся до нашивки, в последний раз глянул в мою сторону, уже расплывчатым невидящим взором, и исчез.

— 14 —

Мы не всегда оказывались впятером на занятиях. Блонди, как и Ларисе, совершенно не требовались навыки стрельбы или фехтования. Сто сорок седьмая не посещала занятия по верховой езде и оказанию первой медицинской помощи. Сома не изучала свойства магических растений. Меня же Клод таскал повсюду, что не имело никакого смысла. Они так и не разобрались, какой мир жаждет видеть во мне

Избранную, а я до сих пор не придумала, какая бы история осчастливила бы лично меня.

Среди ста сорока семи похищенных землянок нашлись те, кто преуспевал в том или ином искусстве. Они разгрузили воинственную статую, взяв на себя кружки по вокалу, плетению бисера (пожалуй, возьму на заметку тот мир, где для выживания требуется именно этот навык!), спортивному ориентированию и многим другим искусствам. Лариса, кстати, взялась преподавать основы домоводства.

В общем, многие, что после первого месяца активных тренировок, впадали в депрессию или мечтали не проснуться, почувствовали себя лучше. Но не я. Железяка опять взъелась на меня не понятно за что, и не давала спокойной минутки подумать. С самого утра до глубокой ночи, я была вынуждена находиться в поле его зрения. Никакой самостоятельной работы. Только под присмотром. Вследствие чего, я посещала все его уроки и почти ни черта не могла запомнить.

В голове творился сумбур из химических элементов, ядовитых трав, разновидностей кварца, лунных циклов подходящий для сбора урожая и задач по математике. Математике! За что, господи? Мы же расстались с этой коварной дрянью полюбовно, двенадцать лет назад. Какие интегралы? Откуда взялись синусы? Что за дифференциальные уравнения? Я не помню, как в столбик делить! Я, который год, не могу рассчитать свою зарплату на тридцать дней, где главные статьи расходов кот и долбанный кредит за телефон, который мне больше никогда в жизни не понадобится.

Клод объяснял, что пока моя судьба не определена, следует учиться всему понемногу. Под его личным присмотром, разумеется. В самом деле, рано или поздно, девочки пройдут подготовку и отправятся навстречу предназначению. А я? Буду куковать одна, с Клодом, Атросом и Лёшей. Вечная студентка курса молодого бойца для Избранной?

Именно так статуя намекнула, чтобы я перестала халявить, спать на занятиях и выменивать правильные ответы на плюшки, переданные контрабандой от Ларисы.

Еда, кстати, встала отдельной темой. Ужин в наших комнатах разнообразием не блистал. Меняться между собой блюдами злобный бог стерильного мира запретил, как и подворовывать еду с завтрака («Ха!» — подумала я. «Ха-ха», — подтвердила Лариса, что дважды

ездила в лагерь для похудения и санаторий лечебного голодания). Мол, приучаем желудок к пище будущего мира. Ибо морковка мира «А» и морковка мира «Б» — не одно и то же, а всякие странности, что на Земле не растут, тем более надо вводить в рацион.

— Я, как-то в Грецию с мужем летала, — поделилась со мной сто первая, усаживаясь рядом на полянке. Естественно, ни стульев, ни диванов нам никто не предложил, а, наоборот, пригрозили дополнительными уроками йоги, если будем упрямиться. — Первые три дня голова жутко болела. Аллергия на олеандр, представляешь? А их — полный сад у отеля. Ну, да ладно, поругались с тур-оператором, нас переселили. И что ты думаешь? Ни одного русского в отеле, кроме нас. Зато полный набор азиатов. У меня-то здоровье крепкое, тем более что отпуска осталось всего неделя. Так нет же, эти привезли кучу своих микробов, от которых у нашего брата иммунитета нет. Я свалилась в тот же день, как подкошенная.

Я недоуменно воззрилась на Ларису. Мой грозный надзиратель о чем-то активно спорил с Лёшей.

— Это ты к чему?

— Нас будут вакцинировать, — прошептала она и многозначительно кивнула. — Если забугорные микробы могут подкосить на раз два, то те, что в другом мире — сожрут заживо.

— Есть же магия, — не согласилась я, возвращаясь взглядом к Клоду. Тот заметил пристальное внимание, ткнул в мою сторону пальцем и что-то резко высказал юному богу. Я картинно схватилась за сердце и завалилась в притворный обморок.

Лариса бросилась на помощь. Клод даже не моргнул. В его заводские функции не входила такая обыденная вещь, как моргание.

— Ой, ты чего, Дробь! Вот же дуреха, — добавила распространительница сладкой контрабанды, помогая мне подняться. — Я ей серьезные вещи говорю.

— Поставят нам пару уколов, дыхнут магией, проблем-то?

Женщина нахмурилась.

— Я только недавно от гриппа вакцинировалась, вдруг оно вместе гремучую смесь создаст? А моя история болезни? Много прививок — не безопасно. А я что-то не видела у псевдобогов моего анамнеза.

— Небось и медицинского образования у них нет, — на автомате поддакнула я, продолжая следить за сладкой парочкой.

Клод пригрозил мне пальцем и зашагал вверх по тропинке. Лёша почесал затылок и крикнул нам:

— Одно минутку, леди!

— Тебя бы я ждала всю жизнь, — хмыкнула рядом девица.

Я не помнила ее имени или группы. На значке красовался номер «12», а у ее соседки «13». Они переговаривались между собой полушепотом, и я не очень представляла, кем они являются. Дальше в рядке сидела Сома, Альберта (красноименница) и пятая. Последняя Избранная, что активно штурмовала Клода на тренировках с мечом, очень часто оказывалась со мной на занятиях. По правде говоря, я не могла вспомнить, когда последний раз не видела кудрявую шатенку рядом.

Блонди и сто сорок седьмая осваивали кросс. Эти двое изматывали себя на пробежке так, будто одной не требовалось в новом мире изображать куклу Барби, а другой оттачивать навыки дипломатии для примирения двух рас. Впрочем, доведись мне бороться с дюжиной красоток за место императрицы или разнимать кланы оборотней и вампиров, я бы предпочла умению сладкой речи навыки бега на длинные дистанции.

— Вы готовы?

Двенадцатая пискнула от восторга. Остальные взволновано потянулись вперед. Любимец дамской публики вынес на поляну корзинки с коконами. С теми самыми, что я видела в пещере. Они появились из воздуха в свете серебристой пыльцы.

— Это магия!

— Верно, пятая, — похвалил ее Лёша, вызвав тем самым недовольство Ларисы, красноименницы и смутно знакомых девушек.

— Выскочка, — тихо прокомментировала последняя. — А то мы сами не догадались бы.

Я подняла руку.

— Мне можно остаться?

— Да-да, — подтвердил отец всея магии. — Я договорился. Магия, за редким исключением — неотъемлемый атрибут каждой Избранной.

Теперь и я ощутила в себе прилив радости. Магия! Мне дадут магию. Я стану волшебницей. Или магиней. Магичкой. Магом, блин.

Разноцветные коконы излучали иллюминацию, достойную новогодних праздников. Лёша сел на колени рядом с импровизированным гнездом и наклонился к малышам. Он едва слышно прошептал что-то ласковое. Замер, прислушиваясь. Мягко улыбнулся цветным красавцам.

— Ах, ты готов, — обрадовался юный бог, беря кокон цвета спелого лайма. Он вздрогнул и запульсировал. Лёша обнял его, укачивая на руках. Мое лицо расплылось в умилительной улыбке, спровоцировав волну девичьих, восторженных восклицаний. Даже Сома, что всеми силами строила из себя мизантропа, с трудом держала лицо. Ее глаза сияли восхищением и восторгом, но репутация незаинтересованного ни в чем хмурого подростка вынуждала молчать. Девушка отчаянно пыталась избавиться от образа плаксы, уйдя в глухую оборону. Но перед красотой нерожденной магии устоять не смог бы и прожженный циник.

Лёша повернулся к нам.

— Кто тебе нравится? — спросил он. — К кому ты хочешь?

Лариса схватила меня за руку и крепко сжала. На добродушном лице заиграл румянец.

— Хорошо, — кивнул он сам себе — и протянул драгоценный дар двенадцатой.

Ошалевшая от счастья, девушка вцепилась в кокон крепкой хваткой. Я впервые порадовалась тому, что сижу рядом с ней и могу разглядеть мерцающее великолепие сверхъестественной квинтэссенции. У меня не было детей, но если бы таковые имелись, пожалуй, я смотрела бы на них с таким же умилением, как моя соседка разглядывала клубочек магии.

— А какие она прошла тесты?

— Тесты? — Лёша поманил оставшихся ближе к корзинам.

— Кто к какой магии больше предрасположен, — ответила за меня Сома, ближе всех подползшая к коконам. Ухватившись за плетеный край, она нависла над малышами. Источаемый свет переливался радугой на ее коже.

Парень звонко рассмеялся.

— Это вымысел. По крайней мере, сейчас. В Центре вы абсолютно чисты и открыты для любого вида магии. В своем мире у

вас будет та магия, с которой вы научитесь обращаться сейчас. А как уж эту «предрасположенность» будут выяснять там, мне неизвестно.

Избранные синхронно переглянулись, чтобы наперебой загалдеть.

— Какая магия дает красоту?

— Молодость!

— А что для похудения?

— Сметать врагов одним ударом!

— Любовная магия!

— Блестки!

Почему-то именно на моем выкрике, девушки резко замолчали.

— Какие блестки? — пятая наклонилась вперед, чтобы проверить, не ослышалась ли.

— Ну, блестки, — неловко указала я на сыплющиеся искры.

В прошлый раз я этого не заметила, но когда Лёша отдал кокон, на рукаве остался различимый цвет зелени. Та же субстанция сияла на руках двенадцатой.

— 15 —

— Это не блестки, — на мгновение я ввела Лёшу в ступор. — Как я говорил раньше, мы в стерильном мире. Только благодаря его правилам и законам, мы можем видеть магию вот такой, — указал он на плетеные корзины. — В обычных мирах, в которые вы отправитесь, эта магия не будет иметь материального воплощения. Ее проявление подчинится правилам мира.

Вверх взмыла рука Сомы.

— Я не поняла. Клод творит с полем черт-те что, но ходит в балахоне монаха, а не поп-дивы. Не видела я за ним дорожки из серпантина и страз.

— Так он бог, а не маг, — вмешалась пятая. — Разницу-то видеть надо. Боги оперируют другими пластами энергии.

— Да та же магия, — не сдавалась Сома, оторвавшаяся от разглядывания коконов.

Тут вмешалась двенадцатая. Урок по изучению магических искусств, сразу превратился в выяснение отношений.

— Избранные! — попытался напомнить о себе Лёша, но его голос потонул в обвинительных выкриках. — Избранные!

Парень посмотрел на разволновавшиеся коконы. Пульсирующие переливы света интенсивно подавали сигнал бедствия. Юный учитель

тяжко вздохнул, протянул руку к одному из комочков, привычно погладив скорлупу.

— Избранные, если вы не успокоитесь, я позову Клода.

Тихий голос прорезал атмосферу яростных баталий насквозь. Я замерла на полуслове, забыв невысказанную мысль, адресованную красноименнице.

— Ни я, ни Клод не творим магию, за исключением этого показательного момента, — как ни в чем не бывало, продолжил Лёша. Он поднял руку, отряхнул рукав, и зеленоватая пыльца растворилась в воздухе. — Этот мир полностью лежит на плечах Атроса, и принадлежит ему. Все изменения, что происходят вокруг вас — его божественное проявление. Он управляет всем, что происходит в нашем маленьком мирке. Атрос, последний представитель своего пантеона и полноправный хозяин этого Олимпа, если будет угодно. Так что берегите его психику девушки, от его здоровья зависят наши жизни.

Стало неловко за устроенный скандал. Впрочем, я почти сразу вернулась к мыслям о Клоде и о том, как он успевает появляться везде, если не использует магию. Больше всего беспокоила наша первая встреча в коридоре. Ни я, ни кто-то из девчонок, не доходили до его конца. Во-первых, это вроде как запретная часть, во-вторых, он казался бесконечным. И где-то на его просторах поблескивала неизвестная магия.

Прикусив губу, я по-новой оценила лучезарного бога. А мог ли он оставить след в туннеле? Вторую порцию золотистых блесток я получила из его яслей. Кроме него магией никто не балуется. Только вот с какой стати Лёше бродить по заброшенным коридорам?

— Дробь?

Я встрепенулась.

— Да?

Парень из сказки, приглашающее указал на колыбели

— Хочешь попробовать?

Избранные уже разобрали своих детишек и нянчили их подобно младенцев.

— Вы принесете их в свои миры. Когда связь окрепнет, кокон станет меньше кунжутного семечка. Он будет жить внутри, и прорастать подобно цветку. С каждым днем его сила будет расти. С каждой вашей победой и поражением, он будет учиться, познавать

новый для себя мир и свой будущий дом. Сейчас они чисты и невинны, их судьбу будете определять вы. Станет ли эта магия разрушительной, сильной, непреклонной, или зачахнет после первого же проявления, все зависит от вас. Может, она будет спасать жизни, а может, выберет целью уничтожение врагов.

Переливающаяся красота никак не походила на источник гибели миров или на то, что может принести вред. Крохи излучали радость и счастье. Они взирали на нас с тем же восхищением, с каким мы рассматривали их. Смешно, обычный кокон света, как он может смотреть или что-то испытывать? Но все было именно так. Эта магия была живой, любознательной и доверчивой, как маленький ребенок. Предположить, что это существо может причинить вред — немыслимо! Но в детях тоже нет зла, пока они не вырастают.

— Я, пожалуй, пока так посмотрю.

Каждая взяла по понравившемуся кокону. Лариса свой укачивала. Сома испуганно изучала серебристое чудо. Пятая со своим разговаривала. Двенадцатая и тринадцатая пытались своих подружить. Красноименница положила своего между раздвинутых коленей и рисовала на нем узоры.

— Тебе никто не нравиться?

— Они все восхитительны, — призналась я. — Но я не представляю, как их выбирать.

— Они выбирают, — напомнил бог. — Они готовы появиться в мире. Нужен лишь тот, кто возьмет ответственность их рождения.

— Лёш, я не говорю, что не хочу или не готова. Но как я могу взять одного из них, если у меня ничего нет? Что я могу ему предложить? Такое же бесконечное ожидание, в котором нахожусь день ото дня?

— Никто не заставляет брать его насовсем. Хотя бы попробуй. Возьми на руки. Вдруг понравиться.

Я сложила руки на краю корзины. Коконов осталось больше десятка. Радужные и открытые. Они ждали, когда их кто-то выберет и понесет навстречу новому и неизведанному. Они были готовы полностью довериться любому незнакомцу, что возьмет их. Рядом с ними я чувствовала, как волна необычайного тепла и блаженства накрывает меня с ног до головы и наполняет счастьем. Магические малыши были самыми чистыми и прекрасными созданиями, что я

встречала за всю свою жизнь. И ни один из них не заслуживал ада неопределенности, в котором я проживала изо дня в день.

— Прости. Я… Знаешь, может в следующий раз?

Я отползла назад.

Оставшуюся часть занятия я просидела на траве, наблюдая, как остальные увлеченно занимаются со своими коконами. Я не завидовала. Нет. Ну, может самую малость. Я бы тоже хотела предаться беззаботному веселью, но не могла. Эта преграда, что постепенно росла внутри, не давала подойти и взять малыша из ярких красок. Казалось, если я прикоснусь к любому из коконов, они переймут мою никчемность, «дробную» неизбранность и безмирность. Я запятнаю их блестящие скорлупки чередой судьбоносных неудач.

Хотя…

Я же брала одного из них.

— Лёша! — позвала я, опасаясь, что статуя вот-вот вынырнет из-ниоткуда.

Время подходило к концу и девушки неохотно возвращали коконы, раскладывая детенышей по местам. Улыбки, озаряющие их лица, могли бы освещать путь в темных коридорах наших комнат. Ссоры забылись, обиды прошли. Двенадцатая делилась с Сомой впечатлениями. Лариса звала красноименницу на вязание крючком. Пятая с тринадцатой поблагодарили учителя за урок, и вдвоем отправились к тренировочному плацу Клода.

— Лёша! — парень повернулся, удивляясь, что я еще здесь. — А где черный кокон?

— Черный?

— Ну да, тот, что был в пещере.

Бог как-то неуверенно замялся. Странно было видеть на его лице смятение, но я продолжала.

— Тот, что ты мне показывал. Ну такой… черный.

— Черный?

Ой, да ладно!

За спиной Лёши взметнулся коричневый плащ злобного бога. Статуя буквально выросла из-под земли. И после этого, они будут убеждать меня, что магии у металлического садиста нет.

Парень внезапно побледнел.

— О чем она говорит, Ле'ахеш'иарс'ту?

— Это… Я не планировал, ясно.

— Ребят? — я вскочила на ноги, не очень понимая, что вдруг произошло.

— Черный? — повторила статуя. — Оно здесь? — пустые глаза смотрели на застигнутого врасплох учителя. Тот нервно взлохматил пшеничные волосы на затылке, и глянул в мою сторону.

— Все не то, чем кажется. И, слушай, давай не при ней, Клод.

На лице мечника произошли странные изменения. Со второй попытки я догадалась, что эта мимика подразумевала реакцию «вздернул брови», но бровей у статуи не было, и я получила вот эту гримасу.

— Не при ней? — переспросил он. — Ты притащил ту дрянь к нам в дом. В дом, где мы сами гости. И показал ту штуку ей? А теперь говоришь «не при ней»? Чем ты думал, Ле'ахеш'иарс'ту?

Теперь мне самой не хотелось тут быть. Клод нависал над Лёшей, оставаясь при этом полностью неподвижным. Он не дышал. Не моргал. Не шевелился. Обычно это не было заметным. Плащ полностью скрывал его тело, а ткань подвижна всегда. Мужчина всегда находился в движении, имитирующим в нем жизнь. Когда же он просто стоял, это наводило на оппонента жуть. Замерший бог ни чем не отличался от статуи.

— Клод, это же магия. Она не злая и не добрая, — парень указал на корзинки, где напитанные любовью Избранных, нежились уставшие коконы. — У нее нет своей воли. Воля принадлежит человеческим существам. Ты видел мою коллекцию вымирающих видов. Когда магию используют не по назначению, забывают о ней, перестают заботиться о ее источнике, она утрачивает свою мощь.

Скрежет металла пробежался по коже. Клод откинул капюшон.

— Как и мы, — подтвердил он. — Но заражение в мирах цветет и здравствует. Очень похоже на то, что эта магия не входит в число исчезающих видов.

— Клод, это магия. Если бы мы поняли, как она работает, могли бы разработать контрзаклятье, нашли бы природного антагониста. Избранные — не панацея. Временная мера. Враг уже один раз пробирался к нам, и мы до сих пор не знаем как.

— Мы знаем.

— Нет! Обычное предположение. Мы не знаем наверняка.

— Хватит! Забыл, что стало с Алисой, с таким же вот дублированным повторышем, как Дробь? С ее потоком. Хочешь повторения? Мало тебе мемориала скорби Атроса, что выстроил целые галереи и изводит себя ими? Избавься от этой мерзости немедленно, пока никто не пострадал, или я лично раздавлю рассадник скверны.

Он это серьезно? Он собирается убить одного из малышей. Моего малыша?!

Лёша поджал губы, но возразить не решился. Статуя бессмертного монаха ухватила его за предплечье, заставляя повернуться в сторону пещеры с яслями. Клод был непреклонен: никаких задержек с уничтожением неизвестной магии.

Я решительно шагнула вслед за ними, но пустой голос Клода меня остановил.

— Хочешь потратить минуты свободы на лицезрение гибели первозданного творения?

Во мне что-то задрожало, заклокотало и вздыбилось, и родило очень неприятную темную эмоцию. Странное чувство перекрыло светлую радость, шедшую от радужных младенцев магии, и подарило нечто новое и пугающее.

— Если мой учитель по философии, этике и вышиванию крестиком, собирается умертвить что-то живое и безвинное, то где мне еще быть, если не рядом? — спросил кто-то моим голосом и моими губами.

Бог-блондин хмыкнул, одарил Клода взглядом «а вот так тебе» и, выдернув руку из хватки, зашагал по убегающей вверх тропе.

— 16 —

— Клод! — я едва поспевала за несущейся статуей. Мужчина скользил по тропе с такой скоростью, что казалось, он не идет, а летит. — Чем этот кокон так опасен? То есть, я поняла, что это зародыш той самой магии, что терроризирует миры, но причем здесь сам кокон? Та же магия воды может разрушить целую цивилизацию. Цунами уничтожают города. Волны-убийцы топят корабли. Но, это же не делает воду плохой. И магия не причиняет вреда, пока не попадет в плохие руки.

Ума не приложу, почему я решила вступиться за чернильного младенца. Можно подумать, мне мало проблем с вечно стоящим над душой Клодом и я хочу еще больше контроля и наездов с его стороны.

— Это другая магия. Она может творить только зло.

— В самом деле? — ни на секунду не поверила я, прожигая дыру в спине статуи. Как раз между лопаток, где на перевязи висел меч. — Могу поклясться, что когда Лёша перечислял виды магий в его яслях, я отчетливо слышала про магию Смерти, Хаоса, Подчинения, Абсолютного Разрушения и Последнего Мгновения. Что такого жуткого в том черном клубке, что могло бы переплюнуть все это?

— Да, Клод, расскажи ей, — непочтительно хмыкнул Лёша.

Он впервые демонстрировал откровенное недовольство своим коллегой.

— Ле'ахеш'иарс'ту… — подобно несмазанным петлям, заскрипел металл. Такой звук я слышала всего несколько раз, когда от злости Клод сжимал челюсть. Когда он вновь заговорил, мы уже стояли на пороге перед входом в пещеру. — Если с этим выпуском что-то произойдет — это будет твоя вина. — Сквозь зубы проскрежетало злое божество, прежде чем обратиться ко мне. — Эта магия искажает реальность,

— Не худшее из того, что я слышала.

Клод много рассказывал про заражение, расписывал последствия; как на ровном месте загнивают миры; как великих героев сражают заговоры недавних соратников; как магия оборачивается против своих носителей; как расы восстают друг против друга; как великие империи обращаются в пыль под ступнями Врага. Но ни разу он не объяснял, как действует эта магия и для чего Врагу гибель чужих цивилизаций.

То зеркало, где я видела человека в черном, показывало обычный сад. В нем не было разлагающихся трупов, человеческой агрессии или любого другого проявления зла. Впрочем, дальше деревьев и цветущих кустов я не заглядывала, но разве общий упадок мира не должен читаться в каждой его частичке?

Я больно прикусила губу, вспомнив о незнакомце из зазеркалья. Ведь намеревалась же спросить Лёшу или Атроса о нем. Ждала подходящего момента, чтобы отвязаться от железного надзирателя и поговорить с ясноглазым божеством наедине. Так нет же, Клод со своей паранойей. А как при нем разговаривать на откровенные темы, если для любого неверного слова у него есть соответствующий выпад с мечом наголо?

— Для Избранных эта магия еще более опасна, чем для отдельно взятого мира, — холод безжизненного металла гулом пронесся по каменному своду пещеры. Клод с эластичностью жевательной резинки, протиснулся сквозь узкий проход чужого убежища. Я последовала за ним с куда меньшей грацией. — Она меняет врожденную удачливость Избранной. Переворачивает с ног на голову и предлагает худший вариант развития событий. Она подменяет понятия в заложенном сценарии мира. В его отношениях с Избранной. Мир восстает против нее, вместо того чтобы принять и поддержать. Таким образом, стычка двоих заканчивается не дружбой, а ненавистью. Случайный артефакт не срабатывает. Помощь не успевает. Чистая любовь оборачивается одержимостью. Все происходит не тогда, не так и не с теми, а каждое принятое решение неверно.

Мы вошли. Радужные пересветы скользили по гладким уступам.

— Почему, то же самое она не делает с Врагом?

— Это его магия. Магия Золотой Оси. Магия, что порабощает людей и миры. Мы не можем ее использовать. Это вирус. Зараза. Единственное, что может спасти мир, это если Избранная окажется в нем раньше.

— Мы что, вроде как лекарства для поднятия иммунитета?

— Скорее, как прививка, — хмыкнул Клод. — Приемлемо до заболевания, но не после.

Я нахмурилась.

— Разве прививка не содержит в себе более легкий штамп болезни как раз для того, чтобы организм выработал иммунитет? То есть, эта та же зараза, ведь так? — лицо Клода осталось непроницаемым. Мой боевой настрой резко сдвинулся к отметке дурного расположения духа. — А, понятно. Дошло. Если мы приходим позже магии Золотой Оси, мы только усугубляем ситуацию.

Мы не лечение. Обещанные плюшки в виде исполнения желаний — всего лишь последствие нашего вмешательства. Отступные от мира. Мы тот же самый вирус, только в легкой форме. Черт! Какая-то хреновая сказка получается.

— Лёша принес кокон позже, чем появились мы, — вспомнила я. — Значит, он не может причинить нам вред. Сначала Избранная, потом магия, равно счастливый конец. Так ведь?

— Так, — подтвердил Клод, выискивая среди цветных малышей, чужого. — Но мы в стерильном мире Атроса. А вы — Избранные иных миров.

Стерильные миры — это миры, где живут боги, где располагаются их пантеоны и куда они уходят на покой, когда жизнь подопечных перестает их интересовать или же, когда богов перестают почитать. Здесь они встречают свой вечный покой, заслуженную пенсию и забвение. Когда боги уходят или утрачивают свои силы, их миры теряют защиту. И, как раз тогда, из закрытых миров они превращаются в потенциальные жертвы для Врага.

Пока Атрос жив и здравствует — мы под защитой.

Пустые глаза встретились со мной взглядом, когда я неловко попыталась заслонить колыбель.

— Хотя, что ты можешь об этом знать, надоедливая Дробь без предназначения?

Давно он не поднимал этой темы вслух. Это висело в воздухе, читалось между строк и оседало горьким осадком после поучительных слов, но не озвучивалось. Не так. Не напрямую.

— Пока магия в коконе — она не активна, — я не сдавалась. Я больше не была уверена в свое правоте, но не сдавалась. Возражение вырвалось на автомате. Из принципа не уступить Клоду. Он все равно победит и сделает так, как хочет, но я хотя бы его немного достану. — Пока она в запечатанном виде, пока не нашла носителя, она безвредна. Она как… как…

— Как чума в пробирке? — подсказала статуя.

— Я не это имела в виду. Разве мы не можем вернуть ее туда, откуда забрали? Или просто не трогать. Если мы сравниваем Золотую Ось с болезнью, то Лёша прав, предлагая провести исследование и найти лечение.

Клод издал странный звук, очень похожий на отчаянье вперемешку с болью.

— Атрос говорит, что ты Избранная, — возвел он глаза к потолку, взывая то ли к более сильному божеству, то ли к сверкающим сталактитам. — Он убежден, что твое существование не ошибка, и я должен обучать тебя. Должен поверить, что ты не сторонница Врага. И все же, при каждой удобной возможности, ты пытаешься убедить меня в обратном.

— Каким образом? Тем, что встала на защиту того, кто не в силах сопротивляться?

И где-то в этот момент я перешла черту. Нажала на ту кнопку, что подала сигнал к действию.

Сильные пальцы обхватили мое запястье в жесткой хватке. Слишком быстро, чтобы заметить. Слишком быстро, чтобы увернуться. Сквозь плотный материал платья, меня обжег холод железной руки. Как будто на мне защелкнулись оковы или бездушная машина сдавила тиски.

Я не успела подумать, что это конец. Клод развернулся, дергая меня за собой.

— Пожалуй, тебе стоит это увидеть.

Лёша вскинулся, испуганно распахивая глаза.

— Клод! Не надо!

— Она должна знать. Может тогда перестанет бросаться словами и руководствоваться кустарной моралью.

— Это ничего не изменит, — бросился наперерез ему парень. Клод выставил свободную руку вперед в предупреждающем знаке. Лёша остановился напротив нее в нескольких сантиметрах. Растерянный взгляд застыл на мне. — Это их только напугает.

— Они должны бояться, — отрезал мой пленитель. — Не стоило превращать это в игру. На кону не только их собственные жизни. Слабость одной может оказаться провалом для всех.

Я ждала, что Лёша возразит, но бог магических яслей молчал. Больше не встречая сопротивления, Клод двинулся вперед, таща меня за собой. В дальнем конце пещеры проявился незаметный, узкий лаз.

«Зато я спасла жизнь смертельно опасной магии, — поздравила себя я мысленно. — Интересно, спасет ли теперь кто-нибудь меня? Где там отважный принц, что положен каждой Избранной?»

Целый лабиринт туннелей тянулся под землей, через гряды гор в бесконечно сплетенном клубке. Клод прекрасно ориентировался в сумрачных коридорах, безошибочно выбирая направление на каждом перекрестке. Я же, перестала считать повороты направо и налево, после того как кончились загнутые пальцы. Если грозному богу вздумается бросить меня здесь, воспрепятствовать ему я не смогла бы. Пришло бы смириться с тем, что я больше никогда не увижу солнечного света (или той иллюминации, что создает нам Атрос

вместо него), и до конца жизни питаться мхом на склизких стенах и грибами-паразитами.

«Останутся синяки», — констатировала я. Грубый металл не имел ничего общего с обычной рукой человека и был беспощаден к хрупким костям и изнеженной коже.

За очередным проходом показалась дверь. Обычная тяжеловесная махина из цельного дерева, не в пример тем створкам из спрессованных стружек, что по нелепости называют дверьми в моем родном мире. Впрочем, тяжелых засовов и амбарных замков к этому не прилагалось. Если за дверью пряталась комната Клода, запирать ее он не видел смысла. А зачем? Атросу подвластно все пространство, Лёша не конкурент, и ни одна Избранная не прошла бы вязь коридоров и лестниц, даже будь у нее карта, навигатор и путеводная нить Ариадны.

Клод толкнул дверь и та с легкостью поддалась. Толстенные петли заскрипели, открывая вход в чистую и сухую комнату, без признаков сырости подземных коридоров.

— Вот, смотри, — мужчина швырнул меня к столу. Я больно ударилась запястьем, врезавшись в столешницу. Едва не расквасив нос, уткнулась в кожаную обложку массивного фолианта.

Эта была единственная книга на столе. Она была здесь не просто так. Ее не достали случайно. Не забыли убрать. Это было ее место. Закладки, загнутые страницы и истрепавшийся переплет, все говорило о том, что ее открывали часто, изучая дотошно каждый абзац.

— Семьдесят четыре, — гласила надпись, поблескивая розовой (!) краской. Я вспомнила слова человека из зеркала. — Вы даете нашим выпускам кодовые имена?

Клод обошел стол и, встав напротив меня, скрестил руки.

— Это не название выпуска, — сказал он. — Открывай.

Я поспешила выполнить указание.

Плотный лист бумаги поддался не сразу. Отчего-то мои руки дрожали. Книга открылась, и первое что попалось на глаза — очередной рисунок, схожий с тем, что я видела в папке, принесенной Клодом.

Рисунок девушки.

Невысокая брюнетка безучастно смотрела в пространство перед собой. Скорее миловидная, чем красивая. Не столько холодная, сколь сдержанная. Сложно описать характер человека по одной лишь

картинке, но отчего-то незнакомка казалась умной и задорной девушкой. Наверняка она оставила в своем мире много хороших друзей и подруг. Ее любили. По ней скучали.

На кофейном передничке виднелся желтый значок с цифрой 74.

— Алиса Орлова, — прочла я вслух. Клод о ней говорил Лёше? — Кто она такая?

По глянцевому металлу прошла черная рябь.

— Это было давно. Хотя понятие времени в Центре отлично от общепринятого. Сто сорок семь — это, то число, что выбрал Атрос. Когда подопечный его расе мир был уничтожен, а его соплеменники погибли, он оказался заточен здесь. Без возможности выбраться или же позвать на помощь. Боги становятся бессильными, когда люди о них забывают. Впрочем, это к делу не относится, — спохватился он. — Речь не об Атросе, а обо мне. Я был беспечен. Я посчитал это хорошим знаком. Думал, мы движемся в правильном направлении. За долгие годы, мы, наконец, продвинулись вперед. Бог стерильного мира смог вытащить сто сорок восемь, а не сто сорок семь спасительниц. Сам же Атрос видел в этом дурной знак. Его природа подвластна ритуалам и обрядом. Любое нарушение воспринималось предзнаменованием злого рока.

Две девушки пришли одновременно. В середине изъятия. Когда привычная суматоха прошла и Ле'ахеш'иарс'ту принялся подбивать отчет, выяснилось, что девушек с номером семьдесят четыре — две. Никак между собой не связанные, друг другу ничем не обязанные.

Чтобы девушек не путать, одну прозвали Дублем.

— 17 —

— Алиса была… лучшей.

Ее имя он произнес мягко, с оттенком застарелой скорби, но без привычного металла. Неожиданно я задалась вопросом, а знал ли Клод наши имена?

— Ее ждала великая судьба в чудесном мире. Захватывающие приключения, полеты на драконах, экскурсии в гномьи катакомбы, посольские миссии в подводный мир, верные друзья, чистая любовь, корона Императрицы и возрождение магии, — он поправил горловину балахона, словно ему стало душно или перестало хватать воздуха. — Схватывала все на лету. Заканчивала занятия и спешила помочь остальным. Должно быть, она чувствовала себе неуютно из-за того что

делит с кем-то одно место. Оттого старалась вырваться вперед. Узнать больше. Прыгнуть дальше. Преуспеть во всем. Благодаря ей ввелась практика преподавания опытных Избранных. Это разгрузило меня и позволило охватить более широкий спектр умений. Ее выпуск должен быть стать прорывом. Прогнозировался стопроцентный успех, — мужчина поднял взгляд с цветной иллюстрации. В бронзовых глазах отразился искусственный свет подземелья. — Они все погибли, Дробь. Все до одной. Каждый из миров, куда они прибыли, оказался зараженным. Я видел, как умирала каждая из них. Я до мельчайших подробностей помню их смерти.

— Как это могло произойти? — я шумно сглотнула. Девушка на картинке, одетая в простое платье с юбкой-солнце, выглядела спокойной, немного усталой, и не подозревающей о грядущей участи.

— Враг, — коротко ответил он.

Конец рукояти выглядывал у Клода из-за плеча. Он носил перевязь, крепя меч за спиной наискось. Рукоять крепилась в одной точке полоской кожи с застежкой. Отстегнуть ее — одно движение пальца. Я с содроганием вспомнила, как быстро он умеет выхватывать короткий меч.

— Как он узнал про все сто сорок семь… эм… сто сорок восемь миров? Как так могло совпасть? Врагу же неизвестно, в какие миры мы направляемся. Как он мог заранее заразить те, что предназначались Избранным.

— Ты права. Магия не могла сотворить такое со стерильным миром. Не могла открыть Врагу название миров, в которые отправлялись Избранные. Это не могло быть действием заражения. Работал кто-то изнутри. Среди ста сорока восьми было сто сорок семь Избранных и один предатель.

Вот, блин!

Во рту резко пересохло. Параллели я проводила быстро, четко и беспощадно.

— Алиса? — неуверенно спросила я.

Клод молча взял книгу, захлопнул и перевернул на другую сторону, открывая последнюю страницу. Другая девушка с рыжей гривой волос и значком номер семьдесят четыре. Она стояла полу-боком. На плече, в том же месте, что у всей моей группы, на коричневом сукне формы, выделялась нашивка. Дубль.

— Боже, — выдохнула я. Клод непроизвольно вздрогнул. — Ты думаешь, я как она? Что меня послал Враг?

Я отступила назад, высчитывая длину меча и размаха руки мужчины. Не то чтобы я надеялась победить бога, но иногда, главное пережить первые три секунды.

— Ответь мне, Дробь — спасительница без спасаемых — видела ли ты в зараженных зеркалах лик Врага? Разговаривала ли с ним?

Я в ужасе уставилась на Клода.

Он уперся ладонями в столешницу, наклонившись вперед ко мне. Не больше секунды потребовалось бы богу, чтобы выхватить меч и закончить то, что он намеревался сделать в первую нашу встречу.

Дверь осталась за моей спиной. Нас разделял стол. Скорее намеренно, чем неосознанно я попятилась спиной назад. Я не намеривалась пускаться зайцем в бега, но план грамотного отступления никогда не бывает лишним.

— Клод, я не предатель.

— Разговаривала или нет? — повторил он вопрос.

Статуя оставалась на прежнем месте, но уверенности это не внушало. Напряжение повисло в воздухе, как бесплатный wi-fi в торговом центре.

Я прокляла тот раз, когда отправилась с платком на поиски золотых ошметков и остановилась у злополучного зеркала. Сейчас бы с чистой совестью ответила, что ни с кем задушевных речей не вела.

— Да, я с кем-то разговаривала на той стороне отражения. Но он не с Врагом!

— Откуда знаешь?

— Он так сказал.

— Ты спросила у него, не Враг ли он? — усомнился Клод.

— Ну да.

Морщинки сползли на металлическое лицо статуи.

— Так и спросила?

— Да.

— И он ответил?..

— Ответил, что не Враг.

— И ты поверила?

Я опустила взгляд.

— Нет.

— Почему?

— Я не совсем идиотка.

Железные пальцы перестали вжиматься в твердь деревянного стола, портя собственность Атроса. Клод неожиданно расслабился. Будь он человеком, я бы сказала, что расслабились его мышцы, но мужчина состоял не из мягкой плоти и девяти литров жидкости. Поэтому факт исчезновения напряжения в его теле я констатировала по гладкости металла на лице. Он перестал быть резким и шероховатым. Вернулся к привычному блеску отполированной поверхности.

— Допустим, — предположил номер двадцать шесть периодической таблицы Менделеева. — И когда ты собиралась об этом рассказать?

— Сразу, как только ты дал бы мне пару свободных минут, чтобы пообщаться с Атросом.

— Почему с Атросом?

— А с кем еще секретничать? Он — яма, которая почти все время спит. Он совмещает мою реальность и мечты: дно и сон. Будь это мой мир для спасения, решила бы, что Атрос и есть тот самый.

Статуя издала непривычный звук напоминающий фырканье.

Зря смеешься, приятель. У Атроса свой собственный мир. Это по любому круче последнего айфона, квартиры в центре и процветающего королевства. Целый мир! На встрече выпускников, я бы блистала.

— О чем ты с ним разговаривала?

Я пересказала наш краткий диалог, стараясь не упускать деталей. Я не видела в том разговоре ничего криминального, но Клод посчитал иначе.

— Я твердил вам тысячу раз, насколько опасен Враг.

Я поджала губы. Он был прав.

Странный незнакомец из зеркала манил своей чуждостью и опасностью. Говорят, девушек привлекают плохие парни. Может быть. Но тот мужчина был не из разряда «плохих», что ходят на красный, срывают цветы с клумб у мэрии города, и хамят начальству. Он принадлежал к монстрам. К тем, кто убивает. Массово. Потери исчисляются не сотнями и тысячами, а мирами!

Наверное, мое сознание просто не способно было уместить все это в голове, иначе с какой бы стати я решила оправдываться?

— Я знаю, Клод, но…

— Сто сорок семь смертей разом, — перебил он меня. Сто сорок семь загубленных душ. А знаешь, как погибла Алиса?

Риторический вопрос, но я все же помотала головой. Черт, это не то чего я добивалась.

— И я не знаю. Это был последний штрих в общей картине жестокости. В каждом из зеркал я видел, как погибают мои ученицы. Как лишенные воспоминаний они тычутся подобно слепым котятам, не подозревая, что обречены. Как приходит Враг под разными личинами. Забирает их магию и оставляет на погибель. С Алисой же он поступил не так милосердно.

— Что с ней стало? — хрипло спросила я.

— Не знаю.

— Как это?

Клод оценивающе скользнул по моему лицу. Удовлетворившись увиденным, он ответил:

— Я могу следить за судьбами Избранных только через зеркала. Но если оно разбито и отсутствует какая-то часть, увидеть события мира не представляется возможным. Когда Атрос сообщил о проблемах с порталом, я сразу отправился к ней. Кровь, пустая рама и сотни осколков, — вот что я нашел, прибыв на место. Спустя время, я смог собрать их в единое целое, но, одного кусочка не хватало. Насмешка от Врага. Он оставил меня мучиться в неведенье, что же произошло с Алисой. Я до сих пор терзаюсь догадками о ее дальнейшей судьбе. Враг даровал ей легкую смерть, удовлетворившись местью мне, или же Алиса продолжает испытывать страдания каждое мгновение своего существования, агонизируя в бесплодных надеждах на спасенье?

Пустой взгляд застыл на мне. Я поджала губы, с трудом представляя, что ответить. Я была тем самым человеком, что никогда не присутствовал на похоронах и никого не терял. Мои родители были живы, как и все бабушки с дедушками. Не сталкивалась я и с горем чужих потерь. А для Клода эта самая Алиса была кем-то большим, чем очередная Избранная.

Черт! Пожалуй, я ожидала другого, когда услышала от Странника о событии «Дубль». Как, блин, эта история могла переменить мое мнение о Лёше, Атросе и Клоде?

— Мне жаль, — неуверенно ответила я, боязливо ежась.

Статуя вскинула металлическую бровь без единой волосинки, и скудное представление о сочувствии практически сразу выбилось недоумением.

— Но как это возможно? В мир ничего нельзя пронести, кроме чистой магии. Значит, осколок не мог перейти вместе с Избранной. Он где-то здесь. А зеркало? Кто же его разбил? — нахмурилась я. Клод подбадривающе кивнул, предлагая додумать мысль самостоятельно. — Подожди! Его разбила девочка-дубль? А с ней-то что стало?

Бог из металла согнул руку, потянувшись к плечу. Рукоять меча легла в ладонь.

— Я истребил скверну. — Ровно ответил он. Лезвие приветственно сверкнуло в искусственном свете.

Да твою ж!..

В этот раз я не мешкала.

Швырнула книгу со стола в Клода и метнулась к двери. Странная конструкция у входа пришлась к месту. Опрокинув ее за собой и не давая труда захлопнуть перед носом Клода дверь (эту огромную махину не двинула бы с места и вся наша группа), рванула наружу.

Намеренно выбрав противоположную сторону, я понеслась вперед по коридору.

— Дробь! — раздался за спиной гневный голос Клода.

Я подхватила юбку и припустила еще быстрей. Свернула при первой же возможности. И еще раз, и еще раз.

Гул металлических шагов двигался вслед за мной.

— Дробь! — вновь догнал его голос.

Сердце подскочило к горлу.

— Боже! — взмолилась я Атросу. — Выведи меня к Лёше!

Забытое божество неизвестного мира не ответило.

— Атрос, проснись же!

Я не знала, сколько еще коридоров и спусков преодолею, прежде чем злобная статуя вонзит мне в спину сталь, но делать его жизнь легче за счет своей смерти не хотела.

Коридоры сменялись один за другим, но статуя не отставала.

— Девочки! — позвала я, хватаясь за желтый значок. Внутреннее средство связи в нашей группе не раз выручало в сложной ситуации. Чай там принести, полотенце подать, анекдот рассказать. — Клод собирается меня убить!

— Тебе же не девяносто, — первой откликнулась Блонди. — Здоровая, как кобыла! А кросс полезен для профилактики сердечно-сосудистых заболеваний и поднятия общего тонуса организма. Беги и не жалуйся.

— Я серьезно, — сквозь отдышку прохрипела я. — Он гонится за мной с мечом.

На той стороне послышались смешки.

— Она его достала. Я думаю, это он любя, — одновременно ответили Сома и Лариса.

— Я не шучу! Вы там в своем уме? Найдите Лёшу. Разбудите Атроса! Меня убивают.

Очередной поворот закончился крутыми ступеньками. Пришлось сосредоточиться, чтобы не скатиться кубарем с винтовой лестницы.

— Вот так всегда, — протянула Блонди, и звук ее надменного голоса пробудил во мне желание хорошенько ей врезать. — Она его злит, а достается нам. Неужели трудно хоть раз в жизни выполнить его указания и не пререкаться. Ты же Избранная. Смири гордыню. Никому не нравятся заносчивые девицы. Глядишь, и мир для спасения найдется.

— В чем-то она права, — подтвердила сто сорок седьмая. — Сама ничего не делаешь и другим работать мешаешь.

— Это было весело в первый раз, — согласилась Лариса. — Но мы устали, дорогая. День был сложным.

— Этот магический комок вытянул из меня все силы, — послышался зевок Сомы. — Заканчивай и иди спать.

Я на время потеряла дар речи. Какой «спать?» Меня убивают! Горло сдавливает ужас, а ноги подкашиваются как в худших кошмарах. Неужели они не слышат, что я действительно напугана? Неужели я попалась как мальчик, что все время кричал «волк»? Пару раз шутила на тему, что Клод рано или поздно прикончит своими тренировками, и вот пожимаю плоды неудачного юмора?

Характерные щелчки подтвердили, что Избранные отключились от общего канала. То есть, отстегнули значки от платьев или сняли их,

отправившись спать или в ванную. Я осталась наедине с собственным страхом, свихнувшейся статуей и бесконечной сетью туннелей.

— 18 —

Странно.

Пугающе. И опять же странно.

Выбивает из колеи и напрягает похлеще спинного плавника акулы в ванной.

Когда убегаешь от опасного монстра, превосходящего тебя в силе и скорости, а он тебя не догоняет первые полминуты и в последующие пять, потихоньку закрадываются подозрительные мысли, а что же здесь не так? После них приходят мысли осуждающие: зачем я ела на ночь; почему не пошла на легкую атлетику во втором классе; чертовы гены; зря ленилась на вчерашнем кроссе; карма — стерва.

— Атрос, — вновь позвала я. Бессистемная беготня по каменному лабиринту выжала из меня последние силы. Удары сердца соревновались с отдышкой в скорости. Я выжала из себя больше, чем на всех тренировках Клода вместе взятых. Пот струился градом, стекая по спине и лицу. Глаза обжигало солью. — Пожалуйста, услышь. Без тебя мне не выбраться.

Я утерла рукавом лицо.

— Атрос, — взмолилась я на очередном перекрестке. Низкие потолки давили, пробуждая первые признаки клаустрофобии. Узкие извилистые коридоры сжимались за спиной подобно кишкам огромного земляного червя. — Проснись же! Выведи меня наружу.

«Мысли материальны, — напоминала я себе, мысленно обращаясь к спящему богу. — Если очень-очень сильно захотеть, Атрос меня услышит. Нужно только сильно сосредоточиться и поймать его волну. Или как-то так».

Я остановилась. Все равно бежать не осталось сил. Прислонилась к скользкому камню, сбивая жар холодом неживой природы. Закрыла глаза.

Я представила яму. Представила, как чернота кристаллов постепенно наполняется светом, и голубые огоньки взбегают вверх. Как спросонья зевает мерцающая пропасть. Как просыпается Атрос и слышит мои мольбы о помощи. Он удивлен, но привычно благосклонен. Он дотягивается до тех участков туннелей, где я

застряла и меняет их. Выстраивает таким образом, чтобы вывести меня наружу в целостности и сохранности.

Может позитивное мышление не сработает (а оно не сработает, я уровень своей удачливости двадцать девять лет отслеживала), но хоть дыхалку восстановила.

Дальше я шла спокойней.

То ли Атрос меня услышал, то ли сработала мантра расслабления и полной релаксации (единственное, что я унесла с восьми занятий по танцам Мандала стоимостью в половину моей зарплаты), которую я тихо напевала под нос, но туннель вывернул в нужную сторону.

Я вернулась обратно в ясли.

Лёша нас не ждал. Он сидел на полу, укачивая кокон, ставши камнем преткновения двух богов. Золотые молнии рассекали антрацитовую скорлупку. Не рожденное существо предчувствовало опасность и не желало успокаиваться под нервными поглаживаниями горе-няньки. Парень выглядел потерянно.

— Лёша!

Пальцы молодого божества непроизвольно сжались. Юный бог опасливо заглянул мне за спину.

— Где Клод?

— Пытается меня убить.

— Разве тренировки не закончились?

— Ох, да прекращайте! — воскликнула я. Цветные коконы запульсировали, реагируя на громкий голос. Пришлось снизить тон. — У Клода съехала крыша. Он считает, что я Дубль. Схватился за меч и гоняется за мной.

Лёша недоверчиво приподнял бровь. В ясных глазах безоблачного неба читались сомнения.

— Наверное, ты не правильно оценила ситуацию.

— Я очень, очень правильно ее оценила!

Тяжелые шаги загрохотали по залу.

— Дробь?

По залу эхом прошелся громогласный рокот. Коконы замерцали радугой. Я нырнула Лёше за спину. Если статуе захочется поупражняться с оружием, пусть сначала блондин оценит ситуацию.

— Что случилось?

— У Избранной сто сорок семь дробь два случилась прискорбная истерика от переизбытка чувств. Она разбросала мои ящики с артефактами и сломя голову бросилась в подземелье. Я почти час искал ее в лабиринте, пока не принял решение пойти к тебе за помощью.

— Ты собирался меня убить! — ткнула я пальцем в сторону Клода.

— Что за абсурд?

— Ты вытащил меч! — указала я на обнаженное оружие в его руках, цепляясь за Лёшину рубашку. Потом вспомнила про спящие коконы и повторила уже шепотом, но со зловещим видом. — Ты вытащил меч.

— И?

— Ты вытащил его, чтобы меня убить!

— Ты разве мертва?

— Я сбежала.

— Твои нормативы стометровки уровня пятиклассницы, — напомнил он.

Я задохнулась от возмущения.

— В пятом классе я была в отличной физической форме! Жизнь у меня подкосилась после встречи с вами, а не после первого вдоха.

Лёша поморщился от моего громкого возгласа, но ничего не сказал.

— Безумная девчонка, — пробормотала статуя мгновенной смерти. — Я отцепил меч, потому что занятия закончились. Я собирался повесить его на стеллаж, который ты перевернула. А бросился за тобой, потому что опасался, что ты заблудишься в лабиринте.

Моя подозрительность сдаваться не собиралась.

— Что ж ты не обратился за помощью к Атросу?

— Время его пробуждения еще не настало.

— Как же, — фыркнула я. — А кто же вывел меня сюда?

Клод и Лёша переглянулись. Это было похоже на «мне это не нравится» и «а выбора все равно нет».

— Я не считаю тебя Врагом, — наконец заговорила глыба металла. — Но я не могу отрицать происходящего вокруг. Тяжело идти против инстинктов. Ты в большей опасности, чем остальные

Избранные. Ты попалась в поле зрения Врага, а он такие мелочи не упускает. Я не хотел тебя напугать, но ты слишком несерьезно отнеслась к своей судьбе. Враг уже предпринял попытки посеять в тебе сомнения. Я должен был что-то сделать.

Это было похоже на извинение. Почти. Поэтому когда Лёша попытался отодвинуться от меня из-за постоянных выкриков рядом с его ухом, ухватилась за парня еще сильней.

— Почему я в большей опасности? — любопытство взяло вверх, хотя внутренний комиссар Коломбо утверждал, что я в большей опасности как раз таки из-за Клода.

— Атрос полагает, что знает, какой мир ты должна спасать.

Я хлопнула Лёшу по спине и выскользнула из-за его спины.

Здра-а-асьте, я ваша Избранная! Приехали, родные.

Знают они! А я? Все на заключительной стадии тренировок, а мне только сейчас говорят о предназначении. Сразу после угрозы моей жизни. Железяка может кидаться словами сколько угодно, но меч он вытащил под соответствующую интонацию не случайно. Может не убить, но припугнуть точно хотел.

— И вы молчали? Меня тут каждый носом тыкает в безмирность, а вы хоть бы словом. Что у меня за мир? Там есть эльфы? Как он называется? Какой у меня сценарий? Как выглядит мужчина моей мечты? Он длинноволосый блондин или мрачный брюнет с темным прошлым?

— Дробь, — нахмурилась статуя.

Я скрестила руки.

Если он ждет, что я извинюсь за то, что в моих фантазиях об идеале нет памятника из стали, то нет такой единицы измерения, которая пройдет, чтобы это случилось. Я Избранная, а не парковый голубь.

— Боюсь, эта та ситуация, где нельзя напрямую говорить ответ, — неуверенно пояснил Лёша. — Ты должна догадаться сама, иначе это не сработает. Таковы правила.

— Какие еще правила? Откуда? Всем остальным сказали, а мне нет. Неужели так и написано: «Да познают сто сорок семь Избранных дев свою участь, а сто сорок восьмой, что ходит дробью, ничего не говорите, ибо ржачно же!».

— Твои подруги сами нашли свои миры, — напомнил Клод. — Им никто не подсказывал. Твой случай чуть более особенный, чем у них, но правила неизменны. Эту задачу ты должна решить сама.

Как на школьной контрольной. У всех вариант «А», а мне достался «Б».

— Это мир сто сорок седьмой? — предположила я. — Мы должны спасать его вместе? Мир Блонди? Она не справится, мы все это понимаем. Нет, стой, знаю! Это один из миров, который уже спасали, поэтому я Дробь?

— Спокойнее, — поднял руку Лёша, останавливая поток речи. — Я все равно не отвечу. И Клод не ответит, — с едва заметным нажимом произнес он, предупреждающе глядя на статую. Ну да, мистер Железяка у нас же такой болтун.

— Тренировки! — спохватилась я, в поисках лазейки. Не мытьем, так катаньем. Есть много способов вызнать про свой мир. — Как готовиться, если я не знаю, какие ждут испытания?

Груда металла смерила меня суровым взглядом.

— Я готовлю тебя.

Это объясняло, почему он везде таскал меня за собой. Не потому что не доверял из-за Врага, а потому что знал, каким обучать навыкам, но напрямую сказать не мог. Но это значит…

— Ты учишь меня всему, — озарило меня. — Ох, во имя трехцветной радуги, я — рабыня, да? Поэтому у меня комнаты своей нет: рабам не полагается. И еды тоже нет… — совсем загрустила я.

— Хватит, — отрезал Клод. — Ничего не изменилось. Хочешь чего-то добиться — думай головой, а не жди подсказок.

— Но… Дайте мне хоть что-то!

Зря я это сказала.

Клод шагнул вперед, протягивая свой меч.

— Если хочется какой-то определенности — вот, действуй. Уничтожь скверну, — указал он на забытый кокон из тьмы, глянца и золота.

— Это ни к чему, — вступился Лёша. — Я сам. Ей необязательно даже присутствовать при этом.

Клод остался непоколебим.

— Она сама этого хотела. Она — Избранная, так? В будущем ей придется принимать более серьезные решения, чем развоплощение

смертоносной магии Врага. Золотая Ось — не имеющее чувств, души и сознания, истинное зло. На другой чаше весов — жизнь друзей и бесчисленное количество потенциально зараженных миров. Легче выбора не придумаешь. Все мы с чего-то начинали.

В голове завертелись сотни беспокойных мыслей. Из меня разом вышибло весь дух.

Наверное, я сначала не поверила в предложение злобного бога. Наверное, он был прав, что я несерьезно отношусь к избранности. А что мне оставалось? Если принять на веру их слова, то выходило, что я не вернусь домой. Никогда. Что родители навсегда потеряли любимую дочь. Что мама однажды утром не обнаружит меня в своей комнате. Представила ее недоумение, непонимание и неожиданно свалившееся горе. Я вспомнила о друзьях. О планах поехать на море. О незаконченном отчете. О шкафе, что обещала себе избавить от лишних шмоток.

Блин, когда родители потеряют надежду, маме придется копаться в моих вещах. Боже, как стыдно! А я тут ношусь с коконами, ямами и Врагами. Какая магия, я хочу домой! Хочу в свою постель, кружку с чаем и кота под боком. Нафига Атрос меня вытащил? Еще и дробью. Кому сдалась эта избранность!

Осознание безысходности обрушилось подобно цунами. Во что я ввязалась? Что происходит? Почему я?

Внутри родилось низменное желание: взять значок и назвать свои полные данные. Увидеть то мрачное будущее, что ждало впереди, не окажись я здесь. Слезы и апатия кондитерши, что в первый день испытала на себе дьявольскую магию, больше не пугали. Наоборот, подстегивали добавить к жизни еще темных красок.

— Дробь, — позвал меня Клод.

Я взяла меч.

Пришло время принимать решение.

— Ненавижу тебя, — тихо сказала я, глядя мужчине в глаза. — Ненавижу Врага. Ненавижу вас всех и эту ситуацию. Это все какое-то безумие.

Я опустилась на одно колено перед коконом. Чернильная тьма играла золотистыми всполохами. Я прикоснулась к тонкой оболочке, созданной как будто из стекла, и произнесла:

— Прости, малыш. Если бы я знала, что делать.

Безвыходная ситуация.

Я смахнула несуществующую слезу с сухих глаз и замахнулась мечом. Прицелилась в середину. Чтобы с первого раза. Чтобы не мучился. И зажмурилась. Чтобы самой потом не мучиться. Хотя вряд ли это сработает. Жестокая фантазия разрисует живописней любой реальности.

Со всего размаху я опустила меч вниз, не почувствовав никакого сопротивления. Лезвие звонко лязгнуло по полу. Я промахнулась? Нет.

Как же просто.

— Быть не может! — внезапно раздался возглас Лёши.

Я боязливо открыла глаза.

Лезвие пришлось точнехонько в сердцевину антрацитового кокона, не причинив ни малейшего вреда.

Что за чертовщина?

— Дай сюда, — выдернул Клод рукоять из моих рук.

Лезвие вновь взлетело вверх и, рассекая воздух, ударилось о зерно магии. Ничего не произошло. Клод выполнил еще несколько серий замахов с тем же результатом. Безрезультатно. Выпрямившись, он невозмутимо поинтересовался:

— Такое раньше случалось?

Лёша покачал головой.

— Может, это судьба? — робко предположила я, притягивая к себе кокон.

— Судьба, — неохотно повторил палач из металла.

— Предзнаменование, — поправил его Лёша.

— Считаешь?

— Да.

— Что ж, — тяжелая ладонь Клода опустилась мне на плечо. — Как насчет еще одного разговора с Врагом?

— 19 —

Кокон отправился в одно из зеркал нашего коридора. Я лично поднесла его к переливающейся поверхности золотых подтеков. Отражающая часть портала поддалась подобно мембране, а после, цепко обхватила инородный объект, засасывая в себя. Я отдернула руки в последний момент. Еще чуть-чуть и цепкая вязь уволокла бы и меня.

Я ожидала, что с другой стороны, где открывался зараженный мир, вывалится чернильный малыш, но ничего не произошло. Сад с вековыми деревьями и зарождающими цвет кустами сирени оставался неизменен.

— Где он?

— Это магия, — напомнил Лёша. — В стерильных мирах она имеет форму. В зараженном же, либо найдет носителя, либо растворится среди подобной себе энергии.

— Он попадет туда, на цветочную аллею?

— Вероятно, но не обязательно. Зеркало — портал. Мир, что ты видишь — вероятное место прибытия. Без вмешательства Атроса, кокон может бесконечное время блуждать между мирами, ища выход.

— А что если он попадет в нормальный мир?

— Такое может быть, — внезапно согласился парень. — Почти невероятно и в крайней степени невозможно, но если произойдет — считай это знамение сил Высших, недоступных и трансцендентных, и, соответственно нам неподвластных.

— Судьба, предназначение, избранность, — пробурчала я. — Не слишком ли много обтекаемых понятий?

Решение отправить кокон в зеркало, принял Клод. Если магия не разрушается под зачарованным мечом, то источник заражения должен быть отправлен подальше от Центра. Туда, где не сможет принести еще большего вреда. Где его расщепит энергия, стоящая на десяток ступенек выше забытых божеств.

Конечно же, наша маленькая компания не осталась незамеченной. Сначала в запретный коридор пришла Сома, позже подтянулись Блонди с Ларисой. Последней, подошла сто сорок седьмая. В пестрой сорочке и шелковом халате, расшитым золотом и драгоценными камнями. На мой голодный до удобств и роскоши взгляд, Псевдолидер призналась: «В этом жуть как холодно спать и я постоянно соскальзываю с атласных простынь».

— Чего мы ждем? — поежилась я, разглядывая переливы стекла. Ощущение неуютности не покидало. Если долго-долго вглядываться в зеркало, рано или поздно, мужчина в черном посмотрит вам в ответ. Лёша и Клод — это надежная защита, но: для кого, когда и от чего они будут спасать, всегда остается тайной.

— А что здесь все-таки происходит? — подала голос Сома. — Это занятие?

Металлические глаза пробежались по маленькому отряду нашей группы.

— Это урок, — ответил он. — Важный жизненный урок.

Лариса обхватила Сому за плечи в защитном материнском жесте. Голос железяки ей категорически не понравился.

— Вам лучше отойти, — предупредил Лёша, тем не менее, не давая мне возможности сдвинуться в сторону от центра зеркала.

Наивный собиратель магии и ошибка скульптора, встали за моими плечами, надежно пресекая побег.

— Что ты делала для его появления? — спросил Клод.

— Ничего! — праведно возмутилась я, стараясь не коситься на Сому. Она как-никак обучила меня этому трюку. — Смотрела в зеркало. Изучала мир. Через какое-то время появился он — совсем как Пиковая дама, за тем исключением, что я лесенок маминой губной помадой не рисовала.

— Тогда ждем.

Я неуверенно вздохнула и, наконец, спросила:

— Что я должна говорить, когда он появится?

— Тс-с…

— Но…

— Дробь…

Я скрестила руки на груди и уставилась на подрагивающие листья сирени.

Мы принялись ждать.

И ждать.

И ждать.

Вскоре у меня затекли ноги. Сома сходила себе за чаем. Сто сорок седьмая отжималась от пола. Блонди разглядывала брови в миниатюрное зеркальце, принесенное из комнаты. Лариса ушла за тапочками. Что-то подсказывало, что возвращаться она не собирается.

— Его нет, — констатировала я очевидное. — Почему он не появляется?

Клод повернулся к Лёше.

— Может еще рано? — предположил он.

— Какой «рано». Мы больше часа стоим, — вмешалась я, запоздало понимая, что речь идее о чем-то другом. К счастью, Клод как будто ничего не заметил.

Светлоокий бог пожал плечами:

— Скоро Избранные начнут покидать нас. Я предполагал, что это произойдет до, а не после.

— Но, магия, — указал Клод на зеркало. — Это знак.

— Видимо, мы неправильно его интерпретировали, — расстроился Лёша. — Или ошибся Атрос.

Клод перестал изображать конвоира за моей спиной и повернулся к нашей группе. Лицо оставалось пустым и гладким.

— Расходитесь, — приказала статуя. — И Дробь, занятия с Ле'ахеш'иарс'ту тебе больше не требуются.

Кто бы сомневался.

На этом внеплановое собрание закончилось.

Сверхъестественные учителя покинули нашу обитель, никому ничего не объяснив.

— Кто-нибудь что-нибудь понял? — заволновалась Сома. — Нас чему-то научили или нет?

— Что они делали-то? — задалась вопросом сто сорок седьмая.

— Пытались пристроить Дробь Врагу, но ему она тоже не нужна, — ответила ей Блонди. Она, как всегда, говорила то, что думает, а думала она обычно чушь. Девушка переместила зеркальце от одного глаза к другому и приподняла пальцем веко. — Они не симметричны. Идеальное и неидеальное.

Я задернула шторку, на случай, если незнакомец явиться в самый неподходящий момент и опять дискредитирует мою честь и достоинство перед местными богами.

— Надеюсь, идеальная — это я?

— Идеальная — это моя левая бровь, — исказила личико блондинка. — Неидеальная — правая. Господи, Дробь, вечно ты все темы сводишь к своей персоне, — Избранная засунула зеркальце в карман платья. — Не думала хоть раз о нуждах других? Как же меня достает это вечное нытье: кто я?; зачем я здесь?; почему у всех есть, а у меня нет? Невозможно слушать! У моего ангельского терпения тоже есть предел.

Девушка вздернула нос и вышла из комнаты.

— Терпение? — одними губами прошептала Сома. — У нее?

— Ангельское? — одновременно с ней спросила я.

— Хватит вам, — остановила нас Псевдолидер от очередной часовой пятиминутки обсуждения характера светловолосой. — Разве вы не услышали главное?

— У Блонди неидеальная правая бровь? — предположила я. — Думаешь это можно против нее использовать?

— Нет же, — тень недовольства заиграла в голосе сто сорок седьмой. — Обучение заканчивается. Скоро мы отправимся спасать свои миры.

Черт!

— Надо усилить нагрузку.

Черт…

— Скоро — это когда? — забеспокоилась Сома. — Нас только сегодня стали учить магии.

— На полноценные четыре года бакалавриата я бы не рассчитывала. Скорее несколько занятий практики и сертификат с пометкой «прослушала лекции в размере двадцати пяти часов».

Вот же…

В комнату я возвращалась в дурном расположении духа. Я не получила своей магии. Собственными руками отправила кокон смерти в вечные скитания. И, вроде бы, последнее должно греть душу, но, отчего-то, наоборот, больше вносило сумятицы. Терзала неопределенность. Вскоре Избранные отправятся в миры. Я знала, что рано или поздно это наступит, но надеялась, что к тому времени и для меня что-то найдется. Хоть какой-то смысл. Хоть немного предназначения!

Засыпала я с мыслями о том, что же дальше будет? Но, как бы сильно я ни старалась, вряд ли могла предположить, нафантазировать, даже близко представить, чем обернется мое желание, и каким заковыристым образом Судьба свалится мне на голову.

???

Безмолвие.

Морозный запах стылого эфира.

Мерцают зеркала бесчисленными мириадами потерянных звезд.

Я, посреди убегающего вдаль коридора. Пытаюсь вспомнить, как застряла между двумя ударами секундной стрелки. В крошечном

отрезке времени, незаметном для потерявших силу божеств. За мгновение до любого возможного события.

Здесь все не так как в настоящем мире, но именно так, как должно быть.

Где я? Кто я? Что я здесь делаю?

Я парила в невесомости маленькой частичкой сознания. Пыталась собрать свои кусочки, но терпела поражение.

Меня зовут Аня. Я живу на улице Первомайская 15. В семь прозвенит будильник. Я покормлю кота, приготовлю завтрак и пойду на работу.

Нет.

Меня зовут Избранная сто сорок семь дробь два. Или просто Дробь. В дверь постучит Лариса и я, поплетусь в ванную с разбитой раковиной. Переоденусь в ненавистную форму и, проклиная все на свете, пойму, что опаздываю на утренние пытки цельнометаллического инквизитора.

Нет.

Меня больше никак не зовут. Некому. Я шагнула в одно из зеркал. Я воспользовалась порталом. Сама. Без помощи Атроса. И теперь меня разрывает на сотни тысяч кусочков.

Господи, зачем я это сделала?

Память неохотно заворочалась, не желая отдавать кусочки фрагментов. Не чувствуя тела, не видя рук, я представила как хватаюсь за разноцветные нити воспоминаний и тяну их.

Давай же, ну!

Та неохотно поддалась, швыряя фрагменты воспоминаний.

— 20 —

Опаздываю на работу. Не могу найти ключи. Под ногами путается кот. Стою в коридоре обутая. Забыла телефон в комнате. Зову маму.

Ложусь спать. Устроилась поудобней. В ногах залег пушистый любимец. В голове роятся мысли: если завтра не приду вовремя — сделают выговор; Светка — дура; что приготовить на обед?; купила ли я масло?; пора менять застежку на сапогах.

Где я?

Платье Избранной. Слишком длинное, слишком жесткое, слишком темное, слишком НЕ МОЁ. Ах да, еще я спасительница неизвестного мира, но это не главное. Ткань платья слишком груба и после

тренировок пот жжется, а тугой воротник на шее оставляет раздражение.

Гибель миров. Мужчина в черном. Враг из дальних уголков реальности. Маг Золотой оси. Повелитель магии, искажающей мироздание, и слов — искажающих чужие умы. Он вынуждает меня сомневаться во всем.

Друзья. Лариса, Блонди, Сомна, Псевдолидер и еще чуть больше сотни девушек в форме.

Время отправляться по своим мирам. Я провожаю их. В глазах слезы. Грань между мной и ними стирается. Каждая обнимает меня на прощание как свою самую лучшую подругу. Мы больше не увидимся. Я смогу наблюдать за их историями в зеркалах. Я буду помнить их, а они меня — нет. Боль скребется в душе. Я чувствую их радость, чувствую мандраж разливающийся по телу, предвкушение.

Сначала мы провожаем всех дружным коллективом, но с каждым разом нас все меньше и меньше. Время извивается и оставшиеся прикладывают все больше и больше сил, чтобы уйти следующими. Тренировочные залы пустеют. Голоса замолкают.

Клод почти перестает участвовать в занятиях. Он сидит на возвышенности, уперев меч острием в землю и, сложив на рукояти ладони, подпирает ими подбородок. Он все меньше и меньше напоминает человека. Он все больше и больше неотличим от статуи. Почти не двигается. Не говорит.

В один из дней Атрос не просыпается. Лёша поясняет, что так и должно быть. Что яма питает свои силы от людей, что верят в него. Чем больше Избранных покидают стерильный мир, тем больше времени ему требуется для восстановления резервов. Он углубляется в строение своей вселенной, чтобы помочь каждой из девушек добраться до своего мира. Это совсем непросто.

Прощайте.

Прощай Лариса — первый горный дух, вышедший на помощь человеку.

Прощай Сома — первая адептка Хаоса за черти знает сколько лет.

Прощай Псевдолидер — будущий примиритель противоборствующих кланов сверхъестественных существ.

Прощай Блонди — будущая победительница Отбора. Я почти тебе не завидую.

Прощай последняя Избранная.

В опустевших коридорах Центра — я одна.

Лёша уходит за новыми коконами. Уходит так, будто меня нет вообще. Он говорит: «Ты должна понять сама. Мы больше ничем не можем тебе помочь». Вот и все. Чувствую себя обманутой. Никто не собирается меня тренировать. Клод застывает в центре постамента, предусмотрительно оставив меч в своей комнате. Статуя во славу себе самому.

Блестящие кристаллы Атроса больше не вспыхивают искрами.

Тишина.

Стазис.

Забвение.

Я просыпаюсь от кошмарного сна. Я в своей постели заброшенного маяка. С отвращением смотрю на поднос, что продолжает обновляться каждое утро. Отчетливо понимаю, что больше так не могу. От запаха запечной рыбы тошнит. Вместе с морковкой, соусом, ломтем ржаного хлеба, еда летит в унитаз. Я споласкиваю лицо ледяной водой и поднимаю покрасневшие глаза к испещренному трещинами зеркалу. Оно меня не отражает. Разбивает на миллионы частиц, но не отражает.

Меня накрывает.

Охватывает истерический смех. Я в мире, что полностью состоит из зеркал, и ни одно из них не может меня отразить. А ведь в самом начале, когда мы только пришли, я могла себя видеть! Русые прямые волосы, светлые, серо-голубые глаза, чувствительная кожа, что краснеет от всего на свете и ямочки на щеках. Непритязательная внешность. Без макияжа — почти незаметна. Хоть в шпионы записывайся. А теперь и вовсе — невидимка.

Я понимаю: Атрос почти не поддерживает функционал мира. Зеркалам нет нужды отражать то, чего не существует.

Я вздрагиваю и швыряю щетку в угол. Мечусь по комнате. Ищу отражающие поверхности. Смотрюсь в свинцовую ложку, пытаюсь разглядеть себя в бликах окна. Выворачиваю наизнанку тумбочки, ящики, шкафы. Выдергиваю запасную форму и комкаю ее в руках. Хочу вцепиться в нее зубами и как животное разодрать на части.

Резкая боль пронзает ладонь.

Я отдергиваю руку. Из раны, рассекающей линию судьбы, хлещет кровь. Отбрасываю проклятую ткань в сторону. Ругаюсь на себя. Подбираю смятую тряпку обратно, безжалостно обматывая ладонь белым фартуком. Алые пятна расползаются кровавыми бутонами.

Что-то ударяется об пол со стеклянным звуком. Я вновь откидываю форму в сторону и удивленно разглядываю осколок зеркала. Кто подсунул его в мой шкаф?

Вскоре я забываю о нем. Я наслаждаюсь болью, оставшейся в ладони. Жму на рану и любуюсь выступающей кровью. Я жму сильнее и единственное чувство, что остается доступным, обхватывает руку. Какое-то время я спасаюсь только этим.

Я устала думать о своем предназначении. Его нет. Атрос ошибся. Все ошиблись. Нет настолько жалкого мира, что нуждается в моем спасении. Я обошла все зеркала. Я обошла все туннели и все площадки. Ничего. Я выучила наизусть каждый сценарий. Ничего. Ни одной идей.

Быть может, кокон Золотой оси меня заразил? И что с того, что магия так не работает в стерильном мире. Я же, блин, особенная! Я, мать его, Избранная! На мне могло и сработать.

Эмоции стихают.

Время окончательно застывает. Звуки исчезают. Запахов нет. Я нахожу себя в комнате Клода. Я лежу на полу и смотрю в потолок. Я — единственное живое существо в неживом мире.

В ладони осколок. Он — единственное, что причиняет вред в стерильном мире. Остальные травмы заживают быстро и безболезненно. А рана от осколка едва-едва затягивается.

Какое-то время я развлекаю себя воспоминаниями о группе девушек, что утверждали, будто мы в загробном мире. Что я одна из суицидниц, забывших истину.

Внезапно эти мысли обретают смысл, но почти сразу отбрасываются в сторону. Я лежу на холодном полу. Вглядываюсь шероховатые поверхности осколка. Я пытаюсь угадать, откуда он.

Я верчу его, перебирая в голове все разбитые стеклянные поверхности, что когда-либо видела. А потом осколок выхватывает из пространства кусочек реальности. За очень-очень долгое время я вижу потускневшие радужки собственных глаз.

Зеркало.

Осколок.

Я подрываюсь с места, обуреваемая бурей эмоций. Я ношусь по светлой комнате Клода, срывая портьеры и балдахины. Оно где-то здесь. Я обыскала всю территорию лагеря, но нигде его не нашла. Значит, оно точно здесь. Клод сохранил его у себя. Клод скучал по ней и сохранил его.

Как же все просто!

Ткань падает, едва не сбивая меня с ног. Я хватаюсь за значок и зову:

— Клод! Я нашла его, Клод!

Никто не отвечает. Мне все равно.

Я прижимаю осколок к потемневшему зеркалу. Так же, как и мое, оставшееся в комнате маяка, оно представляет собой сотни отдельных осколков. Они тщательно собраны и склеены, как какой-то долбанный пазл из двух миллиардов частей. Это даже не осколки — это крошево!

Моя находка идеально входит в оставленный паз. Линии и изгибы озаряются золотистым светом — точно таким же, что окутывает почти все зеркала Центра. Это цвет магии живущей в них. Поверхность дрожит. Темнота отступает. Трещины стираются, будто бы их и не было.

«Может это оно? — запоздало понимаю я. — Может я здесь для этого? Спасти Избранную, что так полюбилась Клоду?» А почему нет? Растопить сердце злобной твари — это сверхзадача в списке каждой Избранной.

— Клод! — вновь кричу я. — Я нашла твою спящую красавицу. Или чудовище.

Бессмысленно.

Я смотрю на разбегающиеся волны и напоминаю себе, что мир Алисы заражен. Что была предательница. Что Враг как-то разбил мир Алисы. Что осколок каким-то образом оказался в моей комнате. Мне резко все начинает не нравиться.

Предатель.

Среди нас есть предатель.

О, Боже!

Я несусь обратно в свой коридор. Я проверяю каждый из порталов, куда заходили мои друзья. Раньше я в них не смотрела. Горечь и обида оказались сильнее любопытства. Но сейчас все иначе.

Золотистая пелена охватывает каждое из зеркал. Это признак Золотой оси.

Тотальное заражение. Все миры, куда отправились Избранные, подверглись действию золотой скверны. Сто сорок семь Избранных попали в ловушку с заранее известным исходом.

— Атрос!

Я взываю к божеству. Я бегу к нему. Я кричу часами до хрипоты. Я пытаюсь растолкать Клода. Молюсь Лёше.

В голове звенящая пустота. Я продолжаю кричать, но голоса нет. Меня никто не слышит. Камни градом летят в яму Атроса, но никто не отзывается.

Что мне делать? Что делать?

Я принимаю решение.

Я должна спасти Алису.

Я открыла ее мир. Значит, должна войти в него. Предназначение работает именно так. Вот миссия для Дроби: спасти не мир, а одного конкретного человека. Алису. Алису в зазеркалье.

Я смеюсь собственной шутке, но скорее от безысходности.

— Атрос, помоги, — самая странная молитва в моей жизни. — Это мой мир, пожалуйста, выведи меня в него целой. Не дай расщепиться на атомы.

Морозный запах стылого эфира.

Безмолвие.

На расстоянии вытянутой руки сияет мой чернильный друг с золотистыми разводами.

— Привет, малыш.

Ох, лишь бы я не ошиблась в предназначении!

Схватив кокон, я оттолкнулась от пустоты, ныряя в один из проходов. Вперед в неизведанный мир!

Часть II
ТО ЧТО, БЫЛО НАВЕРХУ, БУДЕТ ВНИЗУ
или
ОШИБКА В ИСХОДНЫХ ДАННЫХ

— 1 —

Нельзя принимать решений, основанных на эмоциях. Никогда. Я знала это. Читала в одной книге. Или слышала по телеку. А может, это был рекламный баннер. Не суть. Кто бы это ни был, он был прав.

Измученные тренировками колени встретились с каменным полом. Я взвыла, хватаясь за больную часть ноги и перекатываясь на спину. В глаза ударил яркий свет. В носу защекотало от обилия пыльцы.

Путаясь в длинном подоле ночнушки, я попыталась встать.

Стоп. Перерыв на кофе. Почему я в ночнушке? А в чем я еще должна быть? В гвардейской форме?

Я ложилась спать. Покормила кота. Посмотрела сериал и легла спать. Или нет?

Я прижала руку к груди. Будто ища что-то. Украшение? Медальон? Мелкая деталь, за которую хотелось схватиться и позвать на помощь.

«Наверное, я ищу телефон, — неуверенно предположила я. — Да, он всегда под рукой. Такие деньги за него отдала. Он должен быть рядом».

Похлопала себя по бокам. Посмотрела под ноги. Вместо последнего чуда технологии в белом цвете, за которое была уплачена дополнительная тысяча, обнаружился старый педикюр с облезлым красным лаком. Я пошевелила пальцами. Да, мои. Да, все на месте. А где, блин, обувь?

В коридоре. Когда приходишь домой — разуваешься. Когда ложишься спать — скидываешь тапки. Верно?

Какая-то важная мысль ускользала. Так бывает со снами. Просыпаешься, а на грани сознания витают эмоции, обрывки событий, что не описать словами, но можно ощутить, как запах морского бриза или послевкусие от хорошего фильма.

— Эй, — окликнул меня кто-то.

Тело, словно чужое, в тренированном движении развернулось в сторону голоса. Руки напряглись, а центр тяжести перенесся на ноги.

Что за черт?! Я одержима?

— Давай в сторону, лэй.

Высокий мужик под два метра ростом и размахом плеч под три года моей жизни, возвышался древнегреческой колонной над маленькой мной. Тяжеленая алебарда и выпирающие из складок белой атласной ткани, перевязанной золотым шнуром, мышцы, придавали басовитому голосу почтенного веса.

— Что?

— В сторону, говорю, лэй. Не загораживай проход.

Мы стояли на круглой платформе, к которой вела пятиступенчатая лестница. Внизу, вокруг нас собрались люди, взирающие на нас с легким любопытством. Помимо меня и амбала из третьего века до нашей эры, на постаменте не было никого и ничего. Лишь каменная арка без особых изысков. Настолько обычная и неприметная, что я бы даже не стала с ней фотографироваться. Так что, кому тут чем мешала, я не поняла. К мужику этому, что ли дорогу загораживала?

— Что на ней надето? — хихикнул кто-то снизу.

Я тут же вспомнила о штанах в мелкий цветочек и о длинной хлопковой рубахе до колен. Слава Богу, на досуге дырку зашила и постирала буквально вчера.

— Какая смешная.

— Перепутала арки.

— Как же ее пропустили?

— Из какого она захолустья?

— Такие миры еще существуют? Куда смотрит палата лордов?

— Причем тут палата? Странники должны следить.

— Кто-нибудь связался с комитетом нравственности и утвержденного стиля?

— Кто выпустил ее на улицу? Какой скандал!

— Может это часть празднования? — засомневалась девушка, стоящая ближе всего к каменному пьедесталу. — Как в прошлом году, когда Тинхе вернулся с победой. Результаты мерцающей Жатвы не оглашались, но, по-моему, все очевидно.

Прижав руки к груди, я сдвинулась назад к стражнику.

В ночной одежде, в центре внимания колких на язык дамочек и насмешливых метросексуалов, и без единого шанса провалиться под землю. Да это же мой любимый ночной кошмар! Добавить несданный отчет и огромного жука — вот рецепт моего идеального инфаркта.

Нет, так не пойдет. Мы все взрослые воспитанные люди. Мы не в пятом классе, где любая ошибка ведет к вечности в аду. Я не обязана стоять и слушать оскорбления в свой адрес, пока не придут старшие. Ё-моё, женщина, ты недавно купила телефон в кредит. Ты способна на что-то большее!

Давай же, мозг. Включайся на максимум и решай проблему.

Итак. Что мы имеем? Я без обуви. Как мы выяснили ранее, без обуви я бываю только в ванной и в своей спальне. Значит, я дома. Хорошо. Из чего вытекает вопрос, откуда мужик с оружием и с десяток человек из теле-шоу «топ-модель по…(вставь-любую-страну)» в ней делают? Или это не моя квартира, а значит, давление на работе, постоянные истерики, слезы в душе и затянувшаяся депрессия, довели меня до разгуливания в нижнем белье по улицам города. Молодец, Аня. Всю жизнь хотела сходить в Большой театр родного города, и вот, выбрала подходящий момент. Период психоза. Странно, что еще никто мобилку не достал и не фоткает.

Это ведь театр, да? Вон, люди в сценических костюмах. Все как с обложки модных журналов. Одинаковые и одновременно разные, в своей безупречной уникальности. Таких — в кино показывают. Люстра под потолком хрустальная. По стенам переливается свет. Аромат кутает запахами заграничных оранжерей. Пол усыпан цветами. Постамент с каменной аркой. Полсотни дверей, от которых ведут дорожки из черного мрамора в центр ко мне. Мужик полуголый в ливрее и с алебардой.

— Эй! — устал ждать амбал. — Двигай уже вниз, лэй.

— Какая она, лэй? Ты посмотри на нее! — крикнул кто-то снизу.

— Что там смотреть? — поддержал дугой голос. — Гони ее туда, откуда она пришла. Видно же, что она из рабочего мира. Шахты и

фабрики ее удел.

— И, правда, вылитая Имари.

Перекаченное нечто смерило меня глазками-пуговками. Венка на лбу задергалась, обозначая работу мысли.

— Покажи вейос, лэй, — наставляя на меня острие алебарды. — Закатай рукав.

— Фу, как неприлично. Перед вами же леди. Выбирайте слова.

— Леди? — на секунду оторопел охранник. — Вы же… Нет… Если вы леди, то где ваше сопровождение?

— Свет софитов, шепот опадающих листьев и дурман грядущих дней — вот мое сопровождение, — подныривая за арку, отозвалась я. Стражнику пришлось маневрировать на узком переходе. Здоровый лоб с острой бандурой едва помещался на тонкой грани постамента.

— Хватит ломать комедию! Покажи знак, что тебя определяет. Иначе я буду вынужден звать Странников, — он чуть ли не притопнул ножкой от возмущения. — Где твой вейос, лэй?

— Хватит бросаться незнакомыми словами, — надула я губки, откровенно уходя в ребячество. Лучше пусть думают, что я тупая блондинка с айкью равным возрасту, чем… чем дура, которая забыла, как оказалась… эм… где-то. — Я тоже так умею. Преюдиция. Превентивный. Плюрализм, а? Съел?

Последнему слову оказали поддержку пара смешков. Мужик нахмурился еще сильнее. Несколько неудачных тычков туда, где я лавировала между столбами арки, а амбал пытался достать меня алебардой, добавили еще одобрительных возгласов в мою пользу. Греческий бог в простыне начал злиться. Теперь его движения перестали быть такими безобидными. Если до этого он пытался меня легонечко кольнуть, то обидный выкрик и аплодисменты промахам, заставили его действовать серьезней.

— Имари против воина Клевера. Вот потеха! Кто-нибудь включил люззор?

Мужик зарычал.

— Во имя Незыблемого трона Первых, замри и покажи печать вейоса.

— Нет на мне вейоса, — я хлопнула ладонью по левому запястью. — Мое тело — мой храм! Храм сна и обжорства, но все же,

храм. Нет там никакого вейоса. Добровольно в себя иголками тыкать не дам.

— Чужестранка? — робко прошептал кто-то.

— Беглая Имари.

Амбал сдвинул брови. Лицо, состоящее, будто из одних мышц, налилось кровью.

— Было огромной ошибкой искать здесь убежище. Ты посягнула на печать, дарованную Незыблемыми.

— Да ни на что я не посягала! — взвизгнула я, пригибаясь от резкого движения. — Шуток не понимаете?

Прошла еще одна серия яростных ударов, от которых я уходила с поразительной прытью. В жизни так не вертелась! Я могла подвернуть ногу на ровном месте, захлебнутся чаем и застрять на чертовом колесе. Я всегда была неуклюжей. Роняла телефоны, кружки, еду. Если кипяток, то опрокидывала на себя. Если нет, то на клавиатуру. Цепочка невезений — классический сюжет моей повседневности. А тут — надо же — скачу так, будто год тренировалась уклоняться от алебарды. Мистика, не иначе.

Чего не сделаешь ради спасения собственной жизни.

Я пригнулась от резкого движения. Над ухом раздался свист вспоротого воздуха. Мои волосы вздыбились. Нападающий перекинул оружие в руке и попытался сделать подсечку. Выпучив глаза и прекрасно понимая, что не успеваю подскочить или увернуться, я приготовилась к удару. Вот сейчас лезвие вопьется мне в бедро. Небось в артерию. И я истеку кровью раньше, чем пройдет шок и придет боль.

Ага.

Где-то в моей душе жил воздушный акробат. Или брейкдансер. Или Брюс Уиллис из «Крепкого Орешка». Иначе как объяснить, что в самый последний момент, я сделала кувырок вперед, оттолкнулась руками, выворачиваясь в сальто. Сгруппировавшись, я приземлилась босыми ступнями на радужный ковер из мелких цветов. Выпрямилась и, почувствовав в себе дух олимпийской чемпионки по гимнастике, распахнула руки в стороны и поклонилась публике, улыбаясь во все тридцать два зуба.

Амбал выпучил на меня глаза. Я держала улыбку, но взгляд мой был идеальным отражением эмоций греческого бодибилдера.

Публика разразилась аплодисментами. Насмешки сменились свистом, а злобные слова — поддержкой.

— Я же говорил. Это часть праздничного представления.

— Слышала-слышала. Новая коллекция леди Астры.

Ободренная, я решила закрепить успех, пока опасный тип с алебардой не пришел в себя. Вся рекламная чушь, что когда-то не отфильтровалась мозгом, вылилась, подобно хорошо отрепетированной речью:

— Благодарю за внимание! Вам был продемонстрирован отрывок из развлекательного шоу «Алиса в стране чудес». С полной версией представления вы можете ознакомиться на… Центральной площади и по адресам указанным в буклетах, которые вы найдете у стойки на входе. Скидка и акции не суммируются. Девушкам до десяти вечера вход бесплатный. Мужчины допускаются только с красными бабочками. Никаких галстуков и липучек.

Улыбка публике. Улыбка амбалу. И я рванула к двери.

Господи, что за сумасшедший дом?

Распахнув дверь, я вылетела наружу как пробка из-под шампанского. Не успела я шагнуть за порог, как в голове взорвался фейерверк из пылающих образов:

… Алиса…

…Тренировки…

…Форма…

…Черный кокон, вжимающийся мне в грудь…

… «Нельзя забывать!»…

…Клод?..

Я прижалась к стене театра, из которого только что выскочила. Внутри облизнулась пустота. Я скользнула на корточки, боясь вот-вот упасть в обморок. Что происходит в моей голове? Что творится вокруг. Причем тут Алиса из страны Чудес и Жан-Клод Ван Дамм? Почему это так важно?

Выровняв дыхание, я устремила взгляд на прохожих. Надеялась попросить позвонить или денег на автобус. Но не тут-то было. Золотые стены, раскидистые сады на крышах, летающие кареты запряженные пегасами и продолговатые линии планетарных колец на небосводе взамен солнца, намекали, что доехать до дома не удастся даже на такси по двойному тарифу.

— 2 —

Маленькие домики, не выше трех этажей, уютно мостились с разных сторон дороги, идеально-уютно вписываясь в общую гармонию улицы. Лучи играли на золотистых стенах. Лианы, заплетенные в причудливые косы, спускались с захваченной зеленью крыш аж, до самой земли. Воздух был пропитан сладкими ароматами цветов.

Гладкие улицы, как будто залитые жидким стеклом, не знали тяжелых колес автомобилей, шпилек модниц и вечного ремонта дорожных работ. Ни единой трещины, скола или царапины. Отшлифованный гранит не мог похвастаться подобной прочностью, блеском и отсутствием стыков. Тротуар отсутствовал. Дорога полностью принадлежала пешеходам.

Ласковая погода и покрытие дорог не оставляли большого простора для фантазии в выборе обуви. Люди, что неспешной походкой шли мимо, предпочитали сандалии. Золотистые нити-шнурки поднимались от легкой обуви вверх по ноге и, завязывались бантиком, не доходя до колена.

Я боязливо ступила босой ногой на блескучую поверхность. Тепло. Тепло и немного скользко. Я обернулась. Здание, из которого я вышла, действительно напоминало театр. Много колон, лепнина на балконах, балюстрады из причудливых столбиков. Красивые фигуры полуобнаженных женщин и рыцарей в доспехах на крыше.

Я немного потопталась, прикрыла глаза от ярого солнца и поспешила вернуться к «театру» под навес. Уставшая путница, отдыхающая под крышей дома, вызывала у людей меньше удивления, чем сумасшедшая в пижаме, с открытым ртом разглядывающая дома.

В нашем мире такого быть не могло. Каким-то образом я перенеслась из родного города в чью-то золотую мечту.

Неприятное чувство закралось в душу. Я бросилась к стене, отражающей вездесущие лучи и мою размытую фигуру. Воздушная гимнастка — это не тот эпитет, который мог бы относиться ко мне и все же, то, что я смогла разглядеть в сверкающей панели здания, очень напоминало меня.

Рост чуть выше среднего. Самое то — для обуви на невысоком каблуке, а в правильной одежде можно выбрать и плоскую подошву, но все равно выглядеть достойно. Фигура стандартная. Сбросить пару

кило не помешает, но к лету или к Новому году. Масса, скажем так, не критичная, но с облегающими вещами не помешает быть осторожней. Волосы русые, прямые, иногда пушатся. Достают до лопаток и вызывают чувство неопределенности: то ли подстричь, то ли отращивать. В остальном же — глаза как глаза, нос как нос, губы обычные, две мелкие родинки на правой щеке. Ничего достойного гордости. Внешность самая обычная, и на том природе спасибо.

Я оглядела руки. Потрогала нос. Поднесла прядь к лицу. Все мое. Никаких изменений. Я в своем родном теле.

Я в другом мире. Но странным казалось не это. Больше всего меня удивили не чистые улицы, не летающие животные с повозками, противоречащие любым законам физики, и не росчерки светящихся дуг, опоясавших небо. Я поразилась тому, насколько это не кажется чем-то необычным. Будто я днями и ночами только тем и занималась, что путешествовала по другим мирам. А это другой мир. Я догадалась. А вот посмертный ли, в который уходят хорошие души в своих любимых пижамах, или мир фэнтезийный, разряд обыкновенно-магичеки-условно-альтернативный, предстояло выяснить.

О, да. Я не исключала того, что пока спала, обрушился дом, и я умерла не просыпаясь. Это место могло оказаться версией рая. Всегда считала, что души отправляются в те места, которые указаны в исповедуемых ими религиях. А почему бы и нет? Вот, такие как я, которые вроде во что-то верят, но и ни во что конкретно: вызывали Барабашку, закалывали булавку от сглаза, три раза стучали по дереву, пару раз ходили к бабкам-знахаркам, гадали на святки, но при этом не верили в призраков, разговоры с умершими предками, демонов, и в специально отведенный котел с маслом в аду.

У всего есть разумное объяснение. Даже у перемещения сквозь миры.

Я вернулась к двери, через которую выбежала на улицу. Аккуратно приоткрыв, чтобы та не сдала меня скрипом, заглянула внутрь. Люди, что стояли вокруг постамента никуда не исчезли. А злобный амбал не бросил свой пост в попытке догнать меня, а продолжал нести службу.

— Работаем на вход, — Громко возвестил он.

Одна из девушек, что ожидала внизу, поднялась по лестнице. Стражник кивнул и прижал руку к арке. В то же мгновение проход

окрасился в голубоватый цвет. Вот я видела его насквозь, а вот — по воздуху пошла рябь и он стал больше походить на бурлящий водопад в миниатюре.

Девушка, что взошла на площадку, приложила руку к соседней опоре. Прикрыла глаза. Какое-то время ничего не происходило. Она и стражник стояли друг напротив друга. Народ без особого интереса разговаривал между собой, как будто они все давние знакомые и коллеги. Пространство текучей воды начало меняться. Рубцы и волны плавились в гладкие ручьи и сливались вместе. Тягучие воды застыли, образовывая поверхность зеркала.

Девушка несколько секунд смотрела на собственное отражение. То задрожало и поползло серебряной пленкой, оставляя за собой пустой проход.

Я не сразу поняла, что с другой стороны арки что-то изменилось. Казалось все тот же зал, что и минуту назад. Девушка шагнула в арку и спустилась по лестнице. Которой я не помнила во время акробатических выступлений. За аркой она повернула к двери, но из-за колонны не вышла.

Что за?

Воздух опять пошел рябью. Вспыхнул голубым, замер и вновь вернулся в прежнее состояние. Стражник внимательно оглядел пробежавшие красные огни по камню и объявил:

— Разойтись. Запрос на вход.

Люди у подножья послушно расступились. Алая пена накрыла воздух внутри арки, окрасив волны в бордовые цвета. Когда они распались, на их месте появился человек. Сердце замерло, а дыхание перехватило.

Мужчина в одеждах, отличных от ливрей и туник местных жителей, поднимался по лестнице с той стороны. Среди людей возникло оживление. Стражник сел на колено и почтенно склонил голову. Человек в черном прошел сквозь арку. В зале воцарилось молчание.

Я вынырнула обратно за дверь, толком не разглядев незнакомца. А посмотреть было на что. Но нет, невидимая сила заставила вернуться на улицу.

— Мужиков, что ли не видела, — пробормотала я себе под нос.

Там портал в другой мир! Или другое место. Или еще куда. Да хоть в соседнюю комнату. Портал! А я на мужика загляделась. Зато выяснила, как здесь оказалась. Первое мое воспоминание — это, то, как я упала прямо там, на каменный постамент. Никто этому не удивился. Мне казалось, что я свалилась откуда-то сверху, но вполне могла выпасть вперед. Из увиденного можно предположить, что я прошла через портал.

Уф. Ну, слава богу и всем сочувствующим!

Эта мысль успокаивала. Почему-то было легче, оттого что я знала, что появилась правильным способом. Это лучше, чем материализоваться прямо из воздуха. В прохождении через портал был какой-то смысл. И дорога назад. Я могу вернуться. Без всяких поисков могучих старцев и артефактов, которые требуются в фильмах и книгах. Просто взять и пройти сквозь арку. Документов не спрашивают. Кто, куда, откуда вопросов не задают.

Проще некуда! Хоть сейчас возвращайся.

Я вспомнила хмурого стражника.

Ладно, допустим не прямо сейчас. Допустим, подожду, когда закончится смена амбала. И не собираюсь я бродить по городу в поисках приключений. Я не из таких. Я посижу и подожду. Ищите героя в другом месте.

Героя? Спасительницу. Избра…

Я опустила голову, зарываясь руками в волосы. Боже, отчего же она так раскалывается? А грудь режет, как мечом пронзили. Может, путешествия сквозь миры опасны? Или неизвестные для земного организма бактерии, к которым нет иммунитета, прямо сейчас пожирают клетки моего головного мозга?

— В первый раз?

— Что? — встрепенулась я, поднимая голову.

Девушка в белой тунике и плетеной корзинкой в руках, сочувственно качала головой. Вьющиеся волосы пружинили как в рекламе утюжка для идеальных локонов, а изумрудный цветок-бант приколотый сбоку, испустил крохотный фейерверк блесток. Те взлетели светящимся облачком на десять сантиметров вверх и рассыпались серпантиновым дождем, тут же растворяясь в воздухе, оставляя в глазах рябь от неожиданного обилия света.

— В первый раз отправили самостоятельно сквозь арку? — повторила незнакомка, с любопытством разглядывая меня. — Откуда ты?

— Ээм…

— Я не о хозяевах спрашиваю, успокойся, — неверно интерпретировала мое мычание девушка. — В колыбель или к Имари идешь?

— Колыбель, — повторила я, чувствуя, как через плотину, сдерживающую воспоминания выплескиваются разбушевавшиеся волны.

…Колыбель. Цветные коконы. Яркие, теплые, милые. Их хочется обнять и прижать к себе как пушистых котят. Гладить и рассказывать им сказки. Их очень много, но твой только один. И у него нет красочного оттенка. Он прячется в скорлупе, потому что все вокруг смотрят на него с подозрением. Его сторонятся. Он отличается. На нем золотые прожилки, но это его не красит, а добавляет больше ненависти.

Всегда плохо. Всегда одиноко.

Я держу его крепко-крепко. Я тоже осталась одна. Я грею руки о пульсирующее, почти болезненное тепло. Я хочу свернуться вокруг него клубочком. Чтобы защитить малыша и спрятаться самой. Мне больно оттого, что когда-то я не смогла его спасти. Что лично отправила в вечную пустоту междумирья…

— Оу, колыбель. Понятно, почему ты вся такая разбитая, — незнакомка спустилась на мою ступеньку и присела рядом. — В первый раз я тоже сильно переживала. Люззор показывает одно, но как на самом деле произошло присоединение, никто ж не скажет. Меня забрали в шестнадцать лет, а навестить колыбель позволили только через пять. Так странно было видеть родителей. Они сильно изменились. Или я изменилась. Как бы там ни было, непривычно увидеть родной мир столько времени спустя, — она напряглась, испугавшись собственных слов. — Я имею в виду, — затараторила она, — конечно, все прошло хорошо. Нам даровали покровительство. Взяли под свою опеку. Войны, болезни, голод искоренены. Власть передана мудрейшим. Слава Незыблемому трону Первых!

Девушка вскочила на ноги и, сжав ладонь в кулак, дважды хлопнула себя по груди. Посмотрела на меня. Шатаясь, я тоже

поднялась на ноги и повторила за ней.

— Слава! — преувеличенно бодро сказала я.

На лице дивы из греческого эпоса расцвела расслабленная улыбка. Я, тем временем, холодела от ужаса. Это что же получается, пока я дрыхла, мой мир захватили и поработили?! Я проспала войну миров? Меня взяли в рабство! А потом потеряли по дороге и не заметили этого.

— Кончай хандрить, лэй, — толкнула меня в бок обладательница изумрудного цветка. — Если тебя забрали, значит, ты особенная. Справишься. Кого попало Странники не приводят. Подумаешь, приказали нарядиться в тряпки колыбели. Все мы когда-то жили в варварских мирах. Там наши корни и нечего стыдиться.

«Так, колыбель — это родной мир, из которого меня вытащили, — повторила мысленно я. — Кто же такая Имари, и почему к ней кого-то отправляют?»

— Я не стыжусь, — ровно проговорила я, пытаясь правильно подбирать слова. — Я переволновалась и не уверена, правильно ли запомнила, как проходить сквозь портал.

Девушка посмотрела в сторону двери, потом на меня.

— Тебя давно отдали?

— Не то что бы, — уклончиво ответила я.

— Тогда чего ты там не помнишь? Подходишь к порталу, кладешь руку на панель, представляешь колыбель. Любимое место, родной дом, альма-матер, пруд. Да что угодно из твоего мира. Активируешь вейос и просишь дозволения у покровителя войти.

— У своего покровителя? — запуталась я.

— Вот же дуреха! Конечно, нет. У покровителя мира, в который идешь.

— Да-да, точно, — изобразила я глубочайшее понимание. — Покровитель мира — личность известная каждому.

— А я, о чем, — беззаботно откликнулась девушка с корзинкой. — И как раньше жили? Куча богов, религий и правителей. Половина истощила собственные ресурсы, половина бездействует. Кто несет ответственность за мир? Кто самый главный. Непонятно к кому бежать в случае чего и тем более, к кому обращаться при пространственном перемещении.

— Ага, — вымучила я из себя улыбку. — И как же быть тем людям, что живут в мире с огромным количеством вероисповеданий? Просто представить, попал кто-то случайно из подобного мира сюда и пытается вернуться обратно. Что же ему делать? Имена всех известных богов и президентов перебирать, пока кто-то добро не даст, что ли.

— Ну ты скажешь, лэй, — хохотнула собеседница. — Случайно попасть в Золотую Ось невозможно. Ой, уморила! Дикарка в городе Незыблемых, кому расскажу — не поверят. Ее же в первые пять минут изловят и испепелят на месте. С мусором иначе нельзя. А ты говоришь, к порталу ее пропустят и дадут время зачитать список варварских божков, оскорбляя имена Покровителей. Шутница, — она поправила корзинку на руке и пригладила загнувшийся край складки платья-туники. — Заболталась я с тобой. Пора мне. Долго не сиди. Терпение у Первых безграничное, но, все равно, не нам его испытывать. Собирай волю в кулак и вперед. Удачи, лэй.

— Удачи, лэй, — эхом отозвалась я, когда за безымянной девушкой закрылась дверь. — И куда именно мне такую удачу засунуть? Что за адские условия пребывания иномирных граждан? Вот уродство!

Дверь качнулась, и я отскочила в сторону.

— Уродство? — переспросил звучный голос.

Человек в черном, которого я видела у арки, сощурил глаза, пытаясь разглядеть меня в золотистом свете сияющих улиц. После темного зала отражающиеся лучи солнца резали сетчатку нестерпимо ярко.

— Это я не о вас, — извинилась я, пропуская незнакомца. — Вы вполне ничего так.

Мужчина что-то хмыкнул, собираясь пройти мимо, но на полпути затормозил. Резко замерев на месте, он остановился прямо напротив меня. Пустое лицо окрасилось в тона крайнего изумления.

— Дробь?

— 3 —

Шок мужчины быстро сменился хищным взглядом. Он посмотрел поверх моей головы — его рост позволял делать это не вставая на цыпочки. Специально, наверное, обувает сапоги с отворотами из кожи и на тяжелом каблуке, чтобы проделывать подобные маневры. В мире,

где мужчины и женщины щеголяли в летних одеждах, человек в черном прятал свое тело всеми доступными путями. Высокие сапоги, заправленные в них штаны, ветровка до колен. Из-под распахнутых краев можно увидеть часть длинного камзола перетянутого ремнем на талии, в довершение всего — хлопчатобумажные перчатки. Единственным открытым участком кожи оставалось лицо. И то, верхнюю половину он пытался запрятать под тень капюшона, а нижнюю в высокий ворот, достающий до подбородка.

— Ты одна, — подвел он итог, оглядев местность на наличие предполагаемого сопровождения.

Я подавила детское желание сказать, что вовсе не одна, а с компанией и папа на минутку отошел — вот-вот вернется, а мой парень — качок и очень ревнив.

— Вы обознались.

Мужчина будто не слышал.

— Тебя кто-то привел? Ты сбежала?

— Я вас не знаю. Вы меня с кем-то перепутали, — повторила я, собираясь вернуться в зал с аркой.

Не тут-то было!

— Стой, — он ухватил меня за руку, забирая возможность прекратить разговор уходом. — Ты же не из этого мира, так?

Я открыла рот, чтобы возразить. Одумалась. Закрыла рот. Многозначительно посмотрела на ладонь, сжатую на запястье, потом, подняла голову, открыто глядя мужчине в глаза. В своем взгляде я сконцентрировала все то, что думаю о людях, применяющих грубую силу в отношении женщин. Общий смысл моего послания до него дошел.

— Я не собираюсь причинять тебе вреда. Я хочу поговорить.

Он вывернул мне запястья. Отодвинул край рукава. Мягкая ткань перчаток пробежалась по коже.

— Вейоса нет, — хмыкнул он. — Интрига. Как же ты сюда попала?

Я плотно сжала губы, подразумевая, что ни слова не скажу, пока он находится в роли агрессора, а не равного.

— Понял-понял. Отпущу. Только не убегай сразу, хорошо? Я все объясню.

Я скривила губы, но кивнула, подразумевая вынужденное согласие. Человек в черном медленно разжал тиски пальцев, готовый в любую секунду сомкнуть их обратно.

— Даю минуту, — предупредила я, радуясь, что держу голос твердым. Быть уверенной, находясь в пижаме в центре сверкающего города и прямо напротив человека, с подавляющей любые возражения харизмой, задача не из легких. Но я совсем недавно сделала сальто и при этом не осталась инвалидом, отчего мое самомнение взлетело к неизведанным ранее высотам. — Убеди, что на тебя стоит тратить время.

Ответ покоробил нежданного благодетеля, но отступать он не собирался.

— То, что я хочу сказать — жизненно важно для продолжения твоего существования. Бросишься наутек и сразу же столкнешься с кем-то из Незыблемых, а там ты пропала.

То, что в этом мире нельзя быть никем, я поняла. И про испепеление и про власть Незыблемых, кем бы они ни были.

— Тебе-то, что? — осторожно спросила я, скрещивая руки на груди.

На симпатичном лице с неопределенным цветом глаз мелькнула озабоченность.

— Я — Странник, леди. Для тебя это слово ничего не значит, но здесь это достаточно объемное понятие. Я много путешествую и мне приходилось сталкиваться с людьми, что попадали из закрытых миров в Золотую ось.

— Докажи.

— Ты пришла из мира, что зовется Землей. У вас нет проявленной магии и природных порталов. Ты не понимаешь, как здесь оказалась. Судя по одежде, ты уснула дома, а проснулась уже здесь, абсолютно не имея понятия, как это произошло. Мир, наполненный магией, тебе чужд. Ты хочешь вернуться домой, но не знаешь, как это сделать, верно?

— Допустим.

Что-то мне не нравилось. Вроде говорит складно. Помощь предлагает. Весь такой учтивый, за исключением попытки удержать меня на месте. Только что-то во всем этом было не так. Мне бы радоваться. Все же, как в сказках. Девушка в беде. Ей на помощь

приходит принц на белом коне и решает все проблемы. Высокий, статный, с гордой осанкой и умопомрачительно-таинственный в своих черных одеждах. Мечта шестнадцатилетней девчонки. Мне же двадцать девять. И я знаю, что иной мир вовсе не означает диснеевскую сказку. Скорее уж, братьев Гримм, где все страшно, мрачно и реальней, чем в любой существующей реальности.

— Ты попала в серьезную передрягу и говоришь мне «допустим»? — повторил он, вынуждая себя говорить вежливо, опуская саркастические нотки. — Как называется этот мир?

— Незыблемый трон Первых, — без запинки проговорила я.

— Что ж, времени ты зря не теряла. Это королевство Лэйтария. Незыблемый трон Первых — члены правящей семьи.

Могла бы догадаться.

— Я почти то же самое сказала.

— Не время для шуток, леди. Каждый человек, каждая вещь, каждый участок земли, даже вид магии в Лэйтарии принадлежит кому-то из Незыблемых. Если у тебя нет вейоса, ты ничейная.

— Свободная, значит.

— Значит… — он растопырил ладонь, покачал ее вверх-вниз, подбирая верное слово. На среднем пальце, поверх черной перчатки, блеснул перстень. — Бесхозное имущество.

— Бесхозное имущество?

— Бесхозному имуществу дорога на расщепление или на аукцион.

Я недоверчиво уставилась на представителя иного мира. Злые языки шушукались за спиной, что после двадцати пяти незамужняя девушка — неликвидный товар. Но что бы — бесхозное имущество? Зря я ругалась на отношение к женщинам в нашей стране. Нормально все. Прогрессивно.

— Я попала в мир более отсталый, чем мой собственный, — восхитилась я, следя за реакцией компаньона. Высказывание с намеком на оскорбление Лэйтарии не пришлось ему по вкусу. Да что же ты за засланный казачок такой? — Боже, верните меня домой: я всех люблю и всех прощаю.

— Что ж, общий смысл ты поняла. Теперь пойдем, отведу тебя в безопасное место, леди, — он вновь пренебрег моим личным пространством, подтолкнув ладонью в спину.

— Нет.

— Попробуем разобраться, как ты… что?

— Я сказала, нет, — повторила я. — Спасибо большое. Ценю твои героические порывы в спасении незнакомки, но, нет.

— Должно быть, ты не расслышала, что я сказал, — усилил он нажим в голосе. — Без моей помощи ты пропадешь, леди. Ты должна мне верить.

Я вздернула бровь, услышав это утверждение. Похоже, кто-то решил прибрать к рукам бесхозное имущество.

— Нет уж, — покачала я головой. — У меня есть план.

— Есть?

— Дождусь смены стражника и вернусь в свой мир через арку. Невелика сложность.

— Ты не знаешь всех нюансов. Недостаточно просто пройти в арку.

— Да, да. Знаю. Надо представить мир, обратится к покровителю и надеяться, что вейос — необязательная часть для перемещения. Справлюсь.

— У вашего мира нет покровителя.

— Христианская церковь считает иначе.

— Да услышь же меня, леди! У тебя нет другого варианта, как пойти со мной. Любой другой выбор несет тебе смерть.

— Я вот уже полчаса жарюсь на солнышке и знаешь, ты первый кто подошел ко мне с угрозами, — нагло соврала я, замечая нечто странное на периферии.

Мужчина продолжал изображать внимание, тем временем между пальцев его левой руки образовался сиреневый дымок с золотистым мерцанием. Не дольше секунды продлилось видение, после чего распалось так же, как мини-фейерверк, мельтешащий над зеленым цветком — заколкой. Следом я словила очередное дежавю.

— Леди?

Взгляд мужчины стал жестче. Он тоже посмотрел на свою руку. Пошевелил пальцами, будто проверяя их подвижность. Решив, что я припомнила ему ту часть встречи, где он пытался меня удержать, незнакомец засунул руку в карман.

— Почему увидев меня, ты сказал «дробь»?

Вопрос его озадачил. Если все предыдущие слова казались заученными и шедшими на автомате, то в этот раз, ему явно пришлось

выдумывать нечто новенькое. Обладатель костюма от лучшего дома Мод для готов и людей с затянувшейся депрессией, выбрал играть в несознанку.

— Я так сказал?

— Да.

— Не имею ни малейшего понятия. Первое время после прохода через арку мысли немного путаются.

— В самом деле?

— А как же. Верь мне.

Я начала раздражаться.

— Почему ты повторяешь: верь мне, ты должна верить, доверяй?

Снова растерянность на лице и короткий взгляд на карман. Почувствовав неладное, я отступила к двери.

— А знаешь, не важно. Я тебе верю. Просто не хочу отсюда уходить. Люблю городские пейзажи с вкраплением элементов экзотической флоры.

— Ты мне веришь, — спокойно сказал он и это был не вопрос. — Я тебе не враг.

Головная боль вонзилась в черепушку с тройной силой.

— Повтори, — продолжал мужчина, вытаскивая руку из кармана. Фиолетовый дымок клубился между средним и большим пальцем.

— Я тебе верю, — откликнулась я, пытаясь справиться с болью. Только странных видений мне не хватало. Самый неподходящий момент же! — Ты мне не враг.

… Враг. Враг с большой буквы. Это не человек. Это нечто большее…

Черт!

Боль сжала голову в тиски. Ноги подкосились. Тошнота подкатила к горлу. Перед глазами все поплыло. Золотые здания, малахитовая зелень, цветные полосы неба, высоченные колонны, черное пятно опасного незнакомца. Я ухватилась за стену, чтобы не упасть. Мужчина продолжал стоять на месте, не делая попыток подойти.

— Повтори, — его голос прозвучал эхом. — Не надо сопротивляться.

— Я не сопротивляюсь, — огрызнулась я, сползая на пол. Перед глазами мельтешила золотистая пыльца. — Мне хреново.

Я сидела на пригретом парадном крыльце театра, но чувствовала себя так, будто падаю, падаю, падаю. Несусь сломя голову в бездонную пустоту. В озаряемую цветными кристаллами яму.

…Яма? Яма, у которой есть имя. Волшебная яма. Атрос!

Черная тень, такая же темная и пропитанная мраком, как и ее обладатель, закрыла меня от солнечного света.

«Враг. Я должна что-то сделать», — успела подумать я, пока хоровод несвязанных мыслей не прорезал ледяной голос странника:

— Я хотел упростить нам обоим задачу, леди. Но вы же, дети жребия, никогда не выбираете легких путей.

Он наклонился. Движение воздуха мазнуло по щеке. Мужчина подхватил меня на руки, поднимая вверх. Я попыталась лягнуть его ногой, но меня тут же перевернули и перебросили на плечо. Все дальнейшие попытки к сопротивлению потухли под атакой забытых воспоминаний, голодными пираньями впивающиеся в мой мозг.

— Знала бы ты, как долго я пытался понять, куда ты делась, Дробь, — услышала я, перед тем как окончательно погрузиться в агонию из своих мыслей. Плотина прорвалась. Ад затопил мое сознание, и пришлось отключить его, чтобы не перегорела проводка.

— 4 —

«Враг»

«Мир Золотой оси»

Я повторяла и повторяла слова по кругу, пока они не утратили смысла. Пока буквы не спутались между собой. Пока звуки не превратились в кашу, теряя первозданное значение.

Враг.

Мир Золотой оси.

Парализованная словами вне моего понимания, я блуждала среди незнакомых понятий и чуждых мыслей. Я искала решение. А когда не смогла найти, вернулась к основам.

Я — Избранная. Меня вытянули из мешка, как игральную кость и бросили на стол. Вместо того чтобы прокатиться по полю и, остановившись, показать число, я встала на ребро. Случай на миллион.

Я — Дробь. Девушка без особых талантов и умений, но с предназначением. Меня тренировали и обучали забытые божества уничтоженных миров. Звучит, как хороший зачин биографии профессионального межгалактического убийцы, но нет. В

новоприобретенные навыки входили уроки: кройки и шитья; вышивки гладью на пяльцах; рисование акварелью; вязание морских узлов; вводный курс арденезийского языка потерянной цивилизации из мира, название которого я никогда не произнесу (это был один из тех дней, когда Клод не отпускал меня от себя, и я училась всему подряд); игры на трех знакомых и трех неизвестных нашему миру музыкальных инструментах, и еще много бесполезных занятий, которые никак не задержались в голове.

Действительно полезные навыки, что я для себя приобрела, заключались в других вещах. Например, способность одолеть кросс в десять километров и не умереть; умение уклоняться от колюще-режущих предметов, которыми в тебя целится мстительная ожившая статуя; талант засыпать при любом шуме, в любой ситуации и позе; искусство утаскивать с общего стола еду, и с невозмутимым лицом проносить ее в комнату под пристальным взором железного воина.

Уверена, все те же навыки я могла бы получить, прожив год в общаге, но, по невероятному стечению обстоятельств, для этого потребовалось оказаться в Центре.

Что же дальше?

Враг.

Я была очень сильно не в себе, когда прыгала в восстановленное зеркало Алисы. Самой себе трудно объяснить, откуда взялась та бешеная мысль. Возможно, это был как раз тот момент, о котором говорил Клод. Когда Избранная совершает поступок на эмоциях, следуя своему предназначению. Лучше бы это так и было. В противном случае, мне срочно нужна психологическая помощь.

Я разбила стекло и резала себе руки.

Мысленно застонав и разыграв в голове драматический спектакль в трех актах, я вновь заставила себя собраться, оставив страдания до лучших времен.

Я отправилась в мир Алисы — девушки из таинственного выпуска Избранных, где все погибли. Девушки, о судьбе которой не было известно ничего. И попала в мир Золотой оси, прямиков к Врагу. Как так вышло, я не представляла.

Клод упоминал, что у Атроса есть подозрения насчет моего предназначения, но в чем оно заключается, никто из тройки долгожителей не объяснил. Заставляет задуматься. Всем показали их

вероятное будущее, а мне нет. И теперь я понимаю, почему. Если мой сюжет начинается именно так, то в гробу я видела эту чертову избранность! Вышла из портала и сразу в руки к Врагу?! А где случайный прохожий, что расскажет о всей системе мира? Где добрый старичок, что поможет устроиться в жизни? Где мой потенциальный принц, что вытащит из передряги?

Где-где? В мире, что не заражен магией Врага.

— Ты чужестранка?

Я резко открыла глаза. Надо мной склонилось веснушчатое лицо молоденькой девицы. В голубой форме служанки и белым передничком, она напоминала жизнерадостную версию выпуска Избранных. Ажурный чепчик скрывал большую часть каштановых волос, позволяя двум вьющимся прядям, симметрично спадать на хрупкие плечи.

Морок спал окончательно. Я подскочила с гладких простынь двуспальной кровати, откидывая одеяло в сторону. На мне все тот же комплект для сна. И это единственное, что осталось таким как прежде. Вычищенные до блеска улицы города, сменились холодной пустой комнатой. У окна стоял туалетный столик. Одинокое кресло ютилось в углу. Наглухо задернутые темно-бордовые шторы, скрывали уличный свет. На стенах, выкрашенных в безжизненно-кофейный свет, по кругу шли старомодные бра.

— Знаю, что ты думаешь, — девушка уловила мое недоумение. — Не похоже на дом Странника, но такой уж Тинхе. Работу держит отдельно от дома и не считает нужным заботиться о гостевой спальне, — она покрутила головой, разглядывая потолочные плинтуса с цветочным орнаментом. — Не могу припомнить с какого периода этот декор. Казалось бы, Странник может позволить себе все новинки присоединенных провинций, но, видимо, все уходит в родовую резиденцию. Смысл, если все свободное время он проводит здесь?

Девушка вопросительно посмотрела на меня. Я набралась смелости и сказала:

— Привет. Ты кто?

— О, да. Прости, волнуюсь. Таких как ты, я лишь раз встречала.

Сердце нервно забилось. Меня раскусили?

— Таких, как я?

— Чужестранок, — указала она на мою руку. — У тебя нет вейоса. Я сразу проверила.

Стало не по себе.

— Так ты…

— Лэй, — представилась она.

Лэй — так называл меня стражник арки.

— Это же не имя, так? — уточнила я.

— Конечно не имя. Лэй — это обращение ко всем кто не лорд и не леди, но находится в их прямом подчинении.

— А остальные кто?

— А других на Лэйтарии нет.

— Кроме меня, — тихо пробормотала я, но девушка меня услышала.

Звонко рассмеявшись, она намотала выбившийся локон на палец и задорно пояснила:

— Ты — никто.

— Очень даже кто. Я — Аня, — назвалась я, вовремя задушив порыв представиться Избранной номер сто сорок семь дробь два. Имя прокатилась на языке покалывающими снежинками. Во рту появился вкус жженого сахара.

Лэй бросилась к прикроватной тумбочке. Наполнив граненый стакан водой из серебряного графина, протянула мне.

— Пей, — приказала она, впихивая мне в руку. — И больше так не делай. Не все можно произносить вслух. Мы же в Лэйтарии! Никто не представляется друг другу по имени, если исходит из разных линий Незыблемых.

— Почему? — я опустошила стакан в один глоток. Стало легче. Онемение спало с языка, оставив после себя ментоловые нотки.

— Есть имена, которые надо знать. Есть те, которые запоминать ни к чему. Но чаще встречаются те, что произнести невозможно. Имена лордов и леди, произносить не возбраняется. Они адаптировали себя. Мы такой роскоши не имеем. Имена принадлежат колыбелям. На них парадокс междумирья не распространяется. Слишком большая концентрация существ. На одной планете языков больше тысячи. А представь себе мир. Умножь полученное, на бесконечные территории Незыблемого трона. Всех одному языку не научишь.

Проблемы языка. Это первое, с чем сталкивается Избранная в другом мире. Стражника я поняла сразу, без дополнительных заклинаний. Значит, неизвестные силы, что поддерживают перевод речи, действуют автоматически.

— Тебе кажется, что мы разговариваем на одном языке, но это вовсе не так, — продолжила лэй. — Единственное, с чем не справляется — с именами. В общем, всю систему сразу не объяснишь. Запомни главное. Своего имени не произноси. Если человек не представился, не настаивай. В остальном сложностей нет. Перед тобой либо лэй, либо лорд, либо леди.

Голова пошла кругом. Этикет вызывает сложности в любом из миров.

— Странник — лорд? — предположила я. — Или лэй? Это же обращение и к женщинам и к мужчинам?

Вроде не по статусу лордам шататься по мирам и лично преследовать Избранных, но кто его знает, какие забавы у местных.

Лэй вытащила из передника метр, и ловко замерила мои плечи.

— Так я и думала, — хмыкнула она, направляясь к шкафу. — Странник — это отдельная каста. Не заморачивайся. Кроме рин Тинхе других не встретишь. К ним обращаются исключительно по имени. Их мало.

Лэй. Леди. Лорд. Рин. Вроде, несложно.

Девушка отодвинула дверцу гардероба, прошлась ладонью по висящим нарядам.

— Нужно что-то с рукавами и соответствующее статусу, — пробормотала она. — Когда меня передали рин Тинхе и обозначили задачу, я сразу отправила заказ. Но много ли успеешь сделать за пару часов?

Я спустилась с высоченной постели на мягкий ворс ковра, устилавшего всю комнату. Тапочек на полу не нашлось. Босыми ногами пошлепала к задумчивой лэй.

— Кто тебя передал рин Тинхе? — я указала на зеленое платье неглубоким вырезом, но та покачала головой.

— Леди, — просто ответила она, рассматривая подол белого платья с перламутром. — Странник не держит в рабочем доме девушек лэй. Поэтому, чтобы ухаживать за вами, одолжил меня у соседки. Ох, нужно что-то светлое с одним красным элементом. Ты должна

походить на лэй, чтобы у рин Тинхе не возникло проблем с незарегистрированной собственностью.

Мысль о том, что я — вещь, отдавала возмущением и душевным протестом. Но я смолчала.

— Мое пребывание в Лэйтарии — это секрет?

— Ага, — еще шесть платьев не прошли проверку лэй и отправились вместе с вешалками на пол.

— А рин Тинхе не боится, что ты разболтаешь своей хозяйке?

— Тю, подруга, — она подняла руку, продемонстрировав татуировку в форме лилии на запястье. — Я связана молчанием до тех пор, пока то предусматривает контракт между моей леди и Странником.

— Ладно. А не боится ли он, что ты можешь рассказать мне что-то лишнее?

— Это, например? — хлопнулась она на постель. — Та же самая печать молчания лежит на мне по отношению к леди и ко всему тому, что я узнаю, находясь в этом доме. А в остальном, моя задача как раз в том, чтобы помочь тебе освоиться. Вот и оно!

Безразмерная материя упала мне в руки. Я помяла бежевое нечто и непонимающе уставилась на лэй. Та как будто взгляда не поняла.

— Давай помогу тебе одеться. Через час будут подавать обед, а мне еще надо что-то сделать вот с этим, — указала она на мои волосы, беспомощно вздыхая. — Даже знать не хочу, в каких условиях ты жила до этого дня. Не представляю, для кого он тебя привез. Ты уж прости, но это лучшие стилисты исправить не смогут.

Я лишь прикусила губу. Нормальные волосы. Подумаешь, не подстригала их последние полгода. В хвостике все смотрится на-отлично. Не было у меня времени и денег, чтобы каждый месяц по салонам ходить.

Не успела я расстегнуть первую пуговку, как с улицы раздался женский крик. Мы, вместе с лэй одновременно бросились к окну. Распахивать шторы мне не позволили. Приложив палец ко рту, девушка встала у стены и легонько отодвинула край шторок.

На тротуаре стояла карета запряженная пегасами. Белоснежные кони недовольно притоптывали копытами, озабоченные малым пространством посадочной полосы. Эта часть города была не

предназначена для живого летающего транспорта. Очевидно, подобные визиты были редкостью.

Дверь кареты была распахнута, лишая возможности увидеть пассажира, прошедшего к крыльцу. Да, видеть мы ее не могли. Но слышали прекрасно.

— Я желаю говорить со своим кузеном!

Невнятный бубнеж.

— Ты что же, лэй, не видишь, кто перед тобой?

Подобострастные расшаркивания.

— С каких пор меня не пускают к нему даже на порог?

— Простите, леди, — наконец я расслышала мужской голос, что безбожно мямлил. — Рин приказал никого не впускать.

— Даже родную кровь?

— Вы не…

— Тинхе! Тинхе! Покажи сейчас же свои бесстыжие глаза, или я разнесу твой дом к чертям!

— 5 —

Лэй, дернула меня назад, отталкивая от окна.

— Кто это? — прошептала я.

— Неважно, — девушка дотронулась до вайоса и часть стены вспыхнула в цветном облаке. Дымка рассеялась почти сразу же, забирая вместе с собой звуки улиц. — Надо спешить! Иди сюда!

Она буквально содрала с меня пижаму и сразу отправила ее в корзину. Не для грязного белья. В мусорную корзину. Ладно, проглотим.

Серебристый лен уходил кружевным подолом в пол, длинные рукава и глухой ворот. Платье недолго болталось на мне балахоном. Красный пояс бантом лег на талию. Ажурная вязь разместилась на манжетах, и трапециевидной вставкой на груди.

Лэй усадила меня на пуфик и принялась за волосы. Я же принялась разглядывать себя в новом наряде. Платье меня не уродовало, но и нельзя сказать, что шло. Оно хорошо на мне сидело, подчеркивало незнакомую мне женственность, что всегда пряталась за кофтами-распахайками или, наоборот, выражалось в неприкрытой сексуальности, когда давление подруг и родителей заканчивалось покупкой мини-юбки или чересчур облегающего платья.

Все лучше, чем задолбавшая униформа Избранной, или греческие туники лэй из зала с аркой. И все же, в девушке из зеркала было что-то не так. Она была какой-то неправильной.

— Мило, — подсказала лэй, беря с подноса массажную щетку. — Ты выглядишь мило. Рин Тинхе не объяснил, на какую должность ты претендуешь, но будем надеяться, что на Имари из рабочих. У тебя хорошая сбитая фигура. Лицо без ярко выраженных изъянов. Подойдет для мануфактуры.

Девушка явно хотела сделать мне комплимент, но оценить я его не смогла.

— Почему Имари, а не на лэй?

— Посмотри на себя, — указала девушка на мое бледное лицо в зеркале. — Нет симметрии. Нет изюминки. Нет индивидуальности. Ты не актриса и не певица. Ты не похожа на тех лэй, что привозят для развлечений публики. Ты — вылитая Имари.

«Я — Избранная», — напомнила я себе, разглядывая свое поникшее изображение. Все мелкие недочеты тут же бросились в глаза. Брови давно пора было выщипать. Нос чуть больше, чем того требуют идеалы красоты. Губы тонкие. Вовсю прорезаются мимические морщины. Под глазами тени усталости. Все какое-то кривое и невзрачное. Как я раньше этого не замечала? Тусклая радужка, обычные белые зубы, без сияющего блеска лэй. Волосы лохматятся, пушатся, торчат в разные стороны. Лоб высокий. Черты лица не пропорциональны. Жуть!

Лэй продолжала возиться с моей прической. А я занималась самоуничижением, вместо того чтобы строить планы против врага. И в тот самый момент, когда я дошла до оскорблений собственной фигуры, я, наконец, задалась вопросом. Зачем же вот такая страшная и неказистая я понадобилась Врагу.

Ответ пришел мгновенно, а за ним и моя реакция.

Темные, неидеальные брови сошлись на лбу, образовывая между собой ряд морщинок. В неприметных, невыразительных глазах, мелькнул хищный огонек.

«Вот же ублюдок! Значит, прежде чем проводить обработку, по святому решил пройтись. По самооценке вдарить. Ты пожалеешь. Эти пять минут моей слабости, обойдутся тебе страданиями на всю

жизнь, — подумала я, мило улыбаясь отражению лэй. — Только подожди».

Я прикрыла глаза, вспоминая один из уроков Клода.

???

Урок № 341

— Вот я в мире, — доставала я статую. — Как мне узнать о планах противника. Об устройстве мира можно прочитать. Но что делать с потенциальным злодеем? Допустим, есть королевство, живет в нем принц, который метит занять престол короля-отца. Подговаривает бояр привезти из далеких морей таинственный яд, чтобы подлить его на торжественной церемонии приема послов. Как мне это предотвратить? Если тайные службы не могут нарыть доказательства на принца, то как смогу я? Как узнаю, что должна помешать этому.

Мы сидели на поляне полукругом. У каждой было по мягкой подушке, на которую можно было облокотиться. Скрестив ноги по-турецки, я обнимала набитый пухом зеленый бархат и внимала речам Клода. Когда сил держать глаза открытыми не осталось, а монотонный бубнеж божества грозил закончиться моей комой, я подняла руку. По своей неосторожности, Клод едко поинтересовался, какие у меня к нему вопросы. Я не заставила себя ждать.

— Подслушивание разговоров, — сухо пояснила статуя.

— Это как?

— Классика для Избранной. Не оставайся в собственной комнате, а броди по замку или поместью, в котором осталась ночевать. Обязательно найдется незапертая дверь, за которой недоброжелатели решат обговорить свои действия. Часто они выбалтывают свои планы, когда Избранная в их руках и они уверенны, что никуда она не денется. Мой любимый вариант — это потеря сознания или сон. Когда оппоненты обсуждают свои намерения в комнате, где Избранная должна вот-вот проснуться или прийти в себя. Она слышит голоса, но не подает виду, что вернулась в сознание.

Я кивнула.

— Хорошо. А если мои враги — не клинические идиоты? Если они переговариваются только тайными шифрами, в специально отведенном месте, опутанным огромным количеством заклинаний,

через которое ни один маг не пробьется? Всегда закрывают дверь, а стены звуконепроницаемые.

— Ты же Избранная. Обязательно подвернется удобный случай.

Я поджала губы, понимая, что собираюсь продолжать занудствование.

— А если, нет?

— Дробь, ну, в самом деле, — закатила глаза Блонди. — У тебя мира нет, а ведешь себя так, будто больше всех надо.

— А мне больше всех и надо, — окрысилась я. — Ты знаешь, как будет вестись игра в твоем мире. Я же могу столкнуться с чем угодно. Я должна знать порядок действий в любой ситуации.

— Персонально для тебя, — фыркнула та, — порядок действий в любой ситуации: думай своей головой. Если враг не раскалывается на признание, дави на его гордость. Мол, такой сильный и коварный, а я слабая и беззащитная, и все же боишься сказать правду? Неужели, глупенькая я, может стать тебе преградой? Все. Мужики с нарциссическими заскоками ведутся только так.

— А если у него нет такого заскока?

— Если у него есть Y-хромосома, то поверь, уровень эгоизма у него выше Пика Коммунизма.

Я раскрыла рот возразить, но меня опередила Сома.

— Пик Коммунизма? Это что?

— Пик Исмоила Сомони, — пояснила Лариса. То есть, решила, что пояснила. Глаза Сомы остались пустыми.

— Самая высокая точка Советского Союза, — вмешалась я, чтобы прекратить бесполезные обсуждения и вернуться к насущному вопросу.

— Советский Союз? — Сома не успокаивалась. — Как это связано?

— Никак, — отрезала я. — В школе нам это вдалбливали в голову.

— СССР давно распалось, — глаза меланхоличной особы принялись изучать морщинки на моем лице. — Сколько же тебе лет, если ты училась в то время…

— Не училась я! — моему возмущению не было предела. — Я родилась в Советском Союзе. Между этой эпической датой и годом, когда я пошла в школу, СССР распалось. Мне двадцать девять, Сома.

Девушка затеребила подол платья, как делала всякий раз, когда на нее повышали голос. А голос на нее повышали часто. Не только я. Впрочем, любопытство, которое периодически просыпалось в молчаливом подростке, так просто было не остановить.

— Так почему Пик Коммунизма, а не Эльбрус? Нам в школе не рассказывали про наивысшую точку СССР, только про Россию.

— Ой, ну тебя! — воскликнула Блонди, кидая в девчонку подушкой. — Поймала! Мне не двадцать три. Я старше. Замнем тему. Я не одна здесь возраст подкручиваю. Посмотри на Ларису, наверняка она знает, название наивысшей точки, что была в Российской империи.

Все дружно посмотрели на Ларису.

— Знаю, — подтвердила та, подкидывая дровишек в бурный котлован женских интриг и страстей. К счастью, поспешил вмешаться Клод.

— Хватит, — поставил он жирную точку на обсуждениях. — Дробь задала правильный вопрос. Способы получения информации — это отдельная глава в теме о тактике Избранной. Четырнадцатая правильно подсказала. Игра на самолюбии противника — один из рабочих вариантов. Не стоит забывать и про обольщение, особенно тем из вас, кто приобретет новое тело, соответствующую магию, или уже имеет необходимые данные.

— А кто не имеет данных, тому что? — задала закономерный вопрос сто сорок седьмая, хотя как раз ей, волноваться было не о чем.

— Учитесь.

— Нельзя научиться быть красивой, — вновь влезла Сома. — Ты либо выиграл генетическую лотерею, как четырнадцатая, либо нет.

— Ты думаешь — я это, — указала девушка на свое лицо, — в подарок получила? Это результат тяжкого труда. Ежедневных упражнений, массажей, кремов, соблюдения режима дня, отказ от мучного. Думаешь, мне не хочется пончиков с утра. Очень даже хочется!

Сома пожала плечами.

— Некоторые рождаются сразу красивыми. С гладкой кожей, роскошными волосами, хорошим метаболизмом, пятым размером груди. А другие, ну вот как мы.

— Хэй! — возмутилась Лариса, поднимая указательный палец вверх. — Про всех-то не говори. Ты что, не видела мои задорные

глаза? Цвет вересового меда, собранного на седьмое полнолуние — это тебе не ваши цветные линзы. Это непередаваемый оттенок, что мужиков на раз сбивает с ног.

Все засмеялись. Даже Клод позволил себе скупую улыбку и пояснил специально для Сомы:

— Не природа делает женщину красивой, а создаваемый ею образ.

— Из косметики, украшений, откровенного наряда и имплантов, — не сдавалась нахалка. Отчего-то эти утверждения заставляли Блонди злиться. Столь яростно она защищала только последнюю баночку диетического йогурта с общего стола.

— Нет же! — воскликнула она, подползая к меланхоличной особе и отбирая свою подушку обратно. — Важно то, как женщина себя подает.

— И такая всегда проиграет той, кто одарена природой изначально.

— Существует куча женщин, что своим талантом затмит любую крашеную куклу на раз-два.

— Назови хоть одну, — не сдавалась Сома.

— Я, Клеопатра и Екатерина Великая.

— Две императрицы и ты. Невелик выбор.

— Хюррем, — мечтательно вздохнула Лариса

— Мата Харри, — подключилась сто сорок седьмая.

Очередь дошла на меня. Под грозным видом Блонди, требующей поддержки ее мнения, я неуверенно предположила:

— Сонька Золотая Ручка?

— Хватит! — вновь вмешался Клод. — Искусству обольщения вас научит одна из Избранных. С ней будете спорить. На сим, тема объявляется закрытой. Продолжаем.

Девушки послушно замолкли. Взгляд Сомы ясно давал понять, что мы — старые тетки — ни черта не понимаем в красоте и, слушать она нас не собирается.

— Внимательность — главная добродетель Избранной. Изучайте обстановку, в которой находитесь. Где, чей кабинет расположен. Какая комната к вам ближайшая, а какая дальняя. Пунктуальность — признак королей, но никак не Избранных. Опоздав или придя вовремя на встречу, вы можете узнать больше, чем из любого словоохотливого источника.

???

— Пять минут, — глянула на часы лэй. — Сейчас уточню у повара, нет ли задержек, и вернусь за тобой.

«Узнаю, ушла ли склочная сестра, которой тебя нельзя показывать и вернусь», — перевела я ее слова.

Девушка юркнула за дверь, не трудясь запирать на замок. Да и к чему гостевой спальне его иметь? Выждав пять секунд, я отправилась следом.

— 6 —

На стенах висели несуразные картины, освещаемые специальными продолговатыми лампочками, какие бывают в музеях. Я двинулась по широкому, покрытому ковром коридору. Памятуя, что в доме помимо моей лэй, есть еще парочка слуг, шла тихо. Подобрать мне туфли не успели, а тратить время на их поиск я не стала. Какую бы обувь мне не подсунули, для незаметного подкрадывания лучше всего подходят босые ступни. Если, конечно, речь идет не морозной зиме, острых камнях и стекле.

На повороте я замешкалась. К счастью, знакомый возглас эмоциональной кузины, быстро вернул меня на путь истинный. Идя на возрастающий звук обвинений, я попала на верхнюю площадку, огражденную узорчатыми перилами. Я присела. Между зазорами открывался вид на входную дверь, у которой стояли двое.

Я опустилась на корточки и поползла к лестнице, что полукругом спускалась в парадную. Очень хотелось разглядеть златокудрую гостью, бесцеремонно ворвавшуюся в дом Врага.

Они стояли у самой двери, и со своего места я отлично могла разглядеть их обоих.

— С чего ты взяла, что в моем доме появилась чужестранка?

Враг в черных одеждах: брюках, жилете и рубашке с вазочками и расклешенными рукавами.

Красавица в скользящем платье, прикрывающем щиколотки, бурно жестикулировала руками. Макияжа на ней было минимум, и все же, она разом затмевала всех Избранных, что по праву считали свою внешность божьим даром.

Освещение в холле словно подчинялось ей. Тени как будто специально ложились на тонкие черты ухоженного личика, подчеркивая скулы и выразительность глаз. В глазах серебрились

волны Тихого океана. Кожа поблескивала золотом. Игра света на отражающих поверхностях, заканчивала свой путь на красном бутоне чувствительных губ.

Над головой девушки порхала красная бабочка. Она то взлетала на полметра вверх, то опускалась вниз, цепляясь тонкими лапками за свою хозяйку. С расчерченных узорами крыльев спадала пыльца, создавая сверкающий шлейф.

— Дорогой, зачем еще одалживать женщину-лэй? — девушка скользнула пальчиками по тонкой цепочке ожерелья. — Будь в гостях леди, она пришла бы с собственной прислугой. Притащи ты домой лэй — не стал бы для нее никого брать. Значит, это чужестранка. Раз ты ее скрываешь, значит, контрабанда, которая не прошла регистрацию. Хочешь оформить право собственности в обход законов? Значит, есть причина, по которой ты не можешь допустить ее на аукцион. Она чем-то особенная. Чем?

Тинхе устало вздохнул, потер переносицу безымянным пальцем и, не меняя интонации, ответил:

— Или, дорогая Солярис, в свете некоторых личных проблем, я одолжил женщину-лэй потому, что я одинокий мужчина и у меня есть потребности.

Кузина внимательно оглядела брата, взмахнула длинным наманикюренным пальчиком и покачала им.

— Нет, дорогой, нет. Для этого есть мужские клубы. Лэй городской леди близко не сравнится со столичным ассортиментом.

— Я занятой человек. Нет у меня времени на условности клубов, что вместе с членством накладывают кучу светских обязанностей.

— Не верю, — настаивала блондинка. — Ты врешь мне в глаза. Врешь нагло и безжалостно. Впрочем, как обычно.

— Как бы то ни было кузина, — взял он ее за ручку, приглашающим жестом указывая на дверь, — пока твои предположения подтверждены лишь косвенными доказательствами, прошу держаться от моего дома подальше.

Казалось, что вот оно все, девушку выпроводят за порог и спектакль прервется на самом интересном месте. Но нет, местных леди делали не из глины, их ковали в жерле вулкана и омывали во льдах северных океанов.

Она извернулась. Вцепилась пальчиками в лацканы черного жилета, сжимая узорчатую вышивку с цветочным орнаментом, и призывно заглянула в пустые глаза.

— Умоляю. Мне нечего противопоставить коллекции Астры! Она выигрывает каждый сезон, а мне достаются жалкие крохи. Кое-как выплываю на весенних приемах, но что толку, если самый сок собирается в празднование дня Мерцающей жатвы?

— Солярис, — Тинхе отвернулся, и, положив руки поверх ладоней сестры, попытался их отцепить.

— Нет, послушай, — девушка приподнялась на цыпочки. Золотые локоны подскочили, рассыпаясь водопадом. Бабочка отчаянно забилась, мельтеша алой привязью. — Сегодня все источники как один взвыли о новой тайной игрушке Астры, что поразит даже Незыблемых. Об этом судачат на каждом углу. Мол, ничего подобного не появлялось в Лэйтарии, ни за ее пределами, на протяжении более тысячи лет.

— Это откровенная чушь. Ты же знаешь, — поморщился он, освобождаясь из ее хватки. — Каждый сезон одно и то же.

— И я так думала! — в отчаянье воскликнула та. — Но, вот посмотри.

Она шевельнула пальчиком. Камень на безымянном пальце вспыхнул. Алая бабочка, осыпая хрупкие плечи исчезающей пыльцой, приземлилась на сияющую гладкость бесподобных волос и застыла, обратившись в бант-заколку.

— Я едва не опозорилась этим утром, — лепетала она. — Астра давно готовила против меня интригу. Ее оружие выстрелило сегодня. И метило оно в меня. Красные бабочки. Астра ввела моду на красные бабочки. Ее информаторы каким-то образом откопали, что я ужасна в магии творений и только вчера выгнала своего мастера. И что же сегодня? Я отправляюсь на поздний завтрак с подругами и, кто бы мог подумать, люззоры взрываются новостями о камер-лэй, о бабочках и о невероятно ловкой и изысканной подачи новой коллекции леди Астры. Я тут же бросилась ей звонить с поздравлениями, но, как назло, змеюка хранит молчание и отказывается от комментариев!

— Солярис…

Девушка хлопнула его по плечу, поджимая пухлые губки. В глубоком океане синих глаз задрожали слезы.

— Ты не понимаешь. Никогда не понимал. Что толку объяснять. Когда ты в последний раз включал люззор? — эмоциональная кузина махнула ладошкой в сторону парадной лестницы, за перилами которой, как раз таки пряталась я.

Настроение жительницы Лэйтарии сменилось как по щелчку. Слезы растворились, оставив бездонную глубину сапфиров. Ротик приоткрылся в очаровательном недоумении, а глаза сузились в хищническом предвкушении.

— Кто это у нас тут? — заворковала она, не оборачиваясь на раздосадованного кузена. — Цып-цып-цып, котенок. Тинхе, как их правильно подзывать?

В глазах Врага волны бились о скалы, тайфуны сносили города, голодный кракен разламывал пополам затерявшиеся корабли. Я встала в полный рост и помахала златовласой леди. Состроила самый невинный взгляд и робко улыбнулась.

Солярис сложила руки в молитвенном жесте и, не отрывая нижнюю часть ладоней друг от друга, в восторге захлопала.

— Она ведь разговаривает, да? — уточнила кузина.

— Солярис, дорогая, — дар речи вернулся к Врагу. Он понял, что проиграл раунд сестре. — Позволь тебе представить, это моя…

Я слышала эту паузу сотни раз. Она звучала в зеркалах Сомы и сто сорок седьмой. Обе девушки были вынуждены притворяться чужими партнерами. Сома, из-за несчастного случая в школьной лаборатории, соглашалась стать фальшиво любовницей сына ректора. Псевдолидер, ради хрупкого мира двух кланов, заключала фиктивный брак. В обоих случаях, их выбор оказывался удачным, и доживали они свою жизнь в счастливых браках.

Мне хватила секунды, чтобы понять, что именно собирается ляпнуть Враг. Да, он знал Избранных как облупленных. Знал, как мы действуем, как реагируем и на что ведемся. Он изучил нас настолько хорошо, что подобный образ мысли въелся ему в мозг. И когда возникла необходимость быстро соврать, первой пришла самая заезженная мысль.

Я попала в мир, что разрушает предназначения иных миров. Я не представляла, работает ли здесь выпавший мне жребий и если да, то по какому сценарию. Я была уверена, что моя цель — спасательная операция. Найти Алису — забрать Алису в Центр. Могла ли я

рассчитывать на успех только потому, что Избранная, или меня ждал провал, только потому, что этот мир Золотой оси? Я не знала. Наверняка я знала одно — черта с два я соглашусь притворяться девушкой по вызову, подружкой, любовницей или женой!

Еще одна сотая секунды и я перебила хозяина дома на полуслове.

— Камер-лэй из новообращенного мира, — легко соврала, изворачиваясь на корявый поклон, за который Клод нещадно бил бы меня планкой. Но эй, я на задании. Не стоит вызывать подозрения у Врага идеально выпрямленной спиной и четко отработанным изяществом. — Кажется, — указала я на алый цветок в волосах леди, — вы уже знакомы с моей работой.

— Во имя Незыблемых! — взвизгнула леди, по-детски указывая на меня. — Это она! Ее показывали сегодня по люззору. Она одолела воина Клевера.

— Ну конечно, — пробормотал Враг, — конечно она одолела.

— И бабочки! Она сказала, что всем нужны красные бабочки. Никто не был к этому готов. Весь двор встал на уши, представляешь, Тинхе? Я знала, что это не Астра. Мне все говорили, что она, но я не верила. У нее огромный сад, водопады срываются с беспощадной высоты, а птицы заливаются мелодиями из экзотических миров. Но бабочки — нет, дорогой, нет.

— Ты закончила? — грубо поинтересовался мужчина. — Отлично, теперь отправляйся дальше по своим салонам распускать сплетни. Аль и Бель уже заждались тебя на улице. Скользкий кольн не предназначен для копыт пегасов.

Девушка повернулась к кузену. Молчаливый диалог повис в воздухе между двумя родственниками. Я могла лишь предположить, что Солярис раздумывала, что лучше: настаивать на нашем с ней более близком знакомстве, чтобы разузнать больше, но при этом иметь опасность накликать гнев брата, или принять подачку из свежих слухов и вернуться позже за вторым блюдом.

— Что ж, настоящая леди никогда не станет злоупотреблять чужим гостеприимством, — гордо вздернула она подбородок. Цепочка звякнула. Бант затрепетал атласными краями, снова обретая форму бабочки. — А настоящая женщина хранит секреты не дольше двадцати четырех часов.

Враг склонил голову, то ли прощаясь, то ли принимая ее слова к сведенью.

— Свободной дороги, кузина.

— Свободного дня, кузен, — качнулась она в легком поклоне. Но прежде чем выпорхнуть за дверь, бросила последнюю улыбку. — Мое предложение остается актуальным.

— Свободы в целом, — отозвалась я.

Дверь захлопнулась. Со мной девушка прощаться не стала. Не принято. И ладно, я не обиделась. Я просто припомню этот момент, когда дом Солярис будет полыхать огнем, а передо мной стоять выбор: спасти кузину Врага, подтолкнув ей огнетушитель, или сбежать, прихватив ценный артефакт, что перенесет меня домой на Землю.

— Что это значило? — спросила я, глядя на закрытую дверь.

— Она сдаст меня с потрохами через сутки, если я не подкину ей горячих новостей, — поманил меня Враг, предлагая спуститься вниз. Я подобрала края юбки, и, перепрыгивая через ступеньки, сбежала с лестницы.

— Знаешь, — предложила я, оказавшись напротив Тинхе и заново оглядывая укутанную в плотный материал фигуру. — Я как-то видела передачу о поджигателях. О том, где закладывать запал, и как не быть пойманным.

— Горячие новости — это оборот речи, — задумчиво пояснил он, погрузившись в мысли о словах сестры.

— Это придало бы им особую пикантность.

Он не ответил. Он был в своих мыслях. Покачиваясь с пяток на цыпочки, я завела руки за спину и склонила голову на бок. Мужчина продолжал смотреть в пустоту. Похоже, их раса потрясающе владеет умением игнорировать окружающих, что ниже их по рангу.

Решив, что это тот самый момент, когда Избранная, ради спасения собственной жизни, конечно, может наплевать на приличия, я четко и громко произнесла:

— Обед, Странник Тинхе!

Мужчина вздрогнул.

— Проклятье, — зашипел он, но все же вернулся к реальности. — Туда, — указал он на другой зал и, подхватив меня под руку, повел за собой.

Немного позже, в накрытой столовой, с фарфоровым сервизом и хрустальными бокалами, когда я осушала очередной кувшин с водой, Странник заговорил:

— Почему ты назвала себя камер-лэй?

— Показалось, будто ты собрался представить меня своей любовницей.

— Какая глупость, — отмахнулся он, вертя вилку над пустой тарелкой. Я же выбирала джем из десятка разноцветных вазочек.

— Ты так назвал лэй, что помогала мне с одеждой. Я заволновалась, что твоя фантазия дала сбой.

— Камер-лэй — это публичная личность. Коли ты так представилась, придется показать тебя остальным.

— И что в этом плохого? — отозвалась я, намазывая на жареный тост, плотный слой масла. — Стыдишься меня?

Мужчина фыркнул.

— В тебе могут опознать Избранную.

Я остановилась на ежевичном варенье, гадая, пора ли устраивать истерику на тему, кто он такой и почему меня похитил. Откусив кусок тоста, решила, что нет. Сначала утолю голод, а затем начну ссору. А то вдруг придется разрыдаться и убежать в свою комнату, или обидеться и объявить голодовку. К таким вещам заранее готовятся.

— А что плохого в том, что бы быть Избранной? — слизывая варенье с пальца, спросила я.

Вкуснятина. Если пойду обижаться, умыкну вазочку и хлеб. Спасибо голодным дням в Центре. Вы подготовили меня к главному — незаметному похищению еды.

— Это — Лэйтария, — задумчиво произнес Тинхе. — Нет преступления страшнее, чем оказаться Избранной без вейоса на Лэйтарии. Разве что укрывать ее, — он зарылся пальцами в лохматую шевелюру и вдохнул сквозь зубы.

Я налила в бокал лимонад и подвинула Врагу. Павший духом мужчина — грустное зрелище. А мне нужен тот, кто настолько опьянен своим эго, что готов рассказать все.

Осушив бокал с огуречной водой, я воскликнула:

— Погоди, ты сказал я — Избранная? Такого быть не может. Я же самая обычная девушка!

На хмуром лице обозначилась слабая улыбка.

— 7 —

— Значит, — почесал он подбородок кончиком карандаша, — ты оказалась у черного хода, — я кивнула. — Сразу. Тебя никто не похищал? Легла спать дома, проснулась выходящей из арки.

Он пугал. Искусственное дружелюбие и напускная заинтересованность леденили душу. Если бы я не знала, кто передо мной, если бы не видела собственными глазами зараженные миры, не слышала истории об Алисе, если бы действительно не помнила Центра, я бы начала проникаться симпатией к участливому, загадочному и немного грубоватому мужчине в черном.

Это тревожило.

К чему фальшивая забота? Чего он хочет?

— Верно. Только я из арки не вышла, а скорее выпала.

— Выпала, — повторил мужчина.

После обеда мы перебрались в малую гостиную. Мягкие диванчики утопали в золотистых лучах, льющихся ослепительными волнами из огромных окон. Мужчина расположился в кресле аккурат напротив перекрытия, мешая свету до себя добраться. Обычно, входя в дом к человеку, ты сразу ассоциируешь его с той неповторимой атмосферой, в которую окунаешься. Ты думаешь, ага, вот как выглядит частичка его внутреннего мира.

В своем доме Странник выглядел инородно. Чуждо.

Светлая комната с милыми обоями бежевого узора на персиковом тоне, никак не сочеталась с мрачностью одежды хозяина. Вся та же чернота в каждой детали одежды. Он снял легкий плащ, оставшись в жилете и атласной рубашке с глухим воротом. Перчатки были другие. Он их сменил дважды: до обеда и после.

Обычный деревянный карандаш скользил по бумаге, вычерчивая замысловатые символы. Языковое заклинание не распространялось на письменную речь. Враг сел справа от меня. Закинув ногу на ногу, он делал пометки в блокноте. Мне достался диван.

За обедом он рассказал про Избранных. Я слушала внимательно, пытаясь уловить недосказанность или откровенную ложь. Так или иначе, мы ведем с ним неочевидную, но все-таки войну за миры. И если Избранные их спасают, то Враг их губит. Я хотела знать, почему? Чем ему (или всей его Золотой империи) не угодили всякие левые миры. Какая-то причина, оправдывающая себя в собственных глазах,

быть должна. Вон — Гитлер — подвел теорию о чистоте крови. Чем мой Враг хуже?

Первая часть истории полностью совпадала с тем, что рассказывал Лёша. Есть Избранные. Много. Девушек разных возрастов вытаскивают из закрытых миров. Забирают тех, кто не имеет особого значения. Перекидывают в другие места для исполнения воли богов (он не называл имен, но я поняла, кто имеется в виду). На этом все общее заканчивалось. Странник умолчал о том, что мы раньше встречались, как и о самом Центре. Выходило так, что нас сразу вышвыривает в другие миры без всякой подготовки. Просто взял и аннулировал все мои кроссы, отжимания, уроки фехтования, вязания крючком и дурацкую униформу.

В интерпретации Врага выходило, что Избранные не лекарство и даже не прививка. Это диагноз. Болезнь, разъедающая мироздание. Опухоль человеческого рода. Самая страшная напасть, что может произойти.

— Не поняла, — сказала я, когда мы расположились в малой гостиной. — Я — зло? Если мир спасен, виновные наказаны, а гипотетическое королевство, что меня приютит, обречено на процветание, то почему я плохая?

Мужчина подпер кулаком висок и качнул ногой.

— Ты веришь в то, что где-то существует твоя вторая половинка? — проникновенно спросил Странник. — Без шуток. Мужчина твоей мечты. Прекрасный принц. Веришь ли, что есть человек, который предназначен тебе. С которым, ты создашь семью. Проживешь долгую, счастливую жизнь. Веришь ли ты в судьбу?

Я проглотила кучу высказываний о том, что женщине не нужен мужчина, чтобы быть счастливой. Что не все любят детей. Что нынче в моде реализовываться как личность и прочее, прочее, прочее. Проглотила, потому что по-настоящему задумалась над его словами. Залезла к себе в душу, вытаскивая наружу все то, что раньше прятала от самой себя.

Жизнь не предоставила мне радости первой любви. Отвела от безответной влюбленности. Не дала ничего. Глядя на другие пары, на счастливые фотографии, на слезные романтические комедии, мое сердце болезненно сжималось. Я хотела так же. Я заслуживала

головокружительного свидания при свечах, букета цветов от тайного поклонника и обручального кольца в бокале шампанского.

Клод обещал, что каждой Избранной достанется любовь, конь и полцарства в придачу. И как большинство мужчин, соврал, отняв последнюю надежду на яркое, светлое чувство. Я смирилась. И все же…

— Я хотела бы верить, что есть такой человек, — осторожно произнесла я.

— Почему?

— Что значит, почему? Разве это не здорово, знать, что существует кто-то, кто обязательно полюбит тебя? Кто примет тебя таким, какой ты есть. А ты взамен сделаешь его таким же счастливым. Вы будете окружать друг друга заботой. Станете друг другу поддержкой. Вместе пройдете все испытания. Как-то так, — неуверенно закончила я, чувствуя подвох.

Позиция относительно любви казались мне нерушимой. Взаимная любовь — это лучшее, что предлагает жизнь. Не влюбленность и влечение, а настоящая любовь. Если она предопределена высшими силами — это двойная победа.

— Не слишком ли жестоко, лишать кого-то выбора ради собственной прихоти?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Миры, в которые направляют Избранных, это миры, которые покинули боги или их сила настолько ослабла, что они не способны защищать свои творения. Люди в них лишены предназначения. Они живут согласно собственной воле. Их выбор имеет значение. Но когда бог дает Избранной предназначение, вытягивает ее жребий, он лишает ее свободы выбора. Когда она действует согласно предназначению — лишает свободы других.

— Разве это так работает? — усомнилась я, по сути, никогда раньше не задумываясь о предназначении с такой стороны. Меня больше волновало, что мне его не потрудились дать.

— Разве нет? — ухмыльнулся он. — Представь, жил себе принц. Была у него стерва-любовница, несколько интрижек на стороне и ждал его династический брак, как водится по расчету. Возьмем период равный точке «А». Рассмотрим события, как отрезок, который мы собираемся начать. Находясь в точке «А» принц имеет примерно

миллион вариантов разнообразных вариантов для действий. Он может жениться, оставить любовницу фрейлиной и прожить с ними двумя вполне счастливую жизнь. Может отравить будущую жену, казнить любовницу и зарекомендовать себя вечным вдовцом. Может согласиться на брак и оборвать все связи с женщинами. В зависимости от его выбора будут последствия. Точка «А» имеет нескончаемое множество вариантов для дальнейшего движения. Но! В тот самый момент, когда ножка прелестной Избранной ступит на землю, в пространстве образуется точка «Б», и сразу к ней притягивается событийная линия принца. Что бы в дальнейшем он ни делал, какие бы поступки ни совершал, он окажется в этой точке. Вне зависимости от своих желаний. И то же самое произойдет с каждым человеком в нашем гипотетическом мире.

Я осмыслила услышанное.

— Допустим. Но это же приведет к чему-то хорошему.

— Ты бы предпочла выйти замуж по любви или по расчету?

— Конечно по любви, — не задумываясь, ответила я.

— А теперь представь, что ты дочь богатого бизнесмена. Тебе прочат в супруги наследника из другой корпорации. Ваш брак свяжет обе фирмы. Произойдет слияние, увеличение рабочих мест, повысят зарплаты подчиненным, выдадут новогодние премии и одна из них уйдет на важную операцию мальчику Виктору, которая спасет ему жизнь. Все будут счастливы. Кроме тебя, конечно.

— Погоди, — покачала я пальцем. — По условиям, моя вторая половинка тоже должна остаться в выигрыше. Значит, в том браке по расчету я полюблю своего будущего мужа.

— Да. Через десять лет, после трех измен, внебрачного ребенка, семи нервных срывов и одного заключения в психиатрическую больницу на полгода. И это будет не совсем любовь, а скорее… — он защелкал пальцами, подбирая нужное слова. Перчатка приглушала звук, и я в очередной раз задалась вопросом, почему он их не снимает. — Дрезденский синдром?

— Стокгольмский, — поправила я. — Черт! С тобой невозможно спорить. Ты искажаешь все, что я говорю.

Мужчин пожал плечами.

— Я озвучиваю наиболее вероятную ситуацию.

— Ладно, предположим, что ты прав. Но не просто же так нас вырывают с Земли. Могли бы обойтись своими силами, не дергали бы таких как я. Значит, по-другому нельзя. Избранная, как последнее средство.

— Жить в золотой клетке лучше, чем на воле?

Я поджала под себя ноги, устраиваясь на диване по-турецки. Враг меня озадачил. Загнал в семантическую ловушку.

Я насупилась.

«Отлично, — подумала я. — Ты обошел в споре девушку, которая совершенно не разбирается в происходящем, сбита с толку новым миром и клеймом Избранной. Жалкая победа, дорогой. Не стоило тебе пускать меня в дом, если умеешь выигрывать только с десятикратным превосходством в силе».

— Но что же мне делать? Если я Избранная и попала в Лэйтарию, значит, ее надо отчего-то спасти, и мы все попали под предназначение.

— В мире Золотой оси воля богов бессильна.

Он встал. Прошелся по мягкому ковру. Отодвинул край шторки, волнами уходящей в пол. Мне пришлось повернуться, чтобы не терять его из виду. С моего места был виден фасад другого здания. По стенке ползли вьющиеся цветы, цепляющиеся за барельефы, украшающие всю стену. Странник повернулся, облокачиваясь на край подоконника. Замысловатое растение, дремавшее в горшочке, подобрало раскидистые сиреневые листья. Я, было, открыла рот, чтобы спросить об этом, как Враг продолжил:

— Ты не могла попасть в Лэйтарию. Это не имеет смысла. Должно быть что-то еще. И я собираюсь выяснить, что. До тех пор ты останешься в моем доме.

— Почему ты уверен, что предназначение здесь не работает?

— Золотая ось — это не просто конклав миров, — Враг вернулся в кресло. Отодвинув блокнот, он притянул со стола шкатулку. Повертев в руках, нажал на выпуклый узор цветка. Тут же снизу выпрыгнула потайная панель. Мужчина вытащил из нее маленькое колечко и убрал в карман. — Это магия, которой дышит наш мир. Магия, что разрушает волю богов. Дает людям возможность выбирать. Освобождает от цепей узурпаторства.

— Чтобы надеть свои собственные, — хмыкнула я.

— Что ты имеешь в виду?

— Сложно не догадаться, когда узнаешь, что Лэйтария состоит из двух социальных классов. Местные леди и лорды, что пользуются всеми благами цивилизации. И лэй — взятые в рабство люди из завоеванных миров. Вот как выглядит ваша свобода. Завоевываете миры, выкачиваете ресурсы, оставляя ровно столько, чтоб они не могли окончательно загнуться, но при этом не имели сил на восстание.

— Почему ты считаешь, что мы поступаем именно так? — подозрительно осведомился он. Я подошла слишком близко к тому, чего знать не должна была.

— Обычная политика любого государства. Скажешь, я не права?

— Мы — не воинственная раса. Ты видишь на моей одежде перевязь для оружия? Мы действительно расширяем свои границы, но мы не завоевываем. Мы присоединяем.

— И какой же выбор предоставляется мирам: присоединяйтесь или умрите?

— Нас встречают как освободителей, а не как врагов, — он сделал едва заметный нажим на последнем слове. Я не подала виду. — Мы приходим только в те миры, что близки к угасанию. Мы спасаем их от самих себя, от гражданских войн и междоусобиц. Они видят в нас мудрых правителей, видят высоты, коих мы достигли. Они сами отдают себя в наши руки. Никого из лэй не забирают насильно из колыбелей. Они приходят сами, они соревнуются за право носить это звание. Лэй — это не раб.

— И не вещь, в отличие от меня.

— Таковы правила, — развел он руками. — Идеальный порядок строится из хаоса, но фундамент его сделан из непреложных законов. Это не традиции и не этикет, которыми можно пренебречь. Мы охраняем свою свободу и это одно из условий.

Мы помолчали. Вопросов было много, но, ни один из них я не могла задать, чтобы не выказать лишнюю осведомленность.

— Не забивай голову лишней информацией. В моем доме ты в безопасности. А дальше… Что ж, время покажет, — спокойно произнес Странник, и я возненавидела его за тонкую улыбку, растянувшуюся на губах. — Остальным лэй, кроме твоей собственной, приказано не обращать на тебя внимание. Так что не доставай их лишними вопросами. В мое отсутствие гостей не предвидится. Из дома не выходи. Комнаты свободные для посещения — открыты. Без

лэй, люззор не включай, — указал он на шкатулку. — На самом деле, лучше совсем его не трогай. Звонить тебе не кому, а то, что по нему показывают в дневное время — муть редкостная. Советую посетить сад на крыше. Живая природа успокаивает лучше, чем магия, таблетки и зелья.

Мужчина направился к двери.

— Погоди, — попросила я. Он замер. — Если Избранные не имеют силы в Лэйтарии, то почему они запрещены законом? Почему лучше быть вещью, чем Избранной?

— Мы — цивилизованное общество, но даже оно подвержено предрассудкам и суевериям. Каждый знает, что Избранная в мирах Золотой оси лишена предназначения, но ее все равно будут опасаться до тех пор, пока она не получит вейос.

— Везде одно и то же, — вздохнула я, откидываясь назад и разваливаясь на диване. — Притеснение женщин, неравенство полов и тупые законы.

Дверь скрипнула. Мужчина вышел из комнаты. Я уставилась на потолок из мозаичных панелей.

«Предрассудки и суеверия, — мысленно повторила я. — Боже, это же идеально для моей стратегии!»

— 8 —

Я стояла на краю крыши.

Взгляд скользил по блестящей стене и сползающим лианам, упираясь в лакированную уличную дорогу.

Я отмеряла высоту.

Я собиралась падать.

Все верно. Не прыгать, падать.

Я считала секунды. Вот Тинхе подходит к парадной двери. Чувствует что-то неладное (если бы не почувствовал, я бы кинула в него специально подготовленным камушком). Поднимает голову вверх и замечает меня. Я резко переключаю взгляд. Пронзительно смотрю вглубь неба. Вся такая трагичная и чем-то обеспокоенная. Босиком на парапете. Юбка платья колышется. Волосы такие по ветру. И солнце озаряет бледное лицо.

Я очень надеялась, что выглядела именно так.

Семнадцать секунд спустя хлопает дверь крыши. Еще девять и Тинхе в двух метрах от меня. Неспешно поворачиваюсь. Вокруг стены

из живой изгороди. Заведя руку, я крепко цепляюсь за стебли лианы, но так, что бы Тинхе не видел. Это моя страховка.

— Не стой там, — осторожно произносит он, но попыток снять меня не предпринимает.

Оборачиваюсь, чтобы вновь оценить высоту. Ноги подрагивают.

«Я не сумасшедшая», — напоминаю себе.

— Почему? — спрашиваю, готовясь привести план в действие.

— Они живые.

— Кто? — удивленно распахиваю глаза, нарочно оступаясь.

Лиана выскальзывает из руки. Ловлю пустой воздух.

Я падаю!

Тинхе не делает ни малейшей попытки меня поймать.

«Дура», — успеваю подумать я и одновременно порадоваться, что Клод не видит, каким тупым образом умирает Избранная номер сто сорок семь дробь два.

Но вернемся на четыре часа назад, когда я придумала гениальный в своей идиотичности план.

???

Обычно лэй вызывали через вейос, но поскольку я не обладала подобным приспособлением, а Враг не заморочился этим вопросом. Девушку пришлось искать самой. К бесхозной вещи никто не собирался бегать по первому зову.

Лэй я нашла в дальнем углу сада на крыше. Она вышивала на пяльцах дворец с изумрудными пиками. Присев рядом, я приступила к допросу, завуалированному под разговор. Девушка отвечала честно, но неохотно. Ее известили о моем статусе избранности, и взятой в займы служанке это не пришлось по вкусу.

Они все боялись предназначения. Жителей стращали историями из других миров. Чуть ли не до того, что человек, попавший под предназначение, лишается собственной личности и превращается в марионетку без воли и чувств. И даже после исполнения выпавшего жребия, не возвращаются в нормальное состояние.

Страх был столь силен, что лорды и леди Лэйтарии сделали все, чтобы защититься от воли богов. Опутали миры сетью и сидят на своих золотых тронах, носа не суют в чужие миры, зато радостно растаскивают то, что приносят Странники. Выступают на этапе переговоров лишь тогда, когда миры заражены.

Роль Странников — путешествие между мирами. Отправляются туда, куда в жизни не ступит ножка здравомыслящей леди. Лучше остальных владеют магией и обладают подходящими для их профессии качествами. У каждого своя территория для исследований. Они изучают миры, прощупывают на прочность: как сильны боги, насколько развито общество, наличие полезных ресурсов. Использование магии Золотой оси для заражения целого мира — трудоемкое занятия.

Тинхе занимался Избранными…

Он первый смекнул, что Избранных отправляют в миры, что вот-вот станут съедобными. Что идут они на спасение самых важных и лакомых кусочков мироздания. В этом деле боги оказались более всеведущими, чем Незыблемый Трон. Они знали то, что Золотой Оси приходилось изучать годами, высчитывать, распределять и тратить тонну сил. Помимо прочего, оказалось, Избранная сама по себе изысканное блюдо. В ней собирается вся суть мира.

О торжестве и аукционах лэй много не знала. Ее никогда не брали на праздник в честь присоединения новых миров. Девушка попала к своей леди как комплимент к основной покупке.

По слухам, на празднике присутствовали все зараженные Избранные. Там их лишали всех регалий и после церемониального очистительного ритуала, отправляли на аукцион.

Эта часть рассказа вызвала сомнение. Клод говорил, что видел смерть каждой Избранной, кроме Алисы. Имел ли он в виду духовно-философскую смерть? Что, лишившись предназначения, девушка умирает как Избранная. Очередная загадка на пути ведущим к Алисе.

Я подумала, что вот он мой шанс. Если все Избранные окажутся в одном месте, если я смогу их освободить, разве толпой мы не разнесем все вокруг? Понимание пришло позже, что нет, не разнесем. Без предназначения мы кучка оголтелых девиц, которых уложат щелчком пальцев. Да и как мне попасть на торжество? Тем же лотом, что все остальные? Как убедить их, что мне можно доверять? Ни одна из них меня не вспомнит. А если вспомнит — что толку? Я совершенно ничего не понимаю в магии Лэйтарии. Нелепый план из одних дыр. Куда мне до спасения всех? О собственной безопасности надо заботиться. И о поисках Алисы.

— Можно ли как-то узнать, что стало с теми, кто уже лишился избранности?

— Тебе зачем? — подозрительно сощурилась лэй. Иголка замерла над вышивкой. Винтики в ее голове закрутились, щелкнул включатель записывающей машинки. Девушка хоть и служанка, но далеко не глупа. Каждое мое слово будет передано Страннику, и в моих же интересах, сделать так, что бы оно соответствовало Избранной с амнезией.

— Хочу знать, чего ждать, когда Тинхе разберется с моим незапланированным появлением.

— У Избранных много полезных навыков, — несколько стежков легли на ткань. — Вряд ли их отдают на утилизацию. Но не помню, что бы встречала кого-то среди лэй. Незыблемые на дух не переносят детей жребия. Наверное, становятся Имари.

Я помолчала. Девушка стежок за стежком продолжала заполнять картину.

Алиса точно должна быть здесь. Зачем бы еще Атросу выкидывать меня к Врагу? Сюда, небось, тяжелее пробить окно, чем в какой-нибудь завоеванный мирок на отшибе.

— Может их сажают в тюрьмы? — предположила я.

— В Лэйтарии нет тюрем.

— Ого! Никто не совершает преступлений?

— Совершают. Это же не утопия. Все зависит от того кто и в каких масштабах совершил преступление. Наказание для лэй выбирает лорд или леди. Если же провинился кто-то из них, то решение выносит Незыблемый Трон. Обычно это домашний арест. Если преступление серьезное — ссылка.

На этом разговор закончился. Как еще подобраться к вопросу об Алисе, я не знала. Поблагодарив лэй, я отправилась гулять по разбитому на крыше парку. Тинхе не обманул. Здесь было на что посмотреть.

Лестница со второго этажа вела на крышу, в сердце раскидистого сада. Дорожка из клевера лучами расходилась по искусственному парку. Зеленые живые изгороди скрывали от любопытных глаз соседей. Яркие пятна цветов гнездились на квадратных лужайках. Воздух был теплым и сухим. Солнечные лучи сбегали на блестящую траву и грели кожу. Погодка в самый раз, чтобы спрятаться под тенью

дуба или расположиться у фонтана, откуда легкий ветерок подхватывал брызги и бросал на землю.

Из-за декоративных кустов, зеленых арок и альпийских горок, я не могла определить величину сада. Пришлось обходить по периметру. Пользуясь классическим мерой измерения, где два шага считаются за метр, я обнаружила, что крыша дома примерно равна спортивному залу в моей бывшей школе. Переведя расчеты в квадратные метры, я тихо присвистнула, но не удивилась.

Ассиметричные элементы зеленого декора дизайнер расположил причудливым образом. Каждые два шага приходилось останавливаться, чтобы разглядеть очередную волшебную конструкцию. Подойдя к краю крыши и раздвинув плотные стебли неизвестной растительности, я обомлела. Помимо чужих садов на соседних крышах, летающих вдалеке повозок, серебристых линий, рассекающих небо, на горизонте сиял золотом синий полукруг. Как бы я не вглядывалась, так и не смогла определить, часть ли это небесных тел, таких как кольца вокруг планеты, или дело рук человеческих.

С трудом оторвавшись от созерцания прекрасного, я вернулась к тени неизвестного дуба. Случайно потревожила певчую птичку. Она возмущенно вспорхнула с ветки, помахивая пестрым хвостом и, покружив в небе, села на краешек фонтана. Изящные фарфоровые трубки наклонились под тяжестью и с мелодичным «бульк», опустились в воду, чтобы затем снова подняться. Ошалевшая птица издала возмущенную трель и уселась на дорожке, расправляя промокший хвост.

— Полностью с тобой согласна, — поддакнула я, присаживаясь на лавочку.

Вскоре хлопнула входная дверь — лэй покинула сад.

Мне было запрещено покидать дом. В любом случае, я не видела смысла сбегать. Не важно, что говорил Тинхе о воли богов и предназначение. Пусть судьба надо мной больше не властна, но я была в самом подходящем месте. В логове Врага. Он все знал об Избранных, а о нем и Лэйтарии, Центр не знал ничего.

Требовалось достаточно долго продержаться подле Врага, чтобы выяснить его тактику и разведать о судьбе Алисы. Если первое Тинхе не особо скрывал, и даже оставил служанку, чтобы та заполнила пробелы, то как подобраться ко второму вопросу незаметно — я не

представляла. Я же вроде как не помню жизни в Центре. Не могу же в лоб задавать вопросы, что мужчина думает о девушках с именем Алиса, и если бы таковых встретил, то куда бы его коварное Вражество их дело.

Голова почти болела.

Сколько Врагу понадобится времени, чтобы выяснить, как я прошла через арку? Когда решит отдать меня на аукцион или утилизацию?

Я мучила себя вопросами долго. А потом на меня снизошло озарение (или солнечный удар — легко перепутать). Идея была настолько безумной, что имела все шансы сработать.

Больше всего на свете Враг боялся попасть под предназначение. Он видел, как оно работает и к чему ведет. Изучал. Готовился, чтобы использовать против них же. Избранные проигрывали в зеркалах варианты развития событий. Враг делал примерно то же самое с нами. И вот это я собиралась использовать.

В детективах люди инсценируют собственное убийство.

Я собиралась инсценировать предназначение.

Тинхе говорил, что нет страшнее участи, чем быть сведенным с кем-то по воли богов. Этими словами он подарил мне рычаг давления. Я должна была убедить Врага, что все меры предосторожности не сработали. Что он попал под мое предназначение! Заставить в это поверить будет сложно, но возможно. Первая несостыковка уже есть — я попала в Лэйтарию в обход защиты. Врага это серьезно насторожило. Мне нужно только развить его паранойю.

Самый безопасный сценарий — это Избранная и ее возлюбленный. Не обязательно, что бы Тинхе в меня влюблялся. Эта стратегия подошла бы Блонди — вот кто специалист в соблазнении. Главное, что бы мужчина решил, будто влюбляется. Слишком сложно? Вовсе нет.

Когда Странник поймет, что наше с ним знакомство развивается по стандартным схемам Избранной и мужчины ее мечты, выбора у него не останется. Уверенный, что в любом случае обречен быть вместе со мной, Враг не станет от меня избавляться. Ведь не станет? Может даже поспособствует миссии. А там я разыщу Алису и умыкну ее в Центр.

Я посмотрела, как вода стекает по фарфоровым трубочкам. Опрокидывается. Булькает в воду. Круги расползаются в сторону. Птичка свиристит в такт, пристроившись на мостках.

Странники по своей сути аналитики. В первую очередь руководствуются логикой. Они просчитывают ходы, выясняют закономерности. Тинхе видел, как исполняются предназначения. Видел, как Избранные и их принцы влюбляются друг в друга. Мне следовало разыграть именно эту карту.

Обычные люди влюбляются в улыбку, в ласковый взгляд, в звонкий смех, в трогательную хрупкость, чарующую таинственность и в тысячу других мелочей. Врагу, как особому случаю, предстояло влюбиться в совокупность среднестатистических данных.

Начало положено.

Первое, что заставит Врага сомневаться в том, что он не в безопасности от предназначения — это мое внезапное появление в Лэйтарии в обход стандартных сценариев.

Второе, — наша встреча. У меня была сотня вариантов начать наше знакомство идеально, но, видимо, пересмотрев сто сорок семь вариаций своих коллег по избранности, я выбрала агрессию. К счастью, хамство каким-то образом соответствует стандартным нормам встречи Избранной и будущего возлюбленного.

Третье, — мы оказались связаны тайной. Он скрывает мою истинную сущность от остальных.

Четвертый пункт я должна была организовать сама. Перебрав в памяти предназначения своих подруг, я высчитала следующий ход. Он звучал так: кто-то кого-то должен был спасти. Варианты: я попадала в неприятность — Враг меня спасает; Враг попадает в неприятность — я его спасаю. Или кто-то из нас должен был заболеть, а второй за ним ухаживать.

К несчастью, рассчитывать на болезнь Тинхе не представлялось возможным. Моя же болезнь не гарантировала присутствие Врага у моей постели с градусником и горячим супчиком. Все-таки мужчина не производил впечатления участливого человека.

Неприятность же — вещь наживная. Первые пять минут я всерьез раздумывала, как незаметно столкнуть Врага с лестницы, чтобы потом проявить о нем заботу. А потом поняла — падать придется самой. И не

с лестницы. Более того — нужна страховка, если вдруг назначенный герой сердца не из торопливых и не из сочувствующих.

И вот я падаю. Лиана, что служила страховкой, выскальзывает из рук, а Враг с той стороны парапета стоит не шелохнувшись.

— 9 —

Мой крик оборвался почти сразу. Вместо жесткой дороги, я упала в сеть. Сеть! Лианы, что украшали здание, сплелись подобно паутине и подхватили меня почти у земли. Опутав руки и ноги, потащил обратно вверх. Все еще чувствуя панику, я забилась в скользких стеблях пытаясь освободиться. Те лишь сжались сильнее, сминая одежду. Меня подняли на несколько метров над крышей, демонстративно показывая Врагу. Тот кивнул.

— Зачем ты это сделала? — спросил он, когда изгибающиеся стебли вернули меня на крышу.

Не чувствуя ног, я свалилась на зеленый ковер и поспешила отползти. К живым разумным изгородям Центр меня не готовил!

— Ч-что с-сделала? — переспросила я, таращась на то, как лианы втягиваются обратно в ограждение.

— Прыгнула.

— Я поскользнулась! — праведно возмутилась я. Ибо нефиг ловить девушку на искреннем желании понравиться мужчине, чтобы он ее не убил.

Враг подошел к парапету. Провел перчаткой по поверхности. Растер между пальцами пустоту и повернулся ко мне.

— Ты определенно сделала это специально. Здесь наложены специальные чары, чтобы избежать подобных инцидентов.

Я возмущенно вздернула бровь. Мог бы и раньше сказать.

— Испугалась, когда тебя увидела. Вот и оступилась.

Мужчина напрягся. Бросил нервный взгляд на свою одежду, будто та могла таить сакральный ответ на мои слова. Провел пальцем по кольцу. Нахмурился.

— Что со мной не так? — спросил он.

— Ну, вот это все черное, — обвела я рукой его фигуру, удобно разместившись на газоне из клевера. Скрестила ноги, оперлась рукой о землю — почти как на тренировочной поляне в Центре. — Мрачный жнец во всей красе. Тьма в человеческом обличии. Спасибо, что капюшон не натягиваешь. Хоть лицо вижу.

Мужчина смерил меня взглядом сверху вниз и недовольно пояснил:

— Это униформа. Странники все так ходят.

— Между мирами, но не дома же.

Непроницаемый взгляд сменился безразличием.

— Ясно, — коротко бросил он.

Отвернулся и зашагал обратно по тропинке. Я смотрела на прямую, как жердь спину и недоумевала.

«Ясно»? И все? Ни в одном из миров «ясно» не может служить нормальным ответом, если вы не Гидрометцентр. Обиделся что ли? Я же пострадавшая. Все реплики о ранимости души и тонкой натуры — мои!

Я хлопнула ладонями по траве, выражая возмущение.

Подумаешь, высказала критику. Неженка какой. Я так всю жизнь живу и ничего — не растаяла.

— Тинхе, подожди! — крикнула я, бросаясь за ним вдогонку.

Согласно четвертому пункту, я должна игнорировать мужчину. Односложно отвечать на его вопросы и демонстративно его не замечать. Но как, скажите на милость, это провернуть, если меня избегают?

Догнала я Странника у двери. Засунув руки в карманы угольно-черного плаща, которую он не успел снять по возвращению, Враг нетерпеливо дожидался меня. Все в его позе говорило о том, что в продолжение разговора мужчина не заинтересован и не прочь поскорее избавиться от надоедливого общества.

Я раздосадовано скрипнула зубами. У всех Избранных такие красивые истории о любви. Толпы поклонников с первого шага, а у меня вот это вот. С тем же успехом могла бы остаться дома. Такие же вот ходят: угрюмые, вечно занятые и зацикленные сами на себе по поводу и без.

— Мне жаль, если я тебя напугала, — попробовала я стандартную фразу.

— Ты меня не напугала, — пожал плечами он.

Я это проглотила.

— И извини, если обидела с твоим костюмом.

— Не обидела. Это униформа, я же сказал.

У меня дернулся глаз. Честное слово, неужели так сложно поддержать разговор?

— Ужин в семь, верно? — бросила я последнюю жалкую попытку завести диалог.

— Лэй подаст его тебе в комнату. Я предпочитаю ужинать в одиночестве.

Я кивнула — «ну, конечно».

Он пропустил меня вперед на узкую лестницу. Или женщин пропускали вперед вне зависимости от их положения, или Враг подозревал о моем плане скинуть его с лестницы, чтобы после проявить искреннюю заботу.

Разговор окончен, догадалась я. Повинуясь судьбе, а точнее ее полному отсутствию, поплелась к ступенькам. Шлепая босыми ногами по холодному камню, я мысленно злилась. Второй раз видимся, а он так и не спросил, почему я без обуви. Не нравлюсь я ему, хорошо, стерпим. Но неужели совсем неинтересно? Или он так сильно навидался Избранных, что его ничем не пронять?

Как, спрашивается, выделиться на фоне ста сорока семи разных вариаций «избранности»? Своей дробностью, что ли? Я — половина от Избранной. И, похоже, не самая лучшая. Вместо целого мира в списке спасаемого у меня стоит один человек.

Тинхе остановил меня на последней ступеньке.

— Ты собиралась себя убить? — неожиданно спросил он. — Это была попытка суицида?

— Нет.

Я непроизвольно скрестила руки. На моей коже не было порезов. Все осталось там — в Центре.

— Ладно, — опять пустое слово.

Мы замерли на лестничной площадке. Здесь наши пути расходились. Он шел на первый этаж, а я в свою комнату на втором. С вещами здесь не прощаются и, очевидно, ждут от них того же. Вы ведь никогда не требуете, что бы настольная лампа желала вам спокойной ночи. Или свободной ночи и независимых снов.

Новый мир пока не нанес мне существенного вреда. Враг подчеркнуто благодушно отнесся к моей персоне: личная комната, питание, свободное передвижение. Никаких репрессий в сторону моей «избранной» персоны. Он вел себя со мной так, что я почти могла

назвать это дружелюбием, но истина проявлялась как раз таких в мелочах.

У меня не осталось вопросов, что могли бы его задержать и при этом не оставить на мне клеймо прилипалы. Никто не любит надоедливых. Мысленно махнув рукой, я сдалась. Если мужчина хочет уйти, его не удержать ни слезами, ни брачным договором, ни ребенком.

— Сообщишь, если что-нибудь выясниться о странности моего попаданства? — напоследок попросила я.

Мужчина остановился на верхней ступеньке. Повернулся. Рука дернулась, будто он собирался накинуть капюшон, но вовремя опомнился.

— Зачем тебе это?

Я развела руками.

— Домой тебе не вернуться, — напомнил он. — Смирись.

Я как бы смирилась. И не домой хочу, а в Центр. Но Враг прав. Дня не прошло с момента моего прибытия. Я должна переживать, но разве не для того существовал Центр, чтобы пережить основную депрессию и смириться с неизбежным.

— И у вас нет в планах, присоединить его к Золотой оси? — на всякий случай уточнила я.

— Земля — закрытый мир. В ближайшем будущем я бы не рассчитывал, что защита падет. Не знаешь, на что потратить время — поинтересуйся у лэй о ее работе. Тебе это пригодится больше, чем пространственно-временная теория междумирья.

— Если это не прямой приказ, то предпочту его проигнорировать, — нахохлилась я.

— Я не могу тебе приказывать. Ты не моя лэй и не моя вещь. Ты…

— …просто бесхозная вещь, — закончила за него я, — подобранная на улице, взятая на хранение и ожидающая, когда за ней придет хозяин.

— Отлично, ты начала понимать.

И чего Клод его ненавидит. Душка же.

Мужчина сделал еще шаг по направлению к холлу первого этажа, но вновь был остановлен.

— Если со мной что-то не так, я хочу это знать.

Перчатка мужчины сжала перила. Заскрипела кожа, затрещал поручень из слоновой кости. Нас разделяли две ступени. В таком положении я была немного выше его, но от зарождающегося страха это не спасало. Он медленно развернулся. Поднял голову. Стекающий свет ламп скользнул по отмеченному загаром лицу. Цветные радужки вспыхнули золотом и антрацитом. Обволакивающая вуаль человечности спала, возвращая чужеродное присутствие. Некую инородность, что ледяной стеной разделяло нашу принадлежность к разным мирам. Вот теперь он выглядел угрожающе.

Это существо я могла назвать Врагом.

Адреналин подскочил на несколько пунктов. Я дернулась назад. Вовремя, чтобы не столкнуться с надвигающейся скалой. В одно мгновение он преодолел расстояние в жалкие пару метров, оказавшись совсем близко. Я не увидела этого движения. Я отреагировала на рефлексах. Мое тело напряглась как во время тренировок. Все ощущения сконцентрировались на Враге. Мозг переключился с нормы на ожидание атаки. На ее предотвращение и ответный удар.

— Тебя обучали, — тихо произнес он, замирая на месте.

Нас разделяло не больше тридцати сантиметров. Он мог бы услышать, как бьется мое сердце. А я могла «насладиться» инородной чуждой аурой, стылым воздухом оседающей на коже. Это отрезвляло как ведро ледяной воды во время лихорадки. Как прыжок в прорубь. Выбивало всю дурь, оставляя самое важное — желание выжить.

Он поднял руку. Я следила за ней, не шелохнувшись. Улавливала движение на периферии, потому что отвести от мужчины глаза казалось равносильно смерти. Рука остановилась у моего виска. Я перестала дышать.

— Тык. Тык, — постучал пальцем Тинхе мне по лбу.

Я выпучила глаза.

— Твою черепушку забили знаниями и умениями. Закинули в подсознание, как маленькую бомбу с часовым механизмом, которая может взорваться в любой момент. Ее еще не обезвредили. Таймер замер за секунду до обнуления.

Шумно выдохнув, я отклонилась назад. Внутри что-то закололо и сжалось, будто откликаясь на присутствие Врага.

— С тобой все не так. Нормально не будет. Магия Лэйтарии сковывает твою суть. Разъедает ниточки, которыми связали тебя боги.

Полную свободу ты получишь на официальной церемонии. Но то, что с тобой сотворили, то, что внушили в стерильном мире — не изменить. Это останется здесь.

Он в третий раз стукнул меня пальцем по голове и опустил руку.

Напряжение уходило медленно, неохотно. Адреналин все еще бурлил в крови.

— Вторжения не было, — неохотно произнес он, отступая назад. Золотистые прожилки вновь исчезли из его глаз, оставляя все тот же непонятный, нераспознаваемый цвет. — Никакого взлома. Арка зарегистрировала тебя как пользователя «инкогнито». Приняла за своего и пропустила. Место отправление не определено. Я не знаю, как такое можно провернуть. Придется спрашивать старших коллег или семью.

Слово «семья» он произнес с оттенком пренебрежения. То ли не ожидал от них ничего полезного, то ли одна мысль о разговоре с родней вызывала у Врага зубную боль.

— Лорд Тинхе, — раздался голос с лестницы.

На середине пролета стоял пожилой мужчина. Во фраке и очках он напоминал английского дворецкого. Худой как тростинка, и с прямой как жердь спиной. Выглядел он статно и впечатляюще официально.

— Лэй? — нахмурился Тинхе, явно не ожидая чьего-то появления.

Конечно, лэй рассказывала, что у Странника есть другие слуги, но все они мужчины. Но за целый день я не увидела ни одного из них, и с чего-то решила, что их вовсе нет. Вот что значит незаметный обслуживающий персонал.

— Ваша кузина оставила сообщение, — четко поставленным голосом доложил дворецкий. — Она звонила весь день и была непреклонна в своем желании с вами поговорить.

— Да, я отключил личную связь, — рассеянно ответил хозяин дома, прикладывая палец с фамильным перстнем к виску. — Или вовсе не включил по прибытию. Спасибо, лэй.

Взгляд Тинхе изменился. Он будто ушел сам в себя. Я выглянула из-за его плеча, чтобы внимательней рассмотреть еще одного жителя поместья, но мужчина исчез, будто его и не было.

Скорость, незаметность, учтивость и покорность. У меня ни единого шанса стать лэй. Вот ни единого.

— Проклятье, Солярис, ты же дала мне двадцать четыре часа!

Я шарахнулась еще раз, перепуганная громким голосом Врага. Боже, я так инфаркт схвачу быстрее, чем сутки закончатся.

— Лэй, — сказал он куда-то в пространство, — собери ее на встречу с Солярис.

Я в ужасе уставилась на мужчину.

— Что происходит?

— Ужин откладывается, — пояснил он. — Готовься к иномирным деликатесам и ни слова, ясно? Ни единого слова.

Странник, наконец, смог спуститься вниз по лестнице, но, кажется, его это больше не радовало.

— 10 —

Летать верхом на пегасах не принято. Дурной тон. Это я узнала сразу, как лэй напялила на меня платье из серии «простое, элегантное, утонченное и пусть поверх всего этого красная вуаль и перчатки до самых локтей, как будто ты наряжалась в темноте, сбегая из психбольницы для клоунов!»

А я-то надеялась на чудо-одежду, утягивающую лишние килограммы, изгоняющую целлюлит, возвращающую коже нежный оттенок перламутра и свежести. И, я конечно ни на что не намекаю, но у коллег-Избранных, видала нижнее белье пуш-ап. Корсет хотя бы! Кроссы подсушили мое тело, но не до уровня модели «Victoria’s Secret».

Перед выходом я глянула на себя в зеркало. Боже, почему я не попаданка в модель «Victoria’s Secret»? Почему я вот это? Лэй, переодевшаяся в новый наряд, выглядела как сбежавшая с подиума королева красоты. Если не мира, то точно какой-нибудь отдельно взятой стран. Мисс Ирландия две тысячи семнадцать. А я… я где-то рядом подметала полы и украла вот это.

Мне мужчину в себя влюблять. Где мое чудесное преображение?!

Я попыталась пригладить волосы, но лэй шлепнула меня по рукам.

— Не причиняй им еще больше вреда.

— Дай хотя бы в хвост собрать! Как в таком виде выходить? Почему я выгляжу хуже, чем до того как переоделась?

— Не хуже, а точно так же. Твое восприятие изменилось из-за стресса. А красавица из тебя все равно не получится. Да тебя год в

СПА-салоне надо держать, чтобы ты выглядела хотя бы нормально. Но вряд ли будущий хозяин станет на это тратиться. Не стоишь ты того. Для приятного времяпрепровождения берут сразу бабочек, а не гусениц.

— Обожаю твои комплименты, — выдавила я.

— Я думала, Избранные похожи на леди, — не заметив моего сарказма, продолжала лэй, пока мы спускались к выходу. — Ухоженные, грациозные, пленяющие одним взмахом ресниц, подобны ликам Вечных. Или ты должна была занять тело фрейлины?

«А может мой Враг не Тинхе? — задумалась я. — Может, вот она?»

Помощница сменила ажурный чепчик на плетеный ободок, убрала каштановые волосы в косу, оставив скошенную челку. Обзавелась туникой, как остальные лэй, подпоясавшись широким поясом, как в традиционных костюмах Японии.

Мне из красивого, достались неудобные шлепанцы с золотыми шнурками. Я намеривалась их потерять.

— Совсем она вас не ценит, — Тинхе дожидался нас на улице, скармливая пегасам кусочки тростникового сахара. Я не слишком разбиралась в мифических животных, но, похоже, перед нами стоял экипаж Солярис. Аль и Бель, если я правильно запомнила.

Они недовольно перетаптывались на черном полотне дороги. Уходящее за горизонт солнце, мягко окрашивало кольн сиреневыми полосами.

— Кажется, я боюсь летать на колесницах, запряженных пегасами.

Тинхе едва взглянул в мою сторону, увлеченный скармливанием транспортному средству сладостей. Он, кстати, не сменил ни единого элемента в своем гардеробе. Разве что заменил одни черные перчатки на другие. Почему у него в доме куча женской одежды и ни единого сменного комплекта мужской? Что ты от меня скрываешь, Враг?

— Откуда тебе знать? — спросил он, занимая место впереди и беря в руки вожжи. — Ты раньше на таких летала?

— Мне не обязательно что-то делать, чтобы знать, что я этого боюсь, — прошипела я, подталкиваемая лэй к задней дверце колесницы. — Как называется фобия перед полетами на пегасах?

— Вымышленной.

На этом пререкания закончились. Мы с лэй умостились на сидушке обитой сиреневым бархатом. Тинхе встал впереди. Вопреки законам природы и термодинамике наш экипаж взлетел в небо. Крылатые лошади разве что два шага сделали для разгона.

— Это магия, — пояснил Враг, обернувшись назад.

— За дорогой следи! — потребовала я. — За воздухом. И за вон той птицей.

Мужчина коротко усмехнулся, я же вцепилась в бортик колесницы. Если мы разобьемся, это будет авиакатастрофа, автокатастрофа, дорожно-воздушная катастрофа или колеснице-катастрофа?

— Принято что бы лорды сами управляли колесницами, — шепнула мне лэй, отвлекая меня от ужасных мыслей. Сама лэй не видела чего-то захватывающего дух в нашем полете и вела себя как пассажирка городского транспорта: безучастно разглядывала облака.

Логика подсказывала, что бояться нечего. Ни в одной из колесниц, что пролетали мимо, не было ремней безопасности. Они не переворачивались, а люди из них не выпалывали. Но это мало успокаивало. Страхи атаковали бурно и агрессивно.

«Мы попадем в воздушную яму, — твердил мой внутренний обозреватель чрезвычайных происшествий на дорогах Лэйтарии, — наш транспорт устанет и скинет лишних пассажиров; ворона врежется мне в лоб; у Тинхе случится припадок и он вылетит на встречку».

Ничего из перечисленного, по окончанию поездки, не произошло. Но я обзавелась десятком новых седых волосинок и почти сломала ручку ажурной дверцы. А ведь нам еще лететь обратно…

Пегасы приземлились.

Над золотыми домами с зелеными крышами возвышались непонятные строения. Издалека они напоминали огромные распустившиеся лотосы. По приближению, я распознала в странных конструкциях здания высотой с шестнадцатиэтажки. Они были облицованы зеркалами, и те отражали лучи уходящего солнца, переливаясь теплыми цветами света. Как огромные живые цветы.

Они были построены на огромных площадках, что представляли собой прогулочные парки с беседками и фонтанами. Площадки парили по воздуху, как кувшинки, покачивающиеся на воде. Лепестки — часть

многослойной архитектуры. Вход в них шел через двери. В центр бутона вели арки, похожие на узорчатые туннели.

— Не разговаривай. Когда Солярис позовет, выйди на сцену, улыбнись и ничего не говори. Кузина сама все скажет, — снова заговорил Тинхе, когда копыта пегасов коснулись площадки. Приземление вышло мягким. То ли Враг неплохой извозчик, то ли боги имеют крохи сил в Лэйтарии и откликнулись на мою двадцатиминутную молитву, длившуюся почти весь перелет.

— Какую сцену? Это не дом Солярис?

— Слава Незыблемому Трону, нет. Это ее салон.

Я кивнула, мол, поняла. А сама потонула в вопросах. Какой еще салон? Салон красоты? Цветов? Салон как на Диком западе?

— Она хочет, что бы я дала представление? — уточнила я.

— Мало ли чего она хочет, — грубо отозвался он. — Молчи и все. Предоставь все Солярис и лэй. Она будет с тобой столько, сколько сможет.

— А где будешь ты?

— В аду, — буркнул он.

Пегасы поцокали по подъездной дорожке и остановились у парадного входа. К нам поспешили двое мужчин лэй. Оба молодые и в одинаковых туниках. Один помог Страннику в том, в чем тот не нуждался — открыть золотую дверцу, другой взял пегасов под уздцы.

Я собиралась было встать вслед за Тинхе, но лэй меня остановила. Покачав головой, она слабо улыбнулась. Экипаж вместе с нами повезли вокруг дома-цветка к черному входу.

— Ни в коем случае не снимай перчаток, — предупредила девушка, поправляя каштановые космы и опасливо вглядываясь в приближающуюся толпу. — Не смотри на господ.

Рядом приземлилось еще несколько колесниц. Некоторые из прибывших были одеты как слуги, других украшали более яркие и пестрые наряды. У кого-то были перья в волосах, за другими вился шлейф из мерцающих блесток. Лэй- привратники открывали перед ними двери, разглядывая их с затаенным любопытством. У других же лэй, гости вызывали бурные эмоции, вплоть до восхищенных выкриков.

— Это же не леди, да? — шепнула я своей помощнице, указывая на компанию из трех девиц.

— Камер-лэй, — так же шепотом ответила девушка. — Они призваны для развлечений. Люди творчества. Певцы, танцоры, поэты, скульпторы, художники, музыканты, визажисты, стилисты. Такие специалисты очень ценны. После магии, земель и редких видов рас — это тот ресурс, за который ветви Трона борются на аукционах. Считается хорошим тоном вместе с заключением сделки преподнести в подарок камер-лэй. Иногда их дарят леди вместе с украшениями. Как подарочные коробочки или упаковочная бумага.

Че?

Оценив мою реакцию, девушка добавила:

— Не подумай ничего плохого. И не начинай осуждать, прежде чем увидишь и поймешь все. В своем мире, знаешь ли, я жила в ужасных условиях. У нас не было медицины и книг. Еду добывали охотой или собирательством. На всю деревню было два грамотных человека: пастырь и староста. Я ничего не знала кроме холода, грязи и страха, что очередная хворь заберет козу, оставив нашу семью без средств к существованию, — Лэй указала на величественные лепестки лотоса, светящийся в вечерних огнях сад и фуршетные столики под тентами. — А это сказка, о которой я не смела мечтать. Или что, до этого ты жила в замке и была венценосной особой?

— Нет, — покачала я головой, следуя за лэй по каменной брусчатке. — Но у меня был кот.

— Ты жила в вечных беспокойствах о грядущем дне, — не слушая меня, продолжила она. — Здесь этого нет. Ответственность за тебя несет хозяин. Незачем беспокоится, где жить, хватит ли завтра денег на еду, не наступит ли засуха, что выжжет весь посев пшеницы. Ты в вечном празднике. Подумаешь, может смениться хозяин. Со временем учишься ни к чему не привязываться. Ни к комнате, ни к вещам, ни к людям.

Она как будто говорила это себе, а не мне.

— А как же отношения?

— У людей из двух разных миров не может быть детей. Мы же не Избранные какие, — пожала она плечами. Слово «Избранные» прозвучало как «животные». Девушка не сразу поняла, чем ее тон меня покоробил. — Ой, извини. Правда не хотела. Но сама понимаешь…

Я закатила глаза, но акцентировать внимание на ее высказывании не стала. Кое-что другое покоробило мои уши больше, чем

пренебрежение к Избранным.

— Я говорила не о детях. Я говорила о парне, возлюбленном, любовнике, муже, в конце концов.

Лэй посмотрела на меня как на идиотку. Я не отвела взгляд. Я действительно не понимала. Настала ее очередь закатывать глаза.

— Говорю же, ко всему привыкаешь, — она дернула меня за руку и потащила вслед за собой. Поднявшись по ступенькам, мы миновали стражников. Лэй на них даже не взглянула. Ее не сковывал мандраж от одного факта собственного существования среди лэй и леди.

Пройдя двухстворчатые двери, мы попали в коридор между лепестками лотоса.

— Первый уровень технический. Для лэй. На втором, — указала она на следующую дверь, — что-то вроде комнат для отдыха лэй, — она повела меня дальше. Двери звякнули, и мы прошли в следующий коридор. — Третий — гримерки камер-лэй. Мня туда не пустят. На четвертом вас выведут, чтобы показать нашим сиятельным господам — лордам и леди. Пятый предназначен для их отдельного отдыха. Туда ни одна из лэй не прошмыгнет. Ну а шестой — понятно для кого.

— Угу. Для кого?

Лэй закрыла ладошками глаза.

— Ты… Ты…

— Глупая Избранная, — ответила за нее я. — Которую ничему не учили и ничего не объясняли. У меня не было спец-курса по истории и традициям Золотой оси.

— Но это же самые банальные вещи. Основа! — всплеснула она руками.

Я состроила рожицу.

— Ах, не важно. Делай, как говорил Странник, просто молчи. Если будут наседать или пытаться снять перчатки, вали все на хозяина. Мол, лорд Тинхе не дозволял перчатки трогать и запретил выражать мнение относительно предмета спора.

— Поняла. Молчать и никакого публичного оголения запястий. Справлюсь.

Лэй серьезно кивнула.

Я повернулась к двери в третий сектор, но девушка перехватила меня прежде, чем я успела сдвинуться.

— Какого черта? — вежливо уточнила я.

На лице лэй застыло выражение острой муки от моей тупости. Я начала по-настоящему злиться. Кончено я ничего не понимаю. Суток не прошло! Посмотрела бы я на лэй и Врага, как бы они справились в моем мире с кондиционером, маршруткой и передачей показания счетчика через телефон с диагональю экрана меньше четырех дюймов.

— В третий сектор может пройти только камер-лэй или тот, чей статус выше.

— Ну?

— Делать вид, что у тебя есть статус и иметь его — ни одно и то же. Видишь — указала она на едва заметную гравюру лотоса в стене. — Он считывает твой вейос. Есть ли у тебя доступ или нет. Если есть — открывает автоматически. Руку подносить не надо. Его радиус действия начинается вот от той линии. Как только ее переступаешь, он понимает, что ты хочешь пройти дальше и открывает двери. У золотых господ он считывает магию и реагирует так же. У тебя же нет ни того ни другого. Потому ты и вещь. Без сопровождения ты ни на лифте спуститься не сможешь, ни колесницей управлять, ни через портал пройти.

Долбанный, социально-классовый, расистский мир!

— И что делать?

— Ждем.

Через минуту двери раскрылись, и навстречу нам вышла стройная женщина восточной внешности. Яркий макияж аккуратно лежал на смуглом лице, а черные волосы спускались до плеч, подстриженные ровно по линеечке. Это одновременно придавало ей сходство с царицей Египта и с какой-нибудь индийской принцессой.

Она быстро оглядела нас, сразу опознав искомого человека.

— Камер-лэй Странника? — звучным голосом спросил она.

Я кивнула.

— Безумие, — вздохнула женщина неопределенного возраста. — Пойдем скорее, — схватила она меня за руку. Браслеты с колокольчиками на ее запястьях звякнули. Она бесцеремонно потащила меня за собой на третий уровень. — Мы опоздали еще вчера.

— С нее нельзя снимать перчатки — приказ лорда Тинхе, — крикнула вдогонку рыжеволосая лэй. — И пожалуйста, не трогайте ее одежду.

Двери за нами захлопнулись.

— Какие все сразу профессионалы, — пробормотала отправленная за мной принцесса из жарких краев. — Почему бы такой замечательной советчице не занять мое место и не сделать всю работу за меня? Верно, говорю?

Я неопределенно пожала плечами.

Меня повели по коридору со стеклянными стенами. Обернувшись, сквозь них я увидела одолженную Врагом лэй. Она провожала нас взглядом, сжимая ладони в кулачки.

Эхо коридора сменилось на рабочий шум, на огромные многоярусные залы закулисья камер-лэй. Лестницы вздымались вверх, люди носились между зеркалами, лампами, пудреницами и ширмами. То и дело ругань сменялась слезами, хохотом и звоном разнообразных скляночек.

Ко мне тут же бросилось несколько камер-лэй с кисточками, метром и расческой. Перебивая друг друга, они щупали мое платье, кожу и волосы, высказывая нелестные комментарии. Придя к выводу, что я совершенно ни на что не гожусь, толкнули к свободному туалетному столику. Усадив на стул, на меня без спросу нацелили флаконы с разными жидкостями. Пока с моего лица стирали дорожную пыль (воздух?), интересуясь, насколько стойкий макияж на моем лице, другая камер-лэй расческой, шпильками и лаком угрожала моим волосам.

— Это серьезная задача, — сказала одна из них.

— И не с таким справлялись, — ответила другая.

— Нам понадобиться помощь, — ответила та, что стояла за моей спиной.

Все трое синхронно кивнули.

— Что вы собираетесь со мной делать? — пропищала я, едва ворочая онемевшим от страха языком.

Вверх взметнулись ножницы, щипчики и плойка.

— Я разогрею угли, — вынесла вердикт женщина-принцесса.

Я вытаращилась на свое отражение.

«Лианы из живого ограждения сада на крыше, — взмолилась я, — спасите!»

Мои волосы тянули, скручивали, закалывали, мочили, сушили и сбрызгивали. Кожу лица смазывали, терли, массировали, щипали, опять смазывали, протирали и пудрили. Я не успевала следить за манипуляциями камер-лэй, но первому приказу наклонялась, поворачивалась, закрывала глаза и рот. Я чувствовала себя куклой Барби, которую пытались поделить три капризных ребенка.

С меня стащили вуаль и сандалии. Когда я в очередной раз открыла глаза, мои перчатки обрели цвет слоновой кости. В первый момент я испугалась, думая, что каким-то хитрым образом мне успели подменить наряд, а потом увидела, как одна из камер-лэй раскрашивает юбку на моем платье. Она выводила серебристые узоры штучкой похожей на карандаш, и те спустя мгновения превращались в настоящую ткань.

Когда все закончилось, я едва ли узнала наряд, в котором вышла из дома Врага, как и девушку, что отражалась в зеркале.

— Почему ее глаза не сияют, — камер-лэй схватила меня за подбородок и повернула к девушке, что занималась волосами.

— Что ты использовала?

Та передала ей флакончик.

— Жидкая магия, — прочитала она. — Закапай еще. Написано по одной капле, но я всегда капаю по три.

Мое кресло наклонили назад.

— Не моргай. Глаза вверх.

— Может не надо? — попросила я. В первый раз эта штука жутко щипала.

— Хочешь выглядеть перегоревшей лампочкой в центре гирлянды и портить весь ансамбль?

— Нет.

— Чудно.

Из мишуры, под навесом струящихся тканей, блеска и света, вынырнула египетская принцесса, что забрала меня из второго сектора.

— Когда тебя объявят, выйдешь в центр зала. Поклонишься ложе Вечных, гостям, потом леди Солярис. Молчи. Никаких слов, шуток или благодарностей. Шоу распланировано до последней секунды. Когда подадут знак — еще раз кланяешься и спускаешься вниз по

лестнице. До тех пор тебе запрещено заговаривать с кем-то из верхушки. Поняла?

— Не очень, — честно призналась я.

— Что ж, помочь мне не чем.

— Это как на приемах в средние века, да? Приглашенные гости не могут общаться с другими, пока не придет король и не произойдет официальная церемония представления?

Глаза женщины остались непроницаемыми.

— Как же я ненавижу молодняк, — она встала позади меня, отстраняя другую девушку. Повертела мою голову, подправила пряди. Нагнулась. Ее лицо оказалось рядом с моим. — Подведешь леди Солярис, — тихо сказала она, сжимая руку на моем плече, — сверну твою хрупкую лебяжью шейку. Это я понятно объяснила?

— Весьма, — сдавленно ответила я.

В желудке забурчало.

Женщина встретилась со мной взглядом в зеркальной поверхности. Почему-то тонны слоев крема, консилера, хайлайтера и других врагов естественной красоты, дарованной богом нашим единым из закрытого мира, не скрыл краску смущения на четко очерченных скулах.

Я внезапно поняла, как же сильно проголодалась. Эти падения, споры, поездки и агрессивное перевоплощение вогнали организм в такой жуткий стресс, что я забыла про еду. А не стоило.

— Нас покормят? — невозмутимо спросила я.

Камер-лэй цапнула меня коготками и отстранилась назад. Впихнула мне в руки пару золотистых туфель на тонком каблуке. На холеном личике женщины мелькнуло презрение, оставившее отпечаток в виде мимических морщинок. Я не отводила взгляда, ожидая ответа.

Ой, ну простите, я всего лишь человек. Я понимаю, великое искусство, эстетика, тонкий вкус и все такое, но есть-то хочется.

— В саду стоят фуршетные столы. После выхода можешь портить собственную репутацию столько сколько хочешь.

— А сейчас?

— Сначала работа, потом угощение. Не хватало, чтобы ты наряд запачкала или макияж подпортила. Ни у кого нет времени исправлять чужие оплошности.

Принцесса качнула бедрами и поплыла по рядам гримерочных зеркал. На полпути она затормозила, обернулась, нашла меня взглядом.

— За мной, — скомандовала она и зашагала дальше, больше не переживая, следую ли я за ней.

Я покрутила втиснутые мне туфли. Ажурная перевязь и изящная шпилька намекали, что обувь рассыплется на мельчайшие крупицы при одном соприкосновении с моими ногами.

— Иди босиком. Обуешься перед выходом на сцену, — подсказала камер-лэй, что занималась нарядом.

Поблагодарив ее, я засеменила вслед за принцессой. Откровенно бежать за ней я боялась. Плотная ткань платья превратилась во что-то плавное и воздушное. В жизни не носила ничего подобного. Головой шевелить было страшно. Волосы уложили плотными локонами на одну сторону, венчав прическу диадемой. Я чувствовала себя голливудской актрисой из тридцатых, которой не хватало мундштука с сигареткой и спутника-гангстера. Впрочем, последний был где-то здесь. Должно быть, объедался креветками или портил всем настроение своей мрачной аурой.

Мы прошли один коридор. Потом второй. Свернули. Поднялись по лестнице. Миновали арочный зал. Спустились вниз. Еще сорок два раза сменили направление, и попали за кулисы. Здесь толпилось много народу, но они почти не разговаривали. Кто-то перешептывался, кто-то нервно мял складки костюма, кто-то подправлял макияж глядя в карманное зеркальце, кто-то следил за цифрами на красном табло.

— Обратно мне не вернуться, да? — настороженно спросила я, переводя дыхание.

От сандалий я сама хотела избавиться, но накидка мне нравилась. Как ее получить обратно, и вернуть прежнее состояние наряда я не знала. И чуть подумав, решила не переживать. Пусть Враг волнуется, в каких дебрях моды пропало его шмотье. В конце концов, одна вещь не должна беспокоиться о сохранности другой вещи.

— Твой номер сто сорок седьмой, — вместо этого ответила камер-лэй. — Запомнишь?

— Постараюсь, — серьезно кивнула я.

Принцесса глянула на меня с подозрением, но промолчала.

Пиксельные цифры табло замерли на тридцати четырех. Я все еще хотела есть. Я предчувствовала голодный обморок, одобренный

стрессом, волнением и страхом выступления перед публикой.

— Ты говорила, шоу расписано по минутам.

— По секундам.

— Ну да. Примерно, сколько у меня времени до выхода?

— Два часа и двадцать семь минут с половиной.

— Два часа?! — воскликнула я, за что тут же получила сотню пар осуждающих взглядов. — Два часа? — уже тише переспросила я.

— И двадцать семь минут.

В желудке вновь забурчало.

— Жди очереди и помни, о чем я сказала, — холодно добавила Клеопатра, собираясь уходить.

— Ты куда?

— У меня таких как ты, еще несколько сотен и гора других нерешенных проблем. Считаешь, мне больше нечем заняться, кроме как сопровождать твою персону? Камер-лэй, утром ты произвела фурор. В обед твое появление обсуждали во всех новостных лентах. Вечером тебя покажут на одном из известнейших, элитарных приемов Лэйтарии. Тобой будут восхищаться примерно полторы минуты. Ты познакомишься со многими удивительными личностями и, если повезет, мелькнешь перед взором кого-нибудь из Вечных. К полуночи вернешься домой. А завтра, о твоем существовании забудут. Ты — пустышка, что по воле случая вытянула золотую звезду. Так что не мешай работать тем, кто действительно занимается делом.

Разговор был окончен.

Я осталась одна среди толпы неизвестных людей и с пустым желудком. На долгие два часа и двадцать семь минут. Или должна была остаться таковой, если бы не один из основных инстинктов, побуждающих людей и других животных к решительным действиям.

«Хотя бы воды, — думала я, оглядываясь по сторонам. — Стакан воды. Конфетку. Что-нибудь, что не позволит опозориться на сцене арией китов из желудка». Не может такого быть, что всем запрещено принимать пищу перед выступлением. Египетская камер-лэй меня невзлюбила, оттого и выставила жесткие ограничения. Наверняка же все не так.

Я взялась за изучение обстановки. Сцена была рядом. Она выходила в сад, где стояли фуршетные столы и собрались гости. Еду готовили в одном из секторов и выносили на улицу. Я подошла к стене,

что ближе всех располагалась к улице. От маленькой заветной канапешечки, созданной в сознании, меня отделяло тридцать сантиметров стройматериала. Перед глазами визуализировалась скатерть с фарфоровыми блюдцами, шоколадный фонтан, сырные шарики и графин с фруктовым напитком.

Рот наполнился слюной.

Нас несколько сотен здесь. Еще несколько сотен бегает по цветочной конструкции. Леди и лорды внимают очередному выступлению. Незаметные лэй снуют между гостями разнося еду. Одна маленькая, невзрачная я, с перчатками, что скрывают отсутствие вейоса, могла бы просто выйти, взять полупустой поднос с едой и уйти с ним. Никто бы не обратил внимание.

Я же была создана для этого! Мой супер-навык Избранной, что был приобретен в Центре. Только ради этого момента! Полгода изматывающих тренировок, ради одного незначительного умения, что спасет мир!

Или одну человеческую жизнь.

Мою.

Загоревшись идеей, я протиснулась между очередью псевдоколлег. План был прост — выяснить схему внутреннего строения зала и прилегающих к ней сооружений, при этом, не потеряв из виду закулисье.

Когда на табло щелкнул номер семьдесят три, я знала, куда ведут соседние комнаты и вычислила вход. Все были заняты собственными делами. Никто не интересовался, почему вокруг них шлындает камер-лэй с парой туфель в руках и анализирует входы и выходы. Найденная мной дверь вела прямиком наружу. Без охраны и дополнительных уровней. Зашла и вышла. Никаких самораздвигающихся створок. Обычная дверь, но с тем же символом, что считывает вейос.

Набравшись решимости, я дождалась, когда одна из камер-лэй направилась в нужную мне сторону. Пристроилась тенью за ее спиной. Девушка повернула ручку, толкнула дверь. Я пулей метнулась вперед, подставляя ногу, чтобы не дать той закрыться. Дверь замерла. Мою ногу не прищемило и не раздавило. Я мысленно выдохнула.

Значит, проходить без вейоса нельзя, но в случае чего, подпирать мною двери можно. Чудесно! Какая потрясающая от меня польза. Если на будущем аукционе Избранных предложат рассказать о себе,

обязательно упомяну этот дивный факт. Отныне я не Дробь, а дверидержалка. Двериподпиралка!

Выждав пару секунд, я высунула голову наружу. В уши ударила развлекательная музыка, завораживающая ритмичными мотивами. Заставив себя не отвлекаться на сцену, я бросила взгляд на толпу. Люди смотрели представление, непринужденно общались между собой, кружа с бокалами по зеленой лужайке. Столы скопились под праздничными навесами. Ледяные скульптуры стояли по центру. Кавалеры развлекали дам беседами, те проявляли свою благосклонность. Кроме самих себя, своих спутников и шедшего без остановки шоу, леди и лорды никого не замечали. Черного пятна моего пленителя среди них не было.

В трех метрах от меня стоял наполненный яствами стол. Основной контингент приема собрался у сцены. Столики на отшибе их интересовали мало. А посмотреть было на что. Они ломились от нетронутой еды, источая аппетитные ароматы.

Я толкнула дверь. Посчитала, сколько секунд ей требуется, чтобы закрыться почти до конца. Остановила ее. Мне хватит. Я успею добежать, схватить бутерброд и вернуться обратно до того как дверь закроется.

Три метра.

Туда и обратно.

Я смогу.

Я Избранная.

Я проделывала подобное под носом Клода десятки раз.

Тем более я босиком.

Пробежаться по газону — плевое дело.

Я сделала вдох. Выдох. Еще раз посмотрела на туфли в руках. Увела ногу назад для разгона. Опять посмотрела на туфли и чертыхнулась.

— Вот поэтому ты и Дробь, — буркнула я сама себе под нос. — Как тебя Атрос выбирал?

Поставила туфли между косяком и дверью, не давая ей закрыться, и спокойно побрела к заветной цели. Избранная, ага. Я помотала головой, сгоняя лишний стресс. Проскочив к вожделенным яствам, я на секунду замешкалась. Глаза разбегались. Слишком много всего. И еще больше того, что я никогда в жизни не видела.

Благодаря своим подругам по избранности, мне довелось попробовать много разной пищи из других миров. Вкушая их, иногда я не подозревала, что ем — овощи, фрукты, ягоды или дичь. Чего только стоила та гадость, которая была в моей собственной комнате. Рыбу я опознала, но окружающий ее гарнир до сих пор оставался в моей памяти приторно-сладкой, волокнисто-рассыпчатой мерзостью доводящей до тошноты.

Остановив выбор, на чем-то напоминающим бутерброд с томатами и овощами, я взяла салфетку и потянулась к блюду.

— Прошу прощения, — прозвучал голос за моей спиной.

Я замерла как кролик на автостраде. Рука зависла над тарелкой.

— Раньше я тебя не видел, — обладатель чудного баритона возник в поле моего зрения.

Пульс подпрыгнул к горлу. Адреналин подскочил до высшей отметки, активируя выработанный рефлекс. Тут бы мне порадоваться, но проблема в том, что этот самый рефлекс был выработан во время воровства завтрака у Клода.

Я схватила бутерброд. Впилась в незнакомца взглядом «ты никогда меня не догонишь, цельнометаллическая, злобная статуя, этот шмат еды принадлежит мне», и, петляя, рванула в противоположную от двери сторону.

— 12 —

Черт! Черт! Черт!

Камер-лэй предупреждала ни с кем не разговаривать. Враг же упоминал, как легко меня могут опознать Вечные из Незыблемого трона.

Я огибала шатры, виляла между парящими лентами. Мягкий газон холодил кожу босых ног. Волшебная мелодия клавесина сменилась задорным ритмом, аккомпанируя моему бегу. Я придерживала юбку, чтобы не запнуться о длинный подол и кубарем не покатиться по площадке, сметая хрупкие конструкции уличного празднества. Люди расступались на моем пути, но не удостаивали более чем одним взглядом. Я не была тем развлечением, что могло бы надолго удержать внимание особ из высшего света.

Мужчина на какое-то время пропал из поля моего зрения, но потом, белый костюм вновь замелькал среди шатров. В этот самый момент я оказалась у очередной стены с дверьми. Я надеялась, что

пока буду бежать к ним, одна из сотен дверей откроется. Здесь не было стражников, но кто-то ведь должен здесь ходить?

Ну же! Я так надеялась на это! Забежать внутрь и затеряться в бесконечных коридорах. Спрятаться, переждать и вернуться назад. Не будет же этот надоедливый гость преследовать меня вечность. Что это вообще за мода догонять людей, которые хотят перекусить в одиночестве?

Я обернулась.

Он продолжал медленно приближаться. Как в одном из тех фильмов, где жертва несется со скоростью сто километров в час, а маньяк неспешно идет за ней и все равно догоняет.

Ну что, Тинхе. Тебе бы самое время неожиданно появиться и спасти меня.

Но нет, конечно, нет. В мире Золотой оси нет места воли богов и простому благородству.

Я отступила назад. Еще назад. Дверь была прямо за мной. Все что мне оставалось — это стоять и смотреть, как он сокращает между нами расстояние.

Он. Мужчина в обычном костюме-тройке нежно-кремового цвета, почти в тон совпадающим с моим платьем. Правая сторона пиджака расшита узорами разноцветных нитей, вторая оставалась девственно чистой. Из-под шляпы с мягкими полями и небрежной вмятины посередине, выбивались светлые пряди волос. Его походка была уверенной, но мягкой. Не как у Тинхе, что шел почти напролом, сметая все препятствия. Этот, как будто подкрадывался, аккуратно загоняя жертву в заранее расставленные силки.

Его аура искрила золотом и сиренью. Буквально. Вокруг мужчины вился полупрозрачный ореол дымки. Похожую, я видела в руках у Врага. Примерно так же визуализировалась магия в Центре. Этот тип напоминал подобие какого-то пассивного колдовства.

Чем ближе он подходил, и чем внимательнее я его разглядывала, тем отчетливей у меня складывалось понимание, что таких красивых мужчин не бывает. Они существуют на страницах дорогих журналов или в рекламе часов, которые я не смогла бы себе позволить, продай все свое барахло вместе с квартирой. И эта мысль была очень странной для меня, поскольку так откровенно я раньше чужой

красотой не восхищалась. Что-то в его внешности заставляло меня цепенеть, позволяя мужчине продолжать ко мне приближаться.

Мне нельзя заглядываться на других мужчин! Моя цель — Враг. Но отвести глаза от улыбчивого незнакомца было невозможно. Лёша тоже постоянно улыбался. Но он улыбался как-то по-свойски. Как мужчина, на которого ты сразу вешаешь ярлык «друг». Рубаха-парень, с которым приятно проводить время, дискутировать на разные темы, делить своим хобби, но которого никогда не представляешь рядом с собой в ЗАГСе или в постели. Мужчина же напротив, улыбался совсем не так. Не по-дружески. Пластика тела, мимика лица и глубокий проникающий взгляд, ясно давали понять, что то, что между вами и им может произойти, не имеет ничего общего с дружбой, но вам это понравится, и вы вернетесь за продолжением.

С немалым потрясением я разглядела в его руке мои туфли. Он небрежно нес их в левой руке, удерживая за ремешки безымянным пальцем, и покачивая ими в такт своей походке.

Черт!

Я сделала еще шаг назад, отступая дальше к двери.

Пожалуйста, откройся! Люди, кто-нибудь, выйдите подышать свежим воздухом!

Мужчина остановился за пару метров от меня. Я плотнее сжала губы, чтобы с дуру не ляпнуть глупость, рушащую все прикрытие.

Сердце заколотилось в груди. Не от страха. От трепета, что сейчас со мной заговорит самый красивый человек, что я видела в жизни. И при этом, в своих руках, он будет держать мои туфли. Никогда, никогда со мной не происходило ничего столь милого и романтичного.

Голос разума запротестовал:

«Не смотреть. Не смотреть! Храни верность Врагу. У тебя важный социологический эксперимент. Ты не сможешь убедить Врага, что он твоя судьба, если влюбишься в первого попавшегося красавчика».

Мужчина кашлянул, привлекая к себе внимание. Я дернула головой, поняв, что глупо стоять на месте и с упорством страуса разглядывать зеленую лужайку.

Тупой мир с его красивыми лордами!

Я неохотно посмотрела на навязчивого собеседника, непроизвольно дернувшись назад.

Мужчина открыл рот, собираясь сказать что-то, от чего у меня наверняка подкосились бы ноги и тут двери позади начала открываться. Я едва успела среагировать, чтобы не упасть в неизвестность и не сшибить выходящего. Человек в шляпе заинтересованно глянул мне за плечо. Я увидела, как в голубых глазах растет непонимание и недоверие. Потом он посмотрел себе под ноги, будто проверяя, где находится.

Любопытство одолело и меня. Кого такого интересного увидел мой преследователь? Я обернулась, одновременно отодвигаясь в сторону, чтобы пропустить долгожданного спасителя.

За дверью было пусто.

Никого.

Длинный коридор убегал в тишину безмолвных стен. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять — это мой шанс. Дверь где-то заклинилась или произошел сбой, или еще что угодно, но она открылась. Большего и не надо.

Я опрометью бросилась вперед.

Эхо моих шагов неслось впереди меня, пока вдруг не оказалось перекрыто недовольным голосом.

— Да стой же!

На этот раз мужчина не дал мне фору. В два счета пресек натренированный спринт профессиональной Избранной, вылавливая на ходу.

Вот я бегу. Вот меня перехватывают, поднимают в воздух, разворачивают и ставят на пол. Я почти раздавливаю бутерброд в кашицу, но не отпускаю.

— Попалась! — обрадовался незнакомец.

Я удивленно моргнула. Отвела выпавшую прядку за ухо и растерянно сказала.

— Ох, простите, я вас не заметила.

— Я выиграл, — светлые глаза отражали победу и ликование. Так близко ко мне, он больше не казался немного иным. Юнее, задорнее, ноткой очаровательного хвастовства. Официальный костюм добавлял ему солидности и возраста, но приглядевшись, я поняла, что Враг будет его постарше. Совершенно зря я именовала его мужчиной. Молодой парень лет двадцати пяти — вот его предел. — Я раскрыл твой маскарад.

Наверное, осознание, что я его старше, сделало меня смелее.

— О чем ты?

Ощущать на себе руки постороннего человека было непривычно, но отчего-то приятно. Вроде ничего особенного, но из-за одного незначительного жеста я почувствовала себя привлекательной. До сего момента, ни наряд, ни украшения, ни прическа не пробуждали во мне таких ощущений. Я не ассоциировала себя с отражением, что щеголяло в новом наряде с первоклассным макияжем. Мне было неуютно. Меня как будто не существовало. Душа, отделенная от тела. Вещь.

— Ты новенькая, я прав? Кому нашли замену?

Я помотала головой. Трудно было подобрать слова. Присутствие незнакомца сбивало с толку. Казалось, я заново переживала приступ возвращения воспоминаний. Только в этот раз вспоминать было нечего.

Что происходит?

Я попробовала отвести взгляд. С трудом оторвалась от притягательной улыбки, прошлась по шее, оценила мощную грудь и остановилась на бутерброде. Очень неловко, но своевременно мои руки нашли себе место на торсе мужчины.

«Давайте, физиологически потребности, работайте, — подбодрила я себя. — Концентрируйтесь на желании утоления голода. На еде».

— Ты должен меня отпустить, — с трудом ворочая языком, потребовала я.

— Сначала ты скажешь, как тебя зовут.

Я нахмурилась, сам-то парень не представился. Он склонил голову, будто собираясь пошептать мне что-то на ушко. Одновременно с этим из глубин коридора раздался знакомый, раздраженный голос.

— Аматри! Не лучшее место ты выбрал, чтобы развлекаться с лэй.

Парень резко от меня отстранился, но из рук не выпустил.

— Тинхе, — коротко поздоровался молодой лорд. — Это не то, что ты подумал. Она не лэй.

Тот пропустил приветствие мимо ушей, как и дальнейшие слова, да собственно и меня. Он не остановился, он шел дальше по своим делам не желая продолжать разговор. Названный Аматри демонстративно закатил глаза. Я же попыталась просигнализировать

Врагу, мол, меня все еще удерживают. Но мужчина потерял интерес к нашей паре. Видимо не привык обращать внимание на лэй, оттого и не потрудился узнать в ней меня.

— Тинхе! — плюнув на гордость, позвала я.

На этот раз Врага проняло. Он остановился. Покосился на меня. Я состроила рожицу. В темных глазах медленно, почти болезненно рождалось узнавание. Недоверие сменилось растерянностью. Он оглядел коридор, проверяя, находится ли он там, где предполагал.

— Аматри, — вздохнул Тинхе, возвращаясь к нам, — ты опять трогаешь чужие вещи?

— С чего ты взял? — ладони парня на моей талии напряглись. Я тем временем пыталась представить, куда деть собственные руки. Мы еще не прошли с Врагом все пункты стадий его влюбленности в меня, так что, для фаз «соперник из ниоткуда» и «ревность на пустом месте», время не пришло. В будущем я не собиралась заводить реального конкурента для Тинхе.

— Это моя камер-лэй, — Враг крутанул кистью, раскрывая ладонь и тем самым предлагая передать служанку своему хозяину.

— Не может этого быть, — усмехнулся преследователь. — Опыта у меня немного, но нашу коллегу я опознать могу. Скажи ему, кто ты, — обратился ко мне человек в белом, усмехаясь.

Я мотнула головой.

— Аматри, — спокойно попросил Враг, — отпусти камер-лэй. Ты ее пугаешь. Лучше объясни, отчего ты решил, будто она кто-то больше, чем часть развлекательного представления Солярис.

— Она прошла защиту, — человек в белом указал назад. — Защиту, что непроницаема для всех, кроме Незыблемых.

Враг покосился на меня. Я пожала плечами.

— Он преследовал меня. Я убегала, — внесла я свои пояснения. — У двери догнал.

Ответ Врага удовлетворил.

— Аматри, а ты уверен, что не сам открыл дверь?

На лице парня отразилось сомнение.

— Дай угадаю, — продолжил Враг. — Ты весь вечер маялся скукой. Дразнил леди, которые считают выше своего достоинства тебе отвечать. Когда это дело наскучило, принялся за лэй. Но те всегда следуют протоколу, и ты вновь впал в меланхолию. Покружил по

каменным дорожкам, и наткнулся на маленькую камер-лэй, что нарушала ерундовые правила Солярис. Неутомимая сущность не позволила оставить все как есть, и ты любезно обратил внимание девушки на себя. Она же, сделала то, что мечтает сделать каждый, кто общается с тобой дольше пяти секунд, рванула наутек. А дальше, у тебя случилось затмение. Ты поддался азарту. Спутал желаемое с действительным. Сделал неверные выводы в угоду своей прихоти.

— Все было не так! — начал заводиться парень. — Не совсем так. Дверь открыла она.

— Скажи мне, Аматри, когда ты загнал ее в угол, как близко ты подошел ко входу, чтобы ошибиться? Если бы могла она проходить сквозь защиту Незыблемых, неужели не сделала бы этого сразу, а ждала бы тебя?

— Она играла со мной, — неуверенно ответил он, теряя весь пыл. Аматри бросил взгляд на меня, отчаянно выискивая крупицы, что подтвердили бы его правоту. — На ней перчатки. Она скрывает свою принадлежность.

Враг многозначительно посмотрел на собственные руки. Аматри смутился.

— Тинхе, ты понял, что я имел в виду.

— Мне жаль, — он положил мне руку на плечо. — Ты ошибся.

— Погоди, если она твоя камер-лэй, почему выступает на празднике Солярис?

— Одолжил кузине, согласно внутреннему протоколу.

Парень в белом поджал губы. Он понимал, что его водят за нос, но не мог вычислить как. В силу юного возраста и статуса, гордость не давала легко смириться с проигрышем. Аматри привык, что его ни во что не ставят равные, и чертовски устал от этого.

— Тогда одолжи ее и мне тоже.

— 13 —

— Я так не думаю, — холодно ответил Враг. — У меня одна камер-лэй. Одолжил я ее Солярис на полторы минуты выступления на публике. На твоем месте, я не стал бы заявлять требования на обозначенные девяносто секунд. Люди могут неправильно о тебе подумать. Пойдут слухи о мужской несостоятельности, — Тинхе многозначительно вздернул брови.

— Кто бы говорил, — ни капли не смутился Аматри. — Сто лет тебя без этой черной дряни не видел. Все скрываешься. Прячешься. Неужто решил довериться камер-лэй. Или у тебя есть другие, более веские причины держать ее при себе?

— Какие еще нужны причины заводить камер-лэй? Она меня развлекает.

— Какими, позволь спросить, талантами?

Враг перевел взгляд на меня. На зажатый в руке бутерброд.

Заминку Тинхе я понимала. Угадать по моей внешности яркий творческий талант было сложно. Тем более тот, что мог бы прийтись по вкусу Страннику, видевшему чудеса сотен миров.

— Она прекрасно… декламирует стихи, — нашелся он с ответом.

Я вытаращила на него глаза. Какие «стихи»? Какой «прекрасно»?

— Стихи? — Аматри дернул меня за плечо, поворачивая к себе лицом. — По люззору говорилось о невероятной пластике и акробатических данных.

— Они были рождены поэзией моей души, — томно ответила, прижимая руки к сердцу. Дальше мне бы завести шарманку из пронзительного-романтичного стихотворения, но кроме рубленого слога Маяковского и его «Я достаю из широких штанин» в голову ничего не лезло.

— Бред. Вы оба водите меня за нос.

— Может и так, — согласился Враг. — Но это не повод меня допрашивать. У тебя на то ни прав ни полномочий, Аматри. Это я застал тебя со своей камер-лэй в месте, где ей быть недозволенно, а не наоборот. Поэтому, позволь-ка и мне провести небольшое расследование.

Враг перешел к решительным действиям. Он перехватил меня за талию, буквально вырывая из рук Аматри. Недобро глядя на собеседника, он щелкнул пальцами. В ладони сверкнул сиреневый огонек и сразу рассыпался пылью на черной перчатке.

— Зачем ты использовал на моей камер-лэй магию?

На красивом лице проступили красные пятна.

— Она… она убегала.

— Неудивительно, — резюмировал Враг. — А потом, когда ты решил, что она гм… леди, почему не отменил заклинание?

— Я забыл, что задействовал ось, — признался тот, и внезапно встрепенулся, вновь с вызовом глядя на Тинхе. — Забыл, потому что оно на нее не подействовало. Как будто она такая же, как…

— Хватит! — оборвал его Враг. От его голоса по коже побежали мурашки. Аматри дернулся отступить назад, но в последнюю секунду вспомнил о собственной гордости и лишь недовольно дернул губой. — Хватит молоть чушь. Ты ошибся. В очередной раз. Признайся себе в этом и проваливай.

Прозвучало грубо. Тинхе не стоило так сильно напирать на парня. Ему следовало дать тому пространство для маневра. Возможность уйти достойно.

Голубые глаза человека в белом застыли на моих перчатках. Если он стянет ее. Если оголит скрытый участок кожи…

Тинхе то ли не заметил вмиг изменившегося настроения товарища, то ли не имел возможность что-то предпринять.

— Мои босоножки! — воскликнула я, перепугав обоих жителей Лэйтарии.

Парень вздрогнул. Враг вышел чуть вперед, отодвигая меня себе за спину.

— Это твоя обувь? — Враг кивнул на золотистые орудия пыток.

— А это история про Золушку?

Тинхе не глядя нащупал мою руку. Поднял вверх ближе к лицу. Листик салата одиноко торчал между двумя кусочками хлеба. Остальные внутренности растерялись где-то на ходу.

— Ты была в гримерке, а он на праздничном фуршете. Почему у него твоя обувь, а у тебя еда?

— Это называется расстановка приоритетов.

— У меня из-за вас мигрень, — пожаловался Тинхе.

Сбитый с толку Аматри смотрел на мои туфли так, будто видел их в первый раз.

— Я собирался их вернуть, — с сомнением произнес он, отдавая Врагу.

Тот мотнул их на пальце. Каблучки стукнули друг о дружку, создав облачко знакомой мне золотистой пыли.

Я задумалась, каково рода отношения у этих двоих? Рабочие? Личные? Выглядело так, будто Аматри стоял ниже по положению Тинхе, но знал о последнем какую-то гадость, что тот предпочел бы

оставить в закромах. Если бы не эта маленькая болевая точка, человек в белом не посмел бы так себя вести со Странником.

— Солярис… — недовольно протянул Враг.

— Солярис, — спохватился Аматри. — Она ненавидит, когда пропускают ее выступления. Свободного вечера, кузен! Развлекайся, — бросил он воплощению тьмы и мрака, устремившись к выходу.

Я, обрадованная закончившейся семейной драме, двинулась вслед за ним. Враг перехватил меня в последний момент, заставляя остановиться.

— Мое выступление…

— Подождет.

— Но…

— Давай-ка отойдем в сторонку, пока не встретили еще кого-нибудь из моей семейки.

Он приложил ладонь к стене. Перчатку окутал мягкий сиреневый цвет. Панель поплыла заревом, щелкнула и отодвинулась в сторону. Новоявленная дверь открыла проход в небольшую комнатку устланную коврами и подушками. С потолка свисали прозрачные ткани. Мягкий свет ламп лился сквозь цветные стекла абажуров.

— Декорации с прошлого праздника, — как бы извиняясь, пояснил Враг. — Солярис не любит с ними расставаться и сбрасывает в дополнительные секции ложи. Кстати, — он вырвал у меня бутерброд, в одно мгновение дематериализуя его из пространства.

Был бутерброд — нет бутерброда.

Все старания, пройденные испытания, мучения — все полетело к чертям.

«Враг — это Враг», — мужественно напомнила я себе.

— Не ешь что попало, — продолжил Тинхе спокойно, будто только что не разрушил все мои надежды. — Неужели в твоем подсознании ничего не сохранилось? Нельзя пихать в рот иномирную пищу.

— Но я же ела у тебя дома, — возразила я, чуть-чуть приходя в реальность.

— Обед был подан в соответствии с меню, что пригодно для жителей твоего мира.

— Ты говорил, что я смогу поужинать на фуршете.

— После выступления, я бы отвел тебя к тем столам, на которых находились пригодные для тебя угощения. Блюда расставляются так, что в центре оказывается наиболее пригодные для большинства видов, а по краям самые экзотичные. Мою расу можно назвать всеядной. Наш мир настолько развит, что мы не испытываем затруднений ни в одной из областей. Но лэй… они уязвимы в таких мелочах как пища, воздух, магия. Такие сложности — наша забота о них.

— Не похищали бы их из дома, не пришлось бы идти на столь великие жертвы, — не удержалась я от иронии. Враг красочно вздернул бровь, мол, серьезно, чем ты недовольна? Я пересилила гордость и скупо улыбнулась. — То есть, я хотела сказать, спасибо за заботу.

Небольшой плюс в сложившейся ситуации был. Тинхе спас меня от гипотетического расстройства желудка. Это конечно не то же самое, что спасать мою жизнь от грозного дракона или ценой собственной души вытаскивать из лап некроманта-рецидивиста, но для начала сойдет. Все, с чего-то начинали.

— Неважно.

Он напряженно прошелся по комнате, безжалостно сминая сапогами мягкий ворс ковра.

— У тебя много братьев и сестер? — спросила я.

Я свою родню иногда годами не вижу, а тут за один день знакомлюсь с семьей Врага. Неспроста это.

— Аматри не мой кузен, а Солярис не моя кузина. Мы родственники не по крови, а по статусу.

— Они оба Странники?

Аматри, может быть, но Солярис никак не походила на любительницу путешествий без комфорта и личной свиты.

Мужчина мотнул головой. Означать это могло что угодно

— Не связывайся с ними. Они не умеют играть по правилам, и совершенно неуправляемы. Солярис вздорная, завистливая и мстительная. Без сожаления рвет глотки конкурентам. Аматри младший из нас, пороки все те же. Тебе повезло, что у него недостаточно опыта. Юн, горяч и скоропалителен в решениях. Поверни он ситуацию чуточку иначе, и ты стояла бы не здесь, а в очередь на расщепление. Все что ему нужно было сделать — стащить с тебя перчатку и увидеть отсутствие вейоса. К счастью, кузен

побоялся выставить себя дураком перед тобой, — неожиданно закончил Враг. Задумчиво хмыкнул и отвесил мне короткий комплимент: — Молодец.

— Правда? Почему?

— Ты смутила его. И не говори, что сделала это не специально. Позволь думать о тебе как об умном собеседнике.

Враг — мастер комплимента, блин.

— И не собиралась, — нахмурилась я. — Я напомнила о туфлях нарочно. Потому что это мои туфли. Они очевидно дорогие, а я в жизни не носила дорогих вещей. Так что если ты позволишь, — я протянула руку, поманив пальцем женский ад на золотых шпильках. — Тебе я тоже не доверяю. Их надо будет вернуть.

Враг закатил глаза. Реально закатил! И вернул туфли.

Чувство триумфа длилось недолго. Мужчина проверил, заперта ли дверь. И пока я выбирала, на какой бы мягкий изысканный пуфик примоститься, пошел в наступление.

— Объясняй, — потребовал он.

— Что?

— Что, во имя Незыблемого трона, это было?

— Еще раз. О чем ты?

— Почему ты ушла от своих коллег по цеху, зачем привлекла внимание Аматри и как проникла в эту часть здания? — перечислил он, загибая пальцы.

— Ты все сам объяснил минуту назад, — пожала я плечами, искренне недоумевая.

— Нет, я это выдумал на пустом месте. Теперь мне нужна правда.

Что говорили великие лжецы? Чем наглее и неправдоподобнее ложь, тем охотнее люди в нее верят?

— Ладно-ладно, успокойся, — я тяжело вздохнула, чтобы дать себе мгновение на перезагрузку эмоций и мыслей. Я должна была звучать убедительно. Я подняла глаза на мужчину и, совладав с голосом, проникновенно заговорила: — Правда в том, Тинхе, что я пыталась спасти тебя.

— От кого?

— От горькой и безответной влюбленности в меня.

К чести Врага, смеяться он не стал. Вслух, по крайней мере. Но темные антрацитовые глаза, с примесью напускного безразличия, заискрились золотом веселья.

— Не знаю, что в твоих словах более комично. То, что ты собираешься кого-то спасти или то, что этот кто-то — я.

— А то от чего я хочу тебя спасти, тебя не смешит?

Разговаривая с Врагом я почему-то ощущала себя ребенком, который съел банку варенья и теперь пытается убедить родителей, что это не он, хотя все руки перепачканы ягодной сладостью. Впрочем, невольный уход в ребячество, должен был снизить мою опасность в глазах Странника.

— Для меня это представляло бы угрозу, не будь я лэйтарцем, и находись мы в любом другом мире, что лежит за пределами Золотой оси. А так, да. Это была бы серьезная угроза, и я нуждался бы в спасении.

— Но я Избранная! — топнула я ногой. — Ты до сих пор не понял?

— О, еще как понял, — мелькнул сарказм в насмешливом тоне. — И, кажется, сам тебе об этом сказал.

— Я настоящая Избранная! Смотри, ты же не выяснил, как я прошла сквозь вашу мегазащищенную арку?

— Вообще-то, выяснил, — разом осадил меня Враг. — Сбой в работе.

Я удивленно открыла рот.

Когда успел-то?

— Пока ты совершала диверсию по срыву праздника кузины, делала набеги на ее фуршетный стол и давала поводы Аматри сомневаться в нашей легенде, я нанес визит своим коллегам. К счастью, Солярис достаточно умна, чтобы высылать приглашение всем потенциальным поставщикам развлекательных зверушек.

Я проглотила последнюю фразу. Это камень в мой огород, за то что решила представиться камер-лэй.

— И что ты выяснил? — мой голос задрожал.

Враг немного помучил меня молчанием, смакуя каждое мгновение трепетного страха и блаженного неведенья.

— Среди прослойки миров разыгралась буря. Одна из молний угодила к нам. Система посчитала выброс энергии за импульс,

содержащий код на случай экстренного перемещения. Таким образом, портал сработал. Тайна раскрыта. Твое появление в Лэйтарии — дело рук счастливой случайности.

— А может, это проведение судьбы? — предположила я.

Мужчина поморщился. Качнулся на подошве сапог. Рука потянулась к блестящей драпировке из бусинок.

— Проведение судьбы начинается после прихода Избранной в мир, а не до. Ты болталась между мирами бесконечно долгое время. Тебя могло выдернуть в любой момент и в любом месте.

На этих словах мне стало немного не по себе. Я помнила свой переход. Как болталась в нигде, миллиардами частичками энергии. Как мысль о безысходности определяло мое существование. Как что-то теплое жалось ко мне. Как кто-то просил о понимании и защите.

Я обняла себя руками.

Бесконечно долгое время — это эпитет для красного словца, или я несколько сотен лет пробыла в междумирье? Вот будет прикол, если во время моего блуждания натренировали еще с десяток поколений Избранных, а та самая Алиса, ради которой я бросилась в пучину зазеркалья, давно умерла от старости.

— Попади молния в сеть ближе к другому миру, и тебя бы выбросило туда, — тем временем продолжал Враг, изучая все хитрости свисающего палантина из розового бисера. — Тебя бы все равно рано или поздно куда-нибудь вытащило. Куда интересней, почему ты болталась между мирами?

Тут до меня дошло. Враг выяснил, как я попала в Лэйтарию. А ведь он обещал держать меня ровно до этого момента. Здравствуй, аукцион. Прощай пять этапов покорения Избранной сердца Врага.

— Атрос стареет? — задал вопрос себе Тинхе. — Теряет силы. Непросто так в этот раз, он вытащил не цельное количество оголтелых девиц.

Это имело смысл. Атрос был богом без мира и жил на своем собственном Олимпе в окружении еще двоих таких же безмирных богов. Без тех существ, что когда-то молились ему, строили храмы и приносили дары, его могущество таяло.

Вернулись прежние страхи. Что если, я действительно, ошибка? Первый признак угасания древнего божества.

— А если нет, — продолжал мужчина, почесывая подбородок. — В какой мир ты должна была попасть?

Минута смятения закончилась. Уж теперь я точно не должна отходить от своей легенды.

— В Лэйтарию, — вклинилась я в рассуждение Врага. — Почему до тебя все никак не дойдет? Я поняла это практически сразу, как ты рассказал мне об эффекте Избранной. Я пришла спасти вас. Тебя. Сам посуди. Во-первых, я здесь. Во-вторых, ты меня подобрал и привел к себе домой, тем самым, спасая от этих ваших Незыблемых. В-третьих, накормил, нарядил, в свет вывел и с псевдородственниками познакомил. В-четвертых, я как-то прошла сквозь двери, через которые пройти не должна была и… встретила тебя! Ты как герой, защитил меня от зла в лице Аматрии. Это ли не признаки моей избранности?

Настала очередь мужчины скрещивать руки.

Как же хорошо я его понимала. Фразу «разве ты не видишь, что мы созданы друг для друга», я опустила. Наглости не хватило. Но она повисла в воздухе и отразилась адом семейной жизни в глазах Тинхе.

Знаю, я торопила события. По-хорошему, ему стоило внушать это не меньше полугода, чтобы зародить сомнения, но такого времени я не имела. Слишком быстро Странник разобрался в тайне моего перемещения.

Тинхе молчал.

Я молчала.

Обдумывая мои слова, он, кажется, впервые посмотрел на меня нормально. Как человек смотрит на человека. Как мужчина на женщину. Оценивающе прошелся по фигуре. В новом облачении она выглядела достойно. Одобрительно отметил изменения в наряде. Все лучше, чем несуразное платье от лэй. Но когда мы встретились взглядами, легкая задумчивость пропала. Во взгляде что-то изменилось. Блеск сгладился и потускнел. Радужки вернулись к первоначальному нечитаемому цвету.

— Высокомерие у тебя достойно Избранной, этого не отнять, — в холодном голосе отразились все нотки металла. — Но ты не Избранная. И мы не в твоем мире для спасения.

— Я тоже сначала так подумала, но…

— Хватит! — перебил он меня. — Разговор окончен.

— Тинхе, — взмолилась я, чувствуя, что теряю тонкую ниточку понимания.

Он предупреждающе поднял руку, останавливая мою речь. Я послушно захлопнула рот.

— Твое выступление.

— Что? А, черт!

Я же на минутку выбегала.

— Пошли. Не хватало мне выслушивать еще одну безумную речь от другой взбалмошной бестии.

Тинхе схватил меня за руку и потащил за собой. Я не сопротивлялась. Доводов в свою пользу у меня не осталось. Оттягивать неизбежный позор на публике было бессмысленно.

Все.

Сначала меня высмеют зрители, потом Тинхе отправит на расщепление или развоплощение. Закончился твой великий день, Дробь. Ты продержалась в другом мире почти двенадцать часов. И это с полугодовой подготовкой и мастер-классом от трех настоящих богов.

Что же делать?

Враг вел меня вперед, не обращая внимания на мои возможности соответствовать широкому шагу раздраженного лэйтарца. Туфли бряцали в руках. Мы пронеслись через сад, словно за нами гналась стая гарпий. Или будто Тинхе больше не хотел оставаться рядом со мной ни на секунду.

Обидно, блин.

В дверь, что вела к кулисам, Враг меня почти зашвырнул. Я удивилась, что не вписалась в соседнюю стену, оставив на ней отпечаток из одной Избранной.

— Как мило, — фыркнула я, поправляя задравшееся до колен платье. Внутри горел огонь обиды и упущенных возможностей.

Не успела я прийти в себя и восстановить дыхание, на меня набросилась новая неприятность. Буквально.

— Где ты была? — воскликнула камер-лэй. Та самая, что наводила марафет мне на лице. Бледная как мел, она подбежала ко мне. Схватила за плечи, вертя во все стороны. — Слава Вечным, с тобой все в порядке. Я боялась, что тебя устранили еще до выхода.

— О чем ты? — ошалело уставилась я в ответ.

— Ну, знаешь… — махнула она рукой. — Не в прямом смысле. Девочки взбудоражены появлением новенькой, как и некоторые леди. А, забудь. Не важно. Главное, что скоро твой выход.

Атмосфера, что и так казалась не совсем дружелюбной, окрасилась зловещими тенями.

Вот спасибо за своевременное предостережение!

— Я выйду с тобой, как сопровождающий, поскольку концепция нового образа принадлежит мне. Обувайся.

Она потянулась к моей прическе, поправляя спавшие прядки и складки платья, что совсем не нуждались в улучшении.

Злясь, я швырнула туфли на пол. Дергая за ремешки и лямки, потянула их на ступню. Пальцы, как назло, в растопку врезались в золотистые переплетения. Я поздно придала этому значение. Не нащупав должной опоры, я пошатнулась. И начала заваливаться на бок. Нога поехала в сторону, почти выворачиваясь в лодыжке. Я крякнула, но удержалась от позорного падения.

Послышались злые смешки. Я вздернула голову, чтобы смерить взглядом хихикающих девиц.

Какого ляда, камрады, мы разве не на одной стороне?

— Говорю же, конкуренция, — хмыкнула темноволосая камер-лэй, помогая мне подняться. — Боятся, что тебя перекупят и сделают новой звездой коллекции.

— Идиотизм.

Держась за плечо девушки, я втиснула ногу в узкий разъем туфли. Каблук в одиннадцать сантиметров я носила трижды: на выпускной — о чем пожалела после первых десяти минут из двухчасовой поздравительной церемонии; на свадьбу к подруге, о чем пожалела сразу, как вышла из дома на лестничную площадку; и на уроках в Центре, где я жалела о выбранной программе каждое мгновение своего существования.

Я нахмурилась.

Публика ждала падения Олимпа. А вот фиг вам!

Под ухмылки камер-лэй, что шли следующим номером, я расправила метафорические крылья и восстала, аки Афродита из морской пены. Выпрямила спину, вздернула подбородок и сделала уверенный шаг к сцене. Позволила полюбоваться своим силуэтом и, как прожженная модель, прошедшая все ступени от «мисс Верхние

Осельки» до королевы красоты, грациозно продефилировала к подиуму. Совсем не в раскоряку и не пьяным кузнечиком, как могли ожидать от новенькой. Поправив локоны ладошкой, и кинув взгляд через плечо, как голливудские актрисы в лучших традициях черно-белого кино, подмигнула завистницам.

Выкусите! Не зря Клод гонял меня палкой (читай: мечом) от края поля до пещер, по холмам и по горам. Все ради маленького триумфа в две секунды.

Ошарашенная камер-лэй, возглавлявшая гримерку, последовала за мной. Ее лицо повторяло то выражение, что читалась у остальных невольных зрительниц-ехидн. Но едва нога девушки переступила черту, отделявшую видимую и скрытую часть сцены, как удивление сменила лучезарная улыбка, казавшаяся почти настоящей в свете разливающихся софитов. Моя уверенность пошатнулась. Словно рыба, выброшенная на лед, я уставилась в казавшуюся темноту паркового зала.

Звучный голос конферансье объявил нас. Слова медом заструились в уши, сливаясь с громогласной музыкой фанфар.

Я отстраненно подумала, что зря не посмотрела ни одного номера. Что не слышала этого голоса, пока охотилась на бутерброд. Что пол под ногами шатается. Что я все еще голодна. Что густой дым голубоватой пыльцы, растекающийся со всех сторон сцены, плохо оттенят цвет моей кожи и застилает весь обзор. Что глаза начинают слезиться, а мысли тают, как пломбир на раскаленной сковородке.

— Эй, — позвала меня камер-лэй. В клубах мельтешащих блесток я едва угадывала ее очертания. — Ты часом не оставляла свои вещи без присмотра? — прошептала она.

— Туфли, — с заминкой ответила я, не понимая, откуда на коже ледяное дыхание северного ветра. Почему дым прилипает к моему платью, пробегая изморозью по мягкой ткани. Почему губы больше не шевелятся, а ноги потеряли чувствительность.

— Проклятье!

— 15 —

В груди что-то ворочалось жалобно хныча. Жалось ко мне, обволакивая изнутри. Я тянулась в ответ. Нестерпимо не хватало тепла. Очаги чужого дыхания отзывались тлеющими костерками.

Я хотела позвать заполняющую меня неизвестность. Хотела обратиться к зверьку, что оберегал крохи тепла. У него не было имени, но оно имело нечто другое. Обозначение. Определение. Простое слово. Легкое для произношения. Обыденное.

«Малыш?» — всхлипнула я мысленно.

Голос отказывался прорываться сквозь плотину сковывающей магии. Я стояла ледяной статуей посреди огромного многоцветного шахматного поля. Снежная королева в заколдованных туфлях. Лицо онемело как во время процедуры озонотерапии. Кожу легонько покалывало, но боли не чувствовалось.

Мгновенная паника, вызванная застрявшими в памяти новостями, об обморожении заснувших на морозе людей и последующей ампутации конечностей, была безжалостно подавлена уроками Лёши. Магия не работает настолько прямолинейно. Это не настоящий лед. Это удобная форма визуализации заклинания. Мои глаза не замерзли. Я могу моргать. Мне только кажется, что я осколок айсберга.

— Как ты, малыш? — повторила я про себя, успокаивая дыхание.

Кокон магии пробрался сквозь арку миров вместе со мной. Внутри меня. Он-то и открыл мне проход, подав фальшивый сигнал, спасая себя. Спасая нас. Теоретически, это означало, что у меня есть магия. Автономная, обособленная, с собственным суверенитетом и другими признаками целостного государства, но все же, магия.

Кокон не ответил. Не ответил словами. В голове замелькали образы, робкие чувства, незнакомые эмоции. Он пытался общаться так, как мог. Я видела паутину заклинания, тянувшегося по моим ногам. Я понимала, что должна сопротивляться. Холод и скованность — всего лишь психологические последствия проклятья. Одна из ступенек, которую можно преодолеть с помощью силы воли.

Я представила, как сжимаю и разжимаю пальцы. На одной руке. На другой. Повторила все те же упражнения, что делала, когда у меня немели конечности. Когда просыпалась ночами от того, что отлежала руку. Как в полутьме разрабатывала ее, не чувствуя и почти не видя. Тело отзывалась неохотно. Будто находясь в сонном параличе. Я же заставляла себя извиваться, крутиться на месте, убеждая себя, что положительный результат неизбежен.

Верхний слой магии сломался так же внезапно, как и появился. Почувствовав слабину, я тут же усилила напор. Как только появилась

возможность шевелиться, я скинула ненавистные туфли.

— Камер-лэй! — закричала я, пытаясь разглядеть фигуру визажистки сквозь голубые кольца дыма. Девушка должна была быть рядом. — Если ты слышишь, борись. Это не настоящий холод. Из него можно выбраться.

Игровая площадка никуда не исчезла. Камер-лэй по мановению взмаха руки не явилась.

— Если кто-нибудь меня видит, сделайте что-нибудь! — безрезультатно проорала я в пустоту.

Я же сняла, чертовы черевички, почему сцена не вернулась? Где зрители? Я готова творить шоу. После такого теплого приема, отчего на потеху публики не поплясать на столах званого ужина, раскидывая драгоценные блюда и деликатесы со всех уголков мира.

Вместо внятного ответа — клеточное поле и туман вокруг. Голубое свечение ластилось к ногам и облизывалось на рюши вечернего платья. Так выглядел дурман магии Золотой оси. Проклятье высшей пробы.

— Малыш, мы можем как-то его снять? Мне тут не нравится.

В подтверждение сказанных слов, пол отозвался угрожающей дрожью.

Кокон заворочался, боязливо ежась в комочек. Он слишком маленький. Совсем юный. Ему не совладать с полноценной магией, набирающей сил столетиями.

Обняв себя руками, я ласково спросила:

— Могу я чем-то помочь?

Образы замелькали вновь. Картинки неслись в сумасшедшей перемотке. Они несли в себе огромный поток информации, смешанной в дикий коктейль из звуков, запахов, времени и чувств. Мой мозг был не в силах расшифровать послание целиком. Кое-как из всего вихря, выбралась короткая фраза:

«Победить Золотую магию можно зная ее создателя».

Я пришла в замешательство. Откуда мне знать, кто заточил зуб на мою скромную персону? За вечер перед глазами промелькнуло столько людей, что я едва ли могла воссоздать образ лэй, что жила в доме Врага. Она, кстати, легко использовала магию, что означало — любая могла насылать проклятье. Любая из двух сотен камер-лэй могла излить гнев на обувь новенькой. Как выбрать?

Нет. Такие задачки не по мне. Может, есть варианты проще?

Туман скрывал границы шахматного поля. За плотной стеной дыма лежала неизведанная бесконечность. Или же выход на свободу.

Квадраты источали неестественное сияние. Они выглядели неустойчиво, обещая в любой момент разойтись по швам. Оценив размеры цветных плит и расстояние до ближайшего кольца голубой пыльцы, кончиком пальца ноги я дотянулась до соседней клетки. Невесомо, почти не дотрагиваясь, прикоснулась к шершавому полю.

Жуткий грохот пронесся по неоновому полю.

Зеленая плита затрещала в жалобном стенании и рухнула вниз. Несколько десятков клеток последовали ее примеру. Бездна разверзлась, поглощая каменные плиты. Земля под ногами начала трещать. Обуреваема первобытным ужасом, я ничком припала к лиловой тверди. Пальцы вдавились в спасительную поверхность.

Когда поле перестало изображать канатный мост над пропастью, я забыла как дышать. Я потеряла возможность шевелиться. Тело свело судорогой. Ритм дыхания снизился до состояния человека в коме.

Клетки не перестали трещать. Одна за другой они продолжали осыпаться в черную бездну, но скорость разрушения снизилась. Обратный отсчет был запущен. Совсем скоро, мой спасательный островок точно так же закончит свое существование.

«Что ж, — сделала я неутешительный вывод, — нахрапом магию не возьмешь».

Я закрыла глаза, чтобы не видеть ускользающее время и исчезающую поверхность.

Итак, туфли я получила в гримерке. Три камер-лэй облепили меня со всех сторон. Одна из них могла воспользоваться проклятьем. Мотив и возможность есть у каждой. Кроме той несчастной, что пошла меня представлять залу. Но она ушами хлопать не стала бы. Она бы заметила, реши ее кумушки подшутить над новой звездой цирка уродов Солярис.

Плита подо мной зашаталась. Скрежещущий звук рядом поведал об обвале еще одной плиты.

Мозги заработали усердней.

Распорядительница, отведшая меня в зал, теплых чувств к нарушительницам спокойствия не питала. Она вполне могла организовать подставу так, чтобы никто этого не заметил. Но разве она

не рдела душой и сердцем за спокойствие Солярис? Или один раз выставить конкурентку на потеху — лучший способ избавить свою леди от проблем навсегда?

Есть что добавить, внутренний комиссар Коломбо, не стесняйтесь, подключайтесь к расследованию.

Конечно, есть. Один маленький вопросик. Почему я исключила Врага? Что если он решил подстраховаться? Мол, а вдруг я любовь всей его жизни? Не лучше ли побыстрее избавиться от незавидной пары, пока не нахлынули чувства? Меткое проклятье и Избранная гибнет ярко и красиво, в лучах славы.

Но почему не сделать этого дома? Почему не сбросить меня с пегаса. Зачем усложнять? Боялся, что в короткие двадцать минут в карете на него нахлынет непреодолимая страсть? Вот уж вряд ли. Кто-кто, а Тинхе мало походил на обуреваемого гормонами подростка.

И раз уж зашла речь о лордах и Странниках. Добавим-ка в список Аматри. Завидовать ему мне нет смысла, но с каких пор зависть единственный мотив? Он первый проявил внимание к туфлям. Он держал их все это время, не желая возвращать. Вполне мог наложить что-то эдакое, пока преследовал. Враг сразу указал на магическое влияние с его стороны. Только сканировал Тинхе на заклинания меня, никак не мои туфли.

Аматри злопамятен и коварен. Увидел заблудившуюся камер-лэй и сразу решил сыграть с ней злу шутку. Конечно, знакомство с еще одним родственником Врага не было длинным, но почему-то казалось, что это в стиле человека в белом.

Плита подо мной качнулась на пробу.

Я сжала зубы.

Распорядительница. Враг. Аматри. Треугольник недоброжелателей.

Словно маятник, пол подо мной двинулся в сторону и вернулся обратно. Суставы заныли от напряжения. Коленки вросли в лиловую твердь.

Быстрее!

Распорядительница, как ответственный работник, вызывала у меня симпатию и сострадание одновременно. Врагу я отчаянно хотела нравиться. Все-таки мне с ним любовь строить. А если недоверие начинается на первых шагах, то пара обречена на провал. Даже если

она вымышленная и существует лишь во вселенной идеальной Избранной.

Под растопыренными ладонями поползли трещины.

— Не силой логики, но отчаянным желанием, нарекаю тебя, Аматри, виновным в проклятье! — выкрикнула.

Тряска пропала.

Плита перестала раскачиваться.

Сквозь стиснутые зубы, я медленно, порциями, вдохнула воздух. Смахнула прилипшую ко лбу прядь. Пот градом катил по лицу.

— Я права? — спросила я в пустоту густого тумана.

Голос оборвался на последнем звуке.

Плита понеслась вниз и я вместе с ней.

— 16 —

Падение прекратилось резко, но мягко. Я успела ойкнуть и перепугаться до смерти.

— Поймал! — предупредил звучный голос.

Меня обхватили крепкие руки. Я повисла в невесомости. В остаточном движении панических рефлексов, я замолотила руками и ногами. В процессе боя с воздухом, я застряла в еще более неловкой ситуации.

К дикому смущению моя ладонь, любимая конечность, что была со мной всю жизнь и поддерживала во всех критических ситуациях, предательски застыла на щеке Врага. Я залилась краской смущения. Поскольку терять было нечего, а на неадекватность можно списать все что угодно, я как бы случайно шевельнула рукой, поглаживая кожу. Легкая щетина кольнула подушечки пальцев.

Почему Враг скрывается под плотными тканями темных одежд? Остальные лорды не столь щепетильны в выборе. Большинство щеголяло в таких нарядах, что казалось, любой лоскут ткани воспринимался ими как личное оскорбление. Что же такого Тинхе скрывал под черным костюмом?

Я чувствовала силу его хватки, мощь стальных мышц. Ни как у перекачанного качка, а как у какого-нибудь пожарного или военного.

Продолжая исследование, я прошлась пальцами по скуле, и было сместилась на подбородок, как неожиданно вспомнила, кто я и где я. Мысль поймалась в тот момент, когда я взглядом остановилась на

плотно сжатой линии бледных губ Врага. Его взгляд буравил мне душу.

Черт.

Отдернула я руку с возмущенным шипением ужа, попавшего на раскаленную сковородку. Извернувшись, я мигом выпуталась из уверенных объятий. У мужчины был выбор: отпустить меня добровольно, или не удержать и сбросить на пол. К счастью, Тинхе пошел мирным путем.

Вскочила я на ноги с видом оскорбленной невинности. Моя поза источала праведное возмущение, а губы дрожали от сдерживаемого гнева. Или смеха. Но, тсс… об альтернативном варианте Врагу знать не обязательно.

— Что произошло? — спросила я гневно, улавливая звуки аплодирующей толпы.

Дурман тумана рассеялся. Вернулись сад и люди. С другой стороны сцены творилась какая-то суматоха. Несколько мужчин-лэй что-то спускали по лестнице.

Враг разгладил мнимые складки на костюме.

— На туфлях лежало проклятье. Оно сработало в тот момент, когда тебя объявила распорядительница. Но ты это сама уже поняла.

— Ммм… — я прикусила губу, поумерив пыл. Как спросить, что произошло и при этом не спалиться? — Как я выбралась?

Звук аплодисментов стих. Момент триумфа прошел. Лорды и леди забыли обо мне, переключившись на новое развлекательное мясо.

Враг легонько подтолкнул меня в сторону.

— Мне пришлось вмешаться.

Я завертела головой.

— Но где я была? Куда делось поле?

Мужчина склонил голову.

— Какое поле?

— Ну… — замялась я. А действительно, какое поле? Где я была и почему смогла поговорить с Малышом? — Я была скульптурой на шахматном поле из цветных квадратов. Было холодно, и я пыталась расколоть ледяную скорлупу изнутри.

— Хм…

— Что это значит?

— Хороший вопрос. Ты понимала, что находишься под проклятьем и начала сбрасывать ментальный контроль. Все, что происходило, было в твоей голове. Хотя нет, не совсем так. Твой разум был на территории визуализации проклятья. Если ты не знала, то поясняю. Магия Золотой оси действует на двух уровнях: физическом и ментальном. Проклятый может справиться со вторым уровнем, где все зависит от его мироощущения и крепости психики. Это удел чувств — переживать действие магии. От влияния на физическую часть, может спасти только носитель Золотой магии.

Я удивленно вдернула брови.

Он пришел мне на помощь? Сломал физическую составляющую? Уф, неужели мы к чему-то движемся? Таки проняли его слова о неотвратимости нашего союза!

Мужчина продолжал:

— Оно проявляется на видимом плане. Как было у тебя. Проклятье превратило тебя в лед. На ментальном уровне ты чувствовала себя им. Ты переживала этот момент бытия снова и снова. Сломав оковы разума, ты перестала ощущать дискомфорт проклятья, хотя физически оставалась ледышкой. Суть в том, что победив на втором уровне, ты перестала испытывать страдания, хотя сама магия никуда не делась. Опять же, если бы ты не разбила ментальные оковы, помочь я бы не смог.

С этим все ясно. Но к чему был совет Малыша? Зачем искать проклявшего, если жертва все равно ничего не может сделать. Лишь избавится от эмоциональных страданий.

— Я думала, магия Золотой оси отменяет предназначение. Коверкает правильное течение жизни. Пробуждает в человеке и мире все плохое.

— Вроде того. Но делает она это на двух плоскостях.

Спросить подробности о шахматном поле, я не решилась. Очень пикантная ситуация с Малышом и поиском наславшего проклятье. Оставлю этот вопрос на потом.

— Но я слышала голос камер-лэй, — неуверенно сказала я, нервно поглядывая в сторону сцены. — Как это возможно?

— Ментальный уровень — особая плоскость. В ней ты сталкиваешься с заклинанием напрямую. Вы были под одним проклятьем. Так что в этом как раз нет ничего странного.

— А в чем есть? — ежась под пристальными взглядами, спросила я. Ох, не так я хотела перед ним выделиться.

— В том, что ты понимала происходящее, — хмыкнул мужчина. — Будет интересно посмотреть, зародыш какой необычной магии в тебя посадили.

Кажется, он впервые говорил не для проформы, а потому что действительно хотел.

— Что-то я не понимаю…

— Мы, я имею виду зрителей, тоже могли наблюдать «шахматное поле», как ты выразилась. Всегда интересно посмотреть на борьбу чужого ума. Столько будоражащих подробностей. Обнаженные грани человеческой натуры всегда имеет успех у публики.

— Все видели? — повторила я, запоздало беспокоясь об инкогнито Малыша.

— Не так как ты. Мы воспринимаем эту часть мироздания немного иначе. Я видел, как ты паниковала, и в то же самое время искала лазейки для спасения. А вот твоя коллега этого делать не стала. Она была настолько запугана действием проклятья, что воля к борьбе пропала раньше, чем ее коснулось проклятье. Честно говоря, ты меня удивила.

— Чем же?

— Ты не похожа на того, кто умеет чего-то добиваться. Ты из тех, кто плывет по течению. В тебе нет… — он щелкнул пальцами, стараясь подобрать слово, — изюминки что ли. Какого-то травмирующего события из прошлого, что мотивировало бы на победу.

— Да я прямо сейчас в травмирующем событии! — фыркнула я. — Изюминки во мне нет, видите ли.

— Что? О, нет. Не пойми неправильно, но это хорошо. Это лучший для тебя вариант. Легче будет в дальнейшем приспособиться.

Я опять себя почувствовала униженной и оскорбленной. Мое настроение вновь склонилось в поклоне и полезло обниматься с плинтусом.

— И что, в отношении Аматри не будут предприняты санкции? Все-таки он наслал на чужую лэй проклятье. Это как-то должно караться?

— Аматри? — удивился Враг. — С чего ты взяла, что это он? Это было бы слишком глупо с его стороны. Мелкие пакости на потеху

публике — не его стиль. Он слишком эгоистичен, чтобы веселить кого-то помимо себя. Ты попалась в ловушку Солярис.

— Солярис? — открыла я в изумлении рот. Высокая леди не стояла в списках моих потенциальных недоброжелателей. — Ей это к чему? Зачем портить собственное шоу?

— Портить? Ты не слушала? Гости были в восторге. Лучше первоклассно отрепетированного номера может быть только интрига импровизации. Мелкие ссоры прислуги очень веселят лэйтарцев. А по задумке именно кто-то из них на тебя напал.

Во дела! Никто не пытался втихаря проклясть туфли. Солярис передала их через распорядительницу сразу с расчетом на веселье.

— Вот почему она взяла меня без какой-то подготовки или просмотра репертуара. Она не рассчитывала на мой талант. Ей нужно было шоу, и она его получила.

— Верно, — подтвердил Враг, уводя меня вглубь толпы. — Это был единственный способ выжать из тебя все возможное в короткие сроки.

— Единственный? — во мне всколыхнулось подозрение. — То есть ты заранее знал, что все получится так?

— Умничка, — неожиданно подмигнул мне мужчина, чем вогнал в ступор. — Хорошо справилась. Как только додумалась?

Я вздернула брови. Мол, догадайся сам. Профессиональная Избранная перед тобой стоит или кто?

Мужчина весьма по-человечески закатил глаза. Я хмыкнула и вдруг спохватилась.

— Где камер-лэй?

— Которая? — не понял Тинхе.

— Та, что провожал меня на сцену.

— Несет заслуженное наказание за несообразительность.

— Что? Каким образом?

Враг кивнул в сторону.

Среди столов двое камер-лэй устанавливали ледяную статую девушки, застывшей в паническом ужасе.

— Почему она такая? Она мертва?

— Конечно, нет! Солярис не из расточительных леди. Если она выбрала зверушку, будь уверена, та долго прослужит в ее бестиарии.

Камер-лэй под заклятьем, которое было на тебе. Когда оно спадет, с девушкой все будет в порядке.

— А пока оно не спало, что с ней?

— Как я объяснял, она застряла на обоих планах. Ее сознание в маленьком персональном аду, где камер-лэй является ледяной скульптурой, которая постепенно тает.

Я представила себя на ее месте. Какая я хрупкая и беззащитная. Вокруг снуют гости в разнузданном веселье, а официанты едва успевают лавировать между столами. Любое неаккуратное движение может разбить меня на тысячи частичек. От меня ничего не зависит. Капельки воды соскальзывают с моих рук. Кожа медленно тает, обращаясь в жидкость. Разъедается верхний слой эпидермиса, оголяются мышцы, кровеносная система, суставы. Я истончаюсь до скелета. Пшик и меня нет.

— Но она не виновата!

— Да. Поэтому к концу вечера Солярии ее разморозит. Она, как творец проклятья, полностью распоряжается этим ресурсом.

— Но ты мог бы попросить расколдовать ее?

— Мог бы.

— Но не сделаешь этого?

— Любое действие, что хоть как-то подпортит веселье Солярис и поможет камер-лэй, обернется против последней еще более жестким контрударом. Не стоит превращать развлекательное наказание во что-то личное. Камер-лэй этого не переживет.

— Я поняла тебя, — кивнула я, но не смирилась. — Погоди минутку.

Не дожидаясь ответа Врага (а то я не знаю, что сказал бы), я подбежала к установленному шедевру магии Солярис. Несколько леди окинули меня заинтересованным взглядом, но почти сразу вернулись к просмотру очередного номера. Они не ждали многого от отработанного материала. По их мнению, лучшее, что я могла показать — произошло на сцене.

— Ты не обязана страдать, — обратилась я к скульптуре. За кромкой льда в глазах девушки сиял стылый ужас. Я ненадолго замешкалась. Скажем так, это не обычная ситуация, которую разбирают на уроках ОБЖ. Документалок о таких вещах тоже не снимали. Поэтому я произнесла все то, что сама бы хотела услышать,

находясь на месте камер-лэй. — Это не настоящий лед. С тобой все будет хорошо. Просто потерпи. Ты сильнее этого. Ты не растаешь — я приложила руку к тому месту, где у камер-лэй находилось сердце. Немного замешкавшись, я добавила: — Верь мне.

Все.

Может, я должна была сделать для нее больше. Может, как первоклассная Избранная, я должна была на удивление всей публике разрушить чары. Или заставить Солярис их снять. Придумать лучший вариант. Но я не имела достаточной храбрости, глупости и подстраховки высшего предназначения. Я была собой. И все что я могла сделать, это поделиться маленькой надеждой. Не на спасение, а на облегчение участи.

Я вернулась обратно к Тинхе под тень белого тента.

— Это ее не расколдует, — поделился мнением Враг, со скепсисом следивший за мной. — Это не будет иметь эффекта. Это должно идти изнутри, а не снаружи.

— Может ты прав, — бросила я взгляд назад. Возможно, я себя обманывала, но мне показалось, будто статуя стала источать чуточку меньше отчаяния. — А может права я.

Мужчина качнул головой, приглашая следовать за собой. Бессмысленные дебаты с бестолковой Избранной его мало интересовали. Все-таки он варился в этой каше всю жизнь, а тут ворвалась я со своим пятиминутным опытом и ничем неподтвержденной теорией.

— Что ж, — хлопнула я в ладоши, отгоняя невеселые мысли. — Я достаточно выстрадала, чтобы получить ужин? Я дико голодна, если ты вдруг теряешься в сомнениях, чем меня порадовать.

Враг помедлил. Пустота вновь оплела его ауру, отстраняя от себя. По степени холодности и эмоциональной недоступности, сейчас камер-лэй под заклятьем ему проигрывала.

Ну-ну, играй в недотрогу.

— Лучшее, что можно получить на бескрайних просторах вселенной, — указал он на один из столов. И что-то в его голосе мне не понравилось. Потому что голос вернулся на отметку ноль. — Деликатесы из одного очень закрытого и неподконтрольного мира. Попасть в него почти невозможно. Только опытные Странники имеют возможность ненадолго туда заглянуть.

Я мысленно облизнулась. Сегодня я победитель. Моя музыка и мои танцы. Что бы там ни скрывалось за серебряной крышкой подноса, носа воротить не буду. Я бы сейчас впилась зубами и в корочку хлеба, и в заплесневелый лимон.

Взмахом фокусника Тинхе снял, а точнее приподнял завесу тайны.

С предвкушением я глянула на предложенные угощения. В то же мгновение мне стало дурно. Живот скрутило в спазме, а к горлу подступила тошнота.

Мир маяка.

Проклятая рыба с приторно-сладким гарниром. Я, давясь, ее ела все дни в Центре. Еда, что горше редьки. Что стояла поперек горла и рвотными позывами рвалась обратно.

На языке появился медный вкус крови. Рука вновь почувствовала сжатый осколок. В глазах замельтешили пятна.

— Нет, — хорошее настроение спало в один миг. — Нет, — повторила я. — Это же маяк. Только не маяк, — попросила я, пытаясь выбраться из забытья.

Я с мольбой посмотрела в равнодушные глаза Врага и поняла, что именно сейчас сказала. Я выдала себя. Я провалила прикрытие межпространственной амнезии.

Все сразу полетело к чертям.

ЧАСТЬ III
СПАСЕНИЕ СЦЕНАРИЕМ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО

— 1 —

Проколоться на еде…

Разного от себя ожидала.

Можно сказать, надеялась, что Враг, рано или поздно, устроит моральную проверку. Засомневается в моей правдивости. Он — разрушитель миров. Ему недостаточно слов. Такие не обращают внимания на слезы, мольбы и клятвы. Только поступки. Только факты. За его плечами десятки, а то и сотни побед. Верил бы он каждому встречному — сам был бы наивной Избранной из далекого мира.

Откуда я решила, что смогу тягаться силами с тем, кто щелчком пальцев обрекает миллиарды жизней на вечное рабство? Гордыня Избранной, не иначе. Смертельный грех ста сорока семи. Самоуверенность.

Я рассчитывала на долгую, затяжную игру в кошки-мышки. Во Врага-Избранную. Злодеи в мирах подруг выглядели полными идиотами. Месяцами плели интриги вокруг надоедливых попаданок, а после просчитывались на дурацких мелочах. Я продержалась сутки, прежде чем легенда беспамятства разрушилась.

Клод, Атрос, Лёша… Я действительно считала себя достойным противником!

Прокололась на еде. Сдулась как воздушный шарик. Лопнула как мыльный пузырь. Разбилась как межпространственное зеркало судьбы. Вот так. Самостоятельно. Не ожидала. Вот правда, не ожидала.

Враг — тоже молодец. Чего сразу подозревать меня в худшем? Подумаешь, ляпнула про какой-то маяк? Зачем сразу за шкирку и на выход? Никаких манер у человека! У Солярис вечеринка, между прочим. А я — такая классная, умная и находчивая, — так здорово справилась с заклятьем. Вот зачем он слушал, что я говорю? С каких пор мужчины перестали пропускать слова женщин мимо ушей? Уму не постижимо, выставил диагноз — Избранная при памяти. А может у

меня посттравматические глюки или мозги выдали из заблокированной памяти дурацкие ассоциации. Прыгаю же я как кролик через огненные обручи и ничего — нормально. Никого не беспокоит. Пальцем не тычут, на костер не ведут. А сорвалась пара слов с языка — и все, враг народа.

Выдать Врагу объяснительную тираду не вышло. Как отстаивать свою версию, если главный аргумент — образ обескураженной невинности?

Устав разглядывать стылый мрак камеры и не желая любоваться пустотой коридора, я зажмурилась. Обхватила себя руками, обозвала дурой и соскользнула вниз на каменные плиты.

Реальность давила гирей весом в тонну.

Искалеченные тьмой стены нависали горой уныния. Решетки извивались ядовитыми змеями, вгрызаясь в бетонные основания. Одинокие лучи света протискивались сквозь прутья, и, чувствуя себя нежеланными гостями, спешили поскорее покинуть неприветливые застенки.

Было сыро и холодно.

Мерцающие огоньки, кучкующиеся в уголках безликого коридора, искрили хуже замкнувшейся проводке. Заклинания метались из стороны в сторону, готовые в любой момент поймать нарушителя. Скупые переливы зелени на потолке наводили на мысли, что угнетающая атмосфера создавалась искусственно.

Тюрем в Лэйтарии нет, — сказала лэй. Общественных тюрем нет, — забыла уточнить она.

В доме каждого Лорда и Леди отводилось особое место казематам. Очередная подробность о мире Золотой Оси. Вряд ли о ней пишут в рекламных брошюрках.

Я поджимала босые ступни под себя. Слезы и крики согревали лишь первые полчаса. После, отчаянье и сбитая нервная система, привели к тому, что я постоянно вздрагивала и вскидывала голову. Казалось, в темной камере, где не видно конца и края, есть кто-то еще. Кто-то злой и опасный. С кем не стоило бы находиться в замкнутом пространстве без возможности сбежать.

— Эй, — позвала я, — хватит прожигать меня взглядом. Взрослые же люди. Хочешь что-то спросить, выходи — поговорим.

Начать диалог с иррациональным страхом — лучший способ наладить отношение с пугающей неизвестностью. Вымышленные монстры никогда не отзываются, не заваривают нам чай и не пересекают границу нашей фантазии.

Несколько минут я сверлила темноту взглядом. Вдруг невидимый монстр обретет плоть. Может, он только и ждал того, что кто-то живой позовет его покинуть темные пределы камеры.

Но, нет. Не в этом мире. В Лейтарии монстрам не нужно прятаться по подвалам и закоулкам. Они ходят по поверхности, живут в дорогих особняках и летаю на светские приемы.

Я опустила голову обратно на колени.

Что со мной дальше будет? Неужели погибну вот так, в безвестности. Обо мне-то Клод беспокоится не будет. Другие Избранные меня не помнят. А в новом мире я еще не успела встретить верных и надежных друзей, что будут тосковать. Не успела я и покорить сердце какого-нибудь красавчика, что возжелает отомстить Врагу.

Я стукнулась несколько раз затылком о стенку. Боль чуть-чуть прогнала тоскливое оцепенение, но более ничего не изменила. Вокруг была все та же непонятная камера, которую у меня не было ни малейшего желания осматривать. Из глубины мрака ко мне подкрадывается тягучая усталость, мягко укутывая чернильными крыльями. Глаза слипались. Голода я больше не чувствовала.

— Привет, — сказала она.

Я резко распахнула глаза.

Показалось?

Дурманящая дремота слезла подобно шкурке помидора, обданного кипятком. Да… Возможно, я все еще голодна.

— Кто здесь? — спросила я, вглядываясь в затрепетавшие тени. — Лучше выходи! Иначе… Вставать и идти к тебе мне лень, так что если не подойдешь добровольно, мы так и останемся, каждый на своих местах… Вот.

Надо было брать дополнительные уроки по изощренным угрозам у Клавдии, а не заниматься самообразованием.

— Здесь я, — отозвался женский голос, не на шутку перепугав меня. Впрочем, недостаточно, чтобы подняться на ноги и заставить

принять боевую стойку. Дралась я в лучшем случае посредственно. Это вело меня к одному единственному варианту поведения.

— Давай дружить? — предложила я.

Темнота зашевелилась, выплевывая худенькую фигурку. В мерцающем свете блеснули белки глаз.

— Привет.

Она была немного ниже меня ростом. Плечи опущены. Угольно-черные волосы спускались почти до пояса. Тоненькое треугольное личико осунулось. Скулы выделялись слишком заметно. Добавить ко всему белое льняное платье, достающее до самых пят, и вот перед вами классический пациент психиатрической больницы.

Я пыталась представить, как долго она здесь находится. Неделю? Месяц? Год? Сколько времени требуется, чтобы с кожи полностью сошел загар, а глаза потеряли блики света от постоянного нахождения во тьме. Как долго нужно привыкать к одиночеству, чтобы ждать всю ночь, прежде чем решиться подойти к незнакомке, запертой вместе с тобой? И как давно Враг не спускался на нижние этажи дома, если перестал воспринимать черноволосую узницу как живую личность?

Все говорили о том, что Тинхе не держит лэй женского пола, но в таком случае, кто она?

— Привет, — эхом отозвалась я, мигом подскакивая на ноги. — Ты кто?

— Я… — девушка переступила с ноги на ногу. Из сухих потрескавшихся губ, вырвался хриплый смешок. — Я давно перестала понимать, кто я. Но зовут меня Алиса.

Так не бывает.

Не в моей истории.

Во все глаза я уставилась на узницу.

— Алиса? — переспросила я. Магия, лежащая на именах нарицательных, снова резанула слух. Девушка схватилась за уши. Я поморщилась. — Избранная?

Пленница прошла мимо меня, намеренно избегая случайного касания. Обняв прутья, она прижалась лбом к решетке. Бледная рука потянулась к просвету. Сквозь тонкую кожу я могла разглядеть ее тонкие вены. Алиса поймала ладонью свет, следя за тем, как полосы стекают по линиям ее жизни.

— Избранная? Да, они меня так называли. А кто ты?

— Дробь, — представилась я. — Просто Дробь. По имени называться не буду. Трезвон в ушах достал.

Большего говорить не стала. Было глупо предполагать, что Враг не оставил в камере подслушивающие устройства или заклинания.

— Почему ты так на меня смотришь?

Наверное, мои глаза засияли азартом. Неудивительно. Держать лицо постным не получалось. Каждая частичка тела излучала восторг.

Я нашла ее! Я нашла Алису Орлову. Номер семьдесят четыре. Девушку, за которой нырнула в зазеркалье. Мое задание, моя надежда, моя миссия! Передо мной стояла самая умная, сильная и способная Избранная!

— Я так рада… что не одна.

В порыве эмоций я обняла Алису. И только теперь поняла, насколько же она худая. Кожа до кости. Почти дистрофик. Казалось, если я чуть-чуть сдавлю руки, то переломаю узнице Врага все кости. Передо мной стояла совсем не та пышущая здоровьем девушка, которую показывал Клод.

Сначала во мне заговорила жалость, потом пробудилась злость, а следом пришло понимание. Алису не морили голодом. Над ней не учиняли физического насилия. Она сама довела себя до изнеможения.

— Дробь, — произнесла она белыми, потрескавшимся губами. — Это прозвище, да? Ты не лэй?

Я всплеснула руками. Эмоции били как из фонтана, но позволить себе бурный поток слов было бы опрометчиво. И черт с ним с Врагом. По всем правилам Алиса не должна была помнить о Центре и кружке ста сорока семи. Тинхе вытащил ее из зараженного мира назло Клоду. Он много чего мог наговорить испуганной девушке, у которой мир пошел наперекосяк.

— Нет, я такая же землянка, как и ты. Ты ведь с Земли, да?

Кто их знает… Может, Земля не единственный закрытый мир, откуда Атрос похищал адепток. Мы паспорта друг другу не предъявляли, прописку не смотрели. А компашка забытых богов — плуты похлеще греческого пантеона.

— Да, — подтвердила она, опускаясь на пол. — За что тебя сюда?

Я села рядом.

— По подозрению в избранности.

На миг на исхудавшем лице прорезалась горькая усмешка.

— Знакомая статья, — хмыкнула великая любовь Клода.

— Если говорить совсем откровенно, Тинхе знал, что я Избранная. А зашвырнул сюда, после того, как решил, что я помню больше, чем говорю.

— Это так?

— Мне кажется, будто что-то помню, — уклончиво ответила я. — Какие-то урывки, слова, запахи.

— Это безумие, — вздохнула она. Темно-карие глаза заволокло пеленой. Голос перешел на шепот. — Я в каком-то непрекращающемся кошмаре.

Алиса поджала под себя ноги и оперлась подбородком о кулачок. В свете настенных ламп ее образ обрел недостающие краски обреченной красоты. Трогательный до слез профиль чего-то прекрасного, попавшего в беспрерывный цикл саморазрушения. Мне очень хотелось верить, что она только выглядела сломленным ангелом. Потому что, если в глубине истосковавшейся души не осталось искры для дальнейшей борьбы, я обречена.

— Давай ты расскажешь свою историю, а я свою.

Черные ресницы вздрогнули, и застывший взгляд вернулся ко мне. Избранная семьдесят четыре вынырнула из секундного забвения, чтобы вновь в него погрузиться. На этот раз вместе со мной. Алиса начала историю своего падения.

— 2 —

Алиса училась на третьем курсе Института физической культуры, спорта и здоровья. В свободное время подрабатывала фитнес инструктором и мечтала стать дизайнером. Любила танцы, посещала курсы самообороны и несколько раз ходила на уроки стрельбы из лука. Изъятие произошло через день после празднования двадцатитрехлетия и после того, как девушка узнала, что ее молодой человек не только ее молодой человек.

Будущая Избранная отправилась развеять свое горе на свежем воздухе. Этот шаг стал роковым

Алиса была из тех, кто попала в новый мир героическим, но нелепым и трагическим путем. Бросилась в воду, вытаскивать тонувшего мальчика. Его она спасла. Себя — нет. Ноги свела судорога. Пока студентка барахталась в воде, нащупывая предусмотрительно прицепленную булавку, волна отшвырнула ее в сторону, отрывая от

камня, за который та цеплялась, в надежде переждать мистическую бурю, разыгравшуюся на ровном месте. Подводное течение воспользовалось моментом, и утащило ее на дно.

Очнулась девушка на золотистом пляже. Под жарким летним солнцем, где огромные черепахи меланхолично ползали по песку. Мелкие крабики с любопытством окружили ошарашенную Алису, а важный ворон громко каркал над ухом, будто бы читая лекцию.

Конечно же, номер семьдесят четыре ничего не помнила о Центре. О нем и о своем провалившемся предназначении, она узнала позже. От Врага.

Алису подобрала стража, патрулирующая окрестности. Знамением свыше ее появление не окрестили, но на всякий случай прихватили с собой. Экзотический наряд и непривычный для тех мест цвет и разрез глаз, сыграл свою роль. До белокаменного дворца Алиса добралась в ореоле таинственной легенды, где она, как величественная царица вышла из пучины морской.

Среди раскаленных барханов, обдуваемых ветрами и опаляемых солнцем, раскинулся оазис со славным городом Эйтэмом. Правил тем городом царь. Славился он дурным нравом и сильной хваткой. Имел гарем с сотней наложниц, но не имел наследников. Начал народ шептаться, что проклят тот царь. Что не приняли его восхождение на престол новые боги. Что надобно сместить лжемонарха и отдать трон истинному наследнику, что не обделен мужской силой.

Чувствуя настроение подданных, правитель обратился за поддержкой к духовенству. В частности, к жрецам местного культа. После пожертвования приличной суммы денег и огненного жертвоприношения, явилось на свет пророчество. Убрав в сторону все лишние иносказания, визирь огласил решение народу. Надобно собрать дев, что как отражения будут повторять СОХРАНИВШИЕСЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ двенадцать наложниц первого царя Эйтэма, правящего тысячу лет назад. Пройдя испытания, описанные в манускриптах, сохранившихся с тех времен, победительница займет место по левую руку от царя и даст ему достойное потомство. Остальные выжившие девушки должны быть отданы в услужение младшим братьям.

Алисе досталась роль одиннадцатой наложницы, похожей на нее, как две капли росы на лепестках полуночной розы друг на друга. И

началась у нее дворцовая жизнь со всеми вытекающими: интриги конкуренток, испытания из пророчества, смертельные ловушки.

К чести Избранной семьдесят четыре, справлялась она со всеми дрязгами достойно. Отсутствие ореола удачи, что ведет каждую попаданку, компенсировалось личными качествами. Корона маячила на горизонте.

И тут появился Враг.

Порог дворца он переступил послом в свите принца соседнего королевства.

Тяжело не очароваться единственным остроумным, ироничным и галантным собеседником, что смотрит на тебя как на равную. Что видит в тебе не только красивую девушку, но и заинтересован твоим мнением. Для Алисы, что оказалась одна, без поддержки богов, в сказочном халифате из сказок про Аладдина, быстро проникнуться симпатией к незнакомцу не составило труда.

И все полетело к чертям.

Ад, что день за днем переносила Алиса, стал окончательно невыносим. Единственной отдушиной оставался Тинхе. Редкие встречи с ним не давали девушке сорваться окончательно. Наивная влюбленность в монарха угасла, будто бы ее никогда и не было. А вместе с кончиной зарождающейся любви, пропал интерес к соперничеству.

Когда время подошло к финалу, Избранная слила его вчистую. Разрушила все связи. Оборвала все нити. Пошла против всех своих принципов. И, наконец, стала чужой не только для всего окружения, но и для самой себя.

Дерзость, что поначалу нравилась молодому монарху, стала его раздражать. Тот, кому она должна была достаться в качестве утешительного приза и ради исполнения пророчества, давно потерял к ней интерес, получая на все знаки внимания холодное равнодушие.

Красивая сказка во дворце, грозила закончиться ссылкой или цепями младшей рабыни. Но Алису это не пугало. Накануне вердикта, что будет вынесен новоиспеченной невесте и королеве Эйтэма, Избранная должна была бежать. И не одна.

Но все утро в саду бывшая студентка прождала зря. Тинхэ не пришел. Не явился он ни вечером, ни на следующий день, ни когда

страж заковывала ее в кандалы. Их следующая встреча состоялась через месяц, когда Алиса окончательно потеряла надежду.

— Тогда я узнала обо всем, — горечь сочилась гноем из каждого слова. Узница теребила подол платья, отказываясь смотреть на меня. — Об Избранных. О своей нумерации. О судьбе, что я сломала собственными руками, — она крепко сжала ткань. Костяшки дрожали от напряжения. — О, всей лжи, что я слышала изо дня в день, и верила в нее. А потом он забрал в Лэйтарию, — она поколебалась, прежде чем продолжить. Будто не хотела, что бы я этого знала. — Нет ничего страшнее, чем обманутые ожидания, Дробь. Ничего.

На фоне истории семьдесят четвертой, я чувствовала себя маленькой и жалкой. Но мне нельзя поддаваться жалости и унынию. То, что в Алисе сохранились ненависть и гнев, давали надежду, что она захочет побороться за светлое будущее и втянется в мою авантюру.

— Зачем Враг притворялся другим человеком? Зачем так поступал?

Эта информация плохо укладывалась в голове. Время в мирах течет по-разному, но если тратить столько, сколько Тинхе посвятил Алисе на каждую Избранную, года не хватит! К чему играть в коварного искусителя, если никто этого не увидит и не узнает? Зеркало номера семьдесят четыре было разбито — Клод бы не смог оценить поставленного спектакля. А сам Враг не показался мне истязателем. Социопатичный фанатик — это да, но мучить девушку просто так, ради собственного удовольствия — не сходится.

Я нервно провела пальцами по решетке. Желтые искры пробежали сверху вниз.

Алиса будто прочитала мои сомнения. Огладив край юбки, она неохотно пояснила:

— Мало лишить Избранную удачи. Недостаточно забрать из спасаемого мира, чтобы подтолкнуть его к пропасти. Заражение не происходит по щелчку пальцев. Оно как семечко: требует постоянной заботы и ухода, чтобы взрасти могучим развесистым деревом с прочной корневой системой. Миссия должна сама разрушить свою судьбу. Тогда мир не удержать от неизбежной гибели.

— Ничего себе! — искренне удивилась я, разглядывая сквозь прутья тяжелый амбарный замок.

— Есть правила. В Лэйтарии много сильных магов. Почти каждый из Лордов и Леди хорош в том или ином искусстве, но они не создают армий и не идут войной на соседей. А могли бы. Но любое действие рождает противодействие. Избранную мир принимает благодаря божественному благословению, если можно это так назвать. Странники же ограничены правилами, чтобы не быть отвергнутыми. Оттого им приходится действовать изнутри, прячась за масками.

— Слишком сложно, — пожаловалась я, понимая, почему в Избранные чаще попадают молоденькие девушки, а то и подростки. У них мозг гибче и память лучше. — А что произошло в Лэйтарии? Он все время держал тебя здесь. Или…

Я не смогла придумать, что «или». Я хотела гадать, варианты слишком пугали.

— Он забрал мою магию, — дрогнувшим голосом произнесла Алиса. — При всех. Для них это было очередным праздником. А для меня… Я не знаю с чем это можно сравнить. Но она была во мне. А потом ее не стало. Ты понимаешь, о чем я? Ничего на Земле не могло бы сравниться с этим чувством наполненности и блаженства.

Я неопределенно пожала плечами. Мой черный клубок почти не подавал признаков жизни. Я не ощущала его как что-то волшебное, дарующее радость или экстатический восторг. Но он был. И был живым.

— А он забрал это, — Алиса прижала руки к груди. У нее вновь начинался срыв. — Лучше бы я в тот день умерла.

Она замолчала, а я не нашла, что сказать. Фантазия рисовала худшие варианты того, как могла извлекаться магия. И то, как и что говорил Тинхе, рассказывая девушке о Центре, избранности и потерянном предназначении.

— Прости, что продолжаю спрашивать, но мне нужно это знать.

Номер семьдесят четыре повернулась ко мне. Сухие покрасневшие глаза, выплаканные многими месяцами ранее, смотрели с пугающей настороженностью.

— Зачем?

Я все еще боялась открыто признавать, что помню все. Намерения Тинхе в отношении меня оставались неясными. Частичная амнезия давала мне некоторое пространство для маневра. Откровенно врать

запутанной Избранной тоже не хотелось. Поэтому я остановилась на обтекаемой полуправде.

— Все что происходит — невероятная дикость для меня. Вчера или уже позавчера, я, ничего не подозревая, легла спать. Укрылась одеялом — до сих пор чувствую запах лавандового кондиционера, — а проснулась в безумном мире, где любовь все моей жизни — злобный тиран, разрушающий миры и сердца девушек.

— Что? — узница дернулась, ударяясь затылком о прутья. — Какой еще тиран? Какая любовь?

Н-да, этот момент я могла бы и упустить. Но с легендой для Тинхе я буду гнуть до последнего. Чтобы даже после моей продажи на аукционе или расщепления, он мучился вопросом: «а вдруг я была той самой?».

Не вдаваясь в подробности, я рассказала ту же байку, что втирала Врагу. Мол, Лэйтария мой мир для спасения, а Тинхе — тиран, что пойдет на путь исправления. С каждым новым словом, Алиса все больше и больше походила на человека, что вот-вот мне врежет. Или оттаскает за волосы и впечатает лицом в решетку. Минимум, по печени разок ударит.

Конечно, я говорила с ней о любви к человеку, что превратил ее жизнь в герметичную Преисподнюю. Держал несколько лет в подземелье, и еще, бог знает, что делал. Например, одалживал Аматри.

— Это смешно, — выдавил из себя Алиса, когда ее лицевые мышцы достаточно расслабились, чтобы открыть рот. — Ты не можешь быть его судьбой. Все знают, что магия Избранных здесь не работает. Богам давно закрыт доступ в Золотую ось.

— Тогда как же я здесь очутилась?

Если я не могу убедить замученную девчонку, на что я рассчитываю с Тинхе?

— Это какая-то ошибка. Безумная провокация. Не может такого быть.

— Я здесь. И я жива. Что еще это может значить?

— Что Тинхе от тебя что-то надо, — привела разумный довод Алиса.

— Или, — что более вероятно — он готов ухватиться за любой шанс, чтобы не отсылать меня на аукцион или расщепление. Что ж, пусть занимается самообманом столько, сколько влезет. Я подожду. И,

раз такое дело, я приношу свои глубокие извинения за его поступки. Мне очень жаль, что я так поздно появилась в его жизни.

Ох, надеюсь, Тинхе, ты нас подслушиваешь. Иначе, я зазря трачу актерские способности и выставляю себя сумасшедшей перед сильнейшей Избранной.

Истеричный смех разлетелся по широкому коридору, разбиваясь о потолочные своды. Уткнув лицо в ладони, белый цветок райского оазиса хохотала в голос. Мне стало немного жутко.

— Ты правда… правда… — почти задыхаясь, пыталась спросить она, — правда считаешь, что пришла… кха-ха… спасти его? Их?

— Ну, — пожала я плечами. — Сначала спасу тебя, а там посмотрим. Все-таки я тут без году неделя. Надо с чего-то начинать.

Смех прекратился резко, как вспарывающий нож горло. Гробовая тишина мгновенно поглотила маленькое пространство камеры. И в ней прозвучал совершенной чужой голос Алисы. Без красок. Без эмоций. Без души.

— Как?

Я опустилась на колени. Скользящий по полу свет, шел аккурат по маленькой выбоине в форме лотоса. Очень похожей на тот, что был вырезан у дверей на приеме Солярис.

— Я знаю, как открыть замок и попасть домой. Я вытащу тебя. Может даже сегодня.

— 3 —

Бешенного восторга моя идея не вызвала.

Я почесала затылок. Ладно, зайдем с другой стороны.

— Ты знаешь город?

— Если ты имеешь в виду местность, то да. Мне приходилось выполнять поручения, — она подняла руки и безвольно опустила их на колени. Сквозь тонкую кожу проглядывали синие венки. Отблески света танцевали на изящных запястьях. — Я не всегда сидела взаперти.

Я подсела к разделявшей нас решетке и снизила голос до шепота.

— Знаешь, где стоит телепортационная арка?

Девушка опрокинула голову вниз, скрывая лицо темными густыми волосами.

— Их по городу много.

— Эта, стоит в здании похожем на театр. Внутри все усыпано цветами, а посреди постамент, к которому ведет лестница. Этот

телепорт только для лэй. Может еще Странников. Оттуда вышел Тинхе.

Девушка задумалась. Минуты замедлили ход. Молчание Алисы казалось бесконечно долгим, подобно цветочному меду, стекающему с края ложки в банку. По камере прошелся новый оттенок паники. Я ощутила дрожь.

Вдруг Тинхе придет в самый разгар побега. Или лэй спустится принести еды. Должны же нас кормить. Я все еще ждала, когда Враг исполнит обещание и предоставит накрытый стол со всем ассортиментом блюд. У меня, как бы большие планы на это!

— Я поняла, о каком месте ты говоришь, — пленница перебила мои мысли. — Но прежде, ответь. Когда ты сказала, что можешь вернуть меня домой, ты имела в виду Землю?

В ее вопросе звучало столько потаенного страха и неприкрытой надежды, что мне стало стыдно. Алиса застряла в Лэйтарии на несколько лет в качестве бесправной рабыни и узницы. Лишившись предназначения, она перестала верить, что выход найдется. И вот прихожу такая я, обещаю дом, а потом собираюсь спустить ее с небес на землю, но не на ту, которую хотела бы она.

Благодаря Центру, все Избранные вступают в новый мир с четкой уверенностью, что домой уже не вернутся. Можно пытаться, искать артефакты, торговаться с колдунами, умасливать богов, но без толку. Назад дороги нет. Лёша вытащил наши жребии. Но почему-то у Алисы эта мысль не задержалась.

— Нет. Туда нам дорога закрыта. Мне жаль. И в предыдущий мир возвращаться нет смысла. От него вряд ли что осталось.

Центр. Домом я назвала Центр.

— Тогда куда? Нам негде спрятаться в Лэйтарии. Бежать в любой другой мир Золотой оси бессмысленно. Я пробовала, Дробь. Он найдет. Всегда находит, — она вновь обхватила колени руками, притягивая их ближе к себе. Вжала голову. В этот раз Алиса глушила не слова, она душила эмоции. — Я не знаю, чего он хочет. Не знаю, что должна сделать.

Я ближе придвинулась к решетке. Хотя, куда ближе?

Я так хотела сказать что-нибудь утешительное. Что-нибудь вдохновляющее, как это делала наша Псевдолидер. Или мудро-житейское, как умела Лариса. Высокомерную глупость Блонди, что отрезвляла не хуже пакета со льдом за шиворот. Даже угнетающий

фатализм Сомы подошел бы. Мол, пошли, терять нам нечего, наши души и так мертвы. Но я была собой, а не кем-то другим. Когда в моей жизни появилась беспросветная тьма повторяющегося дня, я сдалась.

Ноги зябли на холоде. После бессонной ночи и выматывающего выступления, силы почти сошли на нет. Я была вымотана физически и эмоционально. Если промедлю, тормознусь на старте, через день или час, я побег не потяну. Я безумно устала.

— Ты должна довериться мне, Алиса, — я поднялась на ноги и поковыляла к двери камеры. — Я знаю, что это нелегко, но оставаться здесь — не выход.

— Выход? — лицо девушки повернулось с пугающей медлительностью. Как в одном из фильмов ужасов, где все заканчивается очень плохо. Я протиснула руку между прутьями и нащупала замок. — А выхода тут нет. Не для нас. Не для вещей.

Замок щелкнул и приземлился в мою ладонь. Я толкнула дверь, отстраняясь назад. Та грустно скрипнула, распахнувшись настежь.

Глаза Алисы вспыхнули огнем. В мгновение ока она оказалась на ногах. Рука взметнулась к моему горлу, подобно ядовитой змее. Узница ухватила меня за ворот платья и дернула к решетке. Моя голова врезалась в металл.

— Какого черта ты творишь?!

— Ты одна из них, — злобно зашипела бывшая Избранная. — Он для этого тебя прислал? Проверяет меня?

Я бросила замок на пол и вцепилась в ее руку, стараясь ослабить хватку. Казалось, на секунду та поддалась, но лишь для того, чтобы еще раз со всей силы приложить меня лбом. Боль в голове взорвалась красочным фейерверком. Искры из глаз пустились вытанцовывать балетные «па». Из губы сочилась кровь.

— Хватит!

Девушка держала крепко. И удар у нее что надо. Откуда только силы в худосочном тельце?

— Зачем ты здесь? — она продолжала стискивать мой воротник. — Отвечай!

Каким-то образом я оказалась беззащитной перед слабой сломленной девушкой недавно едва державшейся на ногах. Моя правая рука была зажата между телом и прутьями. Вся борьба досталась

левой. А она в упор отказывалась брать на себя роль ведущей. Алиса же не была ограничена таким набором дееспособных конечностей.

Понимая, что под прицелом мои жизненно важные органы, я поспешила предупредить:

— Ты не единственная тут со спецподготовкой. Меня тоже учили причинять боль! Если я возьмусь за тебя всерьез…

Следующая серия тычков по болевым точкам и в солнечное сплетение, пришедшие от Алисы, доказали, что обучение мы, конечно, проходили одинаковое, а вот реакция предмета воздыхания Клода, оказалась получше моей.

Задыхаясь, я повалилась на пол.

Ну кто ж ведет переговоры, когда надо вступать в драку?

— Зачем ты здесь?

— Я пришла за тобой, — простонала я, силясь подняться. Ноги подкашивались. Мне все еще было жалко Алису, но уже достаточно страшно за себя. К счастью, она отступила вглубь камеры, ближе к выходу. — Я — Избранная. Я здесь, чтобы спасти тебя.

Что-то в моих словах заставило ее остудить пыл.

— На замках стоят печати. Их нельзя открыть, если ты не коренной житель Лэйтарии. Даже лэй не могут.

Шутка на тему: «Ну я же Избранная!», потонула не прозвучав. Разбитая губа не позволяла свободно изощряться в словесности.

— Я не могу всего рассказать.

Как в двух словах объяснить про комок магии, дремавшей внутри меня? Я сама едва понимала, как это работает. Магия Золотой оси — магия заражения, что была доступна лордам и леди, обрела во мне жизнь. Дверь на приеме Солярис открыл не Аматри, а я. Финт, провернутый с туфлями и выходом из комнаты ожидания перед сценой, не имел смысла. Я могла ничего не делать, если бы догадалась проверить ощущения раньше.

Выгравированный цветок на корпусе замка навел меня на мысль, что магия на нем такая же, как и на дверях. А как еще должен открываться замок без скважины? Теория подтвердилась. Магия, что лэйтарцы используют в повседневности, имеет те же истоки, что магия, разрушающая судьбы Избранных.

Боги не хранили меня в мире Золотой оси. Но сама Золотая ось встала на мою защиту, когда дело коснулось Врага. Жаль, что Центр не

предоставил инструкцию по ее использованию. Я б разочек шарахнула, в некоторых личностей.

— Нет, — забормотала Алиса, будто впадая в транс. — Я не понимаю. Как ты это провернула? Что за фокус?

Время поджимало.

— Клянусь, я все объясню, как только мы доберемся до… до безопасного места, — я ощупала травмированную губу. Вознесла соболезнования красоте своей неземной, и, не делая резких движений, вышла из камеры. Я больше не хотела оставаться в ней ни на секунду. — Дай мне шанс. Один крохотный шанс.

Избранная не ответила.

Я взялась за ее замок. Хватило мгновения, чтобы он с характерным щелчком осел в моей ладони.

Если Алиса откажется пойти, я брошу ее?

— Один шанс?

— Один шанс, — подтвердила я, распахивая створку ее клетки.

Алиса подняла на меня затравленный взгляд, никак не соотносящийся с той жуткой силой и прытью, что она продемонстрировала минуту назад. Сжала губы. Обхватила плечи тоненькими ручками и сделала крохотный шаг вперед. Этого хватило, чтобы черная, разъедающая темень камеры осталась за спиной, а лицо пленницы озарили пылающие огни коридора и поблескивающие искры магии.

— Один шанс, — эхом отдалось в моей голове.

Я почувствовала, как с плеч свалилась огромная гора ответственности. Последние пятнадцать минут напряженности, переплюнули целый день рядом с Врагом. Я валилась с ног от схлынувшего адреналина, и одновременно парила в облаках.

Я справилась! Я на шаг ближе к победе! Скоро я вернусь в Центр!

Но, конечно же, злобной реальности Золотой оси, требовалось извратить все мои достижения. И подкралась она незаметно, с сахарным петушком на палочке, чтобы им же врезать под дых.

— Мы прямо сейчас пойдем домой или после того, как спасем остальных?

— Каких остальных?

Я обернулась. Боже, сколько тут еще людей, помимо нас?

— Избранные с аукциона. Их держат там, высоко в облаках. Те девушки, которых спеленали во время последнего возвращения Странника. Ты же пришла спасти всех нас?

Лариса, Псевдолидер, Блонди, Сома и еще сто сорок три Избранных из моего потока ждали спасения. А я едва дышала после крохотного сдвига в отношениях с Алисой. Неплохо сыграно, Золотая ось, совсем неплохо. Десять из десяти.

— Да твою ж!..

Теперь я хотела вернуться в камеру, сесть на корточки и долго причитать о своей судьбе. Глядишь, через десяток лет, и за мной кто-нибудь придет.

— 4 —

Мы крались безлюдными коридорами. Я — как ниндзя из боевиков восьмидесятых годов: на цыпочках и с прищуренными глазами. Алиса — как девочка из «Звонка»: тихо, пугающими рывками и с парализующей аурой зла. Я дергалась, вертелась и крутила головой. Алиса шла с неизбежной уверенностью айсберга. Ее спокойствие сводило с ума сильнее, чем неизвестность, таящаяся за каждым поворотом. Не выдержав напряжения, я позволила парочке непечатных слов вырваться на волю.

Девушка отреагировала сразу.

— Что-то не так?

Получив нужную реакцию, я высказала то, что тяготило меня с того момента, как мы покинули свои камеры.

— Враг подозрительно не заинтересован в нашей охране. Ни одного караула, патруля, магической ловушки, в конце концов. Обидно как-то.

— Считаешь себя недооцененной? Зря. Замок с печатью — сильнейший способ защиты. Магия лэйтарцев надежней любой стражи. Ее нельзя подкупить или уговорить или соблазнить. И она не доступна для манипуляций Избранных. До сего дня была таковой.

По коже поползли мурашки. Волосы на загривке встали дыбом. Я мигом пожалела, что завела разговор. Не зря гражданка Орлова любимая ученица Клода. Чуть оправилась от шока и сразу сложила яблоки с грушами. Быстро сообразила, как открылись замки. Аж, в дрожь берет.

Нет, Алиса со мной — это здорово! Но нахождение в Лэйтарии подкосило нервное состояние Избранной. Перенесенные тяготы плохо сказались на ее эмоциональном здоровье. Многозначительная фраза не оставила сомнений, как именно пленница Тинхне относится к тем, кто владеет магией Золотой оси. Как бы накопленная ненависть к лэйтарцам не обернулась ножом в спину промеж лопаток.

— Не беспокойся, — будто прочитав мои мысли, сказала она. — Это останется между нами.

Чтобы продолжить разговор, мне пришлось прочистить горло.

— Неужели Тинхе не пользуется охранными чарами? В Лэйтарии совсем нет преступлений? Ладно, лэй не может никому навредить. А другие лорды или леди?

— Ты можешь представить себе как кто-нибудь из этих снобов пробирается в полутьме в дом Странника, чтобы стащить его хрустальную конфетницу?

Я пожала плечами. Зависит оттого, есть ли в ней конфеты, правильно?

— Все равно слишком просто.

Слова Алисы не убедили. Я продолжала нервничать. Могильная тишина особняка угнетала. Не так давно я исследовала дом вдоль и поперек (не считая подвала). Он также пугал своей пустотой и лэй-невидимками, которые незримо присутствовали, но на глаза не попадались.

— И что? Разве это плохо?

— Мы сбегаем из логова плохого парня. Тут все как в математике. Если все решается просто, значит, ты делаешь что-то не так.

Алиса нахмурилась.

— Раннее утро. Все спят. Охраны у Тинхе нет. Для того, кто придумал план побега, ты слишком много трусишь, Дробь. Лучше скажи, что собираешься делать, когда доберемся до арки?

— Слишком сложно объяснять, — отмахнулась я, заглядывая за угол.

Никого.

Мы поднялись на первый этаж и плавно продвинулись к центральному выходу. Идею пойти через черный ход, отмелась сразу. Во-первых, путь к нему шел через кухню. А кухня — это такое место, где поздней ночью может объявиться кто угодно и зачем угодно. И не

надо меня убеждать, что великие злодеи не совершают набеги на холодильник и не потягивают остывший кофе при свете луны (или светящихся космических колец), глуша экзистенциальный кризис.

— Может взять канделябр или один из тех мечей, что над камином? — предложила я, когда мы добрались до гостиной. — Чувствую себя совсем беззащитной.

— Думаешь, три килограмма стали сделают тебя уверенней?

— Еще как!

Я примерилась к вазе. Оценила каминные часы. Взвесила в руках статуэтку.

— А красться с этим хламом по улице не подозрительно?

— Ты права. Если прокалываться на какой-нибудь мелочи, пусть эта мелочь будет большой и опасной. Помоги-ка мне.

Вместе мы перенесли тяжеленный пуф к стене. Я забралась на него и, встав на цыпочки, потянулась к скрещенным мечам.

— Уверена, что они настоящие, а не китайская подделка? — моя затея Алисе не нравилась.

— Настоящие, — пропыхтела я. Один в один, которым меня Клод гонял.

Снять тяжеленную железяку и не разбудить весь дом звоном и лязгом — вот настоящее искусство. Подвиг моего уровня избранности.

— Ты хоть умеешь с ними обращаться? Это тебе не кино и не удача попаданки. Ты им драться собралась? Смысл? Случайно ты не победишь. Твой противник не поскользнется на банановой кожуре, а меч не окажется старинным артефактом, что дарует силу ста мастеров мечей. Так зачем?

— Умею сражаться на мечах. И ты умеешь.

Я протянула добычу Алисе. Она неохотно приняла.

— Я больше по рукопашной, — призналась она. — С детства хожу на курсы самообороны.

— Бери. Это одна из фишек Избранных. Удачи у нас больше нет, но тренировки в подсознании остались.

Алиса сомневалась. Я бы на ее месте тоже не была оптимисткой. Вряд ли Враг расписывал ей Центр, занятия и богов в радужных красках. Все что она знала — все со слов Тинхе и других лэйтарцев. А знать, что тебя учили и помнить, чему тебя учили — не одно тоже.

Кое-как, узница согласилась на меч. Мы продолжили путь.

В парадной горел свет.

Пульс подскочил к горлу.

— Его никогда не выключают, — шепотом пояснила Алиса.

— Наверное, у них тарифы на электричество низкие, — подавила я нервный смешок.

Девушка поманила меня за собой.

Вот он выход. Еще чуть-чуть и мы окажемся на улице. А там — пара километров и мы в Центре!

Я подошла к двери и легонько надавила ручку. Ничего не произошло. Я подергал ее. Дверь была заперта накрепко. Я налегла всем телом. Безрезультатно. Я вздохнула и выпрямилась.

К черту, полезем через окно. Не калеки. Ноги у нас обеих вон, какие длинные. На Алисе наряд Кентервильского приведения. Добавь грохочущие кандалы — от настоящего не отличишь. На мне — вечернее платье. Перчатки заправлены за пояс. Этакая девушка, что стыдливо сбегает из постели незнакомого парня, с которым накануне случайно переспала. Идеально!

Я скорчила двери рожу.

В замке раздался щелчок.

— Это не я, — одними губами прошептала я.

Алиса отпрянула назад. Я перехватила меч двумя руками и прижалась к стене.

Щелчок повторился. Кто-то поворачивал в замке ключ.

Я стояла по одну сторону от двери, Алиса по другую.

Ручка медленно поворачивалась.

Я прокручивала варианты.

Рычаг дошел до предела и дверь отворилась. По комнате поползли сияющие блики, двигаясь к самой темной точке — человеку на крыльце. Предрассветная тьма окрасилась в белые тона. Сверкнула знакомая улыбка, совершенно противоречащая расчетливости голубых глаз.

Аматри.

Лорд, от которого я едва сбежала на приеме Солярис, взирал на меня с легким удивлением, без капли должного смущения.

Изящным жестом растворив ключ в ладони, он поправил шляпу и сделал шаг вперед.

Не желая в очередной раз быть загнанной жертвой, я выставила меч вперед, целясь незваному гостю в горло.

— Ни звука, — предупредила я шепотом, и обратилась к Алисе. — Какого черта? Ты сказала, что они не тырят друг у друга конфетницы.

Аматри будто и не заметил угрозы.

— Я так и знал! — воскликнул он, заставив подскочить мое сердце к горлу. Зачем так громко?!

Я отвлеклась. Этого оказалось достаточно, чтобы он перехватил мою руку.

— Вейоса нет.

— А ну-ка отпусти, — потребовала я. Но лорд, будто не слышал.

Вторая рука опустилась под тяжестью меча.

— Тинхе лгал, — продолжил Аматри, полностью игнорируя меня как угрозу.

Я дернулась назад. Он неохотно отпустил, но улыбка осталась играть на тонких губах. Я попробовала вернуть себе инициативу.

— Потом с ним отдельно разберетесь, — грозно сказала я, но голос вышел каким-то жалким и писклявым. — А пока…

— А пока что?

Он приподнял шляпу кончиком указательного пальца, искренне демонстрируя внимание.

— А пока… Алиса, есть вариант?

Улыбка парня увяла.

— С кем ты разговариваешь? — он повернулся. Глаза расширились в ликовании. — Тебя я знаю.

Но продолжить не успел. Алиса времени не теряла. Развернулась на месте и с размаху зарядила лорду в висок рукоятью меча. Парень, не ожидая подвоха, отлетел в сторону, врезаясь в косяк. Белая шляпа махнула полями и покатилась по полу.

— Ты что творишь? — вскрикнула я.

Алиса замахивалась уже другой стороной меча. Тут настала моя очередь реагировать. Я сцепила руки на рукоятке, выкидывая их вперед и вверх. Металл ударил о металл. Наши клинки скрестились. Я не могла позволить Избранной заколоть беззащитного человека. Мы так не поступаем!

Рывок и оружие беглянки в скользящем движении улетело на пол.

— Ты на чьей стороне?! — острые черты лица исказились в гримасе злости.

— Стой!

Она сделала шаг в наступлении. Разбитая губа вновь заныла. Мозг за долю секунды позволил увидеть, что будет дальше. Сейчас девушка поднырнет под мой меч. Верхней стороной запястья врежет мне в подбородок. Голова уйдет вверх. Пятка ударит в живот, опрокидывая меня на пол. Если этого времени не хватит, чтобы Алиса пришла в себя, то…

«Твою мать! — в очередной раз подумала я».

Белое платье Алисы колыхнулось. Я не успевала выставить блок. Вспыхнули искры. Гибкая фигура извернулась в движении. Я застыла между желанием напрячься и выставить защиту, и, наоборот, расслабиться, чтобы удар не нанес серьезной травмы. Мозг, тем временем, уже проецировал будущую боль.

Движения девушки смазались. Вот она рядом. Рука движется вперед, и вдруг замирает. Алиса взмывает вверх. Я таращусь на нее, как сурикат на воздушного змея. Несколько мгновений она висит в воздухе как настоящее приведение, а потом валиться вниз на столик с письмами.

— Алиса!

Ничего не понимая, я бросилась к ней. И следующий шаг взорвался оглушительной болью. Нога подвернулась и, вскрикнув, я повалилась на ковер. Мышцы и суставы в лодыжке разрывалась на части так, будто кто-то в ней устроил войну за независимость.

Новый крик застрял в горле, когда рядом с моей головой остановились два белоснежных ботинка. Аматри возвышался надо мной, сверкая снисходительной улыбкой.

— Премного благодарен за помощь, леди. И не утруждайте себя звать лэй или Тинхе. Барьер тишины заработал, как только открылась дверь.

— 5 —

Слова нежданного гостя влетели в одно ухо и вылетели в другое.

— Тинхе! — заорала я. — Тебя в наглую грабят, выходи!

— Полог Тишины, — повторил Аматри.

Его улыбка оставалась неизменной, но во взгляде мелькнула тень досады. Он смотрел на меня сверху вниз, открыто демонстрируя

насмешливое пренебрежение. Под его взглядом я ощущала себя маленькой, слабой и… нелепой?

— Скрадывает все звуки на определенной площади. В данном случае, в этой парадной, — он выставив указательный и средний палец, небрежно очертив в воздухе контуры комнаты. — Разве непонятно из контекста?

Очень даже понятно. Но как еще тянуть время, чтобы придумать дельный план? Мой взгляд скользил по комнате в безуспешной попытке найти выход. Руки сжались от напряжения. Кожи ладоней коснулся успокаивающий холод золоченого эфеса. Меч плашмя лежал подо мной.

— Думал, будет труднее, — вздохнул Аматри, вычерчивая в воздухе неизвестные знаки. То ли заклинание плел, то ли в столбик считал. — Обычно Избранные все делают интересней, увлекательней. Но, не в этот раз. Не в этот. Все еще скучно. Не вини себя. В мире Золотой оси чудес не случается. А теперь, давай-ка я помогу тебе подняться, и мы покинем это недружелюбное место.

Обтянутая кожаной перчаткой ладонь замаячила перед глазами.

Я зло зыркнула в ответ. Эгоцентричность накрахмаленного парня зашкаливала даже по меркам лэйтарцев. Резко перевернувшись на попу, я перехватила меч и вытянула перед собой. Аматри отшатнулся.

«Ну что, ублюдок, — зло подумала я, — так тебе достаточно весело и дружелюбно? Черта с два я тебя к себе подпущу. Чему-чему, а не выпускать оружие из рук и умению группироваться так, чтобы не проткнуть себя мечом, Клод учил в первую очередь».

Алиса слабо застонала.

Я позволила короткий взгляд в ее сторону.

На белом привиденческом платье расползались красные пятна. Со своего места я не могла понять, откуда они взялись. Нас разделял пяток метров. Требовалось преодолеть половину парадной, чтобы добраться до Избранной. Хрупкий столик развалился под весом ее тела. Она сильно ударилась головой о пол и точно поранила левое плечо. Какие еще повреждения она получила и может ли самостоятельно встать, оставалось неизвестным.

— Как сильно ты ранена? — спросила я, удерживая Аматри в поле зрения. Он держался на расстоянии. То ли воспринял мою угрозу, то ли не одобрял колюще-режущие предметы направленные в сторону

его светлой персоны. Мне, в общем-то, было плевать на его мотивы. Лишь бы не подходил.

Алиса не ответила.

Черт!

Я оперлась левой рукой о пол, перенося вес и помогая себе подняться. Мышцы задрожали от напряжения. Пускай они были тренированными, но удерживать меч одной рукой и при этом выглядеть чуточку устрашающей — дело не из легких. Точно не для Избранной без удачи и божественного благословения.

— О, это почти мило, — мурлыкнул лэйтарский лорд, забавляясь над моими попытками. — Ты пытаешься идти дорогой Избранной — защищаешь малознакомую девицу. Да-да, не делай такое лицо. Я догадался. Наша первая встреча взбудоражила мое воображение, и я позволил себе ошибиться. К счастью, Тинхе вовремя вернул меня в чувства, — Аматри протянул кончик пальца к мечу. Он быстро понял, что на полноценную атаку у меня не хватит духа. Это поняла и я. Не выпуская оружие, я дернулась назад, ища точку опоры. Спина и затылок больно врезались в стену, зато теперь я могла на нее облокотиться и держать меч двумя руками, — бросай свою побрякушку, и покончим с этим.

— Чего ты добиваешься? — втянула я воздух сквозь зубы. — Тинхе разве недоступно объяснил, что трогать чужие вещи нехорошо.

Я сделала пробный шаг в сторону и ахнула. Нога отозвалась ноющей болью. Я пригляделась к босой ступне. Никаких следов блесток. Должно быть, лорд воздействовал магией не на меня, а на пространство вокруг. Например, сдвинул ковер в складки, отчего я запнулась и покалечила лодыжку.

Аматри криво усмехнулся. Вскинул руки, завершая неизвестные чары, и недовольно нахмурился.

— Запрет на все заклинания выше первого порядка? — удивленно пробормотал он себе под нос, и, будто потеряв ко мне интерес, вернулся в центр комнаты. — Конченый параноик.

Фыркнув, он небрежно пригладил волосы рукой. Подобрал упавшую шляпу. Стряхнул с нее невидимые пылинки и нахлобучил обратно на голову. Поймав в цветном витраже собственное отражение, чуть сдвинул уголок наклона полей, и только после этого ответил мне:

— Справедливости. Я хочу справедливости. Сдам тебя совету, как доказательство вины Тинхе. Я давно подозревал, что он работает с кем-то из действующих Избранных. Слишком он зациклен на этом вашем Центре.

Я запротестовала:

— Мы с ним не в связке. Я попала в Лэйтарию случайно. Это какая-то ошибка.

— Ну конечно! — подмигнул мне Аматри.

Я сделала еще один шаг в сторону Алисы. Весь мой вид источал беспокойство за девушку в белом платье. За искренним беспокойством отчаянно скрывалось желание ближе подобраться к парадной лестнице.

— Я похожа на того, кто находится здесь по своей воле?

— Та-а-ак, — изображая задумчивость, протянул он, — ты шныряешь босиком по его поместью, на тебе нет цепей и следящих заклятий, в руках меч из его коллекции поверженных Избранных, и первым делом ты позвала на помощь Тинхе. Как же это все называется?

Я качнула головой. В его словах был смысл.

— Отлично, донесешь ты на Тинхе совету Незыблемых. Или Трону Незыблемых. Или как это у вас называется? Тебе что с того? Вы типа враги или конкуренты?

Человек в белом бросил настороженный взгляд в сторону второго этажа. Аматри опасался Странника, но не настолько, чтобы не доверять собственному заклинанию.

— От него много проблем, — коротко ответил он.

Я удивленно вздёрнула бровь. То есть попыталась ее вздернуть. Вместо этого вышел мини-эпилептический припадок глаза. Чуть зрения себя не лишила.

— Я думала у вас тут повсеместная идиллия. Лорды и леди щеголяют в дорогих нарядах на званых приемах, катаются на пегасах, глумятся над камер-лэй. А тут вон оно как. Что же такого два лорда могли не поделить? Недостатка в ресурсах любого вида вы не имеете.

Я тянула время для завершения плана. Он — для того чтобы мои руки ослабели и выпустили досадную железяку.

— Как долго ты здесь? — внезапно спросил Аматри, игнорируя мою перекошенную рожу.

Я пожала плечами.

— Не очень.

— Не очень, — повторил он. — И то, что до — помнишь не очень. У вашего сестричества поразительны проблемы с памятью. Но ты была у Солярис. И, вроде бы, немного сообразительна. Значит, ты должна была заметить. Наши жители ни в чем не нуждаются. Мы достигли величия богов. Наша жизнь — один нескончаемый праздник, где главный враг среднестатистического лэйтарца — скука. Что мне делить с Тинхе? Будущее Лэйтарии. Он не успокоится, пока не выкосит вас и всех ваших богов подчистую. Его упрямство превратилось в навязчивую идею. А для таких как мы, ни чем хорошим это закончится не может. Смотри, он притащил в наш дом незарегистрированную Избранную без вейоса! Что дальше? Пригласит на чашку чая тройку ваших богов?

Я не удержалась от смешка.

Я бы посмотрела на Атроса за обеденным столом.

— Это надо прекратить пока не поздно. Ты дашь показания против Тинхе, а потом…

— Меня развоплотят.

— Это безболезненная процедура.

— На себе проверял?

Он выпятил губу, возводя глаза к потолку.

— Если ты добровольно пройдешь процедуру отречения, мы могли бы что-нибудь придумать. Моего влияния хватит на приобретение не совсем стандартной лэй. Насколько ты там говоришь хороша в гимнастических трюках?

«Сейчас узнаешь», — мысленно буркнула я и, не тратя слов на ответ, бросилась к ступеням. Все то время, что юный лорд разглагольствовал, я медленно сдвигалась к парадной лестнице.

Аматри среагировал мгновением позже. Не часто ему приходилось унимать разбуянившихся Избранных без использования магии. Но все же он был мужчиной и физического превосходства у него не отнять

Аматри сделал резкий рывок, пытаясь перехватить меня на лету. Ребро моей ладони пришлось ему в плечо, уводя руку в сторону. Я свалилась кульком к подножью лестницы и попыталась откатиться. В глазах потемнело от боли. Лэйтарец прошептал заклятье, чертыхнулся

и вновь рванул за мной. Я было схватилась за перила, но в тот же момент крепкие руки перехватили меня за талию, вырывая землю из-под ног.

В этот раз я не мешкала. Лягнула парня коленом и замахнулась мечом. Аматри вскинул руку на перехват. Но фиг там. Я не собиралась вонзать в него меч. Скорость и угол удара не оставил бы на нем ни царапины, ни синяка. Магический блок лэйтарца вспыхнул и исчез неиспользованным по назначению. Я целилась не в него.

Сделав замах и расслабив кисть, я отпустила оружие в дальний полет. Клод не учил нас метать мечи. Он бы меня собственноручно удавил, если бы узнал, что я собираюсь сотворить с прекрасным произведением искусства из железа и стали. Но его здесь не было. И я метнула меч. Достаточно, чтобы он пролетел половину пролета и с жутким лязгом и звоном пронесся по мраморному полу. В идеале разгромив половину коридора с его вазочками, фикусами, картинами и подсветками. Но это уже из жанра фантастики.

— Вот же!..

До Аматри слишком поздно дошло, что именно я сделала. Меч врезался в ступеньку, ударился эфесом о стену. Противное звяканье эхом пронеслось по коридорам поместья.

Самодовольная улыбка Аматри растаяла в одно мгновение. Лицевые мышцы парня дрогнули, с трудом складываясь в непривычное для него выражение — растерянность.

— Так быть не должно, — с детской обидой пожаловался он.

Я извернулась и лягнула его в живот. Он охнул. Я добавила. Его хватка ослабла, и я вывернулась из захвата.

— Алиса! Вставай! — я бросилась к девушке.

Аматри продолжал стоять на месте.

— Зачем ты это делаешь? Я ведь предложил тебе отличную сделку. Ты могла стать лэй. Настоящей лэй. Не Имари. Могла жить в Лэйтарии. Чего ради ты хранишь верность Тинхе?

— Ну, знаешь, любовь и все такое, — на автомате ответила я, дергая Алису за руку и на всякий случай, влепляя ей пощечину. Я должна была привести ее в себя, пока Аматри не очухался, а Враг не явил свой грозный лик.

Пощечина подействовала. Девушка ошалело заморгала. Где-то наверху послышался шорох.

— Через заднюю дверь, — скомандовала я, вздергивая ее на ноги. — Иди туда, куда мы договорились. Бегом.

Она кивнула, но вряд ли поняла, что именно тут происходит.

— Любовь? — недоверчиво переспросил Аматри. — Ты влюблена в Тинхе?

Я подтолкнула Алису к проходу. Вместе с ней мне не убежать, но обеспечить бывшей Избранной фору могла.

— В отдаленном будущем, — прикинула я. В очень отдаленном, если он не перестанет вести себя как баран. — И это взаимная любовь.

Опять же, взаимная она в том случае, если Тинхе накидается любовными зельями, получит травму, обеспечивающую амнезию и попадет под обряд полной смены личности. Тогда да, у нас все может получиться.

— Вау, — выдохнул Аматри. — Не знаю, чем тебя напичкал Тинхе, но оно стоит любой заплаченной цены.

Наверху хлопнула дверь.

Аматри сделал ложный выпад заклинанием. Я отвлеклась всего на мгновение, но этого хватило, чтобы вновь потерять равновесие. Стены пустились в хоровод, пол резко приблизился к лицу. Я, было, подумала, что Аматри решил использовать на мне тот же прием, что и на Алисе, но нет. Ему надоело со мной возиться, и он просто подхватил меня за талию. Я вскрикнула, когда твердое мускулистое плечо врезалось мне в живот.

Разворот на сто восемьдесят градусов и меня утаскивают прочь как героиню дешевого романа.

— 6 —

— Аматри!

Голос Врага догнал нас в тот момент, когда светловолосый похититель запрыгнул в припаркованную колесницу.

— Свободной ночи! — отсалютовал тот разъяренному Тинхе.

Пышущие злобой глаза сверкали не хуже антрацитов. Я видела по-настоящему разозленного Врага, от которого следовало держаться подальше. Оценив скользящий шелк домашнего черного халата, встрепанные спросонья волосы, вырез, обнажающий часть мускулистой груди, небрежно повязанный на боку пояс, и озаренное чистой, бешеной яростью лицо, я вздохнула.

Эх, не ту дверь я открыла этой ночью.

Колесница оторвалась от земли.

Вдохновившись моментом, мне захотелось послать мужчине воздушный поцелуйчик. Но вспомнив, что в дамских романах женщины ведут себя куда скромнее, поняла, что выкручиваться надо иначе.

Оторвав край платья, до которого смогла дотянуться, я демонстративно поцеловала его и, подмигнув Врагу, бросила тряпицу вниз.

В идеальной вселенной «платочек» сделал бы круг над землей и плавно спланировал в руки моего «возлюбленного», чтобы тот до конца дней держал у сердца единственную вещь, что хранила на себе мой запах. Томными ночами он вдыхал бы его аромат и до утра рыдал в подушку. И однажды, изнывая от тоски и сердечной боли, он взнуздал бы вороного скакуна и под шум раскатистого грома, унеся в ночь.

Но вселенная была не идеальна, а у Тинхе не было лошадей. Вообще никаких. Обрывок ткани подхватил воздушный поток и забросил на крышу, где в него тут же вцепились лианы, утаскивая в свое логово. Пегасы набрали высоту, и зеленая крыша Врага превратилась в маленькую точку на карте.

— Хватит дергаться, — предупредил Аматри. — Зря тратишь силы.

— Ты очень неудобный, — пожаловалась я, пытаясь извернуться так, чтоб каждый вздох не отзывался болью.

Это только в фильмах женщина, закинутая на плечо мужчине, выглядит красиво и романтично. На деле ты чувствуешь себя мешком с картошкой, в который постоянно врезаются вилы. Может плечи перекаченных качков и древнегреческих варваров обладали повышенной комфортностью, но Аматри к ним не относился. Он обладал средним телосложением, а удерживал меня за счет повышенной физической силы лэйтарцев.

Пегас предупреждающе фыркнул. Колесница пошла влево. В лицо ударил холодный ночной ветер. Я испуганно вскрикнула, вцепляясь в парня ногтями. Тот качнулся, ненадолго теряя равновесие. Почувствовав ослабевшую хватку, пегасы ехидно заржали и бросились вскачь. Меня дернуло назад. Рука лорда, которой он удерживал меня на плече, разжалась. В то же мгновение я плюхнулась на дно воздушной

повозки. Аматри перехватил поводья. Свет планетарных колец пробежался по золоченой уздечке, устремившись вниз к подковам. Один из пегасов тут же поймал блик и, цокнув копытом по воздуху, выбил из небосвода сноп искр.

— Твою ж!.. — проглотила я ряд нецензурных слов, прикрывая голову руками.

— Не вздумай делать глупости, — пригрозил Аматри, не сводя взгляда со звездного неба.

Какие глупости?! Даже если б небеса соблаговолили моей удаче и помогли выпнуть наглого похитителя из колесницы, как бы я справилась с пегасами? Аматри едва сдерживал их в узде, а он-то, наверняка, обучался навыку управления колесницами с детства.

Я жалась к краю колесницы, боясь лишний раз пошевелиться. Где-то впереди занимался рассвет. Огромное облако на горизонте расплывалось, образуя очертания дворца. Я с трудом припомнила, как лэй, одолженная Тинхе, говорила, что там заседает совет лордов и Трон Незыблемых. Похоже, Аматри не собирался терять время зря.

— Это победа, — внезапно объявил Аматри. — В этот раз Тинхе не выкрутится.

— Он может пуститься в погоню и подстрелить нас фаерболом.

— В его квартале запрещен личный транспорт. У Тинхе нет упряжки пегасов. Пока он ее отыщет, пока с кем-нибудь договорится, нас и след простынет. Без вейоса у него нет шанса тебя отыскать.

— Думаешь, он не догадается, куда ты меня тащишь?

— Ему гораздо меньше известно о моих мотивах, чем тебе.

— Я польщена, — горестно вздохнула я. Черт, надеюсь хотя бы у Алисы все хорошо.

Моей сказке подходил конец. Очень мрачный и беспросветный. Как будто его писали братья Гримм, а Дисней не потрудился его адаптировать для зрителей младшего возраста.

Скоро обо мне узнает совет. Тинхе, наверное, вышвырнут из Лэйтарии. Меня утилизируют. Алиса останется бродить по городу одна. Плюс лишь в том, что если Аматри говорил правду и, главный поставщик Избранных и губитель миров — это Тинхе, без его участия Золотая ось оставит Центр в покое. Наверное. Может, я должна быть на стороне улыбчивого лорда? Может, этот то самое меньшее зло? А моя миссия — не спасти потерянную Избранную, а подставить Врага

перед своими, и героически расстаться с жизнью. Не все же подвиги совершаются с мечом в руках. Некоторые происходят в зале суда, где оружием служат свидетельские показания.

Опять же, наверное.

Черт…

Колесницу качнуло. Копыта застучали по гладкому мрамору. Аматри управлялся пегасами хуже, чем Тинхе. Надеюсь, Врагу это поможет, когда его сошлют в какой-нибудь закрытый мир вроде Земли.

— Пошли, — скомандовал белобрысый.

Я схватилась за бортик колесницы и приподнялась на руках. Сначала взгляд упал на небесную пропасть, и лишь потом на стены огромного дворца. Золотые пики башен пронзали небосвод, теряясь в пушистых облаках. От обилия сверкающих камней, инкрустирующих стены, рябило в глазах. Полумрак едва скрадывал их невероятный блеск, заставляя гадать, как эта красота смотрится днем.

Аматри распахнул дверь колесницы. Сделал пару шагов. Поправил покосившуюся шляпу. Вытянул руки, немного прогибаясь в спине. Глубоко втянул воздух в грудь и выдохнул.

— Избранная, — обернулся он ко мне. — Сколько раз тебе повторять, чтобы ты делала то, что сказали. Интересуюсь на будущее.

Я скривилась.

— Меня зовут Дробь. Это раз. Из-за тебя, я подвернула ногу. Это два. Три придумай сам.

Он склонил голову, вглядываясь в мою ступню. Она немного опухла за время полета и тихонько поднывала.

— Мне нужно было тебя остановить. Я рассчитывал на ушиб. Растяжение несерьезное. Через пару дней заживет.

— Отлично! Через пару дней и пойдем.

Аматри закатил глаза.

— Это в последний раз, — разворачиваясь на каблуках, он вновь потянул ко мне руки.

— Только не на плечо! Не на плечо! Чтоб тебя трехглавый единорог пырнул! Зачем так хватать-то? Меня укачивает. Меня тошнит. Сейчас вырвет!

Лорд опустил меня на землю.

Я оторвала кусок от подола, зафиксировала ступню, и, предложила свой вариант. Он согласился. Ухватившись за локоть

Аматри, я похромала вслед за ним. Если идти пострадавшей ногой на цыпочках — боль вполне терпимая.

— Зря тянешь время.

Мы миновали парадные ворота. Коридоры и залы замка представляли собой впечатляющее зрелище огромного пустого пространства. Я копалась в памяти и не могла вспомнить ничего такого же величественного. Стены уходили далеко вверх, заканчиваясь узорчатым сводом и чем-то отдаленно напоминая заброшенную католическую церковь. Нет, здесь не было стрельчатых окон и цветных витражей. Наоборот, залы наполняли холод, мрачность и серость. Внутри не было золоченых колон и расписных потолков. Никаких ковров, паркета и шлифованного мрамора. Дорожка тусклого света пролегала прямыми линиями по каменному полу, ускользая сквозь массивные арки.

— Тинхе не успеет тебя спасти.

Я изо всех сил попыталась представить, как Враг приходит меня спасать, и, потерпела неудачу. Последние события сильно разочаровали меня в способностях Тинхе пробудить в себе мужчину моей мечты.

— Идти быстрее я не могу.

— Если бы ты только дала мне вылечить ногу…

А так можно было?

Я резко остановилась.

— На, — выставила я больную ногу, другой наступая на что-то мокрое. Крыша тут, что ли протекает?! Неужели в идеалистическом мире магии тоже есть проблемы с коммунальными службами? — Лечи!

— Сними с себя заклятье, Дробь, и я с удовольствием исполню это желание, — протянул он.

— Нет на мне никаких заклятий, Аматри. А если и есть, то я о них не знаю. Я Избранная в Лэйтарии. У меня нет ни волшебного артефакта, ни феноменальной удачи, ни-че-го!

— Почти поверил! — усмехнулся он, блеснув чересчур белыми зубами. — Тинхе тебя не регистрировал. Значит, ты не проходила процесс отказа от предназначения. Магию у тебя не забирали.

Я резко погрустнела.

То есть, это он мне, что хочет сказать? Если бы я из Центра прихватила все оставшиеся коконы с магией, я бы могла расхаживать по Лэйтарии суперкрутой магичкой?!

— С тебя заклинания слетают, как вода с зонтика. Задевают лишь вскользь. И вредоносные, и лечебные. Тинхе такой магией не владеет. Значит она твоя. Не могу, правда, определить какая. Из какого мира тебя выщепили?

Я неопределенно пожала плечами. Ну, уж нет. Сопротивляться я не собираюсь, но и помогать, не намерена.

Аматри верно оценил жест. Подхватил меня за локоть и потащил дальше. В своих безупречно сидящих сапогах из последней коллекции какого-нибудь известного Дома Мод, он не чувствовал влагу на полу, но мы продолжали идти по чему-то мокрому. Чтобы скрасить последние минуты безмятежной жизни, я принялась перебирать все возможные причины служебного недосмотра за чистотой внутренних покоев дворца.

— О, во имя Незыблемых, где хоть одна лэй?

Очередной зал вызвал у меня жесткий приступ дежавю. По кругу, друг напротив друга, стояло, наверное, больше сотни то ли картин, то ли зеркал, завешанных бархатными шторками. Точь в точь как в Центре. Они чередовались с дверьми. После каждых пяти-шести зеркал обязательно шла дверь.

Чувствуя себя в безумном сне Алисы из страны Чудес, я поддела край ближайшего балдахина. На темной глади мелькнула картинка.

Скрипнула дверь. Я отдернула руку. В проеме из тусклого света появилась женская фигура, с ног до головы укутанная в плащ.

— Наконец-то, — раздраженно сказал Аматри. — Ты лэй Цветущей Цитадели?

Девушка кивнула.

— Владеешь боевыми искусствами?

Девушка кивнула вновь. На кончиках пальцев, едва виднеющихся из-под плаща, скопились капельки воды.

— Запри ее где-нибудь и следи за ней до тех пор, пока я не приду. Глаз не своди. Применение силы одобрено.

Капюшон колыхнулся, означая еще один кивок.

— Я ненадолго, — бросил он кому-то из нас, скрываясь за дверью.

Повисло молчание.

— У меня нога болит, — сразу предупредила я. — Быстро идти не смогу.

Но лэй никуда не торопилась. Дождавшись, когда шаги Аматри стихнут, она скинула капюшон. Я в удивлении раскрыла рот. Лицо молчаливой девушки было мне знакомо.

— 7 —

На темных густых волосах скопилась влага. Некогда распрямленные и уложенные в роскошную прическу волосы, свились в тугие колечки. Темные и ясные как горький шоколад глаза, внимательно изучали меня с ног до головы.

— Ты в той же одежде, что была на приеме, — удовлетворено констатировала девушка.

Я ответила ей тем же: озвучила очевидный факт.

— Ты — та лэй, что выступала со мной на сцене.

— Камер-лэй, — поправила она.

Ладно, очевидные вещи, не моя специализация. Как и дружеские беседы, но все же я попробовала:

— Ты была ледяной статуей. Когда тебя расколдовали?

— Меня не расколдовывали, — она смогла произнести это ровным, приятным голосом. — Я стояла в зале до полуночи, пока не наскучила гостям леди Солярис.

— А потом тебя повысили до лэй Цветущей Цитадели?

Она не ответила.

— Где ваши местные казематы? — продолжала храбриться я. — Куда ты меня отведешь?

Девушка отрицательно качнула головой. Видимо, я должна была гадать дальше.

— Если с тебя не сняли проклятье, то, как же ты освободилась?

Она растаяла здесь. Вот откуда лужи на полу. Но что это должно значить? Солярис в Цитадели? Может, я могла бы попросить ее передать весточку Тинхе?

— Я услышала тебя, — заговорила камер-лэй. Как будто все это время решая, стою ли доверия или нет. Я считала, что не стою. Но камер-лэй решила говорить и мое мнение ее не интересовало. — Не знаю как, но услышала. Я не в первые, оказывалась в положении провинившейся. Мне приводилось и раньше стоять под проклятьем.

Это изматывает. Постоянный страх. Сковывающий лед. Полное отсутствие надежды. Постоянное ожидание, когда же леди надоест твое присутствие, и она заменит тебя кем-нибудь поинтересней. Невозможно шевелиться. Разум в огне. Вокруг смех и веселье, а тебя никто не замечает. На тебя облокачиваются, на тебя налетают, на тебя проливают шампанское. Но это никого не волнует. Ты стоишь и ждешь, находясь под страхом, что любое неаккуратное движение может превратить тебя в осколки.

Ее речь текла плавно, как у учительницы музыки. Под нотками приятного голоса почти не чувствовалось, как дрожат ее губы, стучат от холода зубы, а тело трясет от понимания чего-то важного, ушедшего далеко за грань обычного восприятия

— О, — все, что смогла ответить я. Вечерний инцидент почти стерся из памяти. Слишком многое произошло после.

Девушка отмахнулась.

— В этот раз все было иначе. Я услышала тебя. По-настоящему. Я поняла, что могу с этим бороться. Могу вытащить себя сама. Но я не стала этого делать.

— Почему? — я задала вопрос не из вежливости. Мне действительно было интересно.

— Я не хочу здесь быть. Больше не хочу, — камер-лэй говорила не о Цитадели и не о Лэйтарии. Она говорила обо всей империи в целом. — Поэтому я ждала. Надеялась, что перед аукционом лорды захотят украсить зал. А что подойдет лучше, чем ледяные скульптуры — материально доказательство превосходства лэйтарцев над другими мирами? Я не ошиблась.

Она знала, что ей некуда бежать. Империя Незыблемого Трона Вечных огромна, но затеряться в ней невозможно. Камер-лэй не могла избавиться от вейоса, что клеймом чернел на руке. Он определял ее принадлежность к Дому из которого происходила леди Солярис. Никто не дал бы ей убежища. А попадись она обратно Солярис — беды не миновать. Беглая лэй — это удар по репутации, который невозможно простить.

Она могла попросить покровительства у других влиятельных лэйтарцев, но для этого она должна была их заинтересовать. Практически невозможная вещь! И ненужная. Новому хозяину она

могла надоесть также быстро, а вот его интересы в увеселениях могли оказаться более изощренными, чем у Солярис.

— Я слышала, что это тоже порталы, — указала девушка на зеркала. — Порталы в миры, что не захвачены империей.

Она подошла к алому бархату и одним коротким движением стянула полотно. Ткань приземлилась на пол с тихим шорохом. Под занавесью обнаружилось зеркало высотой в человека. По гладкой поверхности разбегались молнии золотого заражения.

— Рано или поздно они будут захвачены, — заметила я.

За темным стеклом расползалась картина умиротворенной вселенной. Зеленые горы, облюбованные растительностью, дремали в сонной тишине. Где-то высоко в небе кружились длиннохвостые птицы. Одинокие деревья, нашедшие дом в расщелинах, изгибаясь, пробивали себе путь к солнцу.

«Это миры нашего потока, — вспомнила я, едва ли не вплотную прижавшись раме. — Интересно, чей этот? Вряд ли Блонди. Она участвовала в Отборе невест. Кроме конных поездок по дворцовому саду, у нее не наблюдалось выездов на природу. Наверное, это мир кого-то, кто станет драконом или влюбится в дракона».

— Через десятки или сотни лет. В зависимости от того, насколько развит мир и как велика в нем память о богах. Я могла бы дожить до старости, так и не дождавшись прихода Вечных, — Камер-лэй завороженно следила за картинкой в зеркале. Райские птицы спустились на ветви деревьев, заводя унылую мелодию. — Посмотри, какое там все настоящее, — она ткнула пальцем в стекло и по изображению пошли круги. — Обычные птицы. Красивые, но не идеальные. А видишь камни? Они так сложены сами. Не по дизайнерскому заказу, не с малахитовым блеском, как модно в этом сезоне, а сами по себе. Их так сложила природа! И они лежат вот такой горкой уже много лет. Посмотри, какие они настоящие. Посмотри на их цвет! Натуральные камни. Не из лаборатории, не из магии, а из… из чего делаются камни?

Я посмотрела на кучку серых булыжников, любовно описанных камер-лэй. У меня они не вызывали восторгов. Разве что практических. Мне бы сейчас один такой камешек в руку, раз уж меч пришлось выкинуть.

— Не знаю, — пожала я плечами. Это как спросить, из чего делают воду. Из осадков? А осадки из испарений. А испарения из морей, да океанов. А те? Правильно, из воды, которая выпадает осадками. — Из минералов и слюды, может. Неужели в твоем мире не было камней?

— Когда мир присягает на верность Вечным, те проводят на его территории что-то вроде терроформирования. Меняют климат и ландшафт. Подгоняют воздух, гравитацию, микроорганизмы под установленные нормы. За этот период гибнет больше половины населения. Выжившим достается дизайн планеты, угодный назначенному лорду или леди.

Больше всего меня убивало то спокойствие, с которым она говорила о геноциде и смерти своего мира. Полная покорность. Принятие власти Золотой оси как чего-то неизбежного и закономерного. Мол, как иначе? Странно, что с такой психологией раба, она решилась на побег.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

Не в первый раз я задаю этот вопрос в Лэйтарии. Может, во мне все же таится парочка искр удачи Избранной?

— Когда ты безмолвная статуя, у многих рядом развязываются языки сильнее, чем им бы хотелось. Это как раз одна из причин, почему леди Солярис любит подольше подержать нас под заклятьем. Она очень любит чужие секреты. Леди хочет казаться взбалмошной и безрассудной, но все ее действия имеют двойное дно. Со Странником и лордом Аматри я бы тоже посоветовала не расслабляться. Им всегда хватало ума не просить у леди Солярис парочку ледяных статуй. — Девушка зябко поежилась. Под грузным плащом она, должно быть, стояла все в том же легком вечернем платье, что промокло насквозь. — Я говорю тебе все это потому, что встречала бывших Избранных. Отличия между ними не больше, чем между двумя лэй. Эмоции как под копирку: отрицание происходящего, резкие смены настроения, идиотские поступки без уверенности в последующей выгоды, необоснованная вера. Ты похожа на тех Избранных. Только ты еще не сдалась.

Мятежная рабыня двинулась по кругу, сбрасывая с плененных зеркал тряпки. Я захромала следом. Веселую мы представляли компанию. Камер-лэй, напоминающая воскресшую из мертвых

утопленницу старого фильма с плохим бюджетом, и Избранная в лохмотьях, что остаются у Золушки, когда часы пробивают двенадцать.

— Я слышала кое-что, — продолжала девушка. — Но увидев воочию отсутствие вейоса, убедилась окончательно. Ты — Избранная. Ты пришла из мира, где есть боги и предназначение. Где все можно изменить и исправить. Я права?

Я кивнула. Какой смысл в секретности?

— Номинально я Избранная, но по факту, — я развела руками, — в мире Золотой оси бесполезна.

— Но ты спасла меня, — не поверила девушка. На моем лице обозначилась озадаченность. Когда и от чего я могла спасти камер-лэй? — Ты — Избранная. Ты пришла спасти нас всех.

В драном платье, голодная, замерзшая, усталая, покалеченная. Ага, спасу я вас всех, как же.

— Все совсем не так. Да, я Избранная, но вряд ли хоть кому-то могу помочь. Даже себе.

— Но я хотела оказаться здесь и оказалась! Ты исполнила мое желание.

Я собиралась сказать, что в этом нет моей заслуги, но вместо этого спросила:

— А здесь — это где?

Лучше бы я не спрашивала.

Помимо совета, в этом месте проходил аукцион. Раньше я думала, что на нем продавали Избранных. О, какая ошибка! Обычный рынок рабов слишком милосердное занятие для лэйтарцев. Они продавали не девушек и не будущих лэй. Они продавали привилегию прекратить существование попаданки как Избранной, точно также, как Тинхе когда-то это сделал с Алисой. То есть, продавали право обратить жизнь Избранной в нескончаемую череду боли и отчаянья.

— Аукцион состоит в том, что лорды торгуются за право уничтожить Избранную. Оценщик объявляет, какой из миров самый лакомый кусочек. Избранная идет отдельным лотом. Чем девушка сильней и строптивей, тем интересней. Лорд-победитель отправляется в ее мир. Остальным позволено наблюдать. Лорд вторгается в ее историю и постепенно разрушает предназначение. Все длится до тех пор, пока Избранная не будет поверженна до той степени, чтобы

отречься от себя и своих сил. Это очень важное условие. Только после добровольной передачи себя во власть лорда, Избранную вытаскивают сюда, в Лэйтарию. — Камер-лэй сбросила последнюю тряпицу и ахнула. — Великие Вечные! Все сто сорок семь работают! Мне рассказывали, что такое происходило всего раз. Обычно Странники находят не больше двух-трех Избранных.

Девушка пробежалась взглядом по зеркалам. Глаза вспыхнули ликованием. Решив для себя что-то, она бросилась к одному из них. Остановилась у выбранного. Закрыла глаза. Приложила руку к стеклу. Зашептала слова.

Ничего не произошло. На бледном лобике обозначились морщины. Губы превратились в тонкую ниточку. Напряжение нарастало с каждой секундой.

— Нет, — возразила она, и ринулась к соседнему зеркалу. Повторила ту же процедуру.

Ничего.

— Нет! — упорствовала она.

Следом пошло еще одно зеркало, потом еще и еще.

— Камер-лэй, — позвала я. Ее бешеные метания приобретали все больше сходства с безумным поведением Алисы. Каблучки звенели по полу с нарастающим темпом, оставляя мокрые следы.

— Почему?! — воскликнула она, ударяя кулаком по раме. По стеклу пробежала рябь. — Почему ничего не получается?!

— Если бы зеркалами можно было легко воспользоваться, здесь было бы больше стражи, — предположила я. — Гораздо больше.

— Но мы же лэй! — девушка согнулась пополам, словно ее ударили под дых. — Нас никогда не берут в расчет. Они не боятся нас. Мы — никто!

Сто сорок семь зеркал. Это как-то связано с тем, что Избранных изымают в размере ста сорока семи?

На этот вопрос я не знала ответа. Но знала на парочку других. И звучали они так глупо и банально, что поверить в их реальность было почти невозможно. Мне вспомнилось уничтоженное зеркало Алисы, что не позволяло найти ее ни в одном из миров. Вспомнилось, как зерно золотой магии, заснувшее во мне, позволяло открывать все двери. Вспомнилось куча маленьких мелочей, что вели меня к этому моменту.

Я протянула руку к ближайшему зеркалу. Поверхность дрогнула под моим прикосновением. Палец проткнул зеркальную гладь. Я отдернула руку обратно.

Сердце забилось часто-часто. План созрел моментально.

— Камер-лэй, я исполню твое желание. Отправлю в любой из этих миров, но прежде чем это произойдет, ты мне кое в чем поможешь!

— 8 —

Зеркала разлетались брызгами стекла и света. Осколки взлетали вверх, падали на пол, отскакивали от него и смешивались с сотнями своих товарищей. Хруст и звон сопровождал их полет и падение. В наполненном эхом зале, звуки разбиваемых зеркал ласкали слух подобно симфонии Баха.

Каждое зеркало представляло собой портал в другой мир. Только работали они не как арка, что могла отправить в любое место на территории Золотой оси. Одно зеркало — один мир. Ничего лишнего.

— Здесь есть еще зеркала? — спросила я.

— Я знаю только об этих.

Камер-лэй не отставала от меня. Наоборот, опережала на несколько зеркал. Она била быстро и расчетливо, не допуская промахов и ошибок. Полностью закутавшись в плащ, она не боялась летящих осколков, вовремя уклоняясь.

Мои дела обстояли хуже. Во-первых, я хромала. Во-вторых, постоянные скачки адреналина и покалеченное тело, плохо сказывались на реакции. Я едва двигалась. Хромала от зеркала к зеркалу и едва удерживала палку. Она весила меньше, чем меч, но под грузом всего пережитого, с каждым замахом становилась все более неподъемной.

Нам удалось отломать раму одного из зеркал. Разделив ее на части, мы вооружились импровизированными дубинками. Мы шли по кругу с разных сторон. Последнее зеркало, что должно было быть разбито, достанется камер-лэй в качестве жилья. Я планировала активировать его магией и запустить нежданную помощницу туда. А после…

Я не знала, что после. Все инстинкты кричали, что я должна пойти с камер-лэй. Это был бы идеальный вариант! Сбежать вдвоем. Пока совет, Аматри, Тинхе и все прочие сообразили бы, что надо

делать, мы бы нашли зараженную Избранную! Рассказали все, и помогли справиться с возможным лэйтарцем, что решит покуситься на ее жизнь. Восстановить ее предназначение у нас не получится — не боги же мы, в конце-то концов, но не дать испортить себе жизнь окончательно, нам вполне по плечу. А дальше можно спокойно затеряться на просторах нового неизведанного мира. Камер-лэй все равно куда. Я же хотела попасть к кому-нибудь из моей пятерки. К сто сорок седьмой или к Ларисе. С первой мы точно не пропадем, а со второй еще и голодными не останемся.

Вот я размечталась. Но в любой иллюзии всегда присутствует одно большое «но!». В моем случае оно обозначалось именем Алиса. Я отправила ее к арке. Ждать. Ждать меня несмотря ни на что.

Черт!

Мне грозило уничтожение. У меня нет времени бежать за Алисой. Это безумие! У меня появился шанс, реальный шанс выбраться. Вместо одной Алисы я могу спасти одну невинную камер-лэй, Избранную с амнезией, которую я знаю, и себя. Я же важнее, так? Даже если убрать эгоистичные мотивы и оставить только рациональные. При памяти и на свободе, я принесу больше пользы, чем погибнув на полпути к нереальному идеалу. Мне же все равно не дойти до арки. Я не знаю где она. С такой ногой, как сейчас — я не дойду. Более того, из замка не выберусь. Он, на секундочку, в облаках парит. Вряд ли тут есть лифт, что доставляет к земле.

Нет, Дробь, нет. Даже не думай. Это бесполезное чувство вины. От тебя будет больше пользы живой и при памяти. Если отправить камер-лэй одну, она ни за что не разберется, кому и как помогать. Не факт, что она вообще станет этим заниматься. Страх быть пойманной пересилит любое обещание.

Я не должна — я обязана бросить Алису!

Я отвернула голову и с размаха всадила деревяшкой по стеклу. Темное зеркало пошло золотистыми молниями. Я повторила удар.

— Камер-лэй, ты знаешь, как добраться до арки? Той, что с полом из цветов и в огромном театре?

Зачем я спрашиваю? Чтобы убедиться, что ничего не могу сделать.

— Арка для лэй? Это почти на окраине города. Полчаса на пегасах. Пешком раз в десять дольше.

Камер-лэй принялась объяснять. Я слушала и понимала: шансов нет. Совсем нет! Не могу я для нее ничего сделать. С самого начала ничего не могла. Мне вообще не следовало приходить в Лэйтарию. Я была слишком самонадеянная.

Паника нарастала. Эмоции накручивались.

Я подвергала себя опасности прямо сейчас. Нужно было скакнуть в первое же зеркало и нестись прочь без оглядки. Это не трусость жертвовать невозможным ради реального. Не слабость. Это обстоятельства. Обстоятельства, которые так сложились. Которые всю жизнь складываются то в фиги, то в другие неприличные жесты.

Говорят, разбитое зеркало приносит семь лет несчастья. Я насчитала двести девяносто четыре года несчастья для себя и в полтора раза больше для камер-лэй, когда та неожиданно замерла.

— Тише!

Я застыла с поднятым над головой обрубком рамы.

— Что?

— Да тише ты! Я слышу шаги.

Я навострила уши. Удары сердца в груди участились. Глубокая тишина обволакивала пространство вокруг зала, не пропуская ни единого звука.

— Там ничего нет.

Камер-лэй бросилась поперек зала ко мне.

— Открывай проход, — прокричала она.

— Сначала мы добьем все зеркала.

— Нет времени!

— Я ничего не слышу. Ты зря паникуешь.

Камер-лэй схватила меня. Ледяные ладони девушки соприкоснулись с горячей кожей моей руки. От всех ссадин и синяков, мое тело трясло, будто в лихорадке.

— Ты обещала!

— Мы и половины не уничтожили. Соберись! — тряхнула я девушку в ответ. — Сама я все не успею. Аматри вернется в любой момент.

— Пожалуйста! — взмолилась та. — Кто-то идет, я не вру.

Сначала я хотела сдаться. Фиг с ней, пусть валит. А потом поняла. Каждое разбитое зеркало — это шанс для какой-нибудь Избранной. Это жизнь без вмешательства лэйтарцев. Пусть не в идеальном мире,

но с надеждой на что-то лучшее. По крайней мере без лордов-мерзавцев, что намеренно, ради собственного удовольствия, будут рушить ее судьбу.

— Ты тратишь время, которого у нас нет, — зло проговорила я, вырываясь из ее хватки. — Никто никуда не уйдет, пока мы все не закончим.

Девушка взглянула на меня испуганными глазами, и едва заметно кивнула. Я тихо выдохнула, когда камер-лэй развернулась, направляясь к своей части зала.

Время летело слишком быстро. Дверь могла отвориться в любой момент. Я била быстро и осторожно, чтобы не пораниться осколками. Несмотря на прикладываемые усилия, мне казалось, будто стеклянное крошево уже на моих руках. Мелкие частицы проникли под кожу и внедряются в кровеносную систему. Я почти ощущала зуд.

Я остановилась, чтобы почесаться, и тут мое дыхание перехватило.

— Камер-лэй!

— Я не отлыниваю! — огрызнулась она.

— Живо сюда, — скомандовала я, ковыляя к целому зеркалу.

Может усталость сказалась на нас двоих. Может, я слишком поздно услышала посторонние звуки. Может, была еще тысяча причин, почему все не могло пойти как надо. Но дверь распахнулась в тот момент, когда камер-лэй пересекала середину зала, а я только-только настроилась на открытие портала.

Удача в Лэйтарии — коварная, злобная стерва.

Он возник всего в паре метров от меня. Глаза в глаза я встретилась с озлобленной черной пропастью.

— Тинхе, — проговорила я самым ласковым голосом на свете и, покрепче перехватила деревянный обрубок от рамы. Магия Золотой оси продолжала тихонько пробиваться к порталу. Мое участие ей было больше не нужно. — Ты пришел спасти меня?

Он успел переодеться. Знакомый черный костюм, зашнурованный на все завязочки и застегнутый на все заклепочки, сидел на нем идеально. Что говорило о том, что он не бросился сломя голову на мои поиски, а спокойно умылся, оделся, причесался и, может, даже позавтракал под любимую передачу.

Ни единый мускул не дрогнул на лице мужчины, когда его взгляд окинул всю живописность разгромленного зала.

— От кого? — полюбопытствовал он.

Ему потребовалось мгновение, чтобы выдрать оружие из моей руки. Я отчаянно сражалась за ту иллюзию защиты, что несла в себе расколотая рама, но это нисколечко не помешало Врагу. Палка на скорости пронеслась к другой части зала. Бессердечный!

— Где белобрысый ублюдок? — пояснил он свой предыдущий вопрос.

Я попыталась вывернуться, когда Тинхе принялся скручивать мне руки, но удача и в этот раз послала меня куда подальше. Фыркая и пыхтя, я обреченно застыла на месте. Враг одолел меня в два счета. Это же не Аматри, которому лишь бы поулыбаться.

Камер-лэй повторила мои действия. Замерев в центре зала, она изо всех сил старалась обратиться обратно в ледяную статую. Она не шевелилась и, казалось, даже перестала моргать.

— Ушел за советом, — без колебаний сдала я Аматри. — Хочет засвидетельствовать меня, как твою контрабанду.

— Идиот, — констатировал Враг.

Я дышала тяжело. Грудь учащенно вздымалась вверх-вниз, а сердце колотилось со скоростью пережравшего энергетиков хомяка в колесе. Враг прижимал меня к себе спиной, перехватив рукой за талию. Другая рука лежала у меня на шее в предупредительном жесте.

— Как ты нас нашел? — спросила я. Связь с зеркалом текла как, густой цветочный мед. Споро, но недостаточно, чтобы сигануть в портал прямо сейчас. — Аматри считал, что ты не догадаешься, где нас искать.

Мужчина склонил голову. Теплое дыхание едва заметно чувствовалось на моем пылающем лице.

— Твоя подсказка пришлась кстати.

— Какая подсказка?

Тинхе позволил мне повернуться. Как раз настолько, чтобы увидеть кусочек бежевой ткани, торчащей из нагрудного кармана. В ярком свете зеркального зала, на нем отчетливо виднелись смазанные пятна крови. Моей крови! Губа еще кровоточила в тот момент, когда я оставляла на тряпице поцелуй.

— Личная вещь и свежая кровь, — пояснил Тинхе. — Это не магия, а скорее варварское колдовство. Изъял у одной самоуверенной Избранной. Не надеялся, что когда-нибудь пригодится. Но, надо же! Все-таки от тебя есть толк…

Я протестующе дернулась.

— Как и вред, — уважительно цокнул он языком. — Времени ты зря не теряла.

Его голос звучал тихо. На грани слышимости. Эти слова предназначались нам двоим.

Я хотела что-то ответить, но тут в голове что-то щелкнуло. Связь. Внутри вспыхнул искра. Странный дымчатый знак, видимый только мне, повис в воздухе и тут же исчез. По зеркалу рядом прошла межпространственная рябь, открывая проход.

Враг, не замечая перемен, продолжал:

— А в тебе больше от Избранной, чем я надеялся. Такой бардак развела. Долго же с ним будут возиться. Пошли-ка мы с тобой домой. Мне еще искать твою беглую напарницу. И, пожалуйста, в следующий раз, не позволяй себя похищать раньше завтрака.

Я его не слушала. Я сосредоточилась лишь на одном. Портал открыт! Он от меня в двух шагах. На расстоянии вытянутой руки. Спасение — вот оно! Если бы только Тинхе отпустил меня.

Как же сложно с этими мужчинами! Когда готова к отношениям — их не дозовешься, когда делаешь выбор в пользу свободы и самосовершенствования — вцепляются в тебя, как в спасательный круг.

— 9 —

— Нет, — запротестовала я, — мы не можем просто так уйти!

Я уставилась на камер-лэй, пытаясь взглядом ей передать, что портал активирован. Ну же, подойди и помоги мне справиться с этим мужланом!

— Почему же?

И правда, а почему?

Я схватилась за его руки, изо всех сил стараясь высвободиться. Без толку. Все равно что воевать с фонарным столбом. Враг удерживал меня без особого напряга. С каким-то отстраненным любопытством наблюдая, как я барахтаюсь в кольце его рук.

— Просто так отпустишь камер-лэй? — вымучила я причину. — Оставишь здесь?

Девушка вздрогнула. Она почти вросла в пол и очень искусно имитировала статую самой себе. Клод в женском обличии — не меньше.

— Она не моя собственность, а значит, не моя проблема, — отмахнулся он.

— Действительно, о чем тут можно волноваться? О том, что она проболтается!

— Кто станет слушать слова камер-лэй?

Девушка вздрогнула и отвела глаза.

Связь открытого портала надоедливо сигнализировало о готовности.

— Аматри! Не хочешь разобраться с ним?

— Он — сплошное разочарование. Посмеяться же над его провалом я смогу после того, как запру тебя на сотню замков, посажу на цепь и выставлю стражу.

Враг легонько подтолкнул меня к двери, но я уперлась пятками в пол.

— А давай я осколки подмету? — умоляюще протянула я, безнадежно цепляясь пальцами за черную кожу костюма.

— Так, ты просто выдумываешь причины, чтобы потянуть время. Зачем? Надеешься, что нас застанет кто-то из Вечных?

Все-таки быть Избранной — это слишком сложная работа. Мне бы отпуск или отгул.

Я покосилась на зеркало. Вот оно. Совсем близко. Проход в другой мир. Нужно самую чуточку удачи.

Я откинула голову назад на грудь Врага. Его сердце совсем чуть-чуть отклонилось от спокойного ритма.

— Мы вдвоем так редко куда-то выходим, — фальшиво протянула я, позволяя телу расслабиться и скользнуть вниз. Тинхе потерял мгновение, чтобы осмыслить фразу. Ровно столько потребовалось, чтобы оказаться пойманной подмышки у самого пола. Странник сделал короткий шаг назад, приблизившись к зеркалу чуть ближе, чем требовала осторожность.

— Что ты думаешь о совместном путешествии по экзотическим местам? — продолжала я отвлекать его внимание. — Или я тороплю

события?

Он хмыкнул. И я на сто процентов уверена, что закатил глаза.

— Разве недостаточно того, что мы живем вместе?

Я подавила вздох удивления: Тинхе впервые откликнулся на мою игру.

Слишком поздно.

Враг подтянул меня выше. Я перенесла точку опоры на ноги. Вложив всю силу в это движение, я что есть мочи толкнула мужчину спиной в грудь. И сразу заехала затылком ему в подбородок (но это уже случайно). Враг пошатнулся. Отвел руку назад, собираясь удержать равновесие. Но вместо твердого, холодного стекла, ощутил лишь засасывающую пустоту портала. Ему не за что было ухватиться. Инерция тащила его внутрь зеркала. Тягучая жидкость радостно приняла его в объятия.

Победа! Теперь разбить зеркало, и прощай Враг до лучших времен!

Вспышка ранней надежды затормозила реакцию. Рано обрадовалась. В последнем рывке мужчина вскинул руку, цепляя меня за шиворот. Зацепиться за что-то я не успевала.

Мы оба полетели в портал.

Сознание потухло, как свет в кинозале. Заработал проектор. Пошли вступительные титры. Треск сменялся скрипом, потом жужжанием, визгом, опять треском и так до тех пор, пока не заложило уши.

Первобытный иррациональный страх побежал по загривку и тут же пропал, наткнувшись на руку Тинхе. Я попыталась от чего-нибудь оттолкнуться, чтобы прижаться к мужчине ближе. Если приземление выйдет жестким, пусть удар приходится на него!

Все шло не так, как при проходе через арку в Лэйтарию. Мы летели в огромную дыру. Пространство сжималось и разжималось. Вокруг вспыхивали кольца света. Кожу покалывало. По ней бежали электрические мурашки.

Внезапно кольца сменились двухмерной картинкой.

Перед нами предстало изображение помещения из расписных стен и потолком. На огромных картинах изображались девы (именно девы, а не девушки) с длинными, распущенными волосами и в облегающих платьях. Они были запечатлены в момент выхода из

огромных купален. Свет из окон, падал на их растерянные лица, придавая им подобие божественности.

Огни свечей отражались в вычищенном до глянца полу. Десятки церковных канделябров освещали алтарную. На возвышении изгибающиеся статуи склонялись над купелью, протягивая к ней руки. Рядом со ступенями, ведущими в основной зал, виднелась криво набросанная пентаграмма. Сначала она казалась нелепым пятном. Потом начала приобретать все боле четкие очертания.

Картина мира пошла рябью. Горизонт вытянулся. Двухмерное пространство исказилось, грозя превратиться в своего трехмерного собрата.

До меня неожиданно дошло, почему все фокусируется вокруг аляповатой пентаграммы. Мы летели прямо в ее центр!

Черт!

Мир распался на кусочки. В голове что-то щелкнуло. Свет вспыхнул.

Добро пожаловать на выход из кинозала.

Нас швырнуло из портала, как самолет в турбулентность.

Падение вышло жестким. Для Тинхе. Затылком и лопатками он приложился о мраморный пол. Костюм из грубой кожи смягчил удар, но хватка все-таки разжалась. Мужчина кубарем покатился по ступенькам. К сожалению, их было пять. Ударившись о последнюю он чуть слышно вскрикнул. Это нисколечко не помешало ему тут же вскочить на ноги и, выпрямившись во весь рост, выглядеть очень угрожающе. Я же едва поднялась с пола на колени.

— Как-то неловко вышло, — пробормотала я.

С этой стороны не было зеркал, но портал продолжал работать. Легкое марево над пентаграммой указывало на проход обратно.

Враг отряхнул пыль со штанов и поправил манжеты.

— И зачем все это было?

Мужчина стоял прямо передо мной. Нас разделяла лестница и пяток метров. Портал остался за спиной. На расстоянии четырех шагов. Выбор казался очевидным. Не сводя пристального взгляда с Врага, я сделала пробный шаг назад. Развернулась.

Враг взмахнул рукой. Плиты под ногами заходили ходуном. Между мной и порталом в одно мгновение выросла мраморная стена. Он воспользовался магией! Не силой Золотой оси, а стандартным

заклинанием, которому можно обучиться в любой школе магии любого мира.

— Это Аматри тебя подговорил? Заманить меня в какой-нибудь мир, чтобы я не смог из него выбраться, пока не закончится заседание палаты лордов и совета Незыблемых?

— Аматри тут не при чем.

— А кто же активировал портал?

— Это не важно, — уклончиво ответила я. О магии знали камер-лэй и Алиса. Аматри лишь о чем-то догадывался.

Враг осторожно поднимался по лестнице, не сводя с меня пустого, темного взгляда. Будто всерьез задумался о том, что от меня может исходить угроза. Ха! Поздно меня бояться, я сдалась.

Идеи закончились. Я ковырялась в памяти в поисках подобной ситуации, но нещадно терпела провал. У меня не было заряженного револьвера, клыков и когтей, мистического артефакта или тайного таланта к магии. Хотя нет, погодите. У меня была магия Золотой оси. Которая делала что? Именно! Открывала двери! Офигенно полезная вещь, если под рукой нет ключа, дверной ручки, светочувствительных сенсоров или кнопки.

Как только я признала, что сдалась, все изменилось. Гора ответственности свалилась с плеч. Я больше не чувствовала угнетающей тяжести. Я выпрямилась во весь рост и встретилась с глазами Тинхе. В тот самый момент поняла, что готова остаться где угодно и быть кем угодно, лишь бы не возвращаться в мир Золотой оси. Он сломает меня. Извратит суждения до неузнаваемости. Перевернет компас морали. Заставит меня привыкнуть к местным порядкам. Сделает послушной лэй, что отчаянно бьется за внимание хозяина. А я не протяну долго. Я не сильна волей, как Алиса. Она немного тронулась умом, но по-прежнему хранила ненависть к Врагу. Я не такая упорная, как камер-лэй. Она родилась в завоеванном мире, но упорно хранила мечту о свободе. Я не такая. Я не лидер и не воительница. Я — просто я.

— Слушай, отпусти меня, а? Просто отпусти. Ну, запрешь ты меня. Аматри, рано или поздно, снова придет за мной. Зачем тебе такая угроза под боком?

— Не могу.

— Почему? Я заражена вашей магией. От меня не будет вреда. Возвращайся в Лэйтарию один. Мне не известно ничего важного о Центре.

Я сказала правду. Я не знала тайн и секретов Центра. С нами не делали ничего такого, о чем Враг не догадывался.

— Ты ошибаешься, — тихо ответил он.

Я обессиленно соскользнула на корточки.

Легкое движение, отмеченное краем глаза, и мельтешение тени, подарило немного надежды, что вместо того, чтобы разбивать зеркало, камер-лэй догадалась пойти за нами. Высота стены, выстроенной Тинхе, открывала возможность незаметно выбраться из портала и сбежать через заднюю комнату алтарной.

Хоть кому-то этим утром везет.

— Зачем ты это делаешь? Аматри сказал, что Золотая ось перенасыщена ресурсами. Лорды и леди страдают от скуки. Вы перестали заниматься чем-то помимо захвата чужих миров. Унижение и моральное уничтожение иномирных женщин и девушек превратилось в развлечение. Неужели это все, чего желает огромная продвинутая цивилизация, поставившая себя выше богов? Боли и страданий слабейших? Тех, кто не может дать отпор.

Тинхе чуть заметно скривился.

Свечи затрепетали с удвоенной силой, будто кто-то открыл дверь и впустил сквозняк. По гладкой коже мужского костюма поползли тени. Враг скрестил на груди руки.

— Не захват, а присоединение миров, — поправил он. — Мы даем им свое покровительство.

— От чего?

— От божественного вмешательства, их жестокости и попустительства.

— Пока жестокость я наблюдала лишь с вашей стороны.

— Пустой спор. Со временем ты поймешь, что я прав.

— Аматри говорил, что ты делаешь это не просто так, — продолжала напирать я. — Ты мстишь.

— Я смотрю, Аматри слишком много не по делу распускает язык. С чего бы вдруг?

— Брось, ты что, ревнуешь?

Враг вновь проигнорировал мои домогательства. На этот раз, не специально.

Двустворчатые двери в святилище распахнулись с помпезным грохотом. Иномирная речь из рваной тарабарщины и злобных выкриков пронеслась по залу. Символы на стенах вспыхнули красным, и нас с Тинхе отшвырнуло друг от друга. Он отлетел к окну, я проскользила по полу к купели.

Свозь открывшиеся двери, словно муравьи, потянулись люди с мечами и алебардами. В течение пяти секунд зал заполнился наполовину. Возглавлял местный патруль охраны и порядка, сгорбленный старик с посохом наперевес.

— 10 —

Пролетев по полу с десяток метров, я врезалась затылком в бортик купели. Враг отделался легким испугом. Конечно, у него вон какой крутой костюм. От любых ударов спасает. Еще и капюшон болтается. А на мне одно рванье из шелка и атласа. В самый раз, чтобы сверкать голыми коленями и получать на них синяки.

Горбатый старикан в рясе что-то скомандовал подчиненным. Две пятерки солдат-магов по обе стороны от него изобразили в воздухе святящиеся каракули. Порыв ветра встряхнул мои волосы. Удушающий запах ладана ударил в ноздри. Я прикрыла лицо рукой, но ничего не почувствовала.

— Тинхе, что происходит? Кто эти люди?

— Ты зашвырнула нас в мир, не зная о нем ничего? — кажется, он не был доволен.

— Я не очень умна, — крикнула я в ответ. По телу прокатилось раздражение. Мог бы раньше догадаться. — Из нас двоих — ты злой гений.

Враг не ответил. Вместо этого он провел ладонью перед собой, считывая информацию. Наверное. Выглядело именно так.

Старик что-то громко объяснял собравшимся.

«А можно перевод, — обратилась я к магии. — Все Избранные получают понимание иномирного языка».

Черный комочек внутри завертелся. Невидимые щупальца поползли по моему телу. Кажется, Малыш сам не знал, может ли помочь.

Чужаки принялись что-то бурно обсуждать, забыв о нас. Враг занимался исследованиями. Я почувствовала себя ненужной и лишенной внимания. Потом вспомнила, что это-то мне и надо, и тихонечко поползла к пентаграмме. Мой высокоинтеллектуальный план накрылся транспарантом.

Меня дернуло током. Несильно. Примерно так бьет статическим электричеством, когда дают номерок в гардеробной.

— Что за дела?

Не вставая, я протянула руку вперед. Пальцы наткнулись на невидимую преграду. Вокруг затрепетал воздух. Под ногами засветилась схема из перекрещённых линий и витиеватых символов.

Меня заперли в пентаграмме! Как демона!

Тинхе, попавший в такую же ловушку, выглядел чуть менее озадаченным, но более злым. Потыкав пальцем в плотный слой воздушного барьера, он многозначительно выгнул бровь. Я распахнула глаза шире, мол, близко не понимаю, что ты хочешь сказать.

Предводитель пестрой компании магов вновь что-то прорычал. Я как раз собиралась спросить, о чем старик нам толкует. По виду Врага становилось понятно, что он не страдает от языкового барьера. Но только я раскрыла рот, как черный кокон магии зашевелился. Мол, готов работать.

Маг из толпы громко гаркнул.

Тепло отозвалось в солнечном сплетении. По нервным окончаниям побежал разряд. Появилось странное эхо. Словно сквозь вату, послышался голос. Он звучал внутри головы, безжалостно отставая от слов иномирца. Я как будто смотрела боевик из девяностых с гнусавым дубляжем. Сначала шла иностранная речь, а перевод появлялся после того, как рот говорившего закрывался, и камера переходила к следующей сцене.

Старик в балахоне выпятил вперед крючковатый палец и хриплым с придыханием голосом, выкрикнул непонятную белиберду. Смотрел он прямо на меня.

«Сжечь проклятых демонюк! — предположила я. — Осквернительницу храма — первой!»

«Наша спасительница — фальшивка! — перевел Малыш, имитируя старческий голос, — Вот истинная Избранная!»

Почти угадала.

Один из стражников вскинул копье вперед, указывая на Тинхе.

«Пойдем потрещим за баб!» — не сдавалась я.

«Что делать с нечистым?» — продублировала магия.

Признаю, интуитивное изучение иностранных языков не мой конек.

Скрюченный дед бросил грозный взгляд на говорившего, и прокряхтел в ответ.

«Помоем его, — уже без особого энтузиазма предположила я. — И постираем его одежду»

«Не трогать его. Должно быть это слуга Избранной»

— Слышал? — обратилась я к Тинхе — Общественность считает, что ты должен быть моим лэй. Я же, по своему великодушию, предлагала тебе место моего воздыхателя.

Антрацитовые глаза переливалась всеми цветами зажженных свечей.

— Разве речь шла не о роли возлюбленного?

— Я понизила тебя в должности, когда обнаружила в твоих казематах еще одну Избранную. Слышал о такой вещи как моногамия?

Голова адски раскалывалась, но я продолжала гнуть свою линию. Не из надежды, что Враг проникнется моими стараниями, а из уверенности, что увлекшись (или утомившись) игрой, он проболтается о чем-то важном. О чем-то, что сможет мне пригодиться в будущем, если это самое будущее наступит.

— Она была там для других целей, — небрежно бросил Тинхе.

— Хочешь сказать, это не то что я подумала, да? Классика!

Темные глаза предупреждающе сузились.

«Я подыгрываю и отвечаю на вопросы лишь по своей безграничной милости. Так что не перегибай палку. Ты мне интересна не больше, чем золотая рыбка в аквариуме», — примерно так я интерпретировала его взгляд.

Казалось бы, конец диалогу, но Странник позволил себе несколько поясняющих фраз:

— Один из божков Центра причинил мне весомый ущерб. Лично мне, — выделил он, на случай, если я вдруг не проникнусь коварством своих хозяев. Он приложил руку к груди. Жест вышел привычным и неосознанным. Заметив за собой этот маневр, Враг сжал ладонь в кулак.

«Причинил ущерб». Любили лэйтарцы подобные словечки. На языке Тинхе это могло означать все что угодно. От «разбил любимую кружку» до «спалил хату и увел любимую рабыню».

— Я посчитал целесообразным ответить равноценным моей боли ударом.

Клод. Конечно, он имел в виду Клода. Вряд ли речь шла о Лёше. Чем тот мог навредить Страннику? Ослепил чересчур доброжелательной улыбкой? Был милым?

— Что он сделал?

— Не важно. А знаешь, что важно? Как ты поняла, о чем они говорят?

— Таинственная сила Избранной.

— Я тебя на опыты пущу, когда выберемся.

Я выпятила вперед руку, демонстрируя чистое запястье без вейоса.

— Сначала заполучи меня в собственность.

Враг потер лоб костяшкой указательного пальца. Посмотрел на стражу, заполнившую большую часть помещения, и произнес:

— Все. Довольно.

Размахнувшись, он врезал кулаком по невидимому барьеру. Раз. Два. На третий раз по воздуху поползли золотые трещины. Он разбивал магию! Стражникам это не понравилось.

— Вызовите спасительницу, — потребовал старик. Перевод почти синхронизировался со словами.

— Вы же сказали, что она фальшивка.

— Вот и проверим.

— За ней отправили сразу, как появилась чужачка.

Старик вздрогнул, когда хруст ломающейся пентаграммы пронесся по залу. Мотнул посохом из стороны в сторону и приказал:

— Атакуйте, как только заклятье падет. Найдем спасительнице другого слугу.

Невидимый барьер рухнул и два десятка заклинаний ударили Тинхе в грудь. Тот даже не шелохнулся. Единственное, что среагировало на магию — узоры на его костюме. Они замерцали как новогодняя елка, придавая облику Странника мрачную веселость.

— Как я это все ненавижу, — пробормотал он, отвечая атакующим доброй порцией опасной магии.

Началась заварушка из заклятий, световых всплесков и грозных выкриков. Я вжала голову в плечи. От моего удара барьер даже не задрожал. Щелкнул током и оставил ни с чем.

Волосы наэлектризовались. По коже побежали мурашки. Заклятья летали по залу, но какого-то сдвига в перевесе сил не происходило. Маги боялись приближаться к Тинхе, а их ворожба едва его задевала. Вынужденный обороняться, Враг почти не имел возможности отвечать нападавшим. Было видно, что к таким стычкам он не привык. Отступить к порталу, ему не позволяла то ли гордость, то ли острое желание утащить меня вместе с собой. А последнее представлялось очень непростой задачей.

Все переменилось в тот момент, когда заскрежетали двери храма.

— Хватит! — девичий голос прорезал гул речитатива заклятий. — Прекратите! Неужели нельзя вести себя цивилизованно?

Проталкиваясь сквозь магов, вперед вышла очень худенькая шатенка. Вспышки заклинаний не утихли, но стали реже. Чертовски, знакомая девушка с собранными в хвост кудрями смотрелась по-настоящему впечатляюще. Истинная Избранная.

— Давайте попробуем все обсудить, — продолжила она, обращаясь к Врагу.

Этого я позволить не могла.

— Пятая!

Девушка перевела взгляд на меня. Я приветственно помахала рукой.

— Кира! Карина! Точно как-то на «К», — ее имя отказывалось всплывать в памяти. Впрочем, меня она вообще не узнавала. — Землянка! Освободи меня из круга. Я своя. А этот демон держит меня в заложниках.

— С какой радости я стал демоном?

Враг отмахивался от заклинаний, что давалось не так легко, как он хотел это показать. Было очевидно, что Тинхе редко участвовал в открытом противостоянии с множеством противников.

Сомнения отразились на миленьком личике пятой. Этого колебания оказалось достаточно, чтобы сдерживающиеся стражники вновь предприняли атаку. Магия понеслась с новой силой. Девушка припала на одно колено, чтобы не получить разряд в спину.

— Катерина! — позвала я, когда Враг отвлекся. — Просто помоги убрать барьер.

— С какой стати я должна…

— Ни с какой, — рявкнула я, имитируя интонацию Клода. — Делай, что тебе велено, Избранная!

Голос произвел нужный эффект. Как под гипнозом, пятая прошептала заклинание, снимая сдерживающие чары. С последним словом ее голос надломился, а в глазах отразилась паника пополам с тоской. Что-то до боли знакомое, почти узнаваемое. На один короткий удар сердца показалось, что она вспомнила меня, Центр и свое предназначение.

— Все как-то неправильно, — пожаловалась она.

— Скоро станет еще хуже. Будь осторожней. Не доверяй никому. И удачи.

Мгновение просветления пропало. Вернулась легкая озадаченность и упрямая воинственность. Интерес к моей персоне пропал и вернулся к Врагу.

Больше мне здесь делать было нечего. Пригибаясь под звенящими заклятьями, рикошетившими от стен храма и друг об друга, я двинулась вдоль выстроенной Тинхе стеной.

???

В этот раз из зеркала я не вывалилась, а выползла. Это чуть более грациозно, чем падать прямиком на жесткий пол и почти безболезненно. Но все же унизительно. Особенно если выползаешь кому-то под ноги.

Я подняла голову.

Победа номер один — это не Аматри.

Совершенно незнакомый лорд с выражением лица, наполненным ужасом. Очень молодой и абсолютно безобидный. Будто попавший в этот чудовищный мир по ошибке. Он так и не шелохнулся, в безмолвии наблюдая, как я покидаю портал. Будто перед ним оказалась не хрупкая ободранная девушка, а чудовище из кошмаров. Возможно, его мама-леди каждый день перед сном рассказывала страшные истории об Избранных, что шныряют между мирами и утаскивают непослушных лордов в рутинную, посредственную жизнь с пятидневным рабочим графиком, минимальной оплатой труда, алиментами и тремя кредитами. Или он смотрел «Звонок».

— Такое здесь каждый день происходит, — заверила я его, ощупывая поверхность портала. Липкая и тягучая жижа отказывалась становиться плотной, чтобы я могла ее разбить.

— Он о-останется открытым, пока ег-го не закроет кто-то из Вечных, — немного заикаясь, пояснил незнакомец. Серый костюм с галстуком добавлял ему парочку лет, но не отнимал того факта, что лорд едва ли достиг совершеннолетия.

Я отсалютовала парню. Мол, благодарствую. Пригладила волосы и поковыляла мимо него к двери. Он остался стоять столбом.

— А, да, — спохватилась я, опираясь о косяк. Маленькая передышка перед долгим, почти непреодолимым путем. — Если в скором времени из зеркала появится кто-то еще, задержи его, будь любезен.

Я не очень рассчитывала, что это сработает. Но надеялась, что у Врага уйдет пара десятков минут, чтобы выяснить у лорда в костюмчике, о чем я с ним разговаривала. Мне же предстояло разгадать великую, вселенскую тайну: способен ли среднестатистический человек управлять повозкой с пегасами, если он катался на ней всего три раза?

— 11 —

Я летала по звездному небу.

Я управляла повозкой краденых пегасов.

Огни ночного неба путались в моих волосах.

Я совершила легкую посадку на черную полосу дороги.

Меня вырвало.

Я прижалась к стене и вознесла молитвы богам Центра. Аль и Бель постукивали копытами. Да, я стащила пегасов Врага, а не Аматри. Гнаться-то за мной будет Тинхе. Лишить его транспорта совсем не грех.

— Идите куда-нибудь, — махнула я.

Транспорт ответил возмущенным ржанием.

— Ну и ладно.

Я дрожала как осиновый лист. Каждая мышца откликалась болью. Руки закостенели. Сама я продрогла до костей. По земле я ступала в лучших традициях алкоголика со стажем. Шаталась, подавляя приступы рвоты и держась за стеночку. Именно так я добралась до входа.

Дернула дверь. Та не поддалась.

Комок подступил к горлу.

Я замолотила кулаком. Не уйду. Я проделала весь этот путь, не для того чтобы спасовать перед закрытой дверью. Я взломала тюрьму, обхитрила Врага, пронеслась на колеснице по всему небу, и что же? Меня обломает дверь?

Уф. А что с беглянкой?

— Алиса! — прокричала я. — Это Дробь. Выходи.

Обходить «театр» в поисках беглянки я не намерена. Не с такой ногой и не с такой жизнью.

— Открывайте! Эй, тупой стражник! Открывай дверь немедленно или я ее выбью!

Пустая угроза, но это все что осталось в моем арсенале.

С той стороны послышался звук.

Я уперла руки в бока, готовясь из последних сил выдумывать красочное оправдание моей одежды и причины, почему мне срочно нужна арка, а стражник обязан без вопросов к ней пропустить.

Дверь отворилась. На три сантиметра. Сквозь щелочку показалось знакомое лицо.

— Дробь! Это и правда, ты? Ты смогла!

Алиса накинулась с объятьями. Она нашла где-то тонкую палочку и заколола ими волосы, замотав их на макушке в пучок. Ее новый образ выглядел менее криповым, но все еще ассоциирующимся с японскими фильмами ужасов.

Алиса здесь. Она спаслась. Ее не поймали. Одна хорошая новость за весь чертов день!

— Где охрана? — вертя головой, спросила я.

— Ночью телепортами для лэй не пользуются.

Алиса захлопнула за мной дверь, тут же заперев на щеколду.

— Я перекрыла все проходы. Не хочу, чтобы кто-то ворвался на самом интересном месте, — пояснила она. Я вскинула брови. Это ж телепорт! Как его можно оставить без охраны? — Для верхушки Лэйтарии арка не ценнее автобусной остановки на Земле. То есть, будет досадно, если вандалы ее разгромят, но не критично. Днем стоит страж только для видимости. Преступлений в Лэйтарии не бывает.

— Сама Лэйтария — одно большое преступление, — буркнула я.

В сравнении с залами Цветущей Цитадели, это место казалось почти крошечным. И все же, чтобы доковылять до его центра, мне пришлось угробить несколько драгоценных минут. Алиса пыталась помочь, но я только отмахнулась. Любое движение могло вывести меня из хрупкого равновесия.

— Что произошло?

Она нервно заламывала руки, не зная, как ко мне подступиться.

— Долгая история.

— Тебя часа два не было. Как она может быть долгой?

В глазах помутилось. Ноги подкосились. Я плюхнулась на ступеньку помоста. Одну минутку. Я дам себе передохнуть всего минуту.

— Дробь?..

Руки дрожали, а к горлу подкатывала тошнота. Я убрала с лица прилипшие пряди волос. Утерла с лица пот. Помассировала виски. Бесполезно. Мозги отчаянно отказывались прочищаться.

Вот бы под ледяной душ и в теплую кровать.

Я вскинула голову.

— Да?

— Как ты… Ты так и не рассказала, как планируешь отправить меня домой. Это, — указала она на цветастое убранство зала, — не отправит нас на Землю. Арка перемещает между мирами Золотой оси. Зарегистрированными мирами. Теми, что числятся в каталоге. С мирами, что заключен договор о присоединении.

— Я знаю. На Землю он нас не вернет. Но нам туда и не надо. Мы вернемся в Центр. Я пришла через этот портал сюда, значит, смогу и выйти через него.

Та эмоция, что отразилась на усталом лице Алисы, тряханула меня не хуже молнии. Жалость. Снисходительность. Она решила, что я тронулась умом и искала слова, чтобы объяснить мне правду, не травмировав при этом окончательно и бесповоротно. Примерно те же чувства я испытывала к ней, когда встретила в клетке.

Но я не безумна.

— Поторопимся, — скомандовала я, вставая. Нет у нас времени на размусоливание. — Не знаю, как долго Тинхе потребуется, чтобы выбраться и вновь меня найти.

Почему я не стащила у Врага тряпицу с моей кровью? Возможно, прямо сейчас он проводит очередной ритуал поиска.

Я прикрыла глаза, собираясь с мыслями.

— Уходим, — мягко ответила Алиса, явно опасаясь спровоцировать срыв.

Поднявшись на верхнюю ступеньку, она освободила дорогу к белоснежному порталу из матового камня. Арка возвышалась непреступной магической скалой, где одна мысль о ее покорении отзывалась головной болью и смертельной усталостью.

— Да-да.

Последний рывок.

Я заставила себя подняться по ступеням. Тело слушалось с такой неохотой, что казалось, вот-вот перестанет подчиняться.

— Дробь, — поторопила меня Алиса, когда я замешкалась у портала. — В чем дело?

— Я куда-то лечу, — пробормотала я.

Девушка от нетерпения притопнула ножкой. Я понимала ее спешку. Она была в одном шаге от спасения. Ей пообещали свободу, о которой она перестала мечтать. И что же теперь? Я торможу. Боже, как же она должна ненавидеть меня сейчас.

— Дробь, я не понимаю, что ты там лепечешь. Тебе нужна помощь?

— Нет, все хорошо, — лепнина каменной арки отозвалась на кончиках пальцев укусами холода. Я поборола желание прижаться лбом к холодной шероховатой поверхности. Воздух пылал от жара, источаемого моей кожей. Сомнений в том, что у меня подскочила температура, не осталась. — Но я как будто улетаю в отпуск. Собрала все вещи. Вот стою у порога, с четким пониманием того, что я что-то забыла. Но вспоминать бесполезно. Какая бы вещь не осталась в глубине прибранной квартиры, память о ней придет по дороге в аэропорт или в самолете. Не раньше.

Алиса покачала головой.

— Я не хочу в отпуск. Я хочу домой.

Этого хватило.

Я крепче прижала ладонь.

Золотая магия заменяла вейос. Арка идентифицировала меня как леди. Это пришло на интуитивном уровне, когда энергия перехода в

иные миры, смягчилась под моим прикосновением.

«Активировать магию. Представить Центр. Зайти», — повторила я.

Три простых действия для открытия арки. Ежедневная рутина для сотен лэй. Проще, чем система метро. Уровень лифта: нажал кнопку вызова, выбрал этаж, поехал. Все действие рассчитано секунд на пятьдесят. Отчего ж мне это представлялось логической задачкой невероятной сложности, где ошибка будет стоить жизни?

Система приняла меня.

Перед мысленным взором понесся список непонятных названий. Будто прокручивалось пользовательское соглашение. Я сосредоточилась на второй фазе плана. Центр. Как сказала лэй, которую я встретила в первый день перед фасадом здания, нужно представить мир, в который желаешь переместиться и обратиться к его покровителям.

Чистое голубое небо без единого облачка. Зеленые бескрайние холмы, как с картинки рекламной брошюры. Гора, скрывающая за собой гряды величественных скал.

Больше. Нужно больше.

Сложная система подземелий из коридоров, зеркал и дверей. Смех. Группы Избранных. Спорящие, ругающиеся, злословящие, сплетничающие. Деревянный помост, выстроенный Атросом для занятий. Грязевая яма, в которую падают проигравшие.

Уже ближе.

Воссозданный для кросса по пересеченной местности лес. Стекающий по лицу пот. Глаза щиплет, дыхалка готова сожрать саму себя. Мышцы на пределе. Падаешь траву. Она мягкая как лен и пустая. Без запаха. Без оттенков. Травинка к травине. Рай идентичности.

Слышен пульс и бешеное биение сердца. На этом звуковой диапазон закончен. Не стрекочут кузнечики, не жужжат надоедливые осы, старательные пчелы и самодовольные шмели. Не слышен шелест деревьев.

Солнце не печет, хотя на улице, очевидно, полдень. Вечный статичный полдень. Без кроваво-красных закатов и удивительно завораживающих восходов. Краски мира ограничены, как вторичные цвета колористки. Мир искусственен.

Почти на месте.

Атрос, Лёша, Клод. Три сестрицы у веретена ста сорока семи судеб плюс еще одной. Слепые пряхи, собранные из пантеонов старых, забытых, исчезнувших богов. Сочетание несочетаемого: человек, яма и статуя. Спокойный рассудительный Атрос. Беззаботный вечно юный Лёша. Непоколебимый рыцарь, страж спокойствия и порядка, жесткий, непримиримый инквизитор и носитель ясного ума, Клод.

Готово.

Магия под ладонью завибрировала. Мир найден! Я вдохнула яркую насыщенную картинку. Я посмотрела на Алису. Та следила затаив дыхание. В ней смешалась композиция эмоций из предвкушения, возбуждения и надежды.

С той стороны, где в межпространственном измерении дрейфовал Центр, поступил положительный ответ.

Арка завибрировала светом.

Я обернулась к Избранной. Меня перепирало от бури эмоций. Сработало! Портал работает! Мы уходим. Мы возвращаемся в Центр. И никто нам не помешает. Зал абсолютно пуст. Двери заблокированы. Ни Враг, ни Аматри нас не остановят. Я стою у арки. Я держусь за нее. Я делаю все ровно так, как меня учили. Я контролирую местность. Контролирую свою реальность. Я сделала это, Клод! Я победила долбанную систему Золотого мира!

Клод подавится своей собственной мантией, когда я вернусь с Избранной номер семьдесят четыре!

Мои губы растянулись в злорадной улыбке. Чувствуя себя коварной злодейкой, я в предвкушении протянула Алисе руку:

— Я открыла его. Пойдем, поздороваемся с Клодом.

Девушка улыбнулась в ответ. В ее глазах сияло искреннее незамутненное восхищение. Но принадлежало оно не мне.

Крепко ухватив ладонь, девушка дернула меня назад. Я взмахнула рукой и тут же получила кулаком под дых. Последовавшая подножка лишила меня последнего сопротивления и боеспособности. Я свалилась безвольным мешком картошки на край постамента. Но девушке этого оказалось недостаточно. Она водрузила на меня ногу и небрежно пихнула в плечо.

Я кубарем покатилась по лестнице. Распласталась я у подножья, чудом не свернув шею.

— Что, твою мать, ты творишь? — выдохнула я, отнимая руки от головы.

Девушка меня не слушала. Как загипнотизированная она подошла к арке, приложила руку к тому месту, где я активировала Золотую магию и четко в пустоту произнесла:

— Зафиксировала.

Я перевернулась на бок. И все. На этом мои движения закончились. Я не смогла подняться. Я лежала на полу. Ноги подогнуты. Одна рука прижата, другая упирается в пол. Можно подумать, что я собралась спать. Но за окном выглядывали первые лучи солнца, а отходить ко сну я привыкла в более комфортных условиях.

Просто не было сил. Никаких.

И все же я попыталась.

— Алиса… Что бы тебе Враг не внушил… Как бы тебя не заколдовали… Это все ненастоящее. Это магия Золотой оси. Сопротивляйся. Он воздействовал на твое сознание и…

Мои путаные слова оборвались. Девушка встретила мой прямой взгляд. Насмешливо с вызовом.

— Ты не Алиса, да? Кто ты?

Я бы не поверила, если бы не видела своими глазами. Отчаянная, нервозная и запуганная девушка, едва удерживающая себя на краю нервоза, распрямила плечи. Налет безумия, вдыхающий в тщедушное тельце жизнь, растаял подобно первому снегу. Прямой открытый взгляд с нотками превосходства и уверенная стойка. Передо мной во всей красе стояла сильная, натренированная и смертоносная Избранная. Алиса.

Как это могло быть?

— 12 —

Она зафиксировала портал в Центр. Она оставила открытой дорогу, через которую Враг может вторгнуться на земли незащищенных богов.

— Сбита с толку? — ясный голос Алисы. — Не в первый раз за сегодня, я права?

Она не под заклятьем Золотой оси. Она не незнакомка в облике черноволосой пленницы. Она не жертва, принужденная Врагом. Она та

самая девушка, которую я обнаружила в казематах. Настоящая Алиса. Избранная во всей красе. Предательница.

Я искала ей оправдание. Искала и не находила.

Может, она сама не понимала, что делает?

— Алиса, я открыла портал в Центр. Мы можем вернуться. Это, конечно, не дом. Но мы обе провели в нем достаточно много времени. Ты, конечно, не помнишь, но с той стороны портала у тебя есть друг, который очень скучает по тебе. Который переживал и беспокоился за тебя. Поэтому я пришла в Лэйтарию. Ради твоего спасения. Я не знаю, что переклинило в твоей голове, но мы на одной стороне. В отличие от Врага, что вот-вот явится.

Мои слова звучали в пустоту. Девушка не слушала.

— Побереги дыхание, Дробь.

Она облокотилась спиной об арку, и скрестила перед собой руки. Искры магии скатывались по ее волосам, возвращая прежний вид, наполненный свежестью и жизнью. Лучше любого шампуня, честное слово.

— Единственный, кто тут нуждается в спасении — это ты.

— Может, решим все на той стороне? Если ты боишься, что Центр тебя не примет, потому что ты больше не Избранная или делала что-то, что не следовало, забей. Знаешь, там не особо избирательные боги. Ты на меня посмотри. Пока Враг нас не нашел, мы еще все можем исправить.

— Ему незачем нас искать. Он прекрасно знает, где мы. Скажу больше. Он знал, где мы будем в тот самый момент, когда встретил тебя в Лэйтарии. Все что с тобой произошло — результат его воли, а не твоей. Не считая Аматри, конечно. Поверь, все бы закончилось раньше и с меньшими травмами для тебя, если бы белобрысый идиот, спокойно спал дома.

Легкий побег. Тюрьма без охраны. Без вести пропавшая Избранная. Не особо расторопный Враг. Слишком просто, чтобы быть правдой. Неудивительно, что я справилась с Тинхе и смогла улизнуть на его колеснице.

— Почему?

Боже, такое клише, но любой другой вопрос не нес бы в себе всю мою растерянность, непонимание и боль.

— Почему что?

— Почему все. Почему ты ему помогаешь? Ты же — Алиса. О тебе боги легенды рассказывают! Что он пообещал? Центр предлагал тебе целый мир! Любовь всей твоей жизни, славу, богатство. Что такого мог дать Враг?

Я искренне не понимала. Я завидовала каждой Избранной, что уходила в портал. Им давали все и даже больше. Интересные приключения, верные друзья, захватывающие интриги. С гарантией безопасности, и обязательным хорошим финалом. С пометкой «И жили они долго и счастливо». Что может быть лучше?

— Выбор, — коротко ответила она, не собираясь продолжать.

Так не пойдет. Мне требовалось пояснение. Я хотела знать, из-за какого сдвига в прекрасной головке Алисы миры обречены на погибель.

— Только не начинай втюхивать бред про искусственную любовь, — коротко хохотнула я. — Мол, хочешь чего-то настоящего, а не прекрасного идеального принца. А все эти дворцы, слуги и комнаты, набитые роскошными платьями и драгоценностями, тебе противны.

Лицо девушки перекосилось.

— Думаешь дело в этом? Или твой мир состоял из сладкой ваты, единорогов и разноцветных бабочек? Может у тебя и правда память отшибло? Ты помнишь свое будущее? Заглядывала ли в зеркала других Избранных? Ты слышала лишь заманчивые посулы! Обещание награды. Богатство, любовь и магия не компенсируют ужас, который приходится пережить по дороге. Битвы, погони, драки, кровь, убийства! Вот что было в моем будущем, прежде чем я доживала до счастливого конца. У меня умер друг. На моих руках! Я прокручивала эту сцену сотни десятков раз. Результат один. Я думала со мной что-то не так. Почему я проигрываю в зеркале одну и ту же ситуацию раз за разом, и ничего не могу поделать? Человек, самый достойный, честный, и лучший из людей, которых я когда-либо знала, встречает меня в новом мире, поддерживает во всех сложных ситуациях, бесплатно обучает магии, в итоге жертвует собой, спасая мне жизнь. Я была сбита с толку. Я не понимала. Я взмолилась Клоду, сказала, помоги, я не могу позволить этому произойти. В чем загвоздка? Какое правильное решение нужно принять? Помоги мне! Знаешь, что он ответил? Что я не должна заморачиваться. Что это событие —

обязательный этап моего становления как Избранной. Что лишь потеряв кого-то важного, я получу силы победить.

Я собиралась что-то ответить, но Алиса не дала мне такой возможности.

— А моя гарантированная любовь, — хмыкнула она. — Принц на белом коне, так ты это назвала? Ты помнишь, что я рассказывала про спасаемый мир? Про царя в белокаменном дворце с гаремом. Это его сердце я должна была завоевывать. Тирана. Диктатора. Похотливый мужик, не понимающего слова «нет». Наша с ним первая ночь мало чем отличалась от изнасилования. Разве что лепестками роз, свечами, большой кроватью и тем, что никто бы не принял мое заявление в полицию. Вот такого человека мне предстояло полюбить. Примерно лет через двенадцать, если я не ошибаюсь. Стокгольмский синдром и сломанная личность — залог успеха любого брака. Что скажешь на это? Только давай не про спасение мира. Не о том, что мое счастье и некоторые неудобства могут потерпеть, если дело касается нескольких миллиардов жизней. Этого я наслушалась вдоволь.

Я опустила глаза.

Я не знала, что сказать. Не знала, как бы себя чувствовала на ее месте. Мы же Избранные. Разве с нами все так происходит? Мы же выбираем свои единственно верные, идеальные для нас мира. Как такое может произойти?

Я не видела историй своих подруг. Не так, что б от начала и до конца. Мельком, урывками, моментами. Но если бы их зеркала показывали что-то откровенной жуткое, разве они бы со мной не поделились? Разве не начался бы бунт ста сорока семи?

— Задумалась, так? — усмехнулась Алиса.

Она могла врать. Или…

— Погоди! Ты помнишь Центр? Клода? Свой мир? Так зачем тут я?

— Ты не догадалась? До сих пор не поняла, даже после того, как я все рассказала? Тинхе нашел меня в одном из зеркал, когда я была на грани. Я уже знала, что такая жизнь мне не подходит. Что как бы упорно я не тренировалась, мне не спастись. Не изменить судьбы. Я знала, Дробь, но поделать ничего не могла. Тинхе стал для меня спасением. Не спорю, наш разговор начался вполне стандартно. Он пытался выяснить что-нибудь о мирах, куда отправлюсь я или мои

соотечественницы. Расспрашивал о том, что происходит в Центре. Я держалась осторожно. Отвечала уклончиво. Я знала, что мне не стоит вести с ним беседы, но остановиться не могла. Это я предложила. Мы заключили договор. Я сдаю миры всех Избранных. А он находит и забирает меня в Лэйтарию. Конечно же, я не могла претендовать на гражданство. Обладать магией Золотой оси — обязательное условие для леди. Как бы ни была сильна и продвинута эта цивилизация, собственную родную магию передавать кроме как своим потомкам, они не научились. Тинхе рассказал мне все. Передал слово в слово все то, что я просила. Он не обманул меня. Он сдержал свое обещание.

Во мне мелькнула искра надежды.

— Он мог соврать. Это же Враг!

— Он предоставил записи наших разговоров. К сожалению, их было недостаточно, чтобы я открыла проход в Центр. Но хватило, чтобы я ни разу не пожалела о принятом решении.

Она закатала рукав длинного платья. Красная метка четко выделялась на белой коже.

— Ты стала лэй добровольно, — я хотела произнести это спокойно, но не удержалась от презрения. Я слишком устала, чтобы контролировать свои эмоции. — Мы же с тобой с одного мира. С одной планеты. Уверена, что из одной страны тоже. Как же ты могла пойти в узаконенное рабство? Ты в кино вообще ходила? Видела, чем оборачиваются вот такие гедонистические утопии?

— О, заткнись со своей убогой моралью! Сама-то готова на что угодно пойти, лишь бы получить убогий мирок с перекаченным метросексуалом, влюбленным в тебя по уши. Даже сиганула сюда. На что ты рассчитывала? Ты правда думала, что сможешь одолеть Врага? Человека, с которым не может справиться сто сорок семь Избранных из бесчисленного числа потоков и пантеон из забытых богов? Или ты выбрала планку повыше? Ты хотела покорить Лэйтарию. Или, может, всю Золотую ось? Для Центра один единственный Странник является колоссальной проблемой. Что говорить обо всем совете или Вечных. Так скажи мне, Дробь. Ты настолько тупа, что считаешь себя Сверхизбранной? Твой собственный мир оказался маловат для раздутого эго?

— Да не было мира! — повторила я, сжимая зубы. — Я солгала о Лэйтарии. С первого раза не дошло? Слышала, как меня зовут?

Думаешь, я сама себе имя выбрала? Оно мне даже не нравится! Я хотела бы быть какой-нибудь Аннаэль. Или Анабель. Или Аннель. Но нет мира — нет красивого имени. Таковы правила.

Девушка захохотала. И казалось, от ее смеха дрожал весь зал.

— Я знаю, что Лэйтария не твой мир. Но все же должен существовать тот, для которого тебя изъяли с Земли. У каждой Избранной есть мир. Это нерушимое правило. Тинхе мне все объяснил.

Голова разболелась с новой силой. Враг подстроил все события, что произошли в Золотой оси. Но, откуда он знал, что я все помню? Что я вообще попаду в Лэйтарию. Ерунда какая-то.

Я только открыла рот, чтобы спросить, как меня перебили.

— Алиса?

Я не могла обернуться, чтобы убедиться, но спутать этот голос с чьим-то другим невозможно. Враг.

— Почему так долго? — откликнулась она.

Звук шагов затих где-то рядом. Тинхе остановился. Я собиралась удивиться, как же он попал в зал, если Алиса перекрыла все входы, но быстро осознала абсурдность своих выводов. Ничего она не закрывала.

— Представляешь, она забрала мою колесницу.

— Это не твоя колесницы, — поправила я. Раз уж отобрали все, остается бороться за истину словами. — Ты одолжил ее у Солярис.

Я ухватилась за край лестницы, чтобы помочь себе встать.

Не буду я валяться в ногах Врага. Гордость-то еще осталась. Гордость…

Я открыла дорогу в Центр, буквально всучив победу Золотой оси. Атрос спит. Набирается сил, чтобы вновь призвать сто сорок семь Избранных. Клод застыл на пьедестале, ожидая появления новых учениц. Лёша шныряет по мирам, выискивая исчезающие виды магии. Никто из них даже не поймет, что произошло.

Так какая теперь разница, свернулась ли я клубочком у ног Врага или грозно потрясаю мечом? Наверное, для кого-то имело значение, погибнет ли он лежа или в пылу сражения. Для меня — нет. В моей истории явно не стоит жанр «эпическое фэнтези».

— Что я пропустил? — спросил Тинхе, заметив мои телодвижения. — Ты же не потеряла волю к победе? Я собирался быть

тем, кто заберет последнюю надежду.

Я не сопротивлялась, когда ощутила обнявшие меня руки. Враг поднял меня с земли. Я не могла не прижаться к нему — было так плохо, озноб бил по всему телу, кружилась голова, а на глазах наворачивались слезы.

Я проиграла. Я проиграла больше, чем ставила на кон. Я думала, что рискую только своей жизнью, а угробила всех. И ради чего? Ради той, кто не нуждался в спасении? Потому что мне было тяжко чувствовать себя Избранной, оказавшейся не у дел? Эгоистичная, глупая, самовлюбленная Избранная. Алиса была полностью права на мой счет.

— Алиса, что ты ей сказала?

— Правду.

Он легко удерживал меня на ногах, крепко прижимая к себе. Я цеплялась за его камзол, как за спасательный круг. Моя голова прижималась к его груди, и я ничего не могла с этим поделать. Слезы текли по моим щекам, скатываясь горячими бусинками на цветочный ковер зала. Все было очень-очень плохо.

— Ты все сделала правильно, — я ощутила теплую ладонь на своей голове. Пальцы в перчатках перебирали спутавшиеся волосы. Это почти напоминало успокаивающее поглаживание. То, что Враг обращался ко мне, стало понятно со второй фразы. — Я всегда считал, что мы должны иметь выбор. Каждый его заслуживает. Особенно здесь, в Лэйтарии, в обители свободной воли, освобожденной от влияния богов. Но у тебя не было шанса, Дробь. С самого начала не было. Ни единого.

— 13 —

— Не плачь, — Тинхе потрепал мои волосы. — Все кончилось. Остались лишь детали.

Враг отстранил меня и аккуратно усадил на ступеньку лестницы. Алиса наверху громко фыркнула. Враг одернул манжеты, расправляя складки на локтях.

— Она такая же жертва божьей воли, как ты и все остальные Избранные.

— Она опасна, — возразила бывшая Избранная. — Она помнит богов, Центр и все, чему ее учили. Она не одумалась даже тогда, когда

ты объяснил ей, как на самом деле обстоят дела. Она узнала правду и все равно осталась на их стороне.

— Что и обеспечило нам победу. — Враг ухватил меня за подбородок и продемонстрировал Алисе полное отсутствие сопротивления с моей стороны. — А после того, как она окончательно сдастся и отречется от себя, глядишь, успокоится и станет покладистей. — Он провел большим пальцем по моей щеке, стирая предательские слезы. — Не терпится узнать, что за магию она так умело маскировала под нашу.

— Тогда усыпляй ее, связывай, и отправимся в путь.

— Нет-нет, — Враг выпрямился, убирая руку и оставляя меня в покое. Я втянула голову в плечи, борясь с желанием свернуться в клубочек. — Я не собираюсь рисковать, оставляя ее на попечении магии. Слишком все подозрительно. Ты присмотришь за ней, пока я завершу начатое.

— Но я думала…

— Нет, — категорически возразил он, поправляя застежки ремня. В кой-то веки мужчина в черном обзавелся обновкой: на кожаном поясе висела перевязь с мечом.

— Мне нужен надежный тыл, а не сюрпризы. Я справлюсь с богами сам. Сейчас они особенно уязвимы, ослаблены и истощены.

Он даже не представлял насколько!

Мужчина остановился у арки, в последний раз изучая обстановку зала. Вид грозной Алисы и того, что осталось от меня, забрали последние сомнения. Он кивнул.

— Время в Центре течет иначе. Мое путешествие может занять пару минут, часов, а может и дней. Действуй, как договорились.

Алиса не ответила, но это от нее и не требовалось.

Враг безмолвно растворился в матовой дымке портала.

Он пошел один. Без Алисы, без товарища — Странника, без группы захвата и без гвардии стражников с алебардами. Неужели он настолько уверен в своих силах?

Алиса как будто уловила ход моих мыслей.

— Ты даже близко не представляешь всю мощь магии Золотой оси, — задумчиво сказала она. Ее взгляд блуждал по переливам телепортационного проема. — Поэтому не питай надежд, что у твоих покровителей есть шансы. Тинхе не нуждается в чьей-то помощи.

Я опустила голову.

Я бы обхватила себя руками, чтобы успокоится и перестать дрожать, но тогда бы потеряла опору и точно стукнулась бы головой о ступеньку.

В Центре никогда не было так больно. Нас учили, тренировали, изматывали. Мышцы стонали в спазмах. Голова гудела от умственных перегрузов. Но все проходило довольно быстро. Мы обходились без таблеток, лекарств и наложения швов, если дело не касалось уроков по оказанию первой медицинской помощи. Я забыла о простудах и болезнях. Ларису перестали мучить привычные мигрени и повышенное давление. У Блонди исчезли головокружения. И чисто женский бонус — никаких тех самых дней. В общем, в стерильном мире, ты никогда не был настолько болен, чтобы не выйти на утреннюю пробежку.

Это наводило на определенные мысли.

Я опустила голову, прижимаясь лбом к холодному камню. А когда отодвинулась, уловила надменный взгляд Алисы.

— Это жалко, да? — спросила я.

— Быть тобой? Уверена, так и есть.

Я заставила себя дышать ровно, медленно и глубоко.

— Быть безликой лэй. Такой, как ты.

— Я не безлика, — ответила Алиса. — У меня сохранилось имя.

— Надолго ли?

— Пытаешься разозлить? — легко распознала она мои намеренья. — Бесполезно. Ты исходишь из ложного предположения. Ты полагаешь, что я буду реагировать на твои слова так же, как когда притворялась твоей союзницей. Я не импульсивная, не нервная и не спятившая. Так что просто сиди и надейся, что победа Тинхе в достаточной степени поднимет ему настроение, чтобы не потерять к тебе интерес.

В словах девушки был смысл, даже если мне не хотелось это признавать. Ее эмоции и действия имели одну единственную цель — привести меня к порталу и заставить открыть проход в Центр. Делало ли это все выводы, что я узнала об Алисе ложью? Без сомнения.

— На самом деле, это ты исходишь из неверного предположения, — возразила я. — Ты считаешь, что помощь Врагу сделала тебя равной ему или хотя бы среднестатистическому лэйтарцу.

Знаешь, мне довелось побывать на приеме в лотосе Солярис. Там была уйма локаций закрытых для лэй. Уверена, что так повсюду. Наверное, есть парки, улицы, клубы, достопримечательности, которые нельзя посещать лэй. Которые доступны только для носителей Золотой магии. Так вот, как ты себя чувствуешь каждый раз, когда понимаешь, что вейос лэй не пропускает тебя в самую красивую часть дворца, в заповедный уголок сада, в элитную кондитерскую или в обычный женский салон красоты, где леди прячутся от назойливого присутствия лэй?

Алиса качнула головой, и легкая усмешка исказила тонкие губы.

— Ты ничего не знаешь о Золотой оси, Дробь. И ничего не знаешь обо мне. Я не живу в Лэйтарии и не прячусь в доме Тинхе. Под моим командованием один из присоединенных миров. Я в нем — царь и бог. Там нет никаких лордов и леди, а все лэй подчиняются мне. Нет закрытых от меня территорий или запретных мест. Что до Лэйтарии — это обычный столичный бестиарий для скучающей молодежи, что тонет в рутине приемов, балов и вялых интриг. Я никогда не была поклонницей таких вещей. Мое эго вполне удовлетворяет небольшой мирок, где среди других лэй — я самая главная.

Всегда знала, что история любой Избранной заканчивается непомерно раздутым эго, но Алиса переплюнула все ожидания. Сильная женщина правит и каждый под ее каблуком. Что же смущает в этой концепции? Некоторые стереотипы напрашиваются сами собой.

— Но семью женщина-лэй может завести лишь с мужчиной-лэй? — уточнила я. — То есть ухажеров среди лордов ждать не стоит. Рассчитывать можно только на роман со слугой, у которого в подкорке прописан код рабского угодничества. Этот факт заставляет чувствовать себя лучше?

Алиса потерла рукав там, где за плотной тканью скрывался вейос.

— Зря стараешься, — отвернулась она, чтобы разглядеть глянцевую поверхность активированной арки. — Я удовлетворена тем, что имею, потому что знаю, что изменить ничего не возможно, а моя жизнь могла сложиться гораздо-гораздо хуже.

Где-то там, по искусственному ковру вечной зелени, шел Враг. И настроен он был очень решительно. Сколько времени требуется одному человеку, чтобы сразить мага, заботившегося о детях-коконах больше, чем о себе? Чтобы разрушить застывшего статуей Клода.

Чтобы… понятия не имею, как одолеть Атроса. Как вообще победить яму? Засыпать ее?

— Вот он мир без богов. Никакой надежды на чудо, что просто так сваливается с небес и лежит у твоих ног.

Темные глаза Алисы отображали ровно ничего. Но эта пустота была показной. Подобное фальшивое равнодушие проявляется у девушки, уверяющей, что ее совершенно не беспокоит, что бывший сделал предложение новой возлюбленной всего через три месяца после их расставания.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Если бы у тебя была магия Золотой оси, их магия, тебе бы не пришлось прятаться на задворках империи.

— Что гадать о том, что могло бы быть?

Вот тут я собиралась солгать. Глядя в глаза и с полной уверенностью.

— Ты права, я не Избранная империи Золотой оси. Но занесло меня сюда потому, что магия, которую я получила в Центре, является магией лэйтарцев. Один из богов сумел раздобыть ее в зараженном мире и передать мне, — я кивнула на портал. — Там осталось еще. Пока Тинхе не разрушил Центр, ты могла бы успеть забрать себе один из коконов.

По лицу Алисы пробежало сомнение, почти сразу сменившееся презрением:

— Врешь. А если и нет, с какой тебе стати делиться информацией со мной? Хочешь, чтобы я ослушалась Тинхе? Пытаешься нас рассорить? Гиблое дело.

— У меня нет иллюзий относительно своего будущего. — Я качнула головой, и пряди волос скользнули на лицо, прикрывая глаза. — Я проиграла, теперь я это вижу. Но ставить крест на своей жизни не намерена. Считай информацию о магии заражения своего рода подарком. Предложением перемирия и намеком на дружбу. Вскоре Тинхе задумается о моей дальнейшей судьбе. А раз твое мнение для него значимо, я бы предпочла, что бы оно оказалось на моей стороне.

Девушка нахмурилась. Взгляд посуровел.

— Нихрена я тебе не верю. И с места не сдвинусь, пока Тинхе не вернется. А продолжишь болтать, хорошенько двину по твоей

глупенькой мордашке.

Ладно, она умнее, чем я надеялась.

— Ну и зря. Как только он вернется из Центра, отошлет тебя обратно на задворки империи. Что касается меня… — я пожала плечами, — когда Тинхе поймет, что я говорю правду… Ему придется придумать для меня что-то получше, чем аукцион Избранных и развоплощение. Пожалуй, — пробормотала задумчиво, — я могу претендовать на статус леди. А что, вейоса нет, магия — есть. Кажется, больше ничего и не надо.

Вот это ее проняло. Она мирилась с собственным незавидным будущим возвысившейся рабыни. Она приняла, что лэйтарцы — высшая раса, достойная управлять менее развитыми иномирянами. Зная, что никогда не станет одной из них, она чувствовала себя лучше остальных лэй за счет особого отношения Тинхе. И она не могла позволить совершить мне невозможное.

Враг разрушил ее жизнь, уничтожил как личность и заново собрал по кусочкам, иной, подходящей для новой системы координат ценностей. Моя искра Золотой магии разрушала на корню все то, во что она верила, из чего воссоздала себя вновь. Одна небольшая вероятность того, что меня признают леди, означала, что Алисе придется заново пережить полный крах личности.

Девушка оттолкнулась от каменного свода арки и двинулась ко мне.

То, что бывшая Избранная сделала дальше, не имело ничего общего с предательством, состраданием или жаждой наживы. Банальное самосохранение.

— 14 —

Алиса ухватила меня за шкирку, вздергивая на ноги. Да, силе девушке не занимать. Не забросила она тренировки нежась в собственном мирке. Ждала возможности поквитаться с кем-нибудь из своих?

— Только попробуй выкинуть один из фортелей Избранных и я за себя не ручаюсь.

— Быстро ты сменила решение, — пробормотала я под нос, но девушка услышала. Как следует меня встряхнув, она предупредила:

— Обманешь, и Тинхе останется лишь сокрушаться о твоей преждевременной кончине.

Острые ноготки больно царапнули кожу на шее. На фоне всего остального недомогания, маленькая агрессия со стороны Алисы почти отрезвляла. Девушка толкнула меня вперед. Я качнулась, сделав несколько неуверенных шагов. Голова перестала кружиться, но я все равно слегка покачивалась. Моей надзирательнице лучше не знать

— Думаешь, он стал бы по мне скучать? Неужто я действительно ему нравлюсь.

— Вот не пойму, дурная ты или прикидываешься, — сказала Алиса, заталкивая меня в арку.

Вспышка белого света и дерганье мельтешившего пространства не позволили ответить. Туннель межпространственного портала втянул нас в головокружительный водоворот, чтобы секунду спустя выплюнуть на зеленую лужайку.

Центр.

Сразу пропали все лишние звуки. Гробовая тишина стала частью маленького мирка, когда Избранные вошли в свои зеркала. Раньше мне становилось некомфортно от давящего безмолвия застывшего пространства. Сейчас я чувствовала себя жутко. Что успело произойти за то время, пока я уговаривала Алису? Остался ли еще кто живой? Успел ли Враг найти кого-нибудь из богов?

Усилием воли я заставила себя переключиться на другие мысли. На ощущения. Если у меня хватало сил на страх, значит, физическая составляющая моего существования была не столь фатальна. И верно. Боль смягчилась. Приятный холодок растекся по организму, возвращая мне нормальную температуру тела.

Не то что бы я получила плюс сто к здоровью или мгновенно излечилась от всех ран. Вовсе нет. Клоду нравилось, когда мы уходили с тренировок едва живыми трупами. Центр убрал большую часть болезненных и неприятных ощущений, как следует, прочистив мне голову. Может это не вернуло меня в полную боевую готовность, но хотя бы забрало желание умолять Алису об анальгетиках и сжимать зубы из-за каждого движения.

Я на мгновение прикрыла глаза.

Дом. Я дома.

Моя эйфория Алисе не передалась. Девушка враждебно оглядывала местность, будто ожидая, что из-под земли в любой момент вылезет огромный зубастый червь и сожрет ее. Наверное, если

бы Атрос не спал, все могло произойти именно так. Но главный хозяин тренировочного Центра Избранных, ушел в себя, чтобы набрать достаточно сил для извлечения следующего потока.

Номер семьдесят четыре провела носком ноги по травинкам, мало чем отличающимся от хорошей пластиковой подделки. Принюхалась. Выставила руку, чтобы поймать лучи солнца. Вскинула голову и обнаружила полное его отсутствие.

— Графика — дерьмо.

Пустая поляна, возвышающиеся горы и однотонное голубое небо.

— Где Золотая магия? — Алиса дернула меня за предплечье, заставляя взглянуть на мир. — Куда идти?

Я показала.

Впереди виднелся вход в пещеру Атроса. Чуть дальше извилистая тропинка уходила в сторону узенького прохода в ущелье. Я вглядывалась в каменные своды, выискивая черную фигуру Врага. Что Тинхе успел сделать?

Мы миновали поляну. Я намеренно тормозила ход, притворяясь, что смена мира никак на меня не повлияла. Не хотелось раньше времени раскрывать все карты. Алисе пришлось сбавить шаг. Ее блуждающий взор говорил о том, что она отчаянно силится вспомнить место, где провела столько времени. Здесь ее научили всему, что должна знать Избранная. Ей дали силу, знания и цель. А что сделала она? Предала тех, кто помог ей стать самой собой. Я искренне надеялась, что под маской победительницы, она глубоко страдала и сожалела о содеянном.

Мы прошли мимо пустующего постамента. Клода на нем не было. Трава вокруг блестела от золотой пудры — следов магии. Любая магия помимо божественной оставляла в Центре свои отпечатки. Значит, Враг был здесь и не преминул воспользоваться заклинанием.

Алиса мельком взглянула на каменное возвышение — оно ничего для нее не значило. Она не помнила Центра. И не помнила Клода. Она знала о нем, но лишь со слов Врага, которые не отзывались в душе теплыми чувствами.

Я же подмечала каждую деталь. Каждая мелочь могла раскрыть тайну минувших событий. Следов борьбы не было. Но это же чертов стерильный мир. Примятая ногой трава сразу выпрямлялась, возвращаясь в привычное состояние. Ни одной улики. Все мгновенно

стиралось из истории мира, достаточно отвернуться. Лишь блеск золотой пыльцы намекал на то, что Клод и Враг встретились лицом к лицу.

Центр — место идеального преступления.

— Трудно поверить, что я здесь училась.

Алиса замерла на развилке тропинок. Одна поднималась к пещере, другая сворачивала за скалу.

— Направо, — уверенно сказала я.

Девушке направление не понравилось.

— Ты предлагаешь вместо тропинки выбрать бездорожье?

— Я предлагаю идти коротким и правильным путем.

Алиса колебалась. Она понимала, что доверять мне глупо, но обоснованных возражений найти не могла. Стертое прошлое о Центре тянуло ее туда, куда я указывала. К скалистому перевалу, где начиналось трудное и длительное восхождение к пещерному корпусу моей группы. К месту, где когда-то жила сама Алиса.

— Ты идешь первой, — скомандовала она, подталкивая меня вперед.

Я на это и рассчитывала.

В честном бою Алиса меня сделает. Не только потому, что каждое ее движение пропитано силой и уверенностью, а я неуклюжая как пьяная цапля. Она изначально превосходила меня в моем лучшем состоянии. Я не могла вести ее к Лёше или Атросу. Я заманила ее сюда, где начинался ад из получасового подъема на вершину горы.

Тропинка скользила между скал. Мы продвигались все выше и выше. Алиса двигалась быстро и ловко. Она обезьянкой вскарабкивалась на валуны. Помогала мне и ни на секунду не ослабевала бдительность. Она ждала от меня подвоха.

Сотню неловких моментов спустя, мы ступили на перешеек, где скалистая тропинка упиралась в небольшой полукруглый выступ три на три метра. Там дальше — вход в туннель с зеркалами и комнатами.

В этом месте мы всегда поднимались по одному. Камень справа выглядел устойчиво и надежно, но я, Лариса и Блонди опытным путем убедились в ложности этих выводов. Камень был неустойчив.

— За площадкой туннель, — махнула я рукой на плато. — В нем комната с магией.

Глаза Алисы горели нетерпением. Слишком долгий поход. Слишком долгое ожидание. Она торопилась. Она устала от моей медлительности. Она хотела поскорее добраться до кокона Золотой оси и свалить из Центра, пока Враг не раскроил мир на ленточки для волос. Она не могла просто так стоять.

— Черт, — выругалась я, имитируя отдышку.

Впрочем, мое прискорбное состояние было не полностью показным. Сердце действительно выскакивало из груди, а пульс барабанил как ударные басы на рок-концерте.

Слишком ответственный момент. Слишком наглая ложь. Слишком большая цена провала.

— Двигайся.

— Погоди, — вскарабкавшись наполовину, я застряла между выступами. — Тут где-то была… — я шарила рукой в проеме. — Почти зацепилась, — прокряхтела я, смахивая с лица пот.

Девушка топталась в нетерпении, то и дело, поглядывая на обходную дорожку.

— Почему мы не пошли там? — спросил она.

— Подъем выше — не очень.

— Хватит дурить, ставь ногу на уступ и подтягивайся на руках.

Я последовала ее совету.

Правда, подтянуться у меня не хватило силенок и, чтобы не сорваться вниз, я вжалась в проем.

— Чего медлишь?

— Тут как бы камни, — огрызнулась. — Если ты не заметила, я босиком. Ох-ты ж!

— Что такое?

Алиса не могла видеть мою вторую ногу. Она вытянула подбородок, но разглядеть ничего не получалось.

— Застряла, — я завертелась как уж, то сгибаясь, то выпрямляясь, то вжимаясь в скалу. — Можешь подобраться ко мне и посмотреть? Кажется, я зацепилась.

— За два шага до моей магии? Вот уж вряд ли.

Алиса нервничала. Адреналин и азарт взыграли в крови, притупляя чувство опасности. Она еще раз оглядела обходную тропинку и не найдя ничего подозрительного пошла к ней.

— Эй! — возмутилась я.

— Вернусь за тобой на обратке.

— Ну конечно! — продолжала я. — Брось, ты без меня не разберешься.

— Я лучшая Избранная, которую ты когда-либо знала. Думаешь, я не догадалась, что золото на траве — следы от магии заражения? Я не наивная дура. Смогу разобраться, какой кокон с моей магией.

Моей? Ха!

— А я?

— Две Избранные с Золотой магией — это слишком даже для Лэйтарии.

— Алиса!

Это не совсем то, чего я ожидала.

Девушка скрылась за поворотом.

Раз. Громко возмущаюсь.

Два. Сползаю вниз.

Три. Касаюсь земли.

Четыре. Вскрик.

Пять. Бросаюсь к Алисе.

Камень сработал как надо — поехал вниз, когда его использовали в качестве точки опоры. Девушка успела зацепиться за куст с травой, будто специально росший на этот случай. Алиса чуть съехала на мелких камушках вниз, но еще не до конца потеряла равновесие. Ничего фатального. Если кто-то сверху не окажет посильной помощи.

Высота кружила голову.

— А я предупреждала, — не удержалась я от подколки.

Нашла время трепать языком. Избранная была чуть проворней, чем я предполагала. Набрав цветастых камушков, она запустила их в меня. Да не так, чтоб ослепить, а с такой силой, что глаза можно лишиться и пасть, как Голиаф.

Я припала к земле, прикрывая глаза и свесив ноги, позволила себе покатиться вниз. Руки зашарили в поисках карманов. Конечно же, мы с девчонками облазили все, докуда могли дотянуться. Какие страховки? Какое снаряжение? Алкоголь предусматривался лишь на уроках сомелье, которых было катастрофически мало и никого из нашей пятерки на них не приглашали. А развлекаться-то чем-то надо!

— Тварь!

Это Алиса столкнулась с моей тушкой и попыталась меня сбросить. Завязалась потасовка. Впрочем, брыкались мы недолго. Я все еще находилась выше Алисы. Это стало решающим фактором.

Я занесла ногу для удара.

Она же умрет!

Мысль вспыхнула и погасла.

Сомнение, что охватили меня, исчезли в то же мгновение, как Алиса сделала рывок вперед. Она ухватила меня за подол дурацкого платья. Рефлекс сработал безотказно.

Удар пришелся в локтевой сгиб. Алиса держалась крепко. Точки над «и» расставил треск рвущейся материи. Истрепанная ткань, претерпевшая все виды издевательств, дала слабину. Обычная затяжка обернулась расползающимся предательством.

Последнее, что я увидела, как бывшая Избранная взмахнула рукой. Лицо искажено пустой злостью. Зрачок сужен до размеров кунжутного семечка. Время пропускает секунду. Алиса камнем падает вниз.

Без звука.

Без прощальных проклятий.

Молча и бесповоротно

Я не отводила взгляда до самого конца. До тех пор, пока фигура девушки не обернулась в крохотную точку в глубине провала.

В Центре нельзя умереть, напомнила себя я. Может, она приземлится на воздушную подушку или, в лучших традициях фильмов, ласточкой войдет в протекающую у подножья скалы реку, и сразу же благополучно вынырнет.

По уступу я пробралась на площадку. Заглянула через край. Поросшие зеленью отвесные стены камня уходили глубоко вниз, постепенно превращаясь черную темень бездонного обрыва. Ни намека на зеркальный отблеск воды.

Я не стала задумываться над тем, что почувствовала.

Не сейчас.

— 15 —

«Ах, мои любимые коридоры», — радовалась я, блуждая по изгибающимся проходам. К счастью, свет в пещере горел. Выключить его за неуплату и перерасход энергии было некому. Это давало

надежду, что Атрос еще жив, и в состоянии поддерживать жизнеспособность мира.

В прошлый раз я молилась Атросу, чтобы выбраться в его пещеру, теперь же я не нуждалась в его помощи. Вынужденная на долгое время остаться в Центре в одиночестве, я изучила каменный лабиринт от начала и до конца.

Первым делом проверить комнату с магией, где Лёша проводил все свободное время, когда не таскался по угасающим мирам в поисках магии. Потом пещера Атроса. Клод наверняка отправился за помощью к одному из своих коллег, если не справился с Врагом. Все-таки мистер живой памятник не обладал божественной магией. Он отлично владел мечом и некоторыми другими видами оружия, но сотворить обычный фаербол был не в состоянии. Мы как-то совещались с девчонками, кто есть кто из наших учителей. Атросу досталось звание бога плодородия. С Лёшей вышло труднее. Существует ли хоть в одном из миров бог, заведующий магией, мы не знали. Поэтому отдали ему титул бога исследований и путешествий. Клод упорно держал планку бога войны. Этой причины хватило, чтобы завернуть в его комнату за оружием, прежде чем бросаться в бой с Врагом.

Всякого хлама у забытого бога было много. Я потопталась у стойки, куда Клод засовывал свое оружие, после тренировок. Склад оружия в келье — так я бы охарактеризовала его комнату. На вид все мечи казались совершенно одинаковыми, но я-то знала, что перед каждым занятием, Клод тщательно проводит отбор. В самом дальнем углу стойки валялись перевязи с тренировочными мечами. Они мне были ни к чему. Кроме синяков и ушибов, они не причиняли иного вреда. Мне требовалось что-то более грозное, но не слишком громоздкое.

Надо было решать.

Я закрыла глаза, и вытянула наугад. Оглядела добычу. Довольно кивнула. И засунула меч обратно. Не, наверное, я выбрала не тот. Другой же хотела. Точно, другой. Тот, что рядом. Нет, не этот. С красным камушком. Да ну, какие камни? Пошлость. Может, вон тот? Нет, слишком высоко. Да, точно тот, до которого я достать не могу, это же очевидно! На цыпочки встать? Еще. Еще чуть-чуть. Выше. Тянись! Может, стул взять? Нет! Почти дотянулась. Иии… он упал… Ауч, чуть по ноге не прилетел. Нет, мечи, которые падают, мне не нужны. Такие

и в бою будут падать. Может тот, что ниже всех лежит? Нет, хорошие мечи не кладут в самый низ.

«Черт, у тебя нет времени!» — одернула я себя, вытаскивая что-то из середины.

Я, было, хотела поискать ножны, но меня отвлек протяжный лязг.

Я подняла взгляд и через открытую дверь увидела Клода, стоявшего в дальнем конце коридора с мечом в руке. Его плащ был порядком истрепан. Один рукав отсутствовал. На открытых участках блестящей кожи виднелись царапины и искаженные огнем черные бугры. Подол плаща нес на себе следы золотой пыльцы.

Клод сражался с Тинхе. И судя по отсутствию второго, бог победил. Или сбежал? В любом из этих двух случаев, я радости не чувствовала.

Я медленно вышла из комнаты. Нас разделяло не больше десяти метров.

Металлические глазницы сфокусировались на мне, и лицо статуи перекосилось от гнева.

— Предательница! — прохрипел он. — Я знал, что тебе не стоило доверять.

Мгновение я тупо смотрела на него, потом опомнилась.

Он что, решил, что я с Врагом заодно?

— Клод, ты неправильно понял.

Высоко подняв меч, он ринулся на меня. Своды пещеры затряслись от мощных ударов металла. Земля буквально задрожала от исступленного рыка.

До сих пор мне не приходилось сражаться с Клодом всерьез. Пару раз он меня как следует пугал, но лишь сейчас я поняла, насколько тогда была далека от его настоящего желания меня убить.

Мы тренировались с ним часто, но ни разу мне не удавалось его одолеть. Он играючи расправлялся с моими атаками за три хода. Чуть дольше я могла протянуть, уходя в глухую оборону. Еще больше времени я получала, спасаясь бегством.

Удерживая меч, я бегом бросилась по коридору. Конечно же, это был не вариант. В той стороне был тупик. Надо где-то спрятаться и уломать бога на мирные переговоры!

Топот ног позади меня приближался. Я бросилась к дальней двери.

«Будь открытой!» — взмолилась я.

Ручка скрипнула и поддалась.

Боже, да сегодня прям день чудес! Эти двери никогда не открывались, если только не вели в другой коридор!

Я протиснулась сквозь узкий проем и тут же потянула дверь на себя. В то же мгновение на нее обрушился жуткий удар. Меня с силой отшвырнуло в сторону. Затрещали деревянные доски, закованные в металл.

— Клод! — прокричала я, бросаясь к железному засову. — Прошу тебя, выслушай! Я на вашей стороне. Враг обманул меня. Я зря тебя не послушалась.

— Лгунья! — рявкнул Клод.

Зарычав как дикий зверь, мужчина вновь ударил по двери. Блеснула вспышка, и клинок перерубил деревянную створку. Щепки брызнули во все стороны. Я упала на пол и перекатилась, прежде чем огрызки двери вонзились мне в кожу.

— Клянусь! Алиса подставила меня. Она — настоящая предательница.

— Не смей! — он выдернул меч. — Называть. Ее. Имя!

Еще несколько сильных ударов пришлось по разваливающейся двери. Это позволило окончательно понять, насколько Клод зол. Его ярость застилала не только глаза, но и разум. Он мог протянуть руку сквозь дырку и отодвинуть засов в сторону. Но он продолжал колошматить мечом по дереву.

Я огляделась, надеясь найти в комнате хоть что-нибудь полезное. Но нет. Абсолютно голые стены и полное отсутствие мебели. Шестнадцать квадратных метров пустоты.

Фигура Клода маячила в проеме. Еще несколько ударов и он пройдет без малейших усилий. Я поднялась.

— Клод, прошу! Ты говорил, что я Избранная. Что у вас есть теория на мой счет. Атрос верит мне! — последняя попытка.

Занесенный меч так и не опустился.

— Ты помнишь меня, — медленно произнес живой памятник. — Ты помнишь Центр, хотя не должна.

— Да! — выкрикнула я. Он услышал меня. Он начал понимать! — Кокон Золотой магии, что мы выбросили в портал, дрейфовал в междумирье. Он притянулся ко мне и выбросил в Лэйтарию. Он

позволил мне все вспомнить! Он… — я взмахнула руками и с них посыпались золотые блестки, — …дал мне магию Золотой оси, — закончила я.

Дверь. Она была открыта. В Центре такого не бывает. Неужели я воспользовалась Золотой магией?

Следующая мысль сквозила сарказмом и иронией.

Серьезно?! Враг завоевывает миры этой Золотой магией оси, а я опять просто открываю двери! Я что, в прошлой жизни была швейцаром?

— Видишь, — показала я ему ладони. — Следы магии.

Я думала, сейчас прозвучит вопрос о том, с какой стати Клод должен верить той, кто использует Золотую ось, но он обманул мои ожидания.

— Зачем ты ходила в мою комнату?

— За оружием, — продемонстрировала я меч.

— Зачем тебе оружие, если у тебя есть магия?

Я было открыла рот, собираясь пояснить, что мой уровень владения магий — «Beginner» или того ниже — детсадовский, но Клод меня перебил.

— Может, ты искала меч, что способен разрубить любую магию? — предположил бог.

«Было бы неплохо» — успела подумать я, еще не понимая, к чему ведет статуя.

— Может, тебе нужен был тот меч, которым я пытался разрубить черный кокон со скверной?

— Эмм… — проблеяла я в ответ.

— Может, ты решила, что так было бы проще расправиться с Ле'ахеш'иарс'ту? Как еще убить бога, что искусно владеет человеческой магией? Ты ведь прекрасно знала, что Ле'ахеш'иарс'ту беспомощен в ближнем бою.

Я выпучила на Клода глаза. Да что он мелет? Я никогда бы не причинила Лёше вреда. Клоду — может быть. Но Лёше! Это как щеночка пнуть.

— Давай разберемся! — взмолилась я, на всякий случай перехватывая меч двумя руками. — Разбудим Атроса. Дружненько побеседуем за чашечкой чая.

Вместо ответа Клод нырнул в образовавшуюся дыру. Те несколько метров, что нас разделяли, он преодолел быстрее, чем я ожидала. Бог замахнулся на меня мечом. Первый удар я приняла, выставив блок. Левое запястье обожгло острой болью. Второй пришелся высоко: мужчина целил мне в висок. Я отбила меч и увидела, как удивленно нахмурились его брови: он явно не ожидал моей быстрой реакции. Что там, я сама не ожидала!

Он восстановил равновесие, отступая в сторону. А я нырнула под его руку и просто побежала, использовав эту драгоценную секунду, чтобы набрать скорость. Как мы уже выяснили, дольше всего мои схватки с Клодом длились в том случае, если я вовремя уносила ноги.

Бог выругался и бросился за мной.

— Враг тебе не поможет!

— Он еще жив? — не оборачиваясь, крикнула я.

Нас разделяло три или пять метров.

— Ненадолго, — прорычал он. — Закончу только с тобой.

Единственное, что не позволяло Клоду достигнуть меня в одно мгновение, так это то, что он, так же как и я, прихрамывал. На одну ногу. Видимо, великое исцеление, доступное каждой Избранной, на богов не распространялось.

Я припустила ходу.

Черт, это беготня начинала надоедать.

Когда я вылетела в зал Атроса, Клод оставался далеко позади. Лестницы и коридоры были не на его стороне. И, кажется, его злость начинала постепенно спадать, а здравый смысл затребовал перепроверки всех фактов. Или же он был ранен сильнее, чем казалось на первый взгляд.

— Атрос! — радостно заорала я, завидев свет, поднимающийся из ямы. — Слава трехцветным пони, ты проснулся!

Блики света танцевали на красочном потолке. Золотистое свечение разливалось по внешней поверхности ямы, окутывая все пространство вокруг. Совершенно чуждый цвет для Атроса. И тогда я заметила.

Враг!

Он склонялся над Атросом, шепча что-то похожее на заклинание. Золотые нити пересекали всю поверхность ямы, будто залатывая дыру.

Я не могла определить, что именно пытался сделать Тинхе, но это явно не сулило спящему богу ничего хорошего. Его запечатывали!

— Дробь? — встрепенулся Тинхе, вставая на ноги.

Не сказать, что Враг сильно удивился. Скорее, он выглядел так, как человек, бросивший монетку в игровой автомат и получивший три вишенки. Джек-пот.

Должно быть, я выглядела очень забавно, потому что мужчина в черном улыбался. О, конечно. Это же весело, что у меня лицо потное и раскрасневшееся от бега. Волосы — воронье гнездо. За них меня уже и таскали, и швыряли, и в стену впечатывали, и локоны вырывали. От платья осталось… да ничего там не осталось! Стыдоба одна. Из вечернего элегантного туалета оно превратилось в наряд чумной дикарки. Располосовано на ленты и едва прикрывает причинные места. Косплей «Зены — королевы воинов», только вместо грубой кожи полупрозрачный шифон.

— Ты даже не представляешь, как мало в моей жизни происходит подобных чудесных совпадений.

Я не стала отвечать, что все это потому, что мы созданы друг для друга. Я слишком была на него обижена, чтобы тратить выдержки своего первоклассного флирта.

— Ладно, вижу ты не в настроении, — он умолк, уловив звук чужих шагов. — Продолжим позже.

Он вскинул руку, и невидимая сила подхватила меня с места в воздух, отрывая от земли. Я засветилась, как фея Динь-динь в Новогоднюю ночь. Долбанные блестки!

Вот щас швырнет, как Аматри Алису, и лежать мне здесь до конца света, который, судя по всему, не за горами. Нет уж.

Я махнула мечом, разрубая воздух. Блестки отскочили в стороны, выпуская меня из импровизированных клещей. Я полетела вниз. К счастью, высота была небольшая, а я достаточно тренированная, чтобы сгруппироваться и сделать перекат, гася энергию. То, что в итоге, я оказалась у ног Врага, распластавшись по земле, запланировано не было. И, конечно же, вселенная выбрала именно этот момент, чтобы в зал влетел Клод.

Он застыл, продолжая сжимать меч в левой руке и переводя взгляд с меня на Врага и обратно. Хотелось верить, что он засомневался. Что позволил произойти паузе нарочно, чтобы окончательно расставить все

по местам. Ведь на самом деле, Клод не ненавидел меня. Он был глубоко ранен предательством, произошедшим много лет назад. Глубоко внутри он надеялся, что совершает ошибку. Он хотел мне верить, я знала! Но Враг не тот человек, что позволяет существовать таким глупым чувствам, как вера и надежда. И он не совершает ошибок. Он разрушает все, к чему прикасается.

— Спасибо, что отвлекала его достаточно долго, Дробь, — по-приятельски улыбнулся мне Враг, вырывая из рук мой меч. — И принесла то, что мне нужно.

— 16 —

Я возмущенно вскрикнула. Встрепенулась и потянулась отобрать обратно свое имущество (то есть, Клода, но кто считает?).

— Не вставай, — предупредил Враг, преграждая мне путь мечом. — То, что произойдет дальше, тебе не по силам.

Лезвие сверкнуло, описывая дугу, и замирая передо мной. Я очень хотела, чтобы это смотрелось угрожающе, но с того ракурса, где стоял Клод, можно было решить, что жест Тинхе имел защитнический характер.

— Как давно? — спросил Клод. Под металлической оболочкой растекалось пламя гнева.

— Тебе не обязательно отвечать, — меч рассек воздух прямо перед моим носом и плавно лег в петлю перевязи. — Это мне пригодится для Ле'ахеш'иарс'ту.

Враг намеренно выстраивал действия и слова в той последовательности, чтобы происходящее имело возможность для двойственной трактовки. Похоже, делал он это из желания позлить железного бога, а не из страха, что мы с Клодом объединимся против него.

Мужчина в черном вытащил из ножен свой собственный меч, но прежде, чем направиться к противнику, обернулся ко мне.

— Не болтайся под ногами, — предупредил он, пригвождая взглядом к полу. Что-то мутное и липкое поползло по сознанию. Что-то напоминающее чувство в нашу первую встречу в Лэйтарии, когда он убеждал меня верить ему. Разновидность магии, что мутила разум.

Трехцветные единорожки, я же отбилась как-то в прошлый раз!

Враг неспешной походкой направился к Клоду. А я так и осталась сидеть на корточках рядом с золотистыми переплетениями,

магическими росчерками оплетающие Атроса.

— Мы не закончили, верно? — в баритон Врага добавилось несколько новых ноток. — Еще с того раза.

Он явно отсылал не к встрече в Центре. О чем-то, что было гораздо раньше.

Клод поудобней перехватил меч, мимолетно прожигая меня взглядом.

— Маленький перерыв, чтобы остановить подосланную тобой крысу.

Я промолчала, боясь выкриками о своей невиновности усугубить ситуацию. Выводы Клода были понятны. Если бы я была на стороне Центра, разве слушалась бы Врага? Вскочила бы на ноги и бросилась Тинхе на спину, обезоружила его и пронзила его черное сердце отобранным мечом. Ну да, как же. Даже если бы слова Странника не держали меня в оцепенении, я бы не рискнула нападать. Не так. Враг — здоровенный мужик с магическим шмотьем и физической силой уровня богатыря. Он отшвырнет меня как котенка и никакие целебные свойства Центра не помогут.

«Пожалуйста, Клод, — взмолилась я. — Посмотри же, меня окутывает разноцветная пыльца. Она не моя собственная. Это последствия использования на мне чужеродной магии!»

Я заставила себя сомкнуть губы.

Клоду нужно сосредоточиться, чтобы победить. И одна эта мысль сводила мышцы в животе в спазмы. Грозное божество в одеяниях храмовника тренировало ни одну сотню Избранных. Разве это не показатель высокого мастерства и огромного опыта? Так почему же страх сжимал до судорог, при одной мысли, что Клоду придется выступать в честном бою против Врага?

Может оттого, что бой не такой уж и честный?

Мужчины скрестили оружие. Я отвела взгляд. Если победит Враг — то он разрушит весь Центр, но возможно пощадит меня, раз не считает серьезной угрозой. А если выиграет Клод, то мне не жить. Щадить Тинхе он не станет. Нанесет смертельный удар при первой возможности и тут же займется мной. Я не успею и слова сказать в свою защиту.

Как же спасти Центр и не угробить себя?

Если я не могу помочь так, должен быть другой способ. Думай же Дробь. Соображай. Если время разговоров прошло и в бой идет грубая сила, то все сводится не только к драке. Остается магия. Например, я могла бы бросить во Врага заклятьем. Да, мне совсем не стыдно за подлый приемчик. Только вот… магия… Почему с ней не так просто, как всегда, кажется в фильмах и книгах?

— Я давно ждал возможность реванша, — зло выдохнул Тинхе, сопровождая слова молниеносным ударом меча.

Клод отбил его. Но далось это не так легко, как он пытался показать.

— Столько усилий ради того, чтобы вновь проиграть?

Лязг серии ударов звоном отозвался в ушах.

Клод умел оскорблять одной только интонацией.

Я посмотрела на свои руки, будто измазанные в золотой саже, потом на яму. Зачем Враг производил манипуляции над Атросом? Запечатывал его? Я потянулась к мерцающей сетке, растянувшейся на всю площадь проема. Нити сияли в темноте, создавая неповторимые переливы. Теплые, но неосязаемые. Они сдерживали божественную силу правителя Центра.

Если бы я могла убрать золотую паутину! Атрос всегда на моей стороне. Он бы убедил Клода дать мне шанс!

Магия Золотой оси заражала миры, людей и другую магию. Она меняла то, что предначертано судьбой. Богами. Она делала это в пользу своих носителей. Если отойти от абстрактных размышлений и попробовать дать более правильное обозначение, наверное, ее можно было назвать магией удачи. Фортуны.

А Фортуна дама переменчивая.

«Малыш, — позвала я. — Малыш, ты мне нужен».

Комочек внутри меня сжался. Его пугало давление и агрессия происходящего.

«Все хорошо», — пообещала я и, представляя, что нити настоящие, послала это видение Малышу.

Вообразив, что мои руки покрыты той же самой субстанцией, я ухватилась за нити. В этот раз рука не прошла сквозь них. Шероховатая материя магии скользила по коже нежным бархатом. Я могла ее трогать. Я могла с ней взаимодействовать.

Ухватив разросшуюся паутину золота, потянул на себя, как невод из воды. Магия тревожно застонала. Намертво вцепившись в Атроса, она не желала сдвигаться ни на дюйм.

Малыш вздрогнул, и цепочка рассыпалась, вновь превращаясь в бестелесный свет.

Черт.

«Успокойся, — сказала я себе. — Сбавь обороты. Злостью дело не решишь. Нельзя на филигранную работу идти с отбойным молотком. Будь мягче и нежнее».

Я ухватила одну из нитей и вновь визуализировала свое намерение. Чтобы разрушить плетение, достаточно потянуть за одну ниточку. Это как с колготками. Одна зацепка портит весь ансамбль.

Вязать я не умею. Уроки труда в седьмом классе третьей четверти, где нас учили этой хитрой науке, я проболела (или прогуляла, впрочем неважно, вы все равно ничего не докажите). Но у меня был кот. И пряжа. Высшего образования для сматывания ниток в клубки никто от меня не требовал. А именно этим я сейчас и занималась: скатывала золотые нити в клубочки.

— Ничтожество, цепляющееся за жизнь, — это сказал Враг.

— Одноклеточное, возомнившее себя равным нам, — это сама тактичность Клод.

Я опустила голову, полностью сосредоточившись на спасении Атроса.

Я должна заниматься своим делом и не отвлекаться на ерунду. Но… Почему же Атрос не просыпается?

Вот тот самый момент, когда ему следовало засветиться голубыми огоньками, прогрохотать могучим голосом, изменить реальность (он же главный бог этого мира, в конце-то концов), победить Врага и приказать Клоду извиниться передо мной.

Но ничего не происходило. Яма хранила гробовое молчание. Пещеру освещала магия, прилипшая к стенам. Враг и Клод вели битву не на жизнь, а насмерть, и последний явно проигрывал. Тинхе не стеснялся использовать магию. Клод не всегда успевал уворачиваться, но не смел покидать позицию. Не теперь, когда у Врага особый меч против Лёши и заклинание запечатывания против Атроса.

И тут до меня дошло. Ничего не произойдет. Лёша не придет в самой ответственный момент. Атрос не проснется, а Клод не сотворит

чуда. Бог меча и наездов на меня сражается не потому, что надеется победить. Просто других вариантов нет. Он защищает своих друзей и свой дом. Единственная надежда, что у него осталась — это я. Я, которая сидит и ничего не делает, потому что ждет чуда от других. А чуда не будет.

Если я не поднимусь и не сделаю всего сама.

Избранная — это не когда сидишь в золотом дворце, а вокруг мужчины с опахалами. Избранной, не приносят все на блюдечке. Она должна бороться за лучшую жизнь. Не только за свою, но и за чужую. Ее друзья — не орудия для достижения целей и не потенциальные костыли для победы. Они те, ради кого она пойдет на все.

Избранная — это когда ты встаешь и что-то делаешь. Избранная спасается бегством только для того, чтобы вернуться и нанести противнику сокрушительный удар. Даже если это означает собственную гибель. Потому что поступок ничего не стоит, если за него не заплачено.

Звякнул меч, отлетая по другую сторону от меня и ямы. Но я не стала задаваться вопросом, смогу ли добраться до оружия, прежде чем Враг кинет в меня магией. Я вообще больше в руки ни одного меча не возьму. Их постоянно отбирают.

— Ты будешь наблюдать.

Клод сдавленно застонал. Враг пронзил его плечо, пригвоздив лезвием к скале. Для такого требуется невероятная силища! Мужчина в черном пробормотал заклинание и что-то темное, с оттенком фиолетового цвета, обрушилось на бога из металла. Это повергло его тело в болезненные спазмы, заставляя извиваться и ранить себя о меч еще сильнее.

— Хватит! — а это уже я.

Враг не отреагировал. Я не имела значения.

«Будь со мной, Малыш» — попросила я, и, возомнив себя американским питчером, влепила Врагу золотым комком света, что насобирала с Атроса, промеж лопаток.

Он потрясенно замер. Большая часть магии разбилась о его волшебные одежды, защищенные античарами. Но часть достигла цели. Враг остановился. Бурая пыльца, мучающая Клода, осела к его ногам. Мужчина повернулся ко мне.

— Кто это сделал? — взгляд Тинхе замер над темнеющим провалом ямы.

— Я, это сделала я! — Конечно, меня одолевала злость. И это было лучше, чем страх или отчаянье. — Может, теперь оставишь в покое моего бога и сразишься со своим естественным врагом?

— С кем же?

Он явно выискивал в пещере кого-то еще.

Ну, все!

— С Избранной, — ударила я себя в грудь. — Со мной, блин! Сражайся со мной.

Магия разливалась по моему телу. Руки светились концентрируемой энергией. Этого должно было хватить, Чтобы Враг понял. Чтобы увидел во мне равную.

Избранную сто сорок семь дробь два.

— 17 —

— Дура! Немедленно брось это, — рявкнул он. — Магия золотой оси не предназначена для обычных людей. Она попросту сожрет тебя.

— Вот еще! — воскликнула я.

Ладонь моя ощутила давление — невидимое, бесшумное, будто поток воды. Магия завибрировала в теле. Я изогнула пальцы в замысловатых пассах. Практической пользы от этого никакого, но так я казалась себе круче. Все делал Малыш. Он отзывался на мои мысли, проецируя их в реальность.

Магический всплеск силы откинул Врага в сторону от Клода. Хруст тела, ударившегося о стену, заставил меня вздрогнуть. Мужчина выругался, опираясь на колено, чтобы подняться. Разминая поврежденное плечо, он выпрямился во весь рост, продолжая выглядеть так же невозмутимо, будто я пожелала ему здоровья, а не швырнула чем-то опасно-магическим.

Я не знала, насколько сильно его ранило, но что-то подсказывало — недостаточно, чтобы он развернулся и ушел восвояси. Впрочем, чего я недовольна? У меня получилось! Я только что кастовала заклинание! Настоящее!

Я — маг!

— Ну что, теперь дошло? — прокричала я.

О, да. Он понял.

Воодушевившись успехом, я сделала два глубоких вдоха и сосредоточила всю свою волю, все свои мысли на сгустке искрящегося золота, собравшегося в руке. Вот от этого он так легко не оправится. Я замахнулась, целясь в черную фигуру Врага. Шар сорвался с ладони, стремглав несясь в его сторону и…

…облом

Враг легким взмахом руки отклонил шар в сторону. Энергия врезалась в стену в паре метров от Клода, сотрясая каменный свод пещеры.

Так нечестно!

— Так вот, что вы задумали? — и он вновь обратился к Клоду, а не ко мне. — Устроили эксперимент? Думали, если насильно травить ее нашей силой, она адаптируется? Вы лишь угробили судьбу еще одного человека. Эта магия не для смертных. Она принадлежит лэйтарцам и передается от родителей к детям. Никак иначе. Ее нельзя впихнуть так же как вы проделывали это с другими видами магии. Золотая ось пришла к нам от богов создавших Лэйтарию. Только они могли даровать ее обычным людям. То, что сделали вы — верх жестокости и садизма. Я знаю, о чем говорю. Я повидал многое.

— И поучаствовал тоже во многом, — хмыкнула я, понимая, из-за чего вышел прокол.

Моя магия была слишком слабой, слишком сырой и слишком юной для нанесения смертельного удара. Впрочем, убивать Врага я не планировала. Только вышвырнуть к чертям из моего дома!

— Маленькая глупенькая Избранная. Тебя же использовали как подопытного кролика, а ты продолжаешь защищать своих мучителей.

Сердце тревожно дернулось пару раз, ожидая подвоха. И не зря. Враг атаковал. Я ахнула, не зная, что делать. То ли наземь бросаться, то ли бежать. К счастью, в этом бою участвовала не я одна. Доверившись внутреннему шепотку, я выбросила вперед руку.

Ну что ж, я тоже в тебя чем-нибудь пульну!

Но вместо очередного шара-заклинания Малыш выстроил передо мной невидимую стену. Хотя это неточное описание. Скорее щит. Он был с меня ростом, и его центр исходил из моей ладони. Самая сильная точка находилась посредине, истончаясь к краям.

Враг со мной не нянчился. Вложил жуткое количество имеющихся сил в натиск в первый же удар, чтобы покончить с этим

сразу и навсегда. Меня тряхануло как при турбулентности, и я пошатнулась, едва не опрокинувшись навзничь. Магия растеклась по моей защите. В ушах стоял трезвон, будто молотом по наковальне врезали.

Вместо того чтобы распасться на кусочки, как любому порядочному заклинанию, магия Врага обратилась в давящий пресс. Она устремилась на меня — дикая, сильная, уничтожающая. Я пошатнулся, едва не опрокинувшись навзничь.

Магия Врага была сильна. Действительно сильна. Я пыталась отразить ее, преодолеть давление и атаковать в ответ. Какую-то отчаянную секунду у меня не получалось ничего. Его сила продолжала медленно, но верно надвигаться, оттесняя меня назад, к дремлющему провалу. Тинхе медленно приближался ко мне, явно намереваясь выдрать из меня Золотую ось силой, с мясом и кровью, если потребуется.

— Предлагаю последний раз, Дробь. Остановись, иначе умрешь.

— Если собирался убить меня, стоило сделать это перед тем, как уйти в Центр!

Я стиснула зубы, напрягла волю и отодвинула щит чуть дальше от себя. Магия Врага вонзилась по краям защитного заклинания. В этот раз меня тряхануло чуть меньше, чем в прошлый раз, но все же, пришлось приложить силы, чтобы удержаться на ногах.

Одновременно защищаться и атаковать я не могла.

— Тебя убьет магия, глупая ты попаданка!

«Какое ему дело?» — подумалось мне. Всех, кто не лэйтарец, Тинхе и за людей-то не считал. Ни разу не заметила в его поведении хоть каплю жалости к тем, кто покорился Золотой оси. Или дело было как раз в этом? Пока я не признала над собой власть Лэйтарии, пока не отказалась от избранности и не позволила поставить себе вейос, моя жизнь имела для Странника какое-то значение.

— Все кончено. Клод почти мертв. Атроса покинули последние силы. У третьего бога не будет и шанса. Ему уже некуда возвращаться. Оглянись — этот мир уже пошел трещинной разрушений. Его не восстановить. Позволь мне закончить то, что начал. Не продлевай агонию падших богов, оставивших свои миры.

Я бросила короткий взгляд в сторону. Клод выглядел ужасно. Пока я сдерживала Врага, он пытался свободной рукой освободиться

от меча, но ничего не получалось. Казалось, его кожа плавилась от прилагаемых усилий, и на бронзовой поверхности все отчетливей проступали капли жидкого металла. Бог-статуя медленно умирал.

Пещера разламывалась пополам. Закрытые пространства — не место для боевых действий. Переть друг на друга чистой силой — форменное самоубийство. Но я-то думала, что рушится только пещера, а не весь мир! Конечно, Тинхе мог врать, но как же это проверить? Ослабь я бдительность на мгновение, обернись, чтобы глянуть назад на зияющий проход, и меня снесет как дистрофика в последний день новогодних скидок.

— Сдавайся и я сохраню тебе жизнь.

— А взамен я поклянусь Лэйтарии в верности и получу клеймо рабыни?

— Камер-лэй тебе не стать, — согласился Враг. — Но к тебе будут относиться лучше, чем к обычной лэй. Поверь, о военных трофеях у нас заботятся почти также хорошо, как и о любимых домашних питомцах.

Я — военный трофей? Это он решил, что комплимент сделал? А потом еще и с комнатной собачкой сравнил?

— А знаешь, лучше я уж тут сдохну, — буркнула я, ощущая в руках тремор, а в словах пророческие нотки. — Только есть один маленький нюанс. Не думаю, что у тебя самого осталось много сил в запасе. Любая магия имеет свой предел. Ты себя исчерпал, оттого и решил торговаться. Клод задал тебе сильную трепку. На запечатывание Атроса ушло не меньше сил. Может, я и неопытная. Но спорим, что уделаю тебя раньше, чем Золотая магия прикончит меня.

Я чувствовала, что могу победить. Может, качество его магии было лучше, но у меня ее было больше. Я сделала шаг вперед, усиливая напор. Врагу пришлось отступить, но он почему-то улыбался.

— Я давал тебе шансов больше, чем кому бы то ни было. Как жаль. Я ведь, правда, попытался бы тебе помочь.

Да, мне тоже это казалось странным.

Именно это мысль заставила меня насторожиться. Не рефлекс, не чутье Избранной и не профессиональна деформация, а всего одна единственная фраза Тинхе.

Вжих!

От меча, рассекшего надо мной воздух, я ушла в последнее мгновенье. Но не от скользящего удара эфесом по затылку. Пока Враг отвлекал меня болтовней, Алиса подбиралась сзади. С той стороны, откуда подвоха я не ждала.

Блин, Алиса! Я ж о тебе собиралась горевать всю оставшуюся жизнь! Какого черта ты жива?!

Напор магии, больше не сдерживаемой Малышом, обрушился полной силой. На секунду я потерялась в реальности. Все пять чувств резко перестали работать, будто у них перерыв на обед или что-то типа того. Когда мое состояние вернулось в норму, рыпаться дальше было поздно.

— Двинешься, и вспорю тебе глотку, — холод в голосе девушки вмораживал в землю не хуже проклятья Солярис. Лезвие сверкнуло перед моим лицом. Я скосила глаза.

Алиса стояла позади меня живее всех живых. В одной руке она держала меч, не так давно откинутый Врагом. В другой, подмышкой, томился красный кокон магии. Видимо, прежде чем добраться до пещеры Атроса, она навестила ясли Лёши.

Мои внутренности скрутило узлом. Она была там! Рядом с маленькими, беззащитными, сладко спящими коконами.

— Ты долго.

Наше противостояние всколыхнуло с камней пыль, что явно противоречило представлению Тинхе о том месте, где он хотел бы находится в своем идеальном костюмчике.

— Эта сука сбросила меня со скалы! — рявкнула Алиса рядом с моим ухом.

— И как же ты выжила?

— Я минут десять летела в пропасть. Потом падение замедлилось. Меня обдало вспышкой света, и я очутилась на той поляне, — указала она себе за спину. — Наверное, этот мир устроен таким образом, чтобы не вредить людям. Иначе все Избранные поубивались бы в первый же день.

Это она верно говорила. Во время тренировок я была главным кандидатом на членовредительство самой себе.

— Но на богов это не распространяется, — заметил Враг. — И на меня.

— Думаю, это имеет отношение только к повреждениям не связанным с магией. Они — не смертельны. Другие же повреждения заживают очень быстро.

— Вот оно что, — хмыкнул мужчина. — А я-то начал волноваться, что пробыл здесь слишком долго, раз Дробь скачет так активно. Кстати, как вышло, что вы обе оказались здесь?

На лице Алисы обозначился румянец.

— Прости, мне жаль, что так вышло.

— Я не злюсь, — отмахнулся Тинхе. Смотрел он не на нас. Он следил за Клодом. За той болью, что разливалась в его душе. Речь шла уже не воткнутом в плечо мече, и не о растекающемся по его телу яде. Речь шла об Алисе. Одно дело слышать от меня то, что можно интерпретировать как ложь, другое — видеть Алису вживую, той какой она стала. Или была с самого начала. Преданное доверие должно стоять в первой десятке в рейтинге эмоциональной боли. — Ты очень даже кстати.

— Хочешь, что бы я ее убила? — воодушевилась темноволосая садистка. — Меч магический. После него она не восстановится. Или, по крайней мере, на это уйдет очень много времени.

Враг колебался не дольше секунды.

— Буквально через минутку. Сначала объясни, как она уговорила тебя ослушаться моего приказа?

Девушка скрипнула зубами.

— Она сыграла на моих слабостях, — признание далось ей тяжело.

Враг бросил взгляд на Клода.

— Неужели бракованная Избранная — не самая бестолковая из всех здесь присутствующих? Не ожидал Дробь, правда.

— Она сказала, что может поделиться магией, если я отведу ее в Центр, — продолжила Алиса, явно недовольная тем, что мне досталась часть внимания Странника.

Тот устало покачал головой. Похоже, бывшая Избранная не раз поднимала этот вопрос.

— Все еще хочешь стать одной из нас? Тебе повезло, что никто не успел воплотить твое желание в жизнь.

Алиса вскинула подбородок. Из-за роста и кокона в левой руке, ей было не совсем удобно мне угрожать.

— Теперь можно с ней покончить?

— Да. Пожалуй, возможности ей помочь не осталось. Забытые боги сделали все возможное, чтобы она не смогла оправиться. Особенно сейчас, после того, как она воспользовалась таким количеством силы. От такого ей не оправиться.

Мужчина приблизился. Ухватил меня за подбородок, он заставил посмотреть себе в глаза.

— Поверь, Дробь. В твоем случае — это милосердие. Ты не хочешь стать тем, во что Золотая магия превращает обычного человека.

— То есть, лэйтарцем? — сквозь зубы выдавила я. — Ты прав. Быть подобной тебе я не хочу.

Пальцы на моей челюсти разжались. Мужчина отступил назад.

— Давай, — кивнул он Алисе.

— Но… — замешкалась девушка. Лезвие меча упиралось мне в горло. Одно неверное движение и я труп. — Это же магия Лэйтирии, так. Она в ней. Дробь ее использовала. В чем проблема?

Золотые блестки парили в воздухе, будто мы на каком-то сказочном маскараде.

— Да, это наша магия, — признал человек в черном. — И она убила бы тебя за пару недель, перед этим превратив в нечто ужасное. Когда-то давно мы проводили исследования. Это привело к ужасным последствиям, Алиса. Без божественного вмешательства творца Лэйтарии, укоренить магию Золотой оси без неизбежных осложнений невозможно. А богов Незыблемый трон уничтожил десятки тысяч лет назад.

Он замолчал. Разговор окончен.

Сейчас. Это произойдет сейчас. Только не плакать. Сохраняй самообладание. Вспомни какую-нибудь молитву. Или стишок. Песенку. Считалочку?

Девушка замахнулась.

А дальше произошло сразу несколько вещей одновременно.

Пещеру тряхануло. Да так мощно, что Тинхе потерял равновесие. Фонтан разноцветных блесток осыпался сверху на нас всех, на мгновение лишая видимости. Я вскинула локоть, целясь Алисе в подбородок. Короткая борьба и бывшая Избранная отлетает в сторону,

продолжая цепляться за кокон. Я остаюсь счастливой обладательницей волшебного меча.

Но что, блин, произошло?

— Кхм-кхм, — прокашлялся громогласный голос, исторгая порцию блесток. Еще одна порция конфетти упокоилась на моей макушке — Ну, одного бога, может быть, вы и не уничтожили.

Медленно, будто время вокруг превратилось в тягучий кисель, Враг повернулся на звук звенящего голоса. Святящаяся пыльца, исторгнутая из ямы, покачиваясь в воздухе, плавно опускалась на поблескивающие от сырости камни. Свет в пещере сиял голубым.

Атрос проснулся.

— 18 —

Всегда думала, что у любого дня есть какие-то ограничения по количеству странностей. Но, видимо, у каждого мира свой определённый лимит. У Центра он стремился к бесконечности.

В первые три секунды я испытала прилив счастья. Атрос пробудился! Все здорово! Дайте мне кубок чемпионки, обезболивающее, тарелку с пончиками, одеялко, и я пойду отмечать в своей комнате. Ведь все закончилось, так? Ан-нет, Дробь ты моя дорогая. Не так быстро. Не летят с неба молнии, не разят Врага — супостата окаянного. Не играют арфы музыку праздничную, а хор ангелов не восславляет победу твою великую. Все также плохо, как и три секунды назад.

Ой, нет. Стало еще хуже.

Атрос — бог Лэйтарии?!

— Что все это значит? — жалобно спросила я.

А сама — бочком-бочком подальше, чтоб оставаться вне досягаемости Врага и Алисы. Ножки-то дрожат. Ручки трясутся. Пот градом. Блестки — золотым водопадом. Стою такая, красавица, с мечом наперевес. Но ненадолго. Меч опять отберут же. Знаю я их. На губах застывшая полуулыбка. Не поймешь же: хорошо ли, что Атрос имеет отношение к Врагу, плохо ли? Или сегодня первое апреля и меня очень жестко и масштабно разыграли?

Ситуация ненормальная. Клод больше не издает стонов и кряхтений. То ли помер, то ли без сознания, то ли в ситуацию вникать не хочет. С моего места ничего не видно, а ближе подойти страшно. Алиса встает на ноги. Глаза шальные, в руках кокон с неизвестной

магией. Тинхе зенками своими черными хлопает. Лицо недовольное морщит, будто зуб заболел. Но падать ниц перед богом своего мира не спешит. Может, он не шибко верующий, может, Атрос не принадлежит к самой популярной религии, что когда-то была в Лэйтарии.

Неважно. Лично я — наготове. Сейчас точно у кого-то сорвет крышу и начнется истерика. Еще час назад я бы поставила на себя, но, после всех событий, моя уверенность в чем бы то ни было пошатнулась.

Сверкающие кристаллы побежали морскими переливами.

— Ты все услышала верно, — сказал Атрос.

Я представила свою любимую яму в роли грозного вершителя судеб золотой, вылизанной планетки с цветочными крышами. О народе можно сказать многое, увидев кому и для чего они поклоняются. Вот египтяне почитали богов с головами животных, а с лэйтарцами что? Почему их бог — яма? Атрос, конечно, вполне симпатичный для огромной дыры в земле, но не до такой степени!

Каждого из лэйтарцев отличал какой-то особый ореол естественной красоты. Хотелось думать, что эта чарующая привлекательность была создана десятком визажистов и тонной косметических заклятий, но, теперь, узнав, что сотни тысяч лет назад, лэйтарцы почитали Атроса, я склонялась к мысли, что они просто-напросто скидывали в него некрасивых детей. А что? В Спарте это какое-то время работало!

— Ты действительно создал Лэйтарию? — изумилась я.

— Не совсем, — устало выдохнул Атрос. Может он и пробудился, но речь давалась ему тяжело. — Я не верховный бог. Я был всего лишь одним из богов огромного пантеона. В те времена, когда я действовал в полную силу, Лэйтария представляла собой разрозненную сотню стран-государств. Да и звалась иначе.

Алиса вскинула голову, устремляя взгляд в кристальный провал. Будто в предательской головке бывшей Избранной вспыхнула далеко не самая миротворческая идея. Враг тоже это заметил.

— Абсурд, — взметнув ногами сноп блесток, Тинхе шагнул к мерцающему краю. Из-под мощной подошвы кожаных сапог, земля, перемешенная с доброй порцией магических остатков, комьями полетела вниз. На одно краткое мгновение мужчина озадачился, какой

из кристаллов поразить своим надменным высокомерием. — Вечные перебили всех богов.

— Всех действующих богов, — поправил Атрос.

— Пусть так, — неожиданно согласился Враг. — Но за столько лет ты должен был утратить все силы. Всю божественность. Твои единомышленники, — кивнул он в сторону Клода, — потеряли источники своих сил не более тысячи лет назад, но уже мало отличны от магов средней руки. А ты утверждаешь, что прожил без молитв, в сотню раз больше и при этом держишь маленький, но вполне жизнеспособный мирок?

Одним глазом я следила за Алисой. Та стояла ко мне в пол-оборота и, казалось, что-то нашёптывала кокону. Если ее как-то впечатлила вновь открывшаяся информация об одном из богов Центра, она это отлично скрывала.

— Магия, — шепнул Атрос.

Я медленно сдвигалась к Клоду. Маленькая половинчатая Избранная. Кому до нее есть дело?

Враг склонился над ямой, приседая на одно колено.

— Что ты имеешь в виду?

— Магия заражения, она же магия Золотой оси — пыль со стоп неотвратимой судьбы. Везение. Удача. Счастливый случай. Я был ее первоисточником. В маленьких дозах она — безвредное волшебство. В больших — великая сила. В Лэйтарии, где ее возвели в Абсолют — мощь, что сокрушает миры.

Враг отшатнулся как от удара.

Золотая магия — это удача? Разве удача может быть магией? А если она магия, то, теоретически, должно существовать учебное заведение, где преподают удачу. Серьезно, что ли? Это же как-то не по-настоящему. Я только что ею с Врагом сражалась! И это была сила!

— Все Избранные, отправляемые в другие миры, несли в себе частичку моей силы, мое благословение, — будто бы для меня пояснил Атрос. — Ее капли хватало, чтобы Избранная могла выжить в чужом мире и посодействовать его возрождению.

«Мы действительно сродни прививке, — вспомнила я свои ранние рассуждения. — И беспомощны лишь в Лэйтарии, где все настолько пропитано этой магией, что ее крохи попросту не работают».

Алиса отвлеклась от кокона и обратилась к Врагу. Атроса она игнорировала намеренно.

— Аматри предполагал нечто подобное, — обеспокоенно сказала она.

— У него много бредовых идей, — отмахнулся тот. — Ладно, о Великий, Забытый Бог. Если уж ты решил перед смертью сказать последнее слово, что ж, я достаточно великодушен, чтобы выслушать его. Не каждый день удается засвидетельствовать падение последнего из своего рода. Ты же последний, так? Эти две потеряшки к нам отношения не имеют.

От язвительной насмешки Врага меня аж, тряхануло.

— Как ты можешь? — воскликнула я, вновь привлекая к себе нежелательное внимание. — Он один из создателей твоего рода. Жизни на твоей планете. И ты все еще не отказался от планов разрушить Центр — его последнее прибежище? Да что с тобой не так?

— Бог, что все время создавал вас, чтобы мешать нам? — изобразил задумчивость Тинхе, почесав подбородок. — Как-то это не в стиле милостивого бога. Это ты упустила, наивная Дробь?

Кристаллы зазвенели, исторгая очередную порцию блесток. Атрос вздохнул. Его речь из громогласного баритона скатывалась к мелодичному покашливанию.

— Я все объясню.

— Ты ничем ему не обязан! — возмутилась я. — Ты не должен объясняться перед наглым, обиженным на черте что, мальчишкой!

Враг одну долгую, пугающую секунду смотрел нам меня. Потом ткнул себя в грудь пальцем, как бы спрашивая: «это ты сейчас обо мне?». Я кивнула. Он выпучил глаза, изображая удивление.

— Это не для него. Это для тебя, — едва слышно выдохнул мерцающий бог из камней и кристаллов. — Ты же хочешь знать, зачем тебя призвали. Зачем тренировали.

Что ту думать? Ясно, как белый день. Атрос создал всю эпопею с Избранными, чтобы предотвращать беды, вызванные вмешательством мира Золотой оси. Разве нам это не в первый день рассказывали?

Это было понятно мне. А вот Враг, кажется, искренне не понимал божественного мотива.

— Миры создаются богами, — начал Атрос. — Даже те, где магия изжила себя на первом этапе становления общества. Мы относимся к

ним как к детям, считая себя родителями. Мы холим и лелеем новорожденные миры. Активно вмешиваемся в их жизнь и развитие. Иногда менее удачно, иногда более. Со временем миры крепчают и перестают нуждаться в чрезмерной опеке. Тогда приходит время богам-основателям, творцам, архитекторам, отстраниться от дел. Это обязательная процедура. Если вовремя не предоставить миру должную свободу, он может стать вспыльчивым, агрессивным, эгоистичным, замкнутым или же, наоборот, подавленным, слабым и несамостоятельным.

Мир, как отдельная личность. Это слегка перебор для моего усталого и измученного сознания. Я, выходя из поликлиники, забываю снять бахилы. Вхожу в ступор, когда мне в руки попадает телефон не той модели (марки, фирмы, размера), и не знаю для чего половина кнопок на моем пульте от телевизора и брелока от машины. А тут речь о межпропространственной психологии и воспитании детей. Не мой это уровень, ребята, не мой.

— Мы любили Лэйтарию, хотя звали ее иначе. Идеальный мир. В меру спокойный, послушный и обаятельный. Она предвосхищала все наши ожидания. Эпохи сменялись одна за другой, — меж тем продолжал Атрос. — Приближался заветный час. Магия, наука и религия, должны были найти свое место в мире. Пришло время, отойти от дел и позволить всему идти своим ходом. И когда настал час покинуть ее, и дать возможность развиться самостоятельно, выбрать собственный путь, уйти смогли не все. Это не могло закончиться чем-то хорошим. Еще ни одно насилие, даже во благо, не приводило к чему-то хорошему. Оставшиеся боги искусственно продлевали свою власть над миром, задаривая его жителей знаниями и технологиями, до которых людское общество еще не доросло.

Не бог. Отчаявшийся родитель ребенка, пошедшего кривой дорожкой. Вот кем был Атрос. Он отчаянно любил свой мир. Видел, какие зверства творят его обитатели, но помешать не мог. Все что ему оставалось, это хоть как-то компенсировать причиняемый вред. На прямое вмешательство Атрос был не способен. Сил не осталось. Да и запрет в Центре. Ему досталась роль молчаливого наблюдателя.

— Да-да. А потом пришли Вечные — лучшие представители нашего великого прошлого, — бесцеремонно прервал Враг. — И свергли тиранов, освободив из-под своего гнета человечество.

— Эй, если тебе неинтересно — не мешай другим слушать, — потребовала я. — Для меня это вопрос жизни и смерти. Что там с Золотой магией? Я выживу или нет?

— Тебе незачем волноваться о негативных последствиях магии заражения, — соблаговолил ответить Атрос. — Она была дарована с моего благословления. И она полноценна, в отличие от тех крох, что несли в себе остальные Избранные.

Враг поднялся с земли, поправил перевязь. В этом простом жесте угадывалось желание спрятать свой взгляд. Очень подозрительная и нехарактерная реакция для того, кто всегда, чуть ли не напоказ демонстрировал свои эмоции.

— Хочешь сказать, она — лэйтарка? — спросил он, старательно не глядя в мою сторону. Его голос звучал ровно, и было не понятно, рад ли он этому событию или зол, или собирает статистические данные для переписи населения Лэйтарии пять тысяч триста двадцать восьмого года.

Минутку…

В смысле, я — лэйтарка? Землянка чистокровная! В моей родословной все земляне. Даже кот! Не тем местом Враг Атроса слушает. Вот я четко уловила, что в величавых речах кристально-каменного бога прозвучало следующее: «О, половинчатая Избранная, все спасительницы, что когда-то проигрывали, делали это из-за злого влияния магии Золотой оси, и только ты лажала просто потому что дурная».

— Он хочет сказать, что я — Избранная Лэйтарии, — вмешалась я. Какие-то у Врага вопросы совсем не по теме. — Ясно? Я правильно говорю, Атрос? Ты долго экспериментировал и, наконец, смог создать идеальную для Лэйтарии Избранную. Поэтому мне достался кокон с Малышом, я попала в мир Золотой оси, и сразу наткнулась на Врага. А любовь свою, я встретить попросту не успела.

Грохот из ямы прозвучал зловеще.

— Нет.

На этом моменте даже Тинхе со своим насмешливым скептицизмом заволновался.

— Что именно «нет»? — уточнила я. А то нафиг мне такие размытые ответы. Тут судьба моя вершится. Да и не только моя. Вон,

Враг побледнел, будто его вот-вот схватят за шиворот и потащат в ЗАГС.

— Нет, Дробь. Ты не Избранная Лэйтарии.

В смысле, нет? Я зачем тогда все это выслушивала?

— Но хоть Избранная?

— Да, но…

Атроса вновь прервали. На этот раз, мое злобное отражение. Алиса. Девушка, до этого изображавшая тень Врага, вышла вперед.

— Довольно! — ее глаза отражали весь спектр ярости. Она вытянула перед собой кокон. — Это не имеет значения. Это все уже не имеет никакого значения! Боги должны умереть. А вся суета с Избранными закончиться. Больше никаких похищений девушек с Земли. Никакой судьбы и предназначений!

— Постой! — спохватился Враг. — Мне нужно знать…

Но было поздно. Девушка разжала руки. Враг бросился ей наперерез. Ему не хватило одной доли секунды. Кокон неизвестной магии полетел вниз. Я, уловив момент, метнулась к стене, к Клоду. Но не дошла совсем чуть-чуть, как пещеру тряхануло, да так, что я повалилась на пол. Магия, хранимая в глянцевой скорлупе, разрушительной силой вырвалась наружу. Трещины молниями понеслись по каменному своду. Оглушительный треск резанул по дребезжащей стене. Огромная каменная глыба, сопровождаемая градом камней, понеслась сверху на нас.

Пещеру заволокло пылью и серым маревом.

— 19 —

Прикрыв голову руками, я прокричала:

— Атрос, что с тобой?

Пещеру сотрясали подземные толчки, а грохот стоял такой, что закладывало уши. Комья земли вперемешку с камнями летели вниз. Пространство вокруг медленно, но верно превращалось в действующий филиал ада.

— Алиса, что ты сделала? — проорала я. — Что она сделала, Тинхе?

Нас разделяли клубы дыма и выстреливающие фейерверки огня. Очертания Врага поплыли туманным маревом. Черный силуэт замер вполоборота.

— Центру конец, — сказал мужчина. — Как и твоему высеченному из металла покровителю. Поздравляю, теперь ты свободна. А у Лэйтарии нет богов: ни настоящих, ни лживых.

— Тинхе! — голос Алисы прозвучал с той стороны пещеры, где был выход. — Оно сейчас все рухнет, выходи.

Очертания Врага исказились, и я решила, что он поспешил воспользоваться советом.

— Ой, ну и катись к черту! — разозлилась я.

Мужчина вынырнул из пылевой завесы, как айсберг перед «Титаником». Накинутый на голову капюшон мистическим образом отводил в стороны летящие камни. Взбунтовавшаяся сила никоим образом не беспокоила его величественную персону.

— Если падший бог не пытался сохранить свою жизнь гнусной ложью, то ты одна из нас.

— Ты прав, сейчас самое время для обсуждения бесполезных вещей. Что ты думаешь о моем платье? Оно уже вышло из лэйтарской моды, пока мы тут болтаем?

В черных глазах вспыхнул фанатичный блеск.

— Это значит, ты должна пойти со мной.

— Нихрена я тебе не должна, кроме уничтожения твоего собственного мира. Или одного хорошего пинка.

В этот раз Враг не успел среагировать. Золотые искры, собранные моей волей и перенаправленные в магию Малышом, врезались плотной стеной в лэйтарского Странника. Мощный вихрь чистой силы вынес его из зала, протащив по бугристому тоннелю выкидывая на поляну. Так я предполагала. За плотной завесой из дыма, блесток и трансмутационной магии, жидкой лавой извергающейся из Атроса, был услышан лишь короткий вскрик Алисы и, что-то пророчески-высокомерно-уничижительное от Тинхе.

Я поползла к стене.

— Клод?

Его нашла почти на ощупь. Мощная мускулатура тела, прикрываемая остатками плаща, обжигала не хуже льда. Совсем неделикатно прощупала его икры (сквозь ткань и исключительно в целях опознания). Дотронулась до его запястья, тут же отдернула руку. Какой же он холодный!

— Ты говорил, что обучишь всему, что потребуется для миссии Избранной, — пробурчала я. — Но что-то не припомню уроков оказания первой медицинской помощи богам. Халтурил, да?

Он не отреагировал.

— Будь живым, — попросила я и ухватилась за рукоять меча. — Ты же бог. Ты не можешь погибнуть от такой дурацкой раны.

Тот не поддался.

Уперлась ногами в стену. Вновь потащила на себя. Роста не хватало, чтобы вытащить его ровно, и я тянула под углом. Я пыхтела, и потела и, в конце концов, лезвие сдвинулось. Хриплый вздох стал мне наградой.

Клод был жив.

По крайней мере — пока жив.

Я усилила напор. Дым лез в глаза, забивался в нос и рот. Опасные шорохи, потрескивания и шебуршения, доносившиеся со стороны Атроса, настойчивым ужасом скребли по чувствам.

Меч поддался. Вместе с бронзовым богом отделился от стены, заваливаясь на меня. Я поднырнула под Клода, уходя от столкновения. Мужчина-статуя слепо шагнул вперед. Металлически ноги подкосились. Голлем припал на колено, заваливаясь вперед на рукоять меча. Та уткнулась в землю.

— Клод!

Статуя застыла в нелепой позе. Лезвие меча угрожающе торчало с другой стороны плеча. Я дернула мужчину за балахон, больше не зная, за что хвататься. На глаза навернулись слезы. А казалось, выплакала все, что можно еще час назад.

— Клод.

Тяжелые веки из металла дернулись, медленно приоткрываясь. Пустые глаза уставились сквозь меня.

— Дробь.

— Клод, — шмыгнула я носом. От немедленных объятий вредного бога удерживали только невыясненные отношения между нами. Поэтому я поспешила его предупредить, на тот случай, если замутненный разум сурового учителя не вычленил все важные элементы из стычки Врага и Атроса. — Я — хорошая. Алиса — плохая. Враг тебя ранил. Я спасаю.

Невнятные звуки вырвались из застывших губ.

— Меч, — разобрала я.

Меч разрушает магию и не позволяет Клоду восстановиться!

Ухватив мужчину за плечи, потянула его назад. Мускулатуру он имел мощную, да и костяк развитый. Весил не меньше тонны! Уткнулась пяткой в здоровое плечо, вновь занялась мечом. Тот шевельнулся не сразу. Лезвие прошло по ране, как нож по маслу. Меч вынырнул из плеча, выскальзывая из моих рук и улетая назад за спину.

Я поморщилась. Надеюсь, моя бракованная везучесть не закинет меч в Атроса, который непременно считается живым, до тех пор, пока не докажут обратного. Откуда мне знать физиологию богов. Может, извергающаяся лава — это вполне нормальное состояние для его вида?

Клод вновь застонал.

Я потянулась к ране, готовясь перевязать его прежде, чем из него хлынет кровь. Или масло. Или нефть. Или что там течет в жилах у цельнометаллических тиранов?

— Клод, ты что-то очень жуткое.

Сквозь тонкую полоску раны проглядывалась часть стены. Края раны имели гладкий срез. Никакой крови. Ну, вылитая статуя! Что у него там болит, если нет ни одного нервного окончания?

— Держись за меня.

Я закинула его руку себе на плечо и скомандовала:

— А теперь, шаг за шагом. Учимся ходить. Прямо как в детстве!

Память о том, как я дотащила Клода до выхода, растворилась где-то в клубах каменного крошева. Он то ли шел, то ли переваливался большой опасной игрушкой. Оловянный, чтоб его, солдатик.

Я перевела дух только тогда, когда свалила статую на поляну. Все вокруг окутал странный белесый дым. Я не видела дальше вытянутой руки. Это не могло быть пыльное крошево пещеры, это было что-то другое, и затронуло оно не только зеленые холмы, но и весь мир Центра.

— Я все испортила, да? — наконец спросила я.

— Нет. Была б не ты, так кто-нибудь другой. Враг хитер. Рано или поздно это случилось бы. И лучше уж так.

— Чем же?

— Ты сможешь закрыть портал.

— Что?

— Портал, — прохрипел Клод. — Тот, что ты активировала из мира скверны. Когда я погибну…

— Не говори так!

— Не перебивай. Это твой последний урок, Дробь. Слушай его внимательно. Когда мы погибнем, магия, на которой держится мир, испариться. Эта планета станет непригодной для жизни. Плоская, безжизненная земля. Ее выкинет в пространство обычных миров. Она начнет подчиняться обычным физическим законам. Что в данном случае означает смерть всему, что на ней осталось. Ты должна уйти, Дробь. Уйти в Лэйтарию и закрыть за собой портал.

— Ты что такое говоришь? Атрос очнется, вот увидишь! Для него комок магии — как простуда. Ну, почихает пару неделек, потрясет мир катаклизмами, но он не умрет!

— Алиса превратила кокон первородной магии во что-то вроде бомбы, — лицо Клода исказила мука. — Атросу не справиться. Не в одиночку. Был бы Ле'ахеш'иарс'ту, но Атрос перекрыл ему путь, как только почувствовал прорыв извне.

«С Лёшей все в порядке», — единственная и последняя хорошая новость за день.

— Уходи и закрой за собой портал, — начал он нудеть по новой.

— Нет! Мы что-нибудь придумаем. Есть же какой-то вариант. Всегда есть!

— Если ты этого не сделаешь, Враг получит свободный доступ ко всем мирам, где ослабла божественная сила. Центр погибнет как мир, но останется как перевалочный пункт между мирами. Порталы будут функционировать даже после уничтожения Атроса, но без его защиты, они станут пропускать любого, кто этого пожелает. Неужели твоя гордыня стоит судеб десятка тысяч миров? Тех, что еще не были открыты Врагом и Избранными?

Миры… Зеркала, что выстраивались бесконечными коридорами. Они тянулись бесконечной вереницей. Мне ни разу не удалось их сосчитать. А это только та часть, что хранилась в блоке нашей пятерки. Все это порталы для будущих Избранных, которые не ступят на землю Центра.

— Это нечестно.

— Иного пути нет. Полностью миры ты спасти не сможешь, но хотя бы защитишь их от вторжения Врага. Так у них появится хоть

какой-то шанс.

— Ладно-ладно. Закрыть мир, — всхлипнула я. — Поняла — не дура. Тогда вставай и пойдем. Чего разлегся?

— Дробь…

— Ты же не собираешь оставаться здесь? Сам знаешь, я одна все испорчу.

Он покачал головой.

— Времени мало, Дробь.

— Тогда поторопись.

Я смахнула со щек соленую влагу. Глупый Клод, несет всякую чушь.

— Дробь…

— Я не шучу. С места не сдвинусь, если ты не встанешь.

Металлическая конструкция зашевелилась. Ему было больно, но он поднимался. Со скрипом несмазанных шестеренок и грацией разводного моста.

— Избранная сто сорок семь дробь два, — строго сказал он, выпрямляясь во весь рост. — Иди и закрой портал. Спаси Центр. Спаси его суть.

— Но…

— Я буду за тобой. Даже если ты этого не увидишь.

Я шмыгнула носом.

— Да.

Развернулась и поковыляла к порталу. Густой туман поглотил Клода практически сразу, как и глухой металлический стук о траву.

Я шла вперед. Ноги утопали в зеленом ковре из пластиковой травы. Дым расступался на моем пути, освобождая дорогу.

Закрыть портал. Все просто.

Одна маленькая, последняя вещь, что я смогу сделать для Центра. Позволить ему умереть вместе с дорогами в другие миры. Отлично выстроенная карьера, Дробь. Нет работодателей — нет плохих рекомендаций.

Мои ноги остановились сами. Спустя мгновение до меня дошел ответ.

Алиса.

Она ушла не далеко.

Дым вихрился вокруг ее бледного силуэта. Девушка стояла ко мне спиной. Видимо блуждала в тумане в поисках выхода. Метров тридцать отделяло ее от портала. Но она этого не знала. Стерильный мир Центра не имел ни солнца, ни звезд, ни других путеводных указателей. Ее обучение длилось меньше моего. Умница и отличница Центра не знала этого мира так же хорошо, как я. Она тратила свои силы на другое. На предательство. Я же изучила этот мир вдоль и поперек. Дорогу к пещере я могла найти с завязанными глазами. Я приползала в нее и больной, и хромой, и обессиленной. Какой-то туман был смехотворной помехой.

В который раз за этот день я прощалась с жизнью.

С жизнью Алисы.

Атрос ей не поможет. Атрос больше никому не поможет. И в этом ее вина. Она раскрыла тайны миров Избранных из своего потока. Она предала Клода. Она использовала бережно хранимую магию Лёши в качестве бомбы божественной смерти. Она убила Атроса.

Туман глушил звуки.

Она могла обернуться в любой момент. Один краткий миг озарения. Короткий всплеск желания, проверить, что за спиной. Шепоток внутреннего чутья. Чуток удачи и она бы меня заметила. Но удача была не на ее стороне. Больше нет.

— 20 —

Я набросилась Алисе на спину, как дикий зверь на раненую антилопу.

Девушка попробовала перекинуть меня через плечо, но в итоге мы обе рухнули вниз. Секунд пятнадцать мы катались по траве, обмениваясь ударами. Подлой предательнице все никак не удавалось взять надо мной верх. Чем бы она ни зачаровала кокон, отправленный в Атроса, забрало это много сил. Магическое истощение — вещь опасная. Может привести к смерти или к полному упадку сил.

Я ухватилась за черные локоны Алисы, и потянула на себя. Длинные распущенные волосы на поле боя — непозволительная роскошь! Девушка взвизгнула, вцепилась в мои руки, отдирая от себя. Не тут-то было! Я держала крепко.

— Отвали от меня! Центра нет. Боги мертвы!

Алиса высвободила ногу и пнула меня в живот.

Качала ли я пресс каждый день? Да. Врала ли о том, что его качаю? И снова, да.

— И ты вместе с ними, — охнула я, сгибаясь от боли.

Я не могла использовать магию. Ни единой капли. Все что осталось, пойдет на закрытие портала. А это может оказаться сложнее, чем в Цветущей Цитадели.

Алиса нанесла еще один удар, скидывая меня на землю.

— Отвали, сказала! Мир вот-вот рухнет.

— Я что, похожа на Избранную, которую это волнует? Раньше надо было думать. Прежде чем ты решила поиграться с коконом магии.

Отвечать девушка не стала. Вскочив на ноги, бросилась в туман. К моему сожалению, как раз в ту сторону, где тарахтел портал. Я — за ней. В каком-то немыслимом прыжке я рванула вперед и вцепилась девушке в голень. Инерция сделала свое дело. Алиса повалилась на землю.

Я издала победный боевой клич, цепляясь за подол ее платья и подтаскивая к себе.

— Поверить не могу, что после всего, что ты узнала о богах, ты все еще на их стороне, — прошипела та, целясь в меня ногой. — Они собирались обречь меня на годы страданий, боли и унижений. А сколько еще было Избранных с похожей историей, о которых мы не знаем? Скольких они отдали в жертву светлому будущему? В руки маньяков и тиранов!

— Какие высокие слова, — прохрипела я, отбиваясь от ее стопы. Два ворочающихся червяка — вот как мы выглядели со стороны. — У тебя было зеркало и все время мира, чтобы создать свою историю такой, как пожелаешь. Написать ее чернилами или кровью со слезами. Сочинить слезливую мелодраму или героический эпос. Это твое решение, а не богов. Ты сама несешь за него ответственность.

— Они выбрали за меня!

— Они определяют концовку, каким путем ты к ней идешь — это уже твой выбор.

Я навалилась на нее сверху всем телом. Лицо девушки раскраснелось от гнева, а глаза сверкали уничтожающей злобой. Я выглядела так же. Ярость циркулировала во мне нарастающим потоком; давала силы и отбирала контроль.

— И ты выбрала предательство.

Я обхватила ее шею и начала душить.

Один раз я ее убила. Второй раз не должно быть сложнее.

Девушка засучила руками, пытаясь добраться до моего лица. Бесполезно. Ненависть прожигала меня изнутри, заставляя сжимать пальцы на бледной шее.

Секунды текли долго.

Хриплые звуки доносились из ее горла.

— Разве этому я тебя учил? — померещился скрипящий голос.

Тяжелая ладонь опустилась на мое плечо.

Я дернулась. Повернулась, чтобы посмотреть, но сзади никого не было.

— Клод?

— Она уже заплатила, — прошептал туман. Я могла поклясться, что говорил Клод, но кроме меня и Алисы рядом никого не было. — Посмотри на нее. Она страдает.

Ожесточенность искажала раскрасневшееся лицо девушки. И не было на нем ни капли сострадания. Ни малейшего намека на сожаление или раскаянье.

— У нее собственный мир. Враг отдал ей один из тех, что подвергся заражению. Она живет и властвует над миром, за который свободой заплатила одна из Избранных — невинная девушка, которую ты когда-то знал, тренировал и воспитывал. Где же здесь наказание? Она вернется победительницей, удостоится похвалы от своего хозяина, и королевой взойдет на оставленный престол, выстроенный на чужой крови! — выплюнула я. — Отчего ей страдать на парчовых подушках под опахалами слуг? От скуки? Бедная-бедная Алиса. Ей так в тягость нежиться на шелковых простынях и поглощать в необъятных количествах заморские сладости. Посмотри на нее Клод, Враг сто процентов дал ей какое-то заклинание, чтобы она ела и не толстела.

Девушка выпучила глаза, выискивая моего невидимого собеседника.

— Нет ничего страшнее, чем человек не на своем месте. — Он сочувствовал Алисе. Подлому монстру, что страшнее Врага. Увертливая подколодная змея, свернувшаяся на груди Клода.

— Как ты можешь ее жалеть? В ней не осталось ничего достойного спасения!

Я отмахнулась от туманного придыхания голоса.

В предсмертных судорогах Алиса царапала воздух.

Она заслужила худшего. Большей боли и страданий, чем я могла обеспечить. Но за неимением времени, ограничимся этим.

Я оскалилась в победной улыбке. Еще чуть-чуть и…

Странное чувство охватило мое тело. Меня тряхануло, как электрошоком. По нервным окончаниям пробежались ледяные иглы, замораживая изнутри окостеневшие пальцы.

Страх.

Не мой.

Что за?..

Комочек магии, мирно покоившийся внутри, сжался в паническом ужасе. Передо мной. Малыш дрожал от страха. Моя жестокость всколыхнула в нем эти чувства.

Я расцепила ладони, в испуге отдергивая руки. Бывшая Избранная утробно закашлялась.

Что же я творю? Атрос даровал мне возможность умереть спокойно. Без греха убийства на душе. А что я? Сорвалась при первом удобном случае!

Я встала, отшатываясь от Алисы. Меня била нервная дрожь. Девушка поднялась на колени, с хрипом вдыхая сладкий воздух.

— Убирайся, — потребовала я, указывая в сторону портала. — Надеюсь, однажды ты проснешься в своей мягкой уютной кроватке, обливаясь холодным потом, дрожащими пальцами цепляясь за простынь, и осознаешь ужас всего, что сотворила.

Бывшая Избранная недоверчиво уставилась на меня. Черные, когда-то ухоженные волосы, блестящим водопадом спускающиеся на плечи, болтались свалявшимися сосульками. Подбитая губа набухала красной блямбой.

— Психованная курица, — прохрипела предательница, заходясь в сухом кашле.

Я утерла со лба пот, отвлекая себя от слов Алисы. Неблагодарная, самовлюбленная девица не заставит меня вновь потерять на собой контроль и испугать Малыша.

— Проваливай, я сказала. Мир рушится. Беги, спасай свою шкуру.

Девушка встала на негнущихся ногах. Отряхнула прилипшую траву с платья. Попробовала поправить слипшиеся волосы, но помочь им могли только ножницы. Она пыталась вести себя достойно,

подобно леди, но в отточенных жестах просматривалась солдатская выправка, вбитая Клодом.

Девушка направилась ко мне.

— Портал в той стороне, — напомнила я.

Ее локоть врезался мне под дых, а кулак впечатался прямо в нос. Мощный удар в глотку отправил меня в объятья матушки-земли.

Ни шевельнуться, ни вздохнуть.

Алиса, тяжело дыша, склонилась надо мной:

— Милосердие? Избитое клише, Дробь! Надо было убить меня. Без колебаний и жалости, как тогда на горе.

«И кто из нас психованная?» — подумала я, не имея возможности ответить вслух.

Туман позади, понесся волнами. Клубки дыма расступились в стороны. Увидев это, девушка вскочила на ноги.

— Алиса? — Враг вынырнул из белесого марева и остановился рядом с Алисой. Черный король и белая королева. Два проклятья шахматной доски. — Дробь, ты выбралась! — искренне восхитился он. — Вот что значит — лэйтарская порода.

Гнев молнией отозвался в темнеющих глазах девушки. Меня пробрало аж до самых костей, но Тинхе будто и не заметил.

Он шагнул вперед, поднимая мое несопротивляющееся тело.

— Позвольте, леди, — сказал Странник, галантно перекинув меня через плечо. Я видела разные вариации похищения девушек с закидыванием себе на горбушку, и даже лично в одном участвовала, но только у Врага это получилось изящно и почти романтично, будто я добровольно желала свесить ножки у него на шее. Настолько это выглядело правдоподобно, что Алиса — останься в ней хоть искра магии — сожгла бы меня одним единственным взглядом заживо. — Пора домой.

Враг смело вошел в туман.

Оглушительный треск прочертил косую линию над нашими головами. Никто из присутствующих не придал этому значения.

— Что за шутки, — заколотила я по спине Тинхе. — Отпусти меня!

До портала оставалось пятнадцать метров.

Неужели он понял, что собираюсь закрыть дверь в мир Центра?

— Я должен убедиться: леди ты или же нет. Оба варианта открывают весьма радужные перспективы.

— И что хорошего во втором? Мы же выяснили — фиговая из меня камер-лэй.

— Бесспорно, — согласился он. — Но мы также выяснили, что с любой сокрушительной победой лучше всего возвращается с трофеем. Ты будешь пользоваться огромной популярностью.

Я неприязненно скривилась.

— А какая польза от меня, если я, в самом деле, лэйтарка?

Алиса дернула плечом.

Десять метров.

— Потрясающе много перспектив для нашей лаборатории и весьма спорный ряд событий для верхушки Лэйтарии. Леди, что не принадлежит ни одному из домов. Ты надолго отвлечешь общественность от такого неприметного меня, занимающегося своими делами. Тем более, если бог слукавил о твоей избранности… — мужчина резка одернулся, заставляя себя замолкнуть. Алиса кинула мрачный взгляд в его сторону. Похоже, она поняла, что такого важного он умолчал.

Толку от Врага! Не к тому я взываю.

— Алиса! — взмолилась я, неожиданно для себя самой. К черту гордость! — Алиса, пожалуйста, не дай ему меня забрать.

Девушка удивленно вскинула голову, разом теряя все недовольство. На ухоженном личике наливался бурый синяк. На правой скуле краснели три царапины. Губа распухала на глазах. Вокруг шеи краснели отпечатки моих пальцев.

— С какой радости ты взываешь к моей помощи? После всего этого, — она многозначительно указала на свои ссадины. — Дурная. Милость и дальновидность Тинхе подарила тебе жизнь.

Враг усмехнулся:

— Судьба павшего героя ее прельщает больше.

— В каком смысле?

Я заерзала на плече. Мужчина перехватил меня крепче.

Пять метров.

— Она хочет закрыть за нами портал и остаться в Центре.

Алиса споткнулась на ровном месте.

— Совсем больная? Зачем?

— Чтобы не дать мне заглянуть сюда позже и проложить порталы в другие, скрытые от Золотой оси миры. Хочет умереть героем, но, увы, ее подвиг некому будет воспеть. Бедное глупое дитя, — насмешливо запричитал он. — Тяжело тебе придется в Лэйтарии, если вовремя не наберешься ума или, хотя бы, банальной хитрости. Один из домов быстро приберет тебя к рукам.

— Если заберешь с собой, я всю оставшуюся жизнь посвящу тому, чтобы превратить твою жизнь в ад, — пригрозила я, вкладывая в слова все оставшиеся силы.

— Уверен, когда наберешься опыта в подковерных интригах, это станет даже интересным.

Мы остановились.

Голубоватое мерцание портала резало глаза.

Тинхе вытащил меч — тот самый, с которым явился в центр — и передал его Алисе.

— Подержи-ка.

Всего на долю секунды я встретилась взглядом с бывшей Избранной. Девушка не хотела видеть меня среди живых; среди благородных леди в вечерних туалетах и свободой воли. Та же самая ситуация, что и у арки час назад. Те же чувства и эмоции. Только острее, сильнее и яростней. Ей не хватало одного единственного толчка, чтобы сделать шаг в нужном направлении. Шага, который она бы никогда не сделала.

К счастью (к удаче?), я могла предоставить ей последний, маленький тычок в спину.

— Алиса, ты не можешь позволить мне вернуться в Лэйтарию и стать леди, — одна единственная фраза, припорошенная золотом магии и толикой принуждения. — Верь мне.

— 21 —

Должно быть, Тинхе уловил в моем голосе подозрительные нотки. Он почти успел среагировать, но расслабленное состояние в предвкушении победы, сыграло свою роль. Моя тушка на плече тоже мешала маневренности. Алиса действовала наверняка.

Она знала куда целиться. Рукоять меча пришлась Страннику в макушку. То место, что осталось незащищенным, когда я стащила с него капюшон, требуя свободы. Удар вышел гладким. Все как по учебнику.

Мужчина без сознания свалился на землю.

Сработало! Неужели сработало?

Теперь заживем.

Я выползла из-под тяжелого тела мужчины. Радостно взглянула на Алису, и очередной приказ застыл в легких. Девушка ногой лягнула меня в плечо, опрокидывая на землю. Острый конец меча уперся мне в яремную вену. Совсем слегка. Этаким намеком.

— Не думай, что получилось. Крохи магии, что в тебе остались, не способны властвовать над волей человека. Подобным манипуляциям обучаются в Лэйтарии годами. Кем ты себя возомнила? Гением?

— Тогда зачем?..

Меч сдвинулся на одну десятую миллиметра. Я замолчала.

— Твое псевдо внушение станет мне хорошим оправданием, когда Тинхе поинтересуется о причине возникновения шишки у себя на голове. Тс-с-с не перебивай. Ты права, видеть тебя среди леди я не хочу. Ты не заслуживаешь этого. Получить все по мановению волшебной палочки: титул, богатства и мужчину.

— А разве не в этом суть Избранной? — одними губами прошептала я.

Алисе юмор не понравился. Кончик меча ушел в сторону, оставляя на плече тоненький надрез. Я ойкнула и захлопнула рот.

— Отвечай, когда я прикажу. Ты думаешь, бог сказал правду, что ты не Избранная Лэйтарии?

Мы на краю конца света, а Алисе вздумалось вести абстрактные разговоры. Хотела бы я это прокомментировать, но лезвие у глотки — факт, который тяжело игнорировать.

— Тебе повторить вопрос? — кончик меча замельтешил у правого глаза.

Я перевела дыхание.

— Какая теперь разница? Нет, стой. Я спрашиваю серьезно. На кой оно тебе?

— Если Лэйтария твой мир, значит Тинхе может быть твоей судьбой. Предназначенной свыше Великой любовью.

«Был еще Аматри, — мысленно добавила я. — И какой-то мужик».

— Ну да, — меня понесло на сарказм, — у нас же с Тинхе было столько тонких, пикантно-романтических моментов на грани пылких чувств и поглощающей страсти. Наши задушевные разговоры, мимолетные встречи в садах Лэйтарии, чувственные прикосновения. Он даже вручил мне обручальное родовое кольцо, у которого на ободке, выгравировано на древнелэйтарском обещание в вечной любви и верности. — Я вытянула вперед руку, демонстрируя обнаженные пальцы. Алиса впилась в них глазами, шокировав меня повторно. Да что с ней? Она же крутая Избранная, с хорошо поставленным ударом слева.

Меня озарило.

— Он тебе нравится?

Девушка поджала губы, но ничего не ответила.

— В самом деле? Ты же не серьезно. Он пытал тебя! Разрушил жизнь, изничтожил морально, а после, легко избавился, отправив в провинциальный мир. Вернул обратно, лишь когда у него появились проблемы. Алиса, ну ты же умной девушкой была!

— Тебе легко говорить, не имея опыта в подобных делах. У нас с ним особый случай.

— Если бы мой кот разбил мою машину, сжег дом, а после насмехался над моими жизненными ценностями, уверяю тебя, у нас бы с ним случился серьезный разговор, — попыталась я доходчиво донести свою мысль. Но, каким-то образом, мои сомнения в ее выборе предмета воздыхания, оказались более неприемлемыми, чем резкая критика относительно предательства Центра.

— Если ты не любила, тебе не понять, — холодно ответила она, руша крохотный мостик едва возникшего понимания.

Вот как она так сразу определила отсутствие опыта?

Пластиковая трава противно заскользила по лицу. Алиса качнула мечем над моей шеей, заставляя меня вжаться в землю.

— Если убьешь меня — он поймет.

Девушка повертела рукоятью, рассматривая выгравированные на ней символы.

— Была-не-была, — хмыкнула она.

Меч взлетел в воздух и обрушился вниз. Утробный крик вырвался из горла, когда холодная сталь вонзилась в мой бок. Мне показалось, он прошел насквозь, пришпилив к земле, как бабочку. Шок

парализовал в одно мгновение. Я раскрыла рот в очередном крике, да так и замерла. Вздрогнула. Поймала губами воздух и лишь со второй попытки сумела вздохнуть.

Звездочки разрывающей боли потянулись по нервным окончаниям. Я пыталась заставить себя думать. Определить, какой орган повредила Алиса. Вспомнить правила оказания первой помощи, но кроме бранных слов в сторону гнилой натуры Алисы, в голову ничего не шло. Девушка превзошла все мыслимые пределы.

— Это тебя не убьет. Не сразу, — черноволосая патлатая предательница выдернула меч. Я прижала руки, зажимая рану. Не помогло. Кровь просачивалась сквозь пальцы, стекая бурыми каплями на траву.

Алиса вскинула голову, разглядывая серые вихри тумана над головой.

— Фактически, когда я уходила, ты была жива, — задумчиво произнесла она. — Кровь на мече — вынужденная самозащита, чтобы противостоять магии. Вынести из разрушающегося мира я успевала только Тинхе.

Она бросила меч в портал. Ухватила Врага подмышки и потащила. За секунду до того, как ее поглотил голубоватый свет межпространственной энергии, Алиса замерла и очень ласково, с затаенной тоской и сжимающей сердце нежностью, попросила:

— Пожалуйста, Дробь, не выживай.

Перед глазами засверкали искры. Я зажмурилась.

Алиса и Враг ушли.

Я почти заплакала от охватившей меня безысходности, но сил на слезы не осталось. Кровь пульсировала в ране. Боль сжимала нервные окончания, борясь со мной за каждый вдох.

Атмосфера мира рушилась. Воздух становился разряженным. Сознание ускользало в бездну. Единственное, что его удерживало — спазмы боли. Они пульсировали во мне, отбивая азбукой Морзе «SOS».

Я должна закрыть портал.

Сосредоточься, Дробь. Сфокусируйся на главном — на мести! Враг не пройдет. Алиса останется с носом.

Сделай хоть что-то полезное! Хоть раз не накосячь!

Я сжала зубы, перевернулась на здоровый бок, и, продолжая прижимать одной рукой рану, поползла к порталу. Нас разделял один крошечный метр, но я, наверное, раз пять теряла сознание, прежде чем сумела дотронуться до голубоватых всполохов.

Мимолетная паническая мысль, пропитанная жалостью к себе, трусостью и мстительностью, звала войти в портал и закрыть его с той стороны. А потом безжалостно сдать Тинхе стерву в белом платье. Справилась я с этим желанием не сразу. Пришлось напомнить, что переход на ту сторону, вовсе не означает, что мне благородно дадут пару минут для завершения божественной миссии.

Сделать это ради собственного спасения?

Я вновь сомкнула глаза, набираясь сил.

Жить непонятно кем и непонятно где? После всего, что я знаю? Попытаться действовать изнутри? Строить Врагу ловушки вставлять палки в колеса? Нет, Тинхе был прав. Не один десяток лет пройдет, прежде чем я смогу хоть в чем-то его перехитрить. Не мой уровень.

Я останусь здесь. В любимом мире, ставшем для меня всем. Не знаю, предусматривает ли религия Лэйтарии Рай и Ад. Существует ли загробная жизнь, если нет богов? Не знаю. Но очень надеюсь, что Небеса (я определенно должна попасть туда! У меня же красивая героическая смерть!) на которых я окажусь, будут походить на Центр. На бесконечное зеленое поле, безоблачное голубое небо, а вместо ангелов — сто сорок семь звонких, радостных голосов. Яма. Улыбчивый бог. А вместо Клода, красавец-мужчина в рассвете сил.

Сердце предательски защемило.

Ладно-ладно, Клоду тоже можно заходить иногда на огонек.

Я мысленно прикоснулась к Малышу.

«Давай, дорогой, помоги в последний раз».

Малыш встрепенулся. Он не понимал, что происходит. Мои смешенные эмоции накатывали на него метровыми волнами, а я ничего не могла объяснить. Он чувствовал пронзающую боль и растворяющийся в предсмертных судорогах разум, но совершенно ничего не понимал.

«С тобой все будет хорошо, — пообещала я. — Ты просто уснешь. И я усну».

Он не должен знать, что я боюсь. Я должна быть сильной. Он должен быть сильным. До самого конца.

«Закрой портал. Навсегда»

Я прикоснулась к порталу.

Последняя искра магии распахнула солнечные крылья. Выпорхнула из тела, устремляясь к голубоватому свечению. Рябь всколыхнула чужеродную энергию. Затрещали искры. Белые молнии брызнули в стороны. Моя рука задрожала, и я завалилась на спину.

Я больше не могла удерживать внимание на портале. Не могла соприкасаться с ним. Я лишь надеялась, что этого хватило для остановки межпространственного телепорта.

Пальцы рук онемели.

Перед глазами маячила серая дымка, и я почти жалела, что не могу видеть дурацкое голубое небо без солнца. Жизнь утекала сквозь пальцы: растворялась, выпаривалась с белесым маревом, мельтешившим в пространстве.

Боль в боку стихала, но, кажется, это не было хорошим знаком.

Когда мозгу перестало хватать кислорода, он начал визуализировать галлюцинации. Гипоксия мозга — так определял это состояние медицинский справочник. Я помнила это из цветной брошюрки в поликлинике. Чего только не прочтешь, пока ждешь своей очереди? Гипоксия… мозга… Вношу корректировку. Возможно, я это помню из сериала про врачей. А в брошюрке писали о сердечно-сосудистых заболеваниях.

Ох, о чем я только думаю на краю смерти? Чертов кислород! Лезет в голову всякое и мерещится тоже. Мне, например, в густом тумане виделся Лёша. Закатав рукав на правой руке, он постукивал пальцем по циферблату, будто бы сверяя время и окружающий хаос гибнущего мира. Я попыталась улыбнуться. Вот умора, бог в костюме камер-пажа и с электронными часами!

— Сорок две минуты, — сказал фантом в пустоту. — Меня не было всего сорок две минуты, — он помолчал. — Неужели Клод опять учился готовить?

Я фыркнула от смеха. Лёша встрепенулся, реагируя на звук. Мое тело вновь скрутило спазмами, и я застонала. Черт, разве должно быть так больно, когда умираешь? Когда отключат чувствительность, и зажгут фонарь в туннеле?

Бог магии выцепил мою фигуру в сером мареве. Глаза его расширились в изумлении. Он бросился ко мне; густой туман

хлопьями разлетался в стороны. И это последнее, что я видела, растворяясь в таящих мыслях.

Эпилог

Лёша бинтовал мою рану. Я ныла, капризничала и обижалась. Сила Атроса вернулась, но для излечения многих ран требовалось больше времени, чем обычно. Прошла неделя, а бок продолжал кровоточить из-за любого неаккуратного движения. Моему возмущению не было предела. Казалось бы, не так давно я была на грани смерти. Чего мне жаловаться? Причины были.

Меня откачал Лёша. Я даже успела порадоваться. Центр жил и здравствовал. Один в один, как на картинке или в первый день моего с ним знакомства. Никаких трещин в пещере, закатившихся валунов или разодранного в клочья неба.

— Что за дела? — пробурчала я. — Это же не компьютерная игра, да? Я тут не сохранялась.

Лёша зевнул:

— Атрос все объяснит.

— Атрос жив? — Я вскочила с места, выискивая пещеру, и тут же скривилась от боли. — Но как? А Клод?

Лёша махнул рукой. Мол, устал. Давай потом.

«Потом» наступило не сразу.

Атрос умирал. В любом случае. Его силы истощились. Не явись в Центр Враг, Атрос бы зачах через пару месяцев. У него оставалось два варианта: срочно обзавестись верующими лэйтарцами или же переродиться в возрождающем огне первородной магии. Моя выходка обеспечила ему и то и другое. В составе верующих: я (новоявленная лэйтарка и истинно верующая во всемогущество говорящей ямы) и Враг, лицом к лицу (камням) встретившийся с забытым божеством. Алиса справилась со второй частью. Не без моей помощи. Если бы не тот меч, что я вытащила из Клода и случайно забросила в Атроса, сгорели бы мы все дотла.

Правда, ни один из этих вариантов не помог бы Атросу, если бы ни одно «НО!». Маленькая деталь, что делает возможным любое чудо. О ней чуть позже.

Клод пришел в себя сразу после того, как возродился Атрос. Магия вернула железяку в норму. Относительную. Плечо заживало медленно и неохотно.

Лёша не пострадал. И отсутствовал очень даже специально. Самый уязвимый из богов был вынужден дожидаться концовки. Подключиться он мог лишь в самом крайнем случае. Таким случаем чуть не стал момент, когда Алиса украла кокон с магией. Парень едва сдержался.

— Как ты выжил, Атрос? Не мог Враг так лохануться. Он был уверен, что уходит с победой.

— Магия.

— Магия?

— Ко мне вернулась магия.

— Почему? — продолжала я допытывать яму.

— Подумай собственными мозгами, — вмешался Клод.

— Эм…

— Ты — Избранная, — не выдержал Лёша затянувшейся паузы. — Суть Избранной, решать глобальные проблемы самым невероятным способом.

— То есть, все разрешилось как по волшебству?

Лёша ответил без колебаний:

— Ага.

— Мы все живы просто потому что?

— Ну…

— Ну? За блондинку меня держишь? — возмутилась я.

— Эй, я сам блондин!

— За себя меня держишь? — исправилась я. — Черта с два я в это поверю! Вы что-то от меня скрываете!

Клод хмыкнул. Он держался чуть в стороне ото всех.

Я продолжала напирать.

— Хорошо, — вздохнул Атрос. — Я должен был умереть. А ты должна была возродить Центр. И сделать ты это могла только ты. Потому, что ты Избранная.

— Слышала уже. Как это связано с Центром и магией?

— Ты — Избранная, — повторил он.

Я еще раз обдумала его слова. Избранные всегда творят фигню, половину глобальных проблем решая чисто случайно. Но это Избранные с мирами, а я… Стойте! Дошло!

— Я все-таки Избранная Лэйтарии? — воскликнула я, подпрыгивая на месте. — Ты сказал, что нет, для того чтобы обмануть

Врага?

Прилив гордости и самодовольства прокатился по телу.

Я — круче всех Избранных. На моем попечении огромная империя из сотен миров и я ее будущий лидер.

— Нет.

В своих мечтах я уже восседала на трон, держа скипетр. Солярис надевала мне на голову корону, Аматри же подкладывал подушечки мне под спину. Тинхе дозволялось приносить мне пуфик для ног. Потом все трое лэйтарцев отправлялись в тюрьму. Или вообще все лэйтарцы. Черт, а кем я править-то буду? Надо продумать свою политическую программу. Начну с того, что узнаю, что это такое.

— Как нет? — резко вынырнула я из иллюзий. — Это бы все объясняло.

Кристаллы ямы замерцали пульсирующим светом новогодней гирлянды.

— Ты — спасительница Центра. Моя Избранная.

Я с ужасом воззрилась на живую статую, что в сторонке полировала меч краешком плаща.

— Я — Избранная Центра? — мой глаз нервно задергался. — А так было можно?

О, нет. Мужчина всей моей жизни — это Клод? Так и знала. У меня дурной вкус на мужчин. Клод же из металла! Холодный, ледяной, жесткий. Наше будущее хоть физически возможно? Какие у нас будут дети? Где мы будем жить? Я перееду в его комнату? Он в мою? Кто проведет свадьбу? По каким обрядам пройдет церемония? Я все еще христианка? Мама говорила, что меня в детстве крестили. Хочу трехъярусный торт!

— Мои силы были на исходе, — громогласный голос Атроса расходился по пещере. — Я оказался в той уникальной ситуации, когда мог помочь многим, но только не себе. Враг правильно определил мое состояние. Я умирал. Я понял это окончательно, когда во время очередного жребия выпало два номера семьдесят четыре. Когда пришла Алиса. Конечно же, я не знал, что с ней будут проблемы, но посчитал прибытие ста сорока восьми девушек вместо сорока семи дурным знамение. Моя собственная сила сыграла со мной злую шутку, вытащив в Центр потенциальную приспешницу Врага. И все же, я был

умирающим богом, а мой мир нуждался в спасении. А значит, я имел все шансы обзавестись собственной спасительницей.

Я раскрыла рот. В голове творилась какая-то неразбериха.

— Но у всех Избранных есть тренировочный полигон. Они попадают в свои миры подготовленными, — озадачилась я. — У меня что, тоже так было? До Центра был еще один Центр? Как матрица в матрице? — спросила я, предвкушая услышать мистическую тайну своего предназначения. — Нет, постой. Я уже была тут, да? С предыдущим потоком. А потом мне стерли память и…

— Нет, — обрубил Клод, невежливо вмешавшись в беседу. — В тот раз ты была здесь впервые. Дважды я бы все это не пережил.

Я скорчила статуе гримасу.

— Ты действительно оказалась особым случаем, — продолжил Атрос. — Я не знал, что тебя ждет. Поэтому Клод учил тебя всему, чему мог. В остальном я лишь надеялся, что ты сделаешь правильный выбор, и остатки моей магии не подведут хотя бы тебя.

— Так вы все знали? — я обвела взглядом Лёшу, Клода и Атроса. — И не сказали мне? Что за дела, ребята? Я думала мы команда.

— Они не могли тебе этого сказать, пока ты не завершишь миссию. Каждая Избранная должна сама найти свой мир. Вспомни своих коллег. Избранная выискивает мир, что подлежит ее защите, потом тренируется, изучает возможный событийный ряд, отправляется на его спасение и начинает на него влиять. У тебя вышло немного наоборот. Сначала ты попала в мир для спасения, потом начала изменять его, получила дар и лишь в конце узнала, что являешься его Избранной. Удача лучше всего действует тогда, когда ты о ней не знаешь и на нее не рассчитываешь.

Объяснения Атроса меня не сильно порадовали. Половину времени я занималась какой-то ерундой! А могла бы не лезть в портал и тихонечко дожидаться следующего потока. Воздвигла бы над пещерой Атроса свой Парфенон. Или Олимп из золота и белого мрамора. Вон на том склоне разбила бы виноградник.

Все плюшки, что я получала — это синяки от Клода на тренировках!

Я поскребла нашивку со своим именем «Дробь». Простое механическое действие заставило по-другому посмотреть на ситуацию.

Выходит, в первый же день попадания в Центр я изменила реальность. Считала себя отщепенкой — попала в группу отщепенок. Впрочем, мы успели стать, какими-никакими, друзьями. Нашивки со странными прозвищами — тоже часть моей фантазии. Я придумала своим новым знакомым имена, а на следующий день мы все обзавелись подобным произведением искусства. А подземные коридоры, что всегда вели меня в нужном направлении? Я влияла на мир. Почти как Атрос.

Черт, могла бы сама догадаться!

— Когда ты появилась, я не сразу понял, что ты здесь ради спасения Центра. Осознал лишь позже. Я рассказал о своих подозрениях, но, памятуя о погибшем выпуске Алисы, мои друзья скептически отнеслись к этой идее.

Меня осенило еще раз:

— Но Лёша не преминул подкинуть мне кокон с магией Золотой оси, а Клод разыграл спектакль с моим наказанием.

— Это был не спектакль, — отозвалась статуя, откладывая меч в сторону. После очистки оружия металло-бог принялся разминать плечо. Памятуя о своей бурной фантазии, я поспешила уточнить:

— Так, к слову, а что с мужчиной моей мечты? Моей судьбы. Любви до гроба. Единственного и неповторимого, — я вновь прошлась оценивающим взглядом по присутствующим. — Любовь всей жизни — это первое, что обещается при поступлении в ряды Избранных. Где он? Где мой будущий муж? Где полцарства, конь и несметные богатства?

— И полмира в придачу, — подхватил Лёша.

— Короны царской мне не надо, а вот титул было бы неплохо иметь, — пошла я на компромисс. — Но сначала любовь.

Кристаллы Атроса приобрели опасный оттенок бордового.

— Враг говорил с тобой о свободе выбора и свободе воли? О том, что это дар, который каждый лэйтарец имеет с рождения и дорожит им больше, чем жизнью? О том, что любовь по указке или предназначению — худшее, что может с ним случиться? Что свобода важнее, чем счастье по принуждению.

— Допустим, — подозрительно сощурилась я.

— Так вот, Дробь, — вкрадчиво заговорила яма. Лёша сдвинулся ближе к выходу. Клод опустил ладонь на рукоять меча. — Ты — настоящая лэйтарка и можешь не беспокоиться о том, что твоей

свободой распоряжается один древний забытый бог. Магия Золотой оси оградила тебя от такой ноши как предназначенная свыше любовь. Ты вольна сама выбирать себе будущее.

Какого?..

Что за?!

Меня что, кинули?

— Слушайте, — возмутилась я. — Я же не дракона прошу, и не императорский трон.

— Свобода…

— Мне не нужна свобода выбора! — сорвалась я на крик. — У меня все плохо с отношениями. Тут без божественного вмешательства никак. Я знаю. Я проверяла! Ладно, здесь нет подходящих кандидатур. Хорошо. Я принимаю эту ситуацию. Давайте искать решение. Как мне попасть в нужный мир? Дайте мне какую-нибудь магию, что приведет к истинной паре. Такие сюжеты есть, я видела их в розовой книжице! Нужны максимально жесткие условия моего будущего союза. Так чтобы, если мы разойдемся, то оба погибнем. А если полюбим друг друга, то расцветет великая, сильная магия, что спасет мир! Ну, как вам такое? Лёш? Лёш, ты куда? Клод, а ты почему уходишь? Где моя свадьба? Где белое платье и букет из роз? Где банкет на триста персон? Ой, прекратите! Я же ваш мир спасла. И я не гордая. Можно и без свадьбы. Один красивый курортный роман с мексиканскими страстями. Я вся такая в красном, на шпильках и алый бутон лилии в прическе. А он… Атрос, не засыпай. Ты больше не нуждаешься в длительном отдыхе. Атрос?

Вот так меня обломали по всем пунктам. Как при устройстве на работу. Наобещали всякого. Белая зарплата, гибкий график, премии, дружный коллектив… А по факту: ненормированный рабочий график, штрафы, задержка зарплаты и адские условия труда. Казалось бы, три бога на одного человека. На исполнение крохотного желания могли бы и скинуться.

Я бродила по коридору с зеркалами. В той его части, где гладь порталов поблескивала золотом заражения. Лёша проболтался, что Клод перенес сюда зеркало Алисы. Я не считала, что она заслуживает находиться среди павших героинь, но меня не спрашивали.

Я усмехнулась.

Подумать только, Алиса переживала, что я могу стать романтическим интересом Врага. Фигушки. На лэйтарцев такие печеньки не раздают. Точно не Атрос.

Гордость забралась в душу. Все-таки я была достаточно убедительна, чтобы смутить приверженцев свободы. Алиса купилась. Враг под конец допустил сомнения.

Из-под бордового бархата растекался плавный золотистый свет. Я подошла ближе. После того как осколки зеркала Алисы собрались в одно целое, стало возможным снова следить за ее жизнью. Сверкающая гладь отражала тот мир, в который ее отправил Враг, а вовсе не тот, который она должна была когда-то спасти.

Иногда я проверяла, что происходит в свете золотистых трещин. Не ради чего-то конкретного. Но это казалось чем-то нормальным, как заглядывать на страничку новой девушки своего бывшего или бывшей девушки своего нового парня.

Сегодня я увидела в нем Врага.

Счастливым он не выглядел.

Алиса о чем-то непрерывно болтала, жадно борясь за внимание мужчины. Тот как будто ее не слушал. Подперев кулаком подбородок, Тинхе крутил в руках какую-то железячку. Шпильку, как я разглядела чуть позже.

Внезапно он отклонился назад на спинку кресла. Алиса встрепенулась, радуясь внезапному интересу.

— В твоем мире есть понятие любви? — спросил Враг. — Нет, не в этом. В том, где ты жила. На Земле.

— Конечно, — осторожно ответила девушка. — Почему спрашиваешь?

— В Лэйтарии его не было. Представляешь? До появления первого присоединенного мира у нас не существовало слова «любовь».

Девушка вздрогнула. Глаза полные опасений уставились на собеседника.

— В первый раз мы не придали этому значения, — он перекинул шпильку из одной руки в другую. — Но чем больше миров входило в Золотую ось, тем больше мы убеждались, что это слово имеет широкое распространение. Мы стали выяснять его значение. Лучшие умы бились над этим вопросом десятки лет. Они пытались выяснить,

существует ли в нашем языке аналог этого слова. Существует ли это чувство. И знаешь, что?

Алиса покачала головой.

— Нет. В нашем языке такого слова не было. Но оно нам понравилось, — мужчина провел острием шпильки по коже черной перчатки. — Мы стали его использовать. Вполне типично для нашего рода. И все же, испытывать его мы не могли. Но научились очень хорошо имитировать.

— Не могли, — повторила девушка. И голос ее дрожал. — В прошедшем времени?

Тинхе задумчиво постучал шпилькой по подлокотнику.

— В прошедшем, — согласился он. — Вполне возможно. Полагаю, Дробь была первой лэйтаркой, которая по-настоящему могла испытать это чувство. — Алиса резко поднялась с дивана и направилась к буфету. Враг встал следом. Ловко засуну шпильку в карман, задумчиво добавил: — А в Лэйтарии появился бы первый лэйтарец, которого действительно любили.

Я насупилась. Ага, трижды бы любили. Обломали меня с прекрасным светлым чувством!

— Что за абсурдные разговоры? — резко отозвалась Алиса, продолжая стоять к мужчине спиной. — У истории нет сослагательного наклонения. Лорды думают о настоящем. Странники — о будущем. О прошлом размышляют лишь лэй.

— И то верно.

Враг повернулся, и я смогла разглядеть его лицо. Абсолютно пустое. Без единой эмоции. Где все растерял-то?

Глаза-антрациты сузились.

Я отдернула руку от зеркала, прерывая связь.

Никаких посторонних контактов! Лучше бы Врагу не знать, что Центр жив, здравствует и готовится к пополнению.

Не успела я пройти и шагу, как загорелась новой безумной мыслью.

Нужное зеркало отыскалось не сразу. Мир Центра реагировал на мои желания не всегда. Или же я сама не всегда понимала, чего хочу. Я спрашивала Атроса, что же дальше? Что делать Избранной, после того, как она исполнит свою миссию? Он опять заговорил на лэйтарский манер. Мол, я свободна в своем выборе. Могу заняться саморазвитием

и поискать себя. Спасибо, нашла. В отражении каждого черного зеркала с золотыми молниями.

Конечно, домой на Землю меня никто не стремился отправлять. Даже с вернувшейся силой Атроса, провернуть он это дело не мог. Хотя отметил, что на просторах миров водятся разные интересные артефакты.

Бархатная шторка распахнулась.

Привет, пятая!

Я мазнула пальцем по зеркальной поверхности. Та выглядела странно. Блестела золотом, как и другие зараженные миры, но чернота смотрелась иначе. Она не расползалась полностью по зеркалу. Подобно островкам в море она кучковалась чернильными пятнами.

Устав гонять ее по магической плоскости, я занялась делом.

Прошло несколько мгновений, прежде чем зеркало пошло привычной рябью, открывающей вид мира. Пятнистая чернота сменилась цветным фоном. Изображение стало четче.

В прямоугольном зеркале появился чердак. Стены и потолок, обитые изгнившим деревом. Было слышно, как сквозь оконные щели задувает сквозняк. Прикрывая одной рукой тлеющую лучину, кудрявая шатенка плела Ловца снов. Рядом, за тяжелым дубовым столом, сидела камер-лэй из Цветочной Цитадели — я-то гадала, куда она делась! Камер-лэй качала ногой в такт насвистываемой мелодии, внимательно изучая толстый талмуд с живописными картинками.

Умница, камер-лэй, скользнула в портал, пока мы с Врагом отвлекали стражу. И ведь сыграла по-честному. Отправилась к Избранной, чтобы предупредить об опасном вторжении.

Я ненадолго залюбовалась увиденным. Маленькая идиллия двух попаданок дарила надежду, что все у этих двоих будет хорошо. И если пятая не получит весь груз обещанной награды, то по крайней мере проживет неплохую жизнь. Лучше той, что ждала ее на пути в провинции Лэйтарии.

Я задернула шторы.

Вот что значат черные пятна? Бывшая рабыня каким-то образом смогла повлиять на мир? Или это реакция на мое появление в том мире?

Я пошла дальше.

Черт, может и остальных проверить? Враг заразил миры. Но в тот день, когда я посетила Лэйтарию, аукцион Избранных еще не начался. Эмиссары не разобрали своих будущих жертв и не уничтожили их суть.

Я поспешила к ближайшему зеркалу.

Мир Блонди.

Не церемонясь, я отдернула бархат, едва не срывая ткань с гардины.

Любопытство грызло изнутри.

Золотая рябь побежала по зеркалу, открывая вид на торжественный зал дворца. Резные колонны подпирал расписной потолок. Со стен свисали праздничные ленты и флаги союзных королевств. Я помнила этот момент. Иногда я следила за тем, как девочки работают со своими мирами и решают будущие проблемы. Мир Блонди отличался особой роскошью и духом девятнадцатого века, с благородными джентльменами, романтизмом и особым кодексом чести.

На возвышении стоял монах в черных одеяниях и рассказывал о награде.

— Та, что с честью и достоинством истинной носительницы Лль'йор пройдет все испытания, займет почетное место по левую руку от наследного принца великой страны Ноавир, в качестве его супруги. Остальные же кандидатки, не столь удачливые в своем умении проявлять силу Лль'йор, будут удостоены королевской награды в размере двухсот полновесных золотых. А также им будет позволено прикоснуться к великому артефакту, сохранившему на себе дыхание прекраснейшей из богинь Светлой половины Яассы, что укажет девам Лль'йор на их истинную любовь.

На этом моменте я всегда задавалась вопросом: зачем дюжине девиц вкладывать все силы на борьбу за принца, если проигрыш обещает истинную любовь и деньги? Судя по тому, что я знала от Блонди, борьба за место невесты шла нешуточная.

Монах продолжал:

— Первое испытание вы прошли, когда миновали врата Завесы.

Блонди стояла среди дюжины разносортных девиц и умудрялась выделяться. Ее подбородок был вздернут высоко вверх, руки скрещены на груди. Каждый изгиб тела, взмах ресниц, ритм дыхания,

выражал ее недовольство происходящим. Другие кандидатки, теснившие ее назад, могли похвастаться роскошными нарядами, дорогими украшениями, безупречными манерами и родовитым происхождением. Судя по изящным диадемам и тонким ободкам, многие из них имели громкие титулы и благородную кровь. Но ни одна из присутствующих девушек и близко не дотягивала до Блонди, преисполненной величественной гордости, в своем розовом спортивном костюме, кроссовках и повязкой со стразами.

Бубнеж монаха подходил к концу:

— Кандидатки могут отправляться по своим комнатам. Испытания продолжатся завтра.

Девушки заметно расслабились.

— Одну минутку, — из ложи титулованных заморских гостей показался человек. Возмутитель спокойствия прятался за маской. Его костюм состоял из белых просторных одеяний, что могли бы показаться простыми, если бы не россыпь мелких брильянтов на груди и манжетах.

Я напрягала память, но вспомнить этого типа не смогла.

— Процедура выбора невесты предписывает демонстрацию сил сразу после первого испытания. Будущая претендентка должна суметь призвать Защитника Рода. Неужели вы собрались проигнорировать этот момент и саботировать чистоту эксперимента?

— Вы правы, — занервничал монах, — Но архимаг, что проводит это испытание, в связи с непреодолимыми обстоятельствами был вынужден отложить сие мероприятия до завтрашнего утра. Это едва ли на сотую долю процента исказит процесс выбора невесты. В любом случае, другого мага, способного провести испытания подобного уровня, у нас нет.

Эти самые непреодолимые обстоятельства накануне устроила Блонди, чтобы отсрочить испытание, что ей не по силам. Ночью она планировала побег, в процессе которого судьба сведет ее с мелким водяным из царского пруда, что позже (после того, как беглянку вернут во дворец) пожалеет иномирку и выступит в качестве Защитника.

Но это завтра. Сегодня у Блонди нет ничего.

— Если святость традиций больше ничего не значит для принца королевства Ноавир, то пожалейте время высокопоставленных

гостей, — не унимался иноземец. — Мы собрались ради церемонии Крови, проявления силы Лль’йор.

Его поддержал нестройный хор голосов.

Монах склонился в глубоком поклоне:

— Великий Эйд, вы проделали несомненно долгий путь, но я…

Мужчина перешагнул через низкий заборчик ложи и направился прямиком к монаху. Возложил ладонь на белую сферу в центре постамента. Та залилась ярко-синим светом. Из зала послышались восхищенные вздохи. Монаха выпучил глаза.

— Такого уровня силы достаточно, чтобы вы позволили мне провести испытания? Насколько я помню, священный трактат Яассы позволяет мне действовать таким образом.

Блонди стояла затаив дыхание. Но нужно отдать должное ее выдержке. Она и глазом не моргнула, когда монах согласился с предложением безликого.

— Внесите все необходимые атрибуты, — распорядился монах. — Церемония пройдет прямо сейчас.

Я не знала, что будет с Блонди, когда она не сможет призвать Защитника Рода. Вряд ли ее просто выгонят из дворца. В противном случае она бы не планировала побег.

Что же она будет делать?

Как жаль, у нее нет в подручных камер-лэй! Та непременно бы нашла способ избежать ловушки. Черт, была бы я сейчас там!

А почему бы и нет?

Стой. Подумай. Не горячись.

Если обычная камер-лэй смогла замедлить распространение скверны, неужели я, профессиональная Избранная ничего не смогу поделать?

— Клод! — позвала я, прижимая одну руку к значку у себя на платье, а вторую к поверхности зеркала. — Клод, я нашла себе призвание. Я отправляюсь строить свою личную жизнь.

— С кем ты там собралась ее строить? — отозвался ворчливый голос железяки. — Лёша здесь. Атрос готовит новый жребий.

— С артефактом Светлой богини, Клод. С тем самым, что соединяет души двух предназначенных друг другу людей! — вдохновенно пролепетала я, взывая к силе Атроса. — Ну и проведаю кое-кого.

— Дробь, я не думаю, что там идет речь о…

— Ничё не слышу! Передавай привет Лёше и поцелуй от меня Атроса! — Знакомое чувство охватило межмирной меня с ног до головы. — Передай им, что отныне я — Избранная для Избранных!

Мембрана портала потянула меня в зеркало.

«Готовься, Малыш. Мы отправляемся в длительное путешествие по спасению тех Избранных, что попали в беду».

Эта мысль грела мне душу.

Впервые за долгое время я чувствовала себя на своем месте. Что делаю что-то правильное. Нужное.

Впервые за всю жизнь.